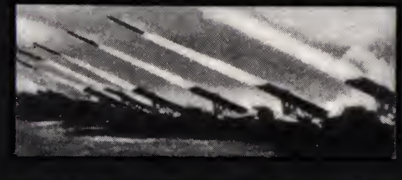
ГОВОРЯТ ПОГИБШИЕ ГЕРОИ

1941



1942



1943



1944



1945



Товарищ
погибаго д
не знаем
В. Пра
секретари не
и помощ

ы

а родину

жизни

щая дорога я

ты і

Что гибель нам? Мы даже смерти выше.
В могилах мы построились в отряд
И ждем приказа нового. И пусть
Не думают, что мертвые не слышат,
Когда о них потомки говорят.

НИКОЛАЙ МАЙОРОВ,
погиб в бою с фашистами
на Смоленщине

1941-1945

ГОВОРЯТ

ПОГИБШИЕ ГЕРОИ

Предсмертные
письма советских
борцов против
немецко-фашистских
захватчиков
(1941—1945 гг.)

*Восьмое,
дополненное
издание*

Москва
Издательство
политической
литературы
1986

63.3(2)722
Г57

Составители
В. А. Кондратьев, З. Н. Политов

БЕССМЕРТИЕ

Трудно рассказывать об этой книге.

Трудно потому, что она потрясает до глубины души, и руки тянутся сразу ко всем ее страницам, и страницы кажутся не просто квадратами бумаги с оттиснутыми типографскими знаками, а теми вырванными из школьных тетрадей листками, теми страничками из комсомольских билетов, теми досками лагерных нар и даже шероховатыми кирпичами, на которых герои оставляли свои последние слова, обращенные к тем, кто останется жить.

В этой книге все значительно. Здесь великое равенство мысли и дела, равенство идеала и мужественного подвига, подвига очень личного, в каждом случае индивидуального. Эту книгу невозможно читать как повесть о чужих судьбах. Десятки раз мысленно пробегаешь и собственную жизнь, чтобы еще и еще раз проверить, что же в ней было достойного, заслуживающего человеческого уважения, что было отдано людям, отдано самоотверженно, без тайного расчета на воздаяние и славу. Вероятно, так и должна действовать на читателей книга, рожденная не прихотью и даже не литературным талантом, а высшим мужеством и ценою собственной жизни.

Листаешь страницы этой удивительной книги, и перед глазами проходят письма, дневники, обращения, записки. Одни из них написаны перед смертью людьми, попавшими в фашистские застенки, другие — солдатами в огне сражений, третьи — партизанами во вражеском тылу. Бесценные документы, собранные в книге, являют собой как бы завещание погибших героев. Его не прочтешь равнодушно.

На западной границе возле украинского села Парипсы пали смертью храбрых 136 пограничников. Полтора часа они сдерживали натиск 16 гитлеровских танков. Один из героев, младший лейтенант Н. Д. Синокоп, написал на клочке бумаги: «Погибну за Родину, но живым врагу не сдамся». Вот краткая запись защитников Брестской крепости: «Нас было пятеро: Седов, Грутов И., Боголюб, Михайлов, Селиванов В. Мы приняли первый бой 22.VI. 1941 — 3.15 ч. Умрем, но не уйдем!» И далее: «Умрем, но из крепости не уйдем», «Я умираю, но не сдаюсь! Прощай, Родина. 20/VII—41 г.».

Страница за страницей, полные отваги и беспредельного героизма. «Не надо слез,— пишет в своем письме незадолго до казни молодой коммунист, активный участник белорусского подполья Иван Козлов.— Не надо отчаяния. Наша кровь не прольется даром.

Крепитесь, крепитесь, не бойтесь и не отчаивайтесь. Эх! Жить чертовски хочется! Мстить этим варварам — вот что нужно делать».

В книге собраны документы многих героев Великой Отечественной войны. Среди них — разведчик Николай Кузнецов, генерал-майор Иван Панфилов, комсомолка-подпольщица города Полтавы Е. К. Убийвовк, белорусская партизанка В. З. Хоружая, члены известной подпольной комсомольской организации в Краснодоне «Молодая гвардия» и многие другие.

К чести нашей литературы, надо сказать, что многих героев мы давно знали по талантливым и зрелым книгам. По свежему следу шли Александр Фадеев и Александр Бек. Еще в годы войны написала поэму о Зое Космодемьянской Маргарита Алигер. Мы прочли уже не одну яркую книгу, написанную бывшими узниками гитлеровских концлагерей. Можно не сомневаться, что впереди нас еще ждут новые весомые книги о подвигах советских людей в годы Великой Отечественной войны.

Но — пусть не посетуют на меня товарищи писатели — есть род литературы, который потрясает непосредственнее и даже сильнее повествовательных или поэтических версий. Это — литература документов. Это — обжигающие, набатные свидетельства самой жизни. Это — следы крови на камнях, живое, опаляющее дыхание жизни.

Мне думается, эта мысль справедлива не вообще, не применительно ко всей жизни, ко всем ее проявлениям. Образная сила «Фауста» и поэтическая фигура Фауста выше отдельного существования или примера жизни одного человека, который мог бы послужить отдаленным прототипом поэтического образа. И короли Шекспира, вероятно, умнее живых исторических королей. Если бы мы не верили в это, мы бы не писали книг, не тратили бы дни и месяцы на поиски единственных слов.

И все же есть живые, подлинные слова, звучащие с такой силой, что их, можно сказать, используя известный гоголевский оборот, не пересилит никакая сила. Это слова, сказанные перед казнью, это завещания погибших героев живым. Слова, протянувшиеся из прошлого в будущее и нерасторжимо спаявшие прошлое и будущее. Это голоса, которым никогда не умолкнуть, как бы далеко ни отодвинулось время. Это великое свидетельство разумности жизни и борьбы, неиссякаемый источник мужества и веры в будущее. И убедительным подтверждением этого служит книга «Говорят погибшие герои».

Перед нами письма Героя Советского Союза Веры Хоружей из витебского подполья, письма исключительной ценности и интереса (как, впрочем, и все в прекрасной жизни этой женщины). Таких материалов в сборнике сравнительно немного, но они крайне необходимы, на мой взгляд. Именно соединение почти бытовых документов фронтовых будней со строками, написанными в момент величайшего душевного напряжения, на пороге смерти, создает удивительно цельный образ, характеры, обретающие духовную мощь не вдруг, не по чудесному наитию, а в силу идейной убежденности, преданности народу, в силу своей огромной нравственной высоты.

Есть книги, из которых даже рьяному педанту трудно делать выписки. В них каждая фраза — самой высокой духовной пробы. Каждая строка — оружие. И рука, нацелившаяся выписать цитату, рискует переписать всю книгу.

Уже не раз из глубины веков доносились до нас голоса героев прошлого — со времени восстания Спартака (и много раньше) и до эпохи народовольцев, до Александра Ульянова. Нам дороги их голоса, мы чтим имена этих героев. Мы знаем, как велика была их вера в торжество справедливости, в лучшее будущее человечества. И все же это были, как правило, великие и трагические голоса одиночек. Ненавистники тирании, они только после смерти, спустя годы, становились любимцами и кумирами народа.

Историческая борьба ленинской партии коммунистов за победу пролетарской революции явила миру железную когорту новых героев. Они не уступают в мужестве и благородстве никому из героев прошлого, но на их долю не выпала трагедия одиночества, отъединенности от народа. «Бабушкин пал жертвой зверской расправы царского опричника,— писал Ленин в декабре 1910 года, спустя годы узнав о кровавой расправе барона Меллера-Закомельского над Иваном Васильевичем Бабушкиным и его товарищами,— но, умирая, он знал, что дело, которому он отдал всю свою жизнь, не умрет, что его будут делать десятки, сотни тысяч, миллионы других рук, что за это дело будут умирать другие товарищи рабочие, что они будут бороться до тех пор, пока не победят...» Советская власть в высокой степени развила в народе и в каждом из нас ощущение общности, неразделимости человеческих судеб.

Одна из главных отличительных черт книги «Говорят погибшие герои» и, я думаю, своеобразие подвига советских людей (подвига, который, конечно, сродни мужественным подвигам героев-антифашистов других народов) — это неразрывная, нерасторжимая связь героя с народом, с борьбой и будущим народа. На редкость конкретное, почти материальное ощущение этой кровной связи самим героем, идущим на смерть с открытыми глазами. С этим ничего не могут поделать ни сдвоенные ряды колючей проволоки,

ни метровая каменная толща казематов, ни надругательства, ни провокации, ни пытки, ни даже собственная истерзанная, уже умирающая плоть.

Это объясняет необыкновенное величие духа, нравственную красоту, нескрываемое презрение, с которым «жертва» смотрит на своего палача, беспримерное великодушие, с которым идущий на смерть человек думает не о себе, а о близких, жалеет их, а не себя и успокаивает их, остающихся жить!

И книга воспринимается как мощный хор голосов, в котором звучит неотменимый приговор фашизму. Собственно говоря, перед нами история Великой Отечественной войны от июньских дней 1941 года, от Бреста и жарких схваток на границе до последних дней войны.

Да, история войны, этап за этапом и год за годом. Но эта история чудесным образом поместилась не в тяжеленных томах, а в небольшой книге.

Написанная кровью храбрых — история войны. Она обходится без карт и схем, без сводок и больших чисел. И своеобразие ее в том, что проходит она через сердце человека, бойца, узника, героя. Она не знает неудач, отступлений, сдачи территорий и позиций. Она дает как бы конечную, победную формулу всей войны. Она символ и залог будущей победы, которую надо еще добыть ценою жертв и длительной борьбы на огромном театре военных действий, однако победа эта уже прочитывается в сердце героя, в его твердости и непобедимости как личности.

Эта до предела сжатая история войны неопровержимо рассказывает о том, что фашизм, несмотря на все свои временные военные успехи, захват земель, зверства и террор, никогда не одерживал побед ни над идеей революции, ни над личностью советского человека.

Фашизм убивал, фашизм мог завершить процесс растления мещанина, мог купить предателя, но он ни разу не одержал победы над советским человеком, бойцом и революционером. Эта история, написанная в лагерях и казематах, в тюрьмах и чудовищных застенках,— история сплошных поражений фашизма, нескончаемая цепь проигранных им битв. Не потому ли так бесновались палачи; не потому ли «мастера» гитлеровских застенков раньше других, раньше профессиональных солдат и генералов ощутили неизбежность грядущего поражения?!

Эта книга должна по справедливости стать рядом с многотомной, фундаментальной историей Великой Отечественной войны, как волшебный кристалл, освещающий ее страницы дополнительным человеческим светом, или, если угодно, как лупа, сквозь которую грандиозные события войны видны еще отчетливее, в более близком, простом и влекущем свете.

Когда-то Дидро, враг выспренности, в рассуждениях о драматургии отстаивал право человека говорить перед смертью высоко и возвышенно. Эта мысль справедлива и сегодня, спустя века! Предсмертным письмам в высокой степени присущ возвышенный строй мыслей, их гордый, высокий полет. Именно мыслей, а не литературного слога. Напрасно мы искали бы здесь некую специальную литературную возвышенность или неумышленную эстетизацию смерти. Ни тени этого нет в книге, о ком бы ни шла речь — о юноше, которого война подняла со школьной скамьи; о закаленном бойце-коммунисте; о мечтательной девушке, которой вчера еще жизнь казалась безоблачной и доброй. Письма буквально потрясают своей простотой — проще, достовернее не бывает, разве что только молчание может сравниться с этой простотой. Но молчание трудно передать будущему, а письма сохранились, и простота их необыкновенна. В них самыми короткими, самыми прямыми путями выражены любовь и ненависть, вера в будущее и жажда жизни.

Можно с уверенностью сказать, что предсмертные письма, собранные в таком многозвучии, становятся зеркалом жизни поколений, пробным камнем и характеристикой общества, воспитавшего героев. Ибо в них, как ни в чем другом, ярко выражены массовый характер героизма и нравственные начала общества. Это может показаться чудом, но во всех предсмертных письмах — во всех до единого! — нет не только печати обреченности, нет и тени этого почти неизбежного перед лицом близкой смерти душевного состояния.

Как они хотят жить! Как нежно и преданно они любят близких — матерей, отцов, детей, жен! Как зримо встают перед ними картины счастливой довоенной жизни, часы близости, годы доверия, общие мечты! Как отчетливо — хоть и мысленно — видят они будущую жизнь, счастливую будущую жизнь, в которой им не суждено жить! Как тонко, умно ощущают они связь своей единственной жизни и жизни народа, свою ответственность за общую жизнь и свой гражданский долг!

Только постигнув все это, поняв полноту их человеческого существования, можно до конца объяснить себе и другим спокойный тон большинства писем, непостижимую мудрость двадцатилетних, их оптимизм, их горечь и гневную скорбь. Невозможно без волнения читать строки, в которых юноши и девушки, обреченные на смерть, учат выдержке и спокойствию отцов и матерей, стараются облегчить их страдания, приобщить их к высокому миру своих революционных идеалов. Они, совсем юные, пишут о том, что человек смертен и все дело в том, чтобы прожить жизнь достойно, честно, отдать ее всю людям, народу, стране, борьбе за коммунизм. Так в этих предсмертных письмах с неоспоримой точностью и силой выражено единство личности и народа.

Спектакли и фильмы смотрятся сразу сотнями людей, словно бы мы сошлись на вече, где можно смеяться, плакать, аплодировать, но произносить речь дано одному автору и его помощникам — актерам. А книги мы читаем в одиночку, оставаясь какое-то время один на один с жизнью, запечатленной на их страницах. И все же есть такие счастливые книги, которые дарят тебе, от страницы к странице, непрерывную радость общения с людьми, ощущение слитности с жизнью народа, книги, которые разрушают стены, отделяющие тебя от мира. Такова книга «Говорят погибшие герои». Кажется, о многих из них ты уже знаешь почти все, прочел о них документальные повести и исследования: но вот в который раз прочитано короткое предсмертное обращение, всего несколько строк, и уже трудно оторвать глаза и от краткой биографической справки, и от простой, давней, плохо сохранившейся фотографии.

Я не хочу предвосхищать того, какие чувства будет вызывать у каждого читателя эта книга, не хочу цитировать — вырывать строки из этих уникальных и равных по мужеству и величию духа текстов: пусть читатель сам пройдет этой гордой и горькой дорогой. Хочу только коротко сказать еще и о других мыслях и наблюдениях, которые разбудила во мне книга.

На ее страницах складывается не только история, но и география Великой Отечественной войны. Голоса героев звучат на равнинах России, доносятся из окопов Подмосковья, из звенящих стужей блиндажей, из безвестных лесных могил, из Аджимушкайских катакомб в Крыму, из гитлеровских тюрем Белоруссии и Украины, из гестаповских застенков Будапешта и Берлина. В этих голосах живет и будет всегда жить гневный набат антифашизма и как приговор расизму — интернационализм героев. Сыновья и дочери многонационального Советского Союза — русские и украинцы, белорусы и латыши, татары и евреи и многие другие — едины в своей преданности коммунизму, в священной ненависти к врагу.

В этой книге мы не раз сталкиваемся с высокими примерами коллективного подвига или коллективного героизма, о котором писал в 1925 году Луначарский, справедливо утверждая, что этот героизм исходит из коммунистического начала. Мысль Луначарского глубока и плодотворна. Коллективное начало стало естественной основой всей нашей жизни, коллективный героизм — высшей формой героизма вообще и выражением самой сущности нашего общества. Сама пролетарская революция была величайшим в мировой истории проявлением коллективного героизма. Не смена кабинета, не дворцовый переворот, а ломка, взрыв одряхлевшего социального строя, изменение самих условий жизни, уничтожение эксплуатации человека человеком. Такого рода всемирно-историческая ломка, изменение всех условий жизни, могла быть только результатом подвига миллионов. И все дальнейшее строительство

должно было стать делом миллионов, иначе оно превратилось бы в фикцию, в мечту немногих. Коллективизм стал важнейшей чертой нашей жизни, ее сущностью, проявляющейся с разной степенью интенсивности и в военном подвиге, и в научных исследованиях, и в покорении космоса.

Мир подвига неисчерпаем, и все в нем связано крепчайшими нитями: прошлое и настоящее, настоящее и будущее, кровь, пролитая за победу, и горячая, беспокойная, живая кровь подвига мирных дней. Об этом мы тоже должны помнить. Есть волнения и восторг, к которым нельзя привыкнуть, которые не бывают ни серыми, ни будничными. И есть пути, которые не бывают проторенными,— это пути подвига. Это стало особенно очевидным с тех пор, как социалистическое общество прославило мирный гражданский подвиг, подвиг труда. Это поистине целый мир, в котором дан простор всем человеческим достоинствам: чести и честности, силе, мужеству, прекрасному чувству самопожертвования, чувству долга и справедливости.

У подвига есть удивительное, счастливое свойство: он дарит особые часы, мысли и воспоминания человечеству, часы, которые с небывалой силой обнажают братство людей и преступную бессмысленность захватнических войн. Подвиг Юрия Гагарина, духовного брата многих авторов этой книги, подарил нам гордые часы и дни, когда секунды уплотняются до мыслимого предела, и в каждую из этих секунд мы становимся сильнее и со спокойной, доброй мудростью ощущаем свою силу.

Читая книгу «Говорят погибшие герои», нельзя не думать и о сотнях советских людей, которые сберегли для нас, для будущего опубликованные в ней документы. Доброму сердцу, благородной их любви к героям, отдавшим жизнь за коммунизм, их чувству историзма, столь присущему советским людям, мы, читатели, обязаны многим.

Мы еще раз приникли к чистому роднику революционного подвига.

Александр Борщаговский





Погибнет враг,— мы в том клянемся честью!
Мир подвиг наш запомнит на века!
Нам путь победы, славы и возмездья
Предначертала партии рука!

АЛИ ШОГЕНЦУКОВ,
погиб в концлагере
от рук фашистских палачей
в ноябре 1941 года.

НАДПИСИ ЗАЩИТНИКОВ БРЕСТСКОЙ КРЕПОСТИ НА ЕЕ СТЕНАХ

22 июня — 20 июля 1941 г.

Нас было пятеро: Седов, Грутов И., Боголюб, Михайлов, Селиванов В. Мы приняли первый бой 22.VI.1941—3.15 ч. Умрем, но не уйдем!

Умрем, но из крепости не уйдем.

Я умираю, но не сдаюсь! Прощай, Родина.

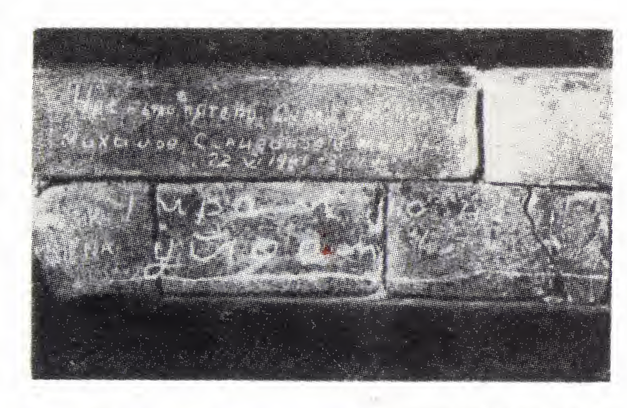
20/VII—41 г.

Оборона Брестской крепости в июне — июле 1941 года — массовый подвиг советских воинов, принявших на себя удары в сотни раз превосходящих сил противника и ценой своей жизни задержавших наступление врага. Против немногочисленного брестского гарнизона гитлеровское командование бросило 45-ю пехотную дивизию, имевшую в своем составе девять легких и три тяжелые артиллерийские батареи и усиленную 27-м артиллерийским полком, девятью мортирами и тяжелыми минометами.

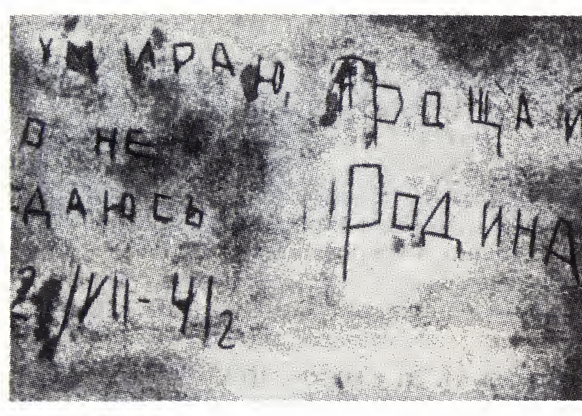
Несмотря на внезапность нападения, гитлеровцам не удалось взять крепость штурмом. Ее командование, учитывая серьезность обстановки, быстро перестроило руководство обороной. На третий день борьбы, 24 июня 1941 года, по гарнизону Брестской крепости был объявлен приказ № 1. В нем говорилось, что в связи с создавшейся в крепости обстановкой, требующей единого руководства и организованных боевых действий в борьбе с противником, командование гарнизона решило объединить оставшиеся силы воинских частей в сводную группу, назначив командиром группы капитана И. Н. Зубачева, заместителем по политической части — полкового комиссара Е. М. Фомина. Защитники крепости отражали атаки гитлеровских войск.

27 июня фашистские танки ворвались в столицу Белоруссии Минск, 16 июля пал Смоленск, а Брестская крепость стояла неприступным бастионом в глубоком тылу фашистских армий, отрезанная от всего мира (рация вышла из строя в первые же дни). Не было воды, кончались запасы еды, но защитники крепости не думали сдаваться.

Когда план захвата крепости с ходу не удался, командование 12-го корпуса сосредоточило на крепости огонь артиллерии соседних 31-й и 34-й дивизий. Авиация фашистов совершала массированные налеты. Но крепость продолжала держаться, сковывая



Надписи на кирпичах Брестской крепости



Надпись, выбитая штыком на стене казармы в северо-западной части Брестской крепости

действия врага. На предложение о капитуляции защитники ее вывесили на одной из стен ответ, написанный кровью на куске полотна: «Все умрем за Родину, но не сдадимся!» Героические защитники Брестской крепости выполнили свой воинский долг. Стойкостью и мужеством советских людей были поражены даже враги, которые перед этим победоносно прошли почти всю Европу. В захваченном советскими войсками архиве штаба 45-й пехотной дивизии противника было обнаружено боевое донесение:

«Ошеломляющее наступление на крепость, в которой сидит отважный защитник, стоит много крови. Эта простая истина еще раз доказана при взятии Брестской крепости. Русские в Брест-Литовске дрались исключительно настойчиво и упорно, они показали превосходную выучку пехоты и доказали замечательную волю к сопротивлению».

Большинство защитников Брестской крепости героически погибло. Погиб основной состав штаба обороны крепости. Е. М. Фомин,

тяжело раненный, был схвачен гитлеровцами и расстрелян. Умер в фашистском плену и капитан И. Н. Зубачев.

Среди небольшой группы уцелевших защитников крепости оказался командир 44-го стрелкового полка П. М. Гаврилов. Он был ранен и попал в руки фашистов.

При раскопках в развалинах крепости были обнаружены останки воинов, знамя, оружие, личные документы. На каменных сводах, стенах, лестницах найдено много надписей, сделанных ее героическими защитниками. Фотоснимки этих надписей стали достоянием музеев. Первая надпись, сделанная острым предметом на красных кирпичах, хранится в Музее пограничных войск (кн. 3, инв. № 56). Текст второй надписи воспроизводится по фотокопии, находящейся в Белорусском государственном музее истории Великой Отечественной войны (инв. № 1408). Третья надпись найдена в одном из помещений казарм в северо-западной части крепости, она хранится в Центральном музее Советской Армии (инв. № 2/4091). Надписи были опубликованы в газетах «Красная звезда» (17 декабря 1952 года), «Правда» (18 декабря 1952 года), в книге С. Смирнова «В поисках героев Брестской крепости» (М., 1959).

В 1965 году в связи с 20-летием Победы над фашистской Германией Брестской крепости Указом Президиума Верховного Совета СССР присвоено высокое звание «Крепость-герой».

ЗАПИСКА
МЛАДШЕГО ЛЕЙТЕНАНТА Н. Д. СИНОКОПА

22 июня 1941 г.

Пом. нач. заставы мл. лейтенант Синокоп Николай Данилович. Сумская область, Роменский район, село Бобрык.

Погибну за Родину, но живым врагу не сдамся.
22.6.41.

Николай Данилович Синокоп родился 5 июля 1918 года в селе Бобрик, Сумской области, в семье крестьянина. В 1938 году был призван в Красную Армию, служил в войсках НКВД. В 1940 году ему присвоено звание младшего лейтенанта, он был назначен помощником начальника погранзаставы на западной границе СССР.

В начале войны первый удар врага приняли на себя пограничники. Гитлеровцы вели наступление при поддержке танков и артиллерии, а пограничники могли сдерживать натиск противника только огнем пулеметов, автоматов и винтовок.

Пом. Нач. Заставы
Мл. Лейтенант
Синокоп Николай
Данилович.
Сумская область
Роменский район
село Бобрык.
Погибну за Родину
но живым врагу не
сдамся.
22.6.41

Записка
Н. Д. Синокопа

В эти первые часы боя комсомолец Синокоп поклялся стоять насмерть, но не пропустить врага. Он вынул свой медальон и записал слова клятвы на том же листочке, на котором были записаны его фамилия и место рождения.

После упорных, беспрерывных боев уцелевшие пограничники вынуждены были отступать на восток.

14 июля 1941 года в 10—11 часов утра колонну пограничников численностью до 200 человек, двигавшуюся из города Сквира в направлении станции Попельня, настигли 16 фашистских танков. При входе в деревню Парипсы (4 километра северо-западнее станции Попельня) пограничники решили принять бой. По сигналу командира бойцы быстро рассредоточились по огородам и заняли оборону. Одна группа во главе с помощником начальника заставы Н. Д. Синокопом залегла на высоте северо-западнее деревни. Без противотанковых средств пограничники полтора часа мужественно сопротивлялись. Но силы были слишком неравны.

После боя жители окрестных деревень возле подбитых, объятых пламенем танков врага подобрали 136 убитых пограничников и похоронили их. Среди документов, найденных у них, была обнаружена записка, которая лежала в медальоне младшего лейтенанта Н. Д. Синокопа. Записка хранится в Центральном музее пограничных войск (п. 87, д. 2).

ЗАПИСКА МОСКВИЧА В. Ф. СМИРНОВА — ЗАЩИТНИКА ЛИТОВСКОГО ГОРОДА СИМНАС

22 июня 1941 г.



В. Ф. Смирнов

Погибаем. Остался я — Смирнов В. и Восковский.

Скажите маме... Сдаваться не будем...

Москвичка Елена Ивановна Смирнова встретила весть о нападении фашистской Германии на нашу страну с болью: ее сын нес службу на западной границе, около небольшого литовского города Симнас. В довоенных письмах сын — младший сержант, военный шофер — рассказывал, что настроение у него бодрое, служба идет хорошо, его окружают верные друзья-комсомольцы, готовые, как и он сам, стойко защищать честь и независимость своей Родины.

И вот наступило утро 22 июня.

Фашисты напали на город Симнас воровски, скрытно. Их встретило упорное сопротивление пограничников и приграничных воинских частей. С помощью танков, артиллерии и авиации гитлеровцы в результате многочасового тяжелого боя, понеся большие потери, прорвались в город. Остатки героически сражавшегося гарнизона вынуждены были отступить. Четырнадцать воинов из 533-го мотострелкового и 292-го артиллерийского полков, в том числе и Володя Смирнов, пробились на выгодную для обороны высоту, но оказались в окружении.

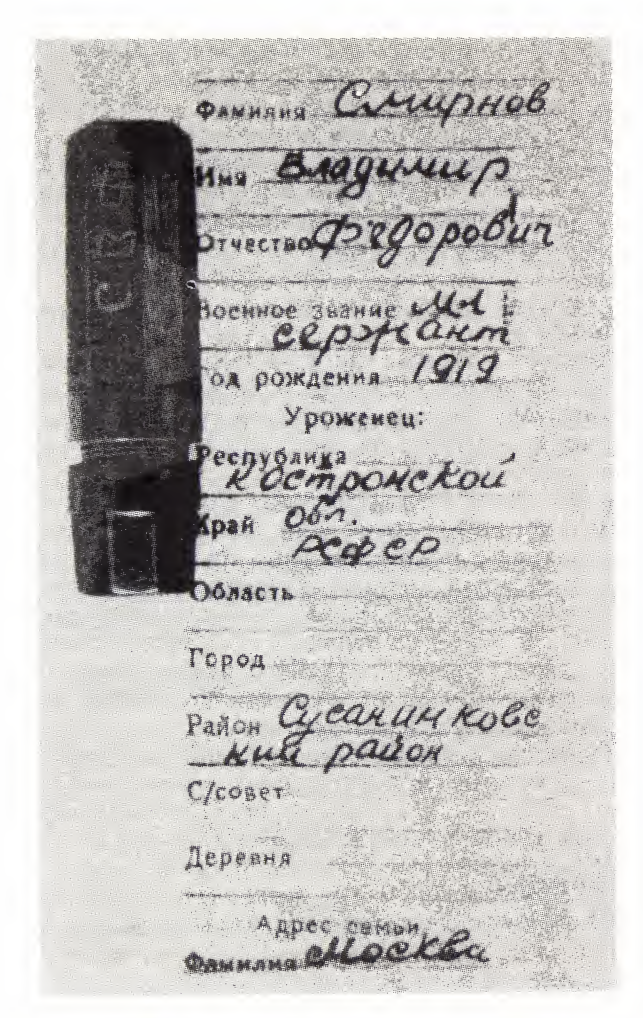
Заняли круговую оборону. Бой был жестоким, никто из четырнадцати не дрогнул, сражался до последнего дыхания...

Как рассказывали потом местные жители, один из защитников высоты все же попал к гитлеровцам живым. Боец с трудом стоял на ногах, по лицу его струилась кровь. Он падал, фашисты ставили его на ноги, пытали, но боец молчал; ничего не добившись, эсэсовцы расстреляли в упор этого мужественного человека.

Елена Ивановна получила официальное извещение, в котором сообщалось, что Володя «пропал без вести».

Прошла война, а Елена Ивановна все ждала чуда. Потом не выдержала и написала пионерам одной из школ Симнаса. Мать обращалась к литовским ребятам с просьбой: «Мой сын, Владимир Федорович Смирнов, комсомолец, служил перед войной в вашем городе. Мне сообщили, что он пропал без вести...»

Подобные письма приходили не только из Москвы. Многие семьи обращались к юным следопытам Симнаса. И вот в одном из



Фамилия Смирнов

Имя Владимир

Отчество Федорович

Воинское звание мл. сержант

Год рождения 1919

Уроженец:

Республика Костромской

Край обл.

РСФСР

Область

Город

Район Сусанинковс-кий район

С/совет

Деревня

Адрес семьи

Фамилия Москва

В этой пластмассовой трубочке хранилась предсмертная записка В. Ф. Смирнова

походов по родному краю пионеры Симнасской школы-интерната услышали воспоминания колхозника А. Яняцка:

— Помню, шли перед последним боем через наш поселок четырнадцать бойцов-храбрецов. Остановились у соседнего двора. Пили воду. У них было два «максима». Когда кончился бой, фашисты согнали всех взрослых жителей и приказали похоронить погибших. Один из них еще был жив. Его добили эсэсовцы. Мы похоронили этого пограничника под деревом у околицы.

Ребята решили раскопать ту могилу. Вместе с истлевшими останками они нашли шоферские эмблемы и пластмассовую тру-

бочку, которая давалась в 1941 году личному составу Красной Армии как опознавательный знак. В ней ребята прочли: «Смирнов Владимир Федорович, мл. сержант, 1919 г. Адрес семьи — Москва». Здесь же лежала полуистлевшая последняя его записка.

В долгожданном ответе из Симнаса Елена Ивановна прочитала: «Мы нашли могилу вашего сына. И перенесли его прах в братскую могилу на кладбище в городе Симнас. На траурном митинге комсомольцы и пионеры поклялись быть такими, как В. Смирнов,— стойкими и храбрыми».

Об этих событиях первого дня войны рассказала 21 декабря 1967 года «Вечерняя Москва».

После выхода четвертого издания книги «Говорят погибшие герои» переписка о В. Ф. Смирнове продолжалась. Многое сумели сделать за это время симнасские пионеры-следопыты под руководством А. П. Анушкевичюса — одного из инициаторов создания школьного историко-военного кружка.

Прислала письмо и 80-летняя Елена Ивановна Смирнова, мать героя-пограничника. Вот что она писала: «До сих пор не могу сдержаться от слез, вспоминая о Володе. Он рано пошел работать, хотел без отрыва от производства получить среднее образование. Но помешала война. Писал, что нес службу на границе с хорошими ребятами-комсомольцами... В одном из первых боев с проклятыми фашистами был тяжело ранен. Враги его пытали, однако Володя, как подлинно советский человек, ничего не сказал. Его убили, но пусть вороги наши знают, как умеют советские солдаты защищать свой кров, свою Родину, не щадя жизни...»

ПОСЛЕДНИЕ ЗАПИСИ В СЛУЖЕБНОМ ДНЕВНИКЕ ПОДВОДНОЙ ЛОДКИ «М-81»

22—24 июня 1941 г.

22 июня 1941 года

День 22 июня был самым страшным в этом году... По сигналу «тревога» вскочили с коек, похватали противогазы и побежали на подводную лодку. Не успели принять боевой торпеды, как над гаванью появились три самолета, очень похожие на наши «СБ». Как одна из батарей открыла огонь по самолетам, мы недоумевали, почему. Потом решили, что это учения и зенитчики бьют с большим углом упреждения... Самолеты летали очень низко и спокойно.

Через час появилось около 20 самолетов над гаванью. Боевая тревога.

Мы были предупреждены, что самолеты немецкие.

Открыли огонь. Один самолет... с большим черным дымом отстал от остальных. Еще через час мы вышли в море.

23 июня 1941 года. Сегодня бомбят Либаву[1] *и порт... моряки с моря. Видны были только разрывы зенитных снарядов. Нас обнаружил немецкий... срочное погружение. Днем в перископ наблюдали пожары на нашем берегу...*

В течение целого дня... от бомбежек... женщин и детей в военном городке Либавы. Все остро переживают. Но не показывают вида.

Остаемся в полной неизвестности относительно международного положения. Только ли с Германией воюем или со всей Европой?

24 июня 1941 года

Вчера, когда всплыли у берега, вспыхнуло огромное пламя. Какой-то корабль, очевидно, подорвался на мине и сгорел. Под водой сидели... часов. С величайшим наслаждением выкурили 2 папиросы. Замечательно! Сегодня ночью лопнула крышка у 7-го цилиндра... двигатель вышел из строя.

Трудно представить, какие для нас будут последствия этого... Батареи разряжены, воздуха почти нет. Хватит радиограмму... принимают их... неприятельские станции. Просили помощи. Сообщили свои координаты. Ждем под перископом, кто явится на зов — свои или враги, а они возле нас фашист...

На этом записи в дневнике обрываются...

Прошло около четверти века, прежде чем эти волнующие строки стали известны потомкам тех, кто погиб в первые дни Великой Отечественной войны, защищая берега Советской Прибалтики от фашистских захватчиков.

...Советская подводная лодка «М-81», или, как из-за небольших размеров ее называли на флоте, «малютка», входила в состав 24-го дивизиона подводных лодок, база которого находилась в Клайпеде. В первые часы войны по приказу командования лодка, возглавляемая капитаном-лейтенантом Ф. А. Зубковым, вышла в море и заняла боевую позицию. Приняла участие в отражении налетов вражеской авиации, подбив самолет противника. Утром следующего дня бой продолжался. У лодки от бомбежки вышел из строя двигатель. Его починкой занялись старший инженер-лейтенант Б. В. Ракитин, боцман А. И. Ильин и старшина группы мотористов П. С. Семин.

Затем поступил приказ следовать в Ригу. В небе кружили самолеты с фашистской свастикой, на берегу пылали пожары. Но защитники Прибалтики держались стойко. Вся команда, а в ней было 16 человек, рвалась в бой. Из Риги подлодку направили в район Таллина, где шли ожесточенные бои: «малютке» поручили вести

---

[1] Ныне Лиепая.



Командир «М-81» Ф. А. Зубков среди краснофлотцев

надводное патрулирование. И вдруг мощный взрыв в 4 часа дня у острова Вормси. То был удар торпеды, пущенной с фашистской подлодки. «Малютка» развалилась надвое и пошла ко дну.

Советские корабли, поспешившие к месту ее гибели, подобрали лишь четырех человек: мертвого Ф. А. Зубкова, тяжелораненого Б. В. Ракитина, контуженного П. С. Семина и чудом выплывшего из четвертого отсека старшего краснофлотца В. С. Преображенского. Остальные члены экипажа — боцман А. И. Ильин, старшина 2-й статьи секретарь комсомольской организации лодки П. И. Волков, командир отделения рулевых А. Л. Симонов, старшина-торпедист Е. С. Крикливский, штурман-лейтенант Г. И. Ильин, моторист Б. С. Геворкьянц, старший гидроакустик М. Е. Федулов, старшины 2-й статьи Н. В. Белов, К. А. Румянцев и А. М. Федосов, ученик моториста В. Т. Воробьев и ученик рулевого Е. П. Долгов — погибли. Вражескую подводную лодку запеленговали на посыльном судне «Артиллерист», а морские охотники глубинными бомбами завершили дело...

И вот минуло более двух десятилетий... «М-81» подняли со дна моря. Тогда-то и была найдена командирская служебная книжка. Время и морская вода изрядно попортили ее. Записи, сделанные чернилами, не поддавались прочтению. И только благодаря современной науке и искусству сотрудников научно-технического отдела управления Министерства внутренних дел Эстонской ССР возвращена жизнь ценным документам. Правда, отдельные слова в тексте восстановить не удалось. Они отмечены точками.

Расшифрованный дневник опубликован в материале журналиста Алексея Голикова «Говорит погибшая лодка» («Огонек», 1965, № 26, с. 27).

ЗАПИСИ П. АБРАМОВА И ПИСЬМО А. ГОЛИКОВА — ДВУХ ТАНКИСТОВ

22—28 июня 1941 г.

ЗАПИСИ П. АБРАМОВА



П. Абрамов

Воскресенье — 22 июня. Объявление войны. Сообщил Шумов. Боевая тревога. Ночной марш. Меня назначили водителем машины 736.

Понедельник — 23 июня. Лопнул маслопровод. Назначен старшим по колонне.

Вторник — 24 июня. Марш в пыли...

ПИСЬМО А. ГОЛИКОВА ЖЕНЕ



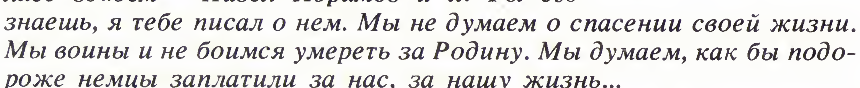
А. Голиков

28 июня 1941 г.

Милая Тонечка!

Я не знаю, прочитаешь ты когда-нибудь эти строки? Но я твердо знаю, что это последнее мое письмо. Сейчас идет бой жаркий, смертельный. Наш танк подбит. Кругом нас фашисты. Весь день отбиваем атаку. Улица Островского усеяна трупами в зеленых мундирах, они похожи на больших недвижимых ящериц.

Сегодня шестой день войны. Мы остались вдвоем — Павел Абрамов и я. Ты его знаешь, я тебе писал о нем. Мы не думаем о спасении своей жизни. Мы воины и не боимся умереть за Родину. Мы думаем, как бы подороже немцы заплатили за нас, за нашу жизнь...



Я сижу в изрешеченном и изуродованном танке. Жара невыносимая, хочется пить. Воды нет ни капельки. Твой портрет лежит у меня на коленях. Я смотрю на него, на твои голубые глаза, и мне становится легче — ты со мной. Мне хочется с тобой говорить, много-много, откровенно, как раньше, там, в Иваново...

22 июня, когда объявили войну, я подумал о тебе, думал, когда теперь вернусь, когда увижу тебя и прижму твою милую головку к своей груди? А может, никогда. Ведь война...

Когда наш танк впервые встретился с врагом, я бил по нему из орудия, косил пулеметным огнем, чтобы больше уничтожить фа-

шистов и приблизить конец войны, чтобы скорее увидеть тебя, мою дорогую. Но мои мечты не сбылись...

Танк содрогается от вражеских ударов, но мы пока живы. Снарядов нет, патроны на исходе. Павел бьет по врагу прицельным огнем, а я «отдыхаю», с тобой разговариваю. Знаю, что это в последний раз. И мне хочется говорить долго, долго, но некогда. Ты помнишь, как мы прощались, когда меня провожала на вокзал? Ты тогда сомневалась в моих словах, что я вечно буду любить тебя. Предложила расписаться, чтобы я всю жизнь принадлежал тебе одной. Я охотно выполнил твою просьбу. У тебя на паспорте, а у меня на квитанции стоит штамп, что мы муж и жена. Это хорошо. Хорошо умирать, когда знаешь, что там, далеко, есть близкий тебе человек, он помнит обо мне, думает, любит. «Хорошо любимым быть...»

Сквозь пробоины танка я вижу улицу, зеленые деревья, цветы в саду яркие-яркие.

У вас, оставшихся в живых, после войны жизнь будет такая же яркая, красочная, как эти цветы, и счастливая... За нее умереть не страшно... Ты не плачь. На могилу мою ты, наверное, не придешь, да и будет ли она — могила-то?

Первую запись о войне Павел Абрамов сделал в танковой части, где проходил военную службу. И вот — быстрый марш на запад, навстречу врагу, на помощь героям-пограничникам. Экипаж танка № 736 получил приказ следовать по направлению к Ровно. Вел машину Павел Абрамов. Рядом — Александр Голиков.

Первая встреча с фашистами произошла на третьи сутки. С боем танк прорвался вперед. Еще несколько стычек по дороге — и бронированная машина на улицах Ровно.

Обстановка накалялась с каждым часом. Утром 28 июня разгорелся бой у переправы через реку Устье. Пьяные гитлеровцы шли в атаку во весь рост на защитников переправы, не считаясь с потерями. Абрамов, умело маневрируя, в упор расстреливал вражескую пехоту и огневые точки противника. Встретив сопротивление, фашистские войска обошли переправу и ворвались в город с юга и востока.

Оказавшись в окружении, танк помчался к центру города, туда, где находились основные массы врага. С ходу он врезался в гущу вражеской колонны, давя гусеницами разбегавшихся солдат. Бегущих догоняли меткие пулеметные очереди...

Весь день носился советский танк по городу, наводя панику на гитлеровцев. Но в конце улицы Островского один из снарядов попал в гусеницу, и машина замерла.

Обрадованные фашисты стянули к подбитому танку пушки и крупнокалиберные пулеметы. Так начался неравный поединок...

Павлу Абрамову было 26, а Александру Голикову — 24 года. Первый родился в деревне Давыдково, Горьковской области, второй — в деревушке под Ленинградом. После школы Павел приехал в Москву, работал на заводе «Борец», а по окончании автодорожного института — в 3-м автобусном парке столицы. Александр окончил ФЗУ в Ленинграде, стал токарем. В Красную Армию оба были призваны в октябре 1940 года. Там встретились и сдружились. А вот сейчас, когда вокруг грохочут взрывы, побратались в бою и решили отстреливаться до последнего патрона.

Очевидцы, наблюдавшие за поединком, рассказывали потом:

— Со всех сторон по танку били пушки и пулеметы. Когда от вражеской пули погиб один из танкистов, другой продолжал неравный бой. Вышли снаряды и патроны. Оставшийся в живых поджег танк и тоже погиб.

Их похоронили местные жители.

Теперь на могиле героев установлен обелиск. Указаны на нем и имена героев.

Посмертно Павел Абрамов и Александр Голиков были награждены орденом Отечественной войны II степени.

Именем П. А. Абрамова названа одна из школ столицы и пионерский отряд. Его имя носит также комсомольская бригада в автобусном парке, где до войны работал Павел Абрамов.

Письмо А. Голикова опубликовал 9 января 1964 года в «Красной звезде» подполковник в отставке Т. М. Васин, многое сделавший для розыска материалов об этих героях-танкистах.

ЗАПИСКА ЛЕТЧИКА-ИСПЫТАТЕЛЯ, КОМАНДИРА АВИАЦИОННОГО ПОЛКА ИСТРЕБИТЕЛЕЙ С. П. СУПРУНА

30 июня 1941 г. Чкаловская



С. П. Супрун

Дорогим родным.

Сегодня улетаю на фронт защищать свою Родину, свой народ. Подобрал себе замечательных летчиков-орлов. Приложу все свои силы, чтобы доказать фашистской сволочи, на что способны советские летчики.

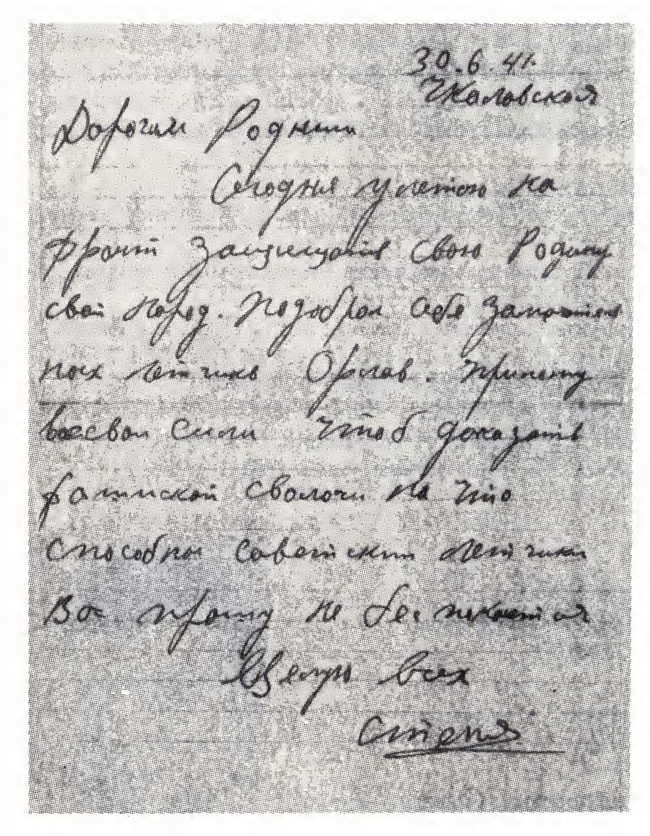
Вас прошу не беспокоиться.

Целую всех.

Степан.

Летчик-испытатель С. П. Супрун перед Великой Отечественной войной работал в научно-исследовательском институте ВВС. Генеральный авиаконструктор А. С. Яковлев в своей книге «Цель жизни» вспоминает о нем:

«Степан Павлович был частым гостем в нашем конструкторском бюро. Его у нас очень любили. Он привлекал своей жизнерадостностью, приветливостью. Высокий, стройный шатен, всегда опрятный и щеголеватый, в своей синей летной форме, он был красавец в полном смысле этого слова.


30.6.41.
Чкаловская

Дорогие Родные

Сегодня улетаю на фронт защищать свою Родину свой народ. Подобрал себе замечательных летчиков Орлов. Приложу все свои силы чтоб доказать фашистской сволочи на что способны советские летчики. [illegible] не беспокойтесь.

Целую всех

Степан

Записка С. П. Супруна перед вылетом на фронт

В тот раз Супрун был особенно оживлен и все говорил о своем желании отправиться поскорее на фронт, чтобы лично помериться силами с немецкими асами...

Прощаясь, мы крепко пожали друг другу руки, и он взял с меня слово, что первые модифицированные серийные «яки» попадут

в его будущий истребительный полк. Я от всей души пожелал этому замечательному человеку успеха в его смертельно опасной работе. Он прямо с завода уехал в Генеральный штаб хлопотать насчет организации своего полка».

Степан Павлович Супрун родился в 1907 году в деревне Речки, ныне Белопольского района, Сумской области.

Воспитанник Смоленской школы военных пилотов, он летал на самолетах истребительной авиации, а с 1933 года стал летчиком-испытателем. За выдающиеся заслуги в освоении новой техники коммунист Супрун еще в 1936 году был награжден орденом Ленина. В 1937 году его избрали депутатом Верховного Совета Союза ССР. В 1940 году за участие в боевых действиях против японцев был удостоен звания Героя Советского Союза.

Сформированный им истребительный полк получил название полка особого назначения № 401. В него вошли такие же, как и он, энтузиасты — летчики-испытатели Константин Коккинаки, Леонид Кувшинов, Валентин Хомяков и др. 4 июля 1941 года в неравном воздушном бою погиб вблизи деревни Монастыри, Толочинского района, Витебской области, Степан Павлович Супрун. За героизм и мужество в борьбе с врагами Родины 22 июля 1941 года он был посмертно награжден второй медалью «Золотая Звезда». Но на родной Сумщине еще не знали о его гибели. 24 июля 1941 года в Сумах на машиностроительном заводе имени Фрунзе, где в молодости работал Степан Павлович, состоялся многотысячный митинг. Его участники писали прославленному земляку: «Чувство великой радости охватило весь заводской коллектив за тебя, Степан Павлович, воспитанника нашего коллектива... На призыв партии коллектив завода объявил себя мобилизованным и работает, не считаясь с временем, на оборону... Все для фронта! Все для победы! — это наши боевые лозунги».

В тот же день еще одна группа рабочих записалась добровольцами на фронт.

Советский народ свято хранит память о своих героях. На Новодевичьем кладбище, где захоронен Степан Павлович Супрун, воздвигнут обелиск. Памятник-бюст стоит в городе Сумы, одна из улиц города названа именем героя. В Москве, где многие годы жил и работал Степан Павлович, есть улица имени Степана Супруна.

Записка находится в Государственном историческом музее в Москве (ф. 452, д. 158, л. 24).

ИЗ БОЕВЫХ ДОНЕСЕНИЙ КОМАНДИРА ПЕРВОЙ БАТАРЕИ «КАТЮШ» КАПИТАНА И. А. ФЛЕРОВА

14 июля — 7 октября 1941 г.



И. А. Флеров

14.7.1941 г. Нанесли удар по фашистским эшелонам на железнодорожном узле Орша. Результаты отличные. Сплошное море огня.

7.X.1941 г. 21 час. Попали в окружение у деревни Богатырь — 50 км от Вязьмы. Будем держаться до конца. Выхода нет. Готовимся к самовзрыву. Прощайте, товарищи.

Иван Андреевич Флеров (1905—1941 гг.) — член КПСС с 1940 года, капитан. Перед войной слушатель Артиллерийской академии имени Ф. Э. Дзержинского. В начале Великой Отечественной войны командовал Отдельной экспериментальной батареей реактивной артиллерии БМ-13 («катюша»).

Когда И. А. Флеров получал назначение возглавить батарею «РС», его напутствовал генерал из Штаба командующего артиллерией Красной Армии:

— Вам, товарищ капитан, доверяется военная и государственная тайна первостепенной важности. Подчеркиваю: первостепенной! Ваша батарея станет родоначальницей нового оружия, которому, по всей видимости, принадлежит большое будущее на полях сражений. Ни в коем случае враг не должен получить каких-либо данных о нем! В безвыходном положении боевые установки и боеприпасы взорвать!

Бывший тогда заместителем командующего Западным фронтом А. И. Еременко рассказывал позднее: «Однажды позвонили из Москвы, из Ставки Главнокомандующего, и сказали, чтобы мы были готовы принять на вооружение минометы «РС», которые позже народ любовно назвал «катюшами». Что это за минометы, никто в войсках, в том числе и я, не знал. Вскоре к нам прибыла первая батарея в составе 7 боевых установок капитана Ивана Андреевича Флерова. Она была укомплектована коммунистами и комсомольцами. Вместе с батареей на фронт приехали конструктор А. С. Попов и инженер Д. А. Шитов. Они в пути обучали наших воинов методам стрельбы из нового, неизвестного доселе оружия».

Первый залп по врагу батарея Флерова произвела 14 июля 1941 года в районе железнодорожной станции Орша, положив на-

чало боевому применению нового вида оружия, которого не имела ни одна армия в мире.

Как свидетельствовали очевидцы, в тот день над лесом возле Орши, где были сосредоточены несколько крупных эшелонов с неприятельской техникой и живой силой, неожиданно пополудни высоко в небо взметнулись бурые клубы дыма и пыли. Казалось, что земля встала дыбом. На секунду все замерло. Мгновение, и загрохотали взрывы, сокрушая эшелоны, войска, технику, цистерны с горючим. Через несколько минут над станцией бушевало море огня.

15 июля батарея Флерова нанесла новые удары по противнику в районе города Рудня. Ее действия сыграли свою роль при защите Спас-Деменска, Ельни, Рославля.

В приказе ставки немецкого верховного командования от 14 августа 1941 года говорилось: «Русские имеют автоматическую и многоствольную огнеметную пушку... Выстрел производится электричеством. Во время выстрела у нее образуется дым... При захвате таких пушек немедленно сообщать».

Гитлеровцы спешно сформировали специальную диверсионную группу, которая должна была во что бы то ни стало захватить или открыть секрет советской «огнеметной пушки».

В первых числах октября батарея в составе группировки войск Западного фронта оказалась в тылу врага. При движении к линии фронта в ночь на 7 октября она попала в засаду врага. Разгорелся неравный бой. Флеров, ехавший на первой машине, был ранен. Приказав сержанту И. Я. Нестерову отходить со второй машиной и выводить людей из окружения, капитан остался на головной установке. И вот в стан врага с грохотом полетели последние 16 ракет. Затем мощный взрыв — это сработали 32 килограмма тола, оставленные для самовзрыва на крыльях автомашины. Затем взлетели и остальные установки, истратившие весь боевой запас. Лишь 46 минометчикам из 170 удалось выйти из окружения.

В честь подвига батареи сооружены памятник в г. Орша и обелиск у г. Рудня.

Публикуемые документы и материалы использованы по выступлениям «Московского комсомольца» 17 октября 1971 г. и «Недели» № 31 за 1982 год, а также книг И. А. Слухай «Ракеты и традиции» (М., 1965) и Н. М. Афанасьева «Первые залпы» (М., 1982).

ЗАПИСКА УЧАСТНИКОВ БОЕВ ПОД КИЛИЕЙ

Июль 1941 г.

Держались до последней капли крови. Группа Савинова. Три дня сдерживали наступление значительных сил противника, но в результате ожесточенных боев под Килией в группе капитана Савинова осталось четыре человека: капитан, я, младший сержант Остапов и солдат Омельков. Погибнем, но не сдадимся. Кровь за кровь, смерть за смерть!

Черное море с ночи было неспокойным, но затем утихло, и рыбаки одного из поселков Народной Республики Болгарии вышли в свой обычный рабочий рейс. Улов выдался богатым. В то утро августа 1958 года один из рыбаков выловил из воды покрытую слизью бутылку.

В ней оказалась небольшая записка на русском языке. Когда ее прочли, то содержание взволновало всех: люди узнали еще об одной трагедии минувшей войны, еще об одном факте героизма советских людей.

Записка была передана в Советский Союз.

ПИСЬМО ПОЛИТРУКА В. Г. КЛОЧКОВА ЖЕНЕ И ДОЧЕРИ

25 августа 1941 г.



В. Г. Клочков

Здравствуйте, мои любимые Ниночка и Эличка!

24 августа. Приехали в Рязань, сегодня вечером будем в Москве. Враг совсем близко. Заметно, как по-военному летают наши «ястребки». Завтра в бой. Хочется чертовски побить паразитов. Писал эти строки в Рыбном, около Рязани, паровоз тронулся, поехали дальше.

25 августа. Ночь провели в Москве, чертовская ночь... дождь шел всю ночь. Пока что неизвестно, был в Москве или около Москвы германский вор, но целую ночь ревели моторы самолетов.

Много мы проехали городов, деревень, сел, аулов и станиц, и везде от мала до велика от души приветствовали нас, махали руками,

желали победы и возвращения. А беженцы просили отомстить фашистам за то, что они издевались над ними. Я больше всего смотрел на детей, которые что-то лепетали и махали своими ручонками нам. Дети возраста Элички — и даже меньше — тоже кричали и махали ручками и желали нам победы.

Из Украины в [Среднюю] Азию, к вам туда, через каждые три — пять минут едут эвакуированные. С собой везут исключительно все: станки с фабрик и заводов, железо, лом, трамваи... трактора... словом, врагу ничего не остается... Гитлеру будет та же участь, какая постигла Бонапарта Наполеона в 1812 году...

Настроение прекрасное, тем более я всем детям обещал побольше побить фашистов. Для их будущего, для своей дочки я готов отдать всю кровь, каплю за каплей. В случае чего (об этом, конечно, я меньше всего думаю) жалей и воспитывай нашу дочку, говори ей, что отец любил ее... Конечно, вернусь я, и свою дочь воспитаем вместе. Целую ее крепко-крепко. Я здорово соскучился по ней, конечно и по тебе, и тебя целую столько же и так же крепко, как и Эличку. Привет мамаше...

Ваш папа В. Клочков.

Василий Георгиевич Клочков (1911—1941 гг.) — член КПСС с 1939 г., политрук. Уроженец Саратовской области, В. Г. Клочков жил с семьей в Средней Азии. Оттуда и ушел на фронт. Воевал в прославленной дивизии генерала И. В. Панфилова, защищавшей столицу.

Получая свой первый орден Красного Знамени, он сказал: «Пока у меня бьется сердце, пока мои руки держат винтовку, я до последнего вздоха буду драться за свой народ, за Москву». У разъезда Дубосеково, вступая в свой последний бой, политрук Клочков скажет своим товарищам: «Велика Россия, а отступать некуда: позади Москва!»

Враг предпринимал одну атаку за другой, пытаясь овладеть разъездом и продвинуться к Москве. «Ни шагу назад!» — был девиз героев. Их было 28. Во главе с политруком 4-й роты 2-го батальона 1075-го стрелкового полка 316-й стрелковой дивизии Василием Клочковым они остановили и не пропустили врага.

21 июля 1942 года В. Г. Клочкову и другим участникам боев у разъезда Дубосеково было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Письмо В. Г. Клочкова воспроизводится по его первой публикации в сборнике «Письма с фронта» (Алма-Ата, 1944).

ЗАВЕЩАНИЕ
БОЙЦА 1-го ЛАТЫШСКОГО
ДОБРОВОЛЬЧЕСКОГО ПОЛКА Б. ЛУРЬЕ

26—28 августа 1941 г.[1]

Завещание

Прошу переслать его моей матери, Лурье, проживающей в г. Кирове, она эвакуирована из Латвии.

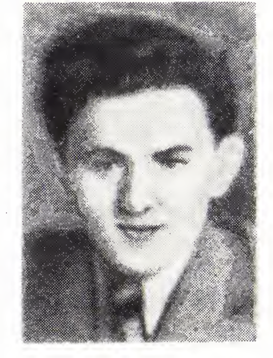
Я умираю за Родину, за коммунизм. Прошло два месяца ожесточенной борьбы с врагом. Для меня наступил последний этап борьбы — борьба за Таллин. Отступления быть не может.

Жалко умирать в 24 года, но в настоящей борьбе, где на весы истории всего человечества ставятся миллионы жизней, я свою также отдаю, зная, что будущее поколение и вы, оставшиеся в живых, будете нас чтить, вспоминать как освободителей мира от ужасной чумы. Что еще писать?

Мама! Не огорчайся.

Я не первый и не последний, положивший голову за коммунизм, за Родину.

Да здравствует СССР и победа над врагом!



Б. Лурье

Товарищ, верь, взойдет она,
Заря пленительного счастья.
Фашизм будет уничтожен,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

Комсомолец
Латышского полка
Бина Лурье.

В тяжелых оборонительных боях против фашистских захватчиков на территории Латвии и Эстонии летом 1941 года участвовали бойцы 1-го Латышского добровольческого стрелкового полка.

В рядах этого полка сражался и комсомолец Бина Лурье. Еще в буржуазной Латвии он начал борьбу за свободу и счастье своего народа. Ульманисский суд приговорил его к каторжным работам. В июне 1940 года в Латвии был свергнут фашистский режим. Бина Лурье был освобожден из заключения.

В начале Великой Отечественной войны Бина Лурье вступил в ряды добровольцев. Его однополчанин С. Аролович вспоминает об

[1] Датируется по времени боев за Таллин.

отважном юноше: «Товарищ Лурье стоит сейчас у меня перед глазами: среднего роста, лицо бледное, цвет глаз не помню (пожалуй, темные), волосы темные, немного как будто сутуловатый, с тяжелой походкой. Я помню очень хорошо, как трудно было ему двигаться с опухшими от ревматизма суставами ног, как тяжело, превозмогая боль, давались ему военные походы через болота Эстонии... Все товарищи уважали Б. Лурье за его политическую грамотность и эрудицию. Товарищ Лурье был героическим и стойким человеком».

Во время уличных боев в Таллине фашистская пуля сразила Бина Лурье. После гибели любимого товарища боевые друзья нашли у него письмо-завещание, вложенное в комсомольский билет.

Копия завещания находится в Центральном архиве ЦК ВЛКСМ (сб. 1 — «Комсомол в Отечественной войне», л. 27—28), частично оно опубликовано в сборнике «Во имя Отчизны. Комсомольцы и молодежь Вооруженных Сил Союза ССР в Великой Отечественной войне» (М., 1957, с. 15).

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО А. П. ГАЙДАРА ПИОНЕРАМ-ТИМУРОВЦАМ И ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО СЫНУ

9 сентября — не позднее 17 сентября 1941 г.



А. П. Гайдар

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ПИОНЕРАМ-ТИМУРОВЦАМ

9 сентября 1941 г.

Ребята!

Прошло меньше года с тех пор, как мною была написана повесть «Тимур и его команда».

Злобный враг напал на нашу страну. На тысячеверстном фронте героически сражается горячо любимая Красная Армия. Новые трудные задачи встали перед нашей страной, перед нашим народом. Все усилия народа направлены для помощи Красной Армии, для достижения основной задачи — разгрома врага.

Ребята, пионеры, славные тимуровцы! Окружите еще большим вниманием и заботой семьи бойцов, ушедших на фронт. У вас у всех ловкие руки, зоркие глаза, быстрые ноги и умные головы. Работайте безустанно, помогая старшим. Выполняйте их поручения безоговорочно, безотказно и точно. Поднимайте на смех и окружайте презрением белоручек, лодырей и хулиганов, которые в этот час остались в стороне, болтаются без работы и мешают нашему общему священному делу.

Мчитесь стрелой, ползите змеей, летите птицей, предупреждая

старших о появлении врагов-диверсантов, неприятельских разведчиков и парашютистов.

Если кому случится столкнуться с врагом — молчите или обманывайте его, показывайте ему не те, что надо, дороги. Следите за вражескими проходящими частями, смотрите: куда они пошли? какое у них оружие?

Родина о вас позаботилась, она вас учила, воспитала, ласкала и часто даже баловала. Пришел час доказать и вам, что вы ее бережете и любите. Не верьте шептунам, трусам и паникерам.

Что бы то ни было — нет и не может быть такой силы, которая бы сломала мощь нашего великого свободного народа. Победа обязательно будет за нами. Пройдут годы, вы станете взрослыми. И тогда в хороший час, после радостной мирной работы вы будете с гордостью вспоминать об этих грозных днях, когда вы не сидели сложа руки, а чем могли помогали своей стране одержать победу над хищным и подлым врагом.

Арк. Гайдар.

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО СЫНУ

Не позднее 17 сентября 1941 г.

Тимур! Воюю в тех же местах, где начинал воевать в гражданскую. Бои идут суровые, но знай, что все будет хорошо. Учись и не очень скучай. Может быть, мы с тобой скоро увидимся...

Отец

Известный советский писатель Аркадий Петрович Гайдар из-за ранения и контузий, полученных в гражданскую войну, был снят с военного учета. Но когда началась Великая Отечественная война, он добился направления в действующую армию. 21 июля 1941 года, закончив работу над киносценарием «Клятва Тимура», он выехал на Юго-Западный фронт в качестве военного корреспондента газеты «Комсомольская правда».

А. П. Гайдар участвовал в боях, ходил в разведку, добыл в атаке немецкий трофейный автомат. Но главным оружием писателя оставалось его пламенное слово. В «Комсомольской правде» один за другим появлялись его фронтовые очерки: «У переправы», «Мост», «Война и дети», «У переднего края», «Ракеты и гранаты». Приехав на короткое время с фронта в Москву, он выступил по радио с обращением «Берись за оружие, комсомольское племя!».

В осажденном фашистами Киеве, куда снова вернулся Аркадий Гайдар, он написал открытое письмо пионерам-тимуровцам. Оно было опубликовано 9 сентября 1941 года в газете «Советская Украина». Это письмо, как и все творчество Аркадия Гайдара, пронизано любовью к советским ребятам, верой в их силы, уве-

ренностью, что в трудный для страны час они проявят себя достойными маленькими гражданами Советского Союза.

Обстановка под Киевом усложнялась. Незадолго до того, как части Красной Армии оставили город, А. Гайдар переправил на самолете в Москву свои последние письма, в том числе коротенькую записку четырнадцатилетнему сыну Тимуру.

Осенью 1941 года Аркадий Петрович добровольно остался в тылу врага и продолжал сражаться с гитлеровцами в партизанском отряде. По рассказам местных жителей, лесник М. И. Швайко, в дом которого не раз приходил Гайдар, помог спрятать в тайнике рукописи и документы писателя. Вскоре Михаила Ивановича схватили каратели и замучили в гестапо.

Аркадий Петрович Гайдар погиб 26 октября 1941 года в бою около деревни Леплява Полтавской области. Тело его похоронил путевой обходчик Игнат Сорокопуд. Посмертно писатель был награжден орденом Отечественной войны I степени. В 1947 году его прах перевезен в Канев и захоронен на высоком берегу Днепра.

ПИСЬМО ПИСАТЕЛЯ Ю. С. КРЫМОВА ЖЕНЕ

19 сентября 1941 г. 22.00


Ю. С. Крымов

Дорогая Анка!

Давно я не писал тебе, так как отправить письмо все равно не было бы возможности. Невозможно это и сейчас. Но я думаю, что написанное письмо все равно как-то дойдет до тебя, а ненаписанное — исчезнет бесследно. Вот я и сел писать.

Сейчас глубокая ночь. Сижу в большой хате. Вокруг меня на лавках, на лежанке, на полу спят мои дорогие товарищи. Они спят в полной выкладке: в шинелях, затянутые в ремни, обнимая винтовку или пулемет! Горит ночник, его шаткое пламя гонит тени по белым стенам мазанки. За столом напротив меня — комиссар. Он так же, как и я, не спит, не спит четвертую ночь.

Как случилось, что мы попали в окружение? Об этом долго рассказывать, да и нет охоты, так как до сих пор еще не все ясно. Одно бесспорно — что всюду, куда ни ткнись, немецкие танки, автоматчики или огневые точки.

Четвертый день наше соединение ведет круговую оборону в этом кольце. По ночам кольцо вокруг нас обозначается заревом пожаров. Они вспыхивают то там, то сям по горизонту, придавая небу причудливую розоватую окраску. Великолепные золотые ветви выра-

стают в темноте. Бледнеют звезды. Зарево, перекатываясь, ползет по степным далям и гаснет, вспыхивая в другом месте. Под утро уходим из села. Суровые, встревоженные лица колхозников. Тихие речи женщин...

Пылит дорога. Вереницы грузовиков и подвод. Тылы стягиваются к центру кольца. Строевые части отходят, перегруппировываются для решительного, прорывного удара. Кольцо сжалось чрезвычайно. Больше двигаться некуда. В ближайшие часы надо ожидать решительного боя. Нет никакого сомнения в том, что соединение прорвется из окружения. Но как это будет? Какой ценой? Вот что не выходит из головы каждого командира.

И в этой грозной обстановке произошло одно событие, которое имеет для меня огромное значение. Опишу тебе это событие подробно.

Сегодня днем я приехал в свое подразделение. Отсутствовал я двое суток. Выводил испорченную машину. По дороге, уходя из села, в которое вступил немец, я забрал боеприпасы, которые не успели вывезти растерявшиеся тыловики. Забрал двух тяжелораненых, отвез их от переднего края. Всю ночь я возил на машине ящики с гранатами и двух стонущих, истерзанных людей. Перепуганные военврачи отказались их принять. Я грозил им наганом, но это еще больше их испугало. Тогда я бросил этих чертей, разыскал родильный дом на селе и сдал туда раненых. Приказал замаскировать их на случай прихода немцев. Когда я уходил, один из них притянул меня за ворот гимнастерки и поцеловал в губы. Он сказал: «Товарищ майор, ты мне дороже отца». А он в эту минуту был мне дороже моего будущего.

В этих действиях моих нет ничего особенного, так как каждый из нас часто делает подобные дела, но все-таки было приятно вернуться в подразделение с сознанием, что оторвался недаром.

Итак, я приехал в боевом настроении. Еще не успел ничего доложить комиссару, как собралось партийное бюро. На повестке дня — прием меня в партию. И вот я — как есть — черный от грязи, заросший щетиной — сижу в зарослях кукурузы. Вокруг меня товарищи — члены партбюро и партийный актив. У каждого в руках автомат или винтовка. Невдалеке бухают орудия. Вокруг в кукурузе гуляют дозорные. Такова обстановка приема меня в партию.

Секретарь партбюро, политрук Алексей Царук, зачитывает мое заявление и рекомендации товарищей — командиров-коммунистов. Они знают меня только с начала войны. Но по санкции военкома соединения меня принимают в партию как воина Красной Армии, отличившегося в боях, то есть согласно новому постановлению ЦК ВКП(б).

Зачитываются рекомендации. Что это за удивительные рекомендации: в них есть целые описания боев, в которых я участвовал,

особенно интересно описание одного боя под Бобрицей в прошлом месяце. Я смотрю в землю, потому что у меня пощипывает глаза.

Ты понимаешь, я всегда чувствовал, что буду вступать в партию в обстановке жестокой борьбы. Но действительность превзошла все мои предчувствия. Я вступил в партию в тот момент, когда все соединение находится в окружении, то есть накануне решающего смертельного боя для меня и моих товарищей. На душе у меня удивительно спокойно и хорошо. В боевой обстановке я и вообще спокоен, а теперь к этой всегдашней уравновешенности прибавилось еще новое чувство. Гордость. Сознание того, что я прожил свою жизнь не даром, и если придется умереть, то не даром умру.

И на тебя я надеюсь. Если ты останешься одна, то это тебя не сломит. Ты замечательный, честный и цельный человек. Такие не пропадают.

2 часа ночи. Сейчас получил донесение, что противник в четырех километрах с левого фланга. Рудаков говорит, что мы стоим на пятачке на одной ноге — другую поставить некуда. Сейчас вышел на улицу. Зарево по всему горизонту и какая-то хреновая трескотня. Ни черта не поймешь. Но мы тертые калачи, нас не испугаешь. Ребята спят.

А вот новое донесение. С левого фланга наших частей нет. Кругом мы держим оборону. События развиваются быстро. Сейчас подошел старший политрук Гридчин и сунул мне два печенья. Откуда он их достал, не представляю. Но не съел, а принес мне.

Создатель прекрасных книг «Танкер «Дербент» и «Инженер», видный писатель и журналист Юрий Соломонович Крымов, как и большинство собратьев по перу, в первые же дни войны добровольно ушел на фронт, стал литературным сотрудником газеты 26-й армии Юго-Западного фронта «Советский патриот».

Сугубо мирный человек, инженер-радиотехник по образованию, служащий Каспийского нефтеналивного флота, писатель по призванию, он стойко выдерживал трудности и невзгоды боевой походной жизни. В районе села Богодуховка, что в Полтавской области, сотрудники газеты, выходя из окружения, наткнулись на гитлеровцев. В ночь на 20 сентября 1941 года им пришлось принять бой. На рассвете местные жители стали хоронить убитых. У кукурузного поля колхозник Алексей Коваленко и его 12-летний сын Василий подобрали изувеченный труп красного командира. На залитой кровью гимнастерке поблескивал орден Трудового Красного Знамени. В кармане лежали военный билет, орденская книжка на имя Юрия Крымова и недописанное письмо.

Семья Коваленко бережно хранила найденные документы. Затем они были переданы в Союз писателей СССР.

Письмо, пропитанное кровью, долго не поддавалось прочтению. Специалисты Центральной научно-исследовательской лаборатории Главного архивного управления при Совете Министров СССР восстановили текст письма, за исключением немногих слов.

Были ли вы в селе Богодуховка? Побывайте. В центре этого заново отстроенного, неузнаваемо похорошевшего поселка есть братская могила участников гражданской войны. Неподалеку от нее установлен памятник. На нем слова:

ПИСАТЕЛЬ-ВОИН ЮРИЙ КРЫМОВ.
ПОГИБ СМЕРТЬЮ ХРАБРЫХ
В БОЮ ЗА СОВЕТСКУЮ РОДИНУ.
20 сентября 1941 г.
1908—1941

Письмо Ю. С. Крымова публиковалось в журнале «Наука и жизнь» № 11 за 1962 год.

ЗАПИСЬ КОМАНДИРА 32-й СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ ПОЛКОВНИКА В. И. ПОЛОСУХИНА В КНИГЕ ОТЗЫВОВ БОРОДИНСКОГО МУЗЕЯ

14 октября 1941 г.

Пришел Бородинское поле защищать.

Полосухин



В. И. Полосухин

...В сентябре 1941 года Верховное Главнокомандование получило возможность оттянуть резервы с Дальнего Востока в центр России. В числе других на Западный фронт была переброшена и 32-я Краснознаменная стрелковая дивизия под командованием полковника Виктора Ивановича Полосухина. Это был командир, о которых говорят «военная косточка»: в 1921 году по призыву ЦК комсомола семнадцатилетним пареньком поступает он в военное училище и навсегда связывает свою судьбу с армией; в 1925 году курсант В. Полосухин стал членом партии большевиков.

Воины-дальневосточники должны были принять участие в прорыве вражеской блокады вокруг Ленинграда. Но, прибыв сюда в конце сентября, 32-я спешно направляется к Москве, на которую надвигалась смертельная опасность. Среди личного состава дивизии царил высокий патриотический подъем: еще в пути к фронту 622 человека подали заявление о вступлении в партию, а перед

началом боя на можайском рубеже ряды коммунистов пополнили более 200 человек.

Узнав, что дивизия должна занять оборону на Бородинском поле, комдив торжественно, как клятву, произнес:

— Эту высокую честь и доверие личный состав оправдает. Будем сражаться не на жизнь, а на смерть, но задачу свою выполним.

За шесть суток боев на участке 32-й дивизии фашисты потеряли 117 танков, 15 бронемашин, 226 автомашин, 400 орудий и много другой техники, а также около 10 тысяч солдат и офицеров. В книге «Воспоминания и размышления» высокую оценку дивизии дал Маршал Советского Союза Г. К. Жуков: «На можайском направлении против 40-го мотокорпуса врага, поддержанного авиацией, особенно упорно сражалась 32-я стрелковая дивизия полковника В. И. Полосухина. Спустя почти 130 лет после Отечественной войны 1812 года на Бородинском поле — том самом поле, которое стало бессмертным памятником русской воинской славы,— вновь разгорелся ожесточенный бой».

В беседе с корреспондентом «Правды» 14 декабря 1941 года командующий 5-й армией генерал Л. А. Говоров так характеризовал самообладание и личную храбрость комдива:

«Южный прорыв немцев разбился о стойкую оборону части, которой командует полковник Полосухин. Фашистские танки вышли непосредственно на командный пункт Полосухина, но полковник и бывшие с ним командиры не растерялись: оставаясь на своем командном пункте, продолжали руководить боем и организовали отпор врагу... На пути германских танков был создан барьер из сена, соломы, хвороста и других горючих предметов и материалов протяженностью в полкилометра. Его подожгли, образовался сплошной огневой вал, пламя высотою до 2,5 метра бушевало два часа. Встретив на своем пути сплошную стену огня, танки повернули и подставили таким образом свои бока под выстрелы наших противотанковых орудий. Из 40 вражеских машин 25 остались на месте».

3 января 1942 года Виктор Иванович Полосухин был награжден за мужество и доблесть орденом Красного Знамени.

В январе 1942 года гитлеровцы бежали из Можайска: последний укрепленный рубеж был прорван дивизией Полосухина.

Виктор Иванович погиб 18 февраля 1942 года, когда ему еще не исполнилось и 38 лет. Его похоронили в центре Можайска.

Имя комдива присвоено улице и школам в Новокузнецке, Москве, Можайске, Тольятти. Путь многих поездов по Кемеровской железной дороге лежит через станцию Полосухино.

ЗАПИСКА КОМИССАРА ПАРТИЗАНСКОГО ОТРЯДА С. И. СОЛНЦЕВА ЖЕНЕ И СЫНУ

Середина октября 1941 г.



С. И. Солнцев

Привет милой Марусе и сыночку Жене. Оказался проездом в Звенигороде. Посылаю денег. Жив, здоров.

Не скучайте. Целую.

Передай привет папаше и мамаше и др. знакомым.

Солнцев.

В октябре 1941 года небольшой городок Руза, что расположился в живописных местах Подмосковья, превратился в прифронтовой город. В сторону Москвы почти без перерыва, ночью и днем, летели тяжелые бомбардировщики с черными фашистскими крестами. А по дорогам к линии фронта двигались части Красной Армии. Повсюду кипели оборонные работы: мужчины и женщины, стар и мал строили укрепленные районы, рыли окопы, возводили противотанковые надолбы, ставили «ежи», саперы и минеры тоже готовились к встрече с врагом.

В один из дней в кабинете секретаря Рузского райкома партии Павла Абрамовича Ткачева собрался партийно-советский актив. На повестке — важные и сугубо секретные вопросы: об ускорении и завершении эвакуации материальных ценностей, населения, архивов, об утверждении руководителей партизанских групп, которые будут действовать в случае оккупации, состава подпольного райкома партии, о проверке явочных пунктов и связей, складов оружия и продовольствия. Обсуждение продолжалось до утра. Не все удалось решить окончательно. Особые трудности возникли с дислокацией основного партизанского отряда: край очень заселенный, да и лесов не так много.

Секретарем подпольного райкома партии и командиром партизан утвердили Павла Абрамовича Ткачева, комиссаром отряда единодушно назвали Сергея Ивановича Солнцева — 35-летнего коммуниста-чекиста, начальника Рузского районного отдела УНКВД.

В день заседания партийного актива Солнцев перешел на полулегальное положение, приступив к выполнению своих комиссарских обязанностей. Побывал в Москве, в обкоме партии и областном штабе, в Звенигороде, установил связи со штабами сражавшихся под Рузой советских частей, проводил жену с сыном в тыл, запасся

номерами газеты «Правда» за последние дни: придут немцы — газеты сразу же пойдут по рукам советских людей... Гитлеровцы вошли в Рузу 25 октября 1941 года. Начались аресты, расстрелы, вербовка холуев-прислужников из уголовных элементов.

Партизаны, рассредоточившись по окрестным лесам, по землянкам-«схронам», внимательно следили за врагом, доставляя в штаб отряда добытые разведданные. По заданию советского командования Сергей Солнцев и его помощник Петр Сычев проникли в Можайск, изучили движение противника по дороге Можайск — Звенигород. Убедились, что он наступает на Москву кружным путем, обходя Рузу и Звенигород. Полученные разведданные штаб партизанского отряда отправлял с верными связными за линию фронта.

Бывший член областного штаба по руководству подпольем и партизанским движением, тогдашний секретарь МК ВКП(б) С. Я. Яковлев отмечал впоследствии: «На основании данных разведки партизанского отряда Рузского района, добытых... С. И. Солнцевым, части советских войск разгромили фашистский штаб в деревне Вишенки и целую группировку гитлеровцев. Подразделение 144-й стрелковой дивизии уничтожило 230 солдат и офицеров противника, артиллерийскую установку и пулеметные гнезда...»

Среди действий рузских партизан и подпольщиков можно отметить казнь коменданта Рузы унтершарфюрера Эриха Фогеля — матерого палача-фашиста (эта операция была осуществлена С. И. Солнцевым вместе с боевыми товарищами), проведение по деревням тайных митингов накануне 24-й годовщины Великого Октября, организацию собственной типографии и выпуск для местного населения партизанской газеты «На боевом посту», распространение листовок, издаваемых политическим управлением Западного фронта и доставляемых в штаб партизанского отряда его разведчиками-связными, покушение на начальника отделения гестапо в Рузе Ганса Вернера, спасение от угона в Германию юношей и девушек, нападение на вражеские обозы на проселочных дорогах и многое другое.

Сотни жителей района помогали партизанам и подпольщикам, ряды их пополнялись новыми бойцами. Но и враг не дремал: по деревням и лесам свирепствовали отряды карателей, усиленные мотопехотой и пушками. Снег и наступившие морозы осложняли действия П. А. Ткачева, С. И. Солнцева и их боевых товарищей. Каждое столкновение с противником уносило жизни партизан и подпольщиков. В одной из схваток с гитлеровцами, близ деревни Велкино, Сергей Иванович был ранен в плечо, но тем не менее вскоре отправился во главе группы разведчиков на новую операцию. У деревни Андреевской каратели сумели окружить горстку храбрецов. Вражеская пуля тяжело ранила Солнцева. Прикрывая огнем

Привет милой Марусе и сыночку Жене. Оказался проездом в Звенигороде. Посылаю денег. Жив здоров. Не скучайте. Целую. ~~переда~~ привет папаше и мамаше и др. знакомым. Савик

Последняя записка С. И. Солнцева родным

из автомата товарищей, он стрелял до тех пор, пока из-за потери крови не лишился сознания. В нем еще теплилась жизнь, когда его доставили к шефу полиции в Рузе Шмидту. Несколько дней и ночей пытали Солнцева. Он умер, как и боролся, героем.

На гибель комиссара партизаны и подпольщики ответили рядом ударов по врагу.

Освободили Рузу в начале января 1942 года. Растерзанное тело С. И. Солнцева было с почестями перезахоронено. Сейчас над его могилой возвышается памятник. Посмертно Сергею Ивановичу Солнцеву присвоено звание Героя Советского Союза. Документы его славной жизни и деятельности хранятся в архивах, а последняя записка — у Марии Васильевны и Евгения Сергеевича Солнцевых. Памяти героя посвящена книга А. Вербицкого и Е. Ефимова «Сердце чекиста», выпущенная в 1967 году Политиздатом.

ПИСЬМО И ЗАПИСКА КРАСНОАРМЕЙЦА-СВЯЗИСТА М. А. БЛЮМИНА

22 октября 1941 г.

ПИСЬМО РОДНЫМ

Здравствуйте, мои дорогие.

Пишу в одной квартире, в одном городе, где наша часть заняла оборону. Это письмо я пишу под аккомпанемент нашей артиллерии, которая посылает гадам «гостинцы». Сегодня четыре месяца, как идет война...

Пока жив и здоров, чувствую себя хорошо, уверен, что победа за нами. У немцев уже воинский дух сел, они уже стали сами приходить к нам и сдаваться. Видно, у них несладко. Что слышно у вас? Напишите что-нибудь о папе. Где он? Где вы работаете и чем помогаете фронту? А мы, бойцы-фронтовики, обещаем разгромить ненавистных фашистов, и на великом празднике Победы вместе (если буду жив) будем торжествовать.

До свидания, привет родным и знакомым, будьте здоровы, целую. Ваш сын Миша Блюмин. С кем имеете переписку?

Мой адрес: Действующая армия, полевая почта, 321-й стр. полк, рота связи, М. А. Блюмину.

ЗАПИСКА М. А. БЛЮМИНА

(без даты)

Приказ выполнен. Да здравствует Родина!

Михаил Блюмин был связистом. В составе 321-го стрелкового полка ему, как и многим его друзьям, пришлось участвовать в тяжелых оборонительных боях. Но он верил в победу и писал об этом родным и знакомым. Полно оптимизма и письмо от 22 октября 1941 года. Оно оказалось последним. Лишь в конце апреля 1942 года родные Блюмина узнали о причине молчания Михаила: в газете «Комсомольская правда» под заголовком «Записка героя» было напечатано письмо из действующей армии, в котором описывался последний бой героя-связиста. Газета сообщала:

«Восстановив поврежденную линию, комсомолец Блюмин возвращался в свое подразделение. Он встретил автоматчиков. Завязался жестокий и неравный бой. Храбро и мужественно дрался связист-комсомолец. Огнем своей винтовки он убил трех автоматчиков. Остальные отошли, ошеломленные дерзостью и мужеством... бойца, вооруженного лишь винтовкой. Только теперь Блюмин почувствовал жгучую боль в груди. Поверх шинели показалась алая кровь: комсомолец был тяжко ранен. Он упал, теряя силы...

И он вытащил из кармана блокнот и холодеющими пальцами начал писать. Алые пятна крови расползались по листку бумаги.

Через несколько часов наши бойцы нашли бездыханное тело Блюмина. В левой руке его был зажат блокнот. В нем большими неровными буквами было написано: «Приказ выполнен. Да здравствует Родина!»

ПИСЬМО СМЕРТЕЛЬНО РАНЕННОГО ТАНКИСТА И. С. КОЛОСОВА НЕВЕСТЕ

25 октября 1941 г.

Здравствуй, моя Варя!

Нет, не встретимся мы с тобой.

Вчера мы в полдень громили еще одну гитлеровскую колонну. Фашистский снаряд пробил боковую броню и разорвался внутри. Пока уводил я машину в лес, Василий умер. Рана моя жестока.

Похоронил я Василия Орлова в березовой роще. В ней было светло. Василий умер, не успев сказать мне ни единого слова, ничего не передал своей красивой Зое и беловолосой Машеньке, похожей на одуванчик в пуху.

Вот так из трех танкистов остался один.

В сутемени въехал я в лес. Ночь прошла в муках, потеряно много крови. Сейчас почему-то боль, прожигающая всю грудь, улеглась и на душе тихо.

Очень обидно, что мы не все сделали. Но мы сделали все, что смогли. Наши товарищи погонят врага, который не должен ходить по нашим полям и лесам.

Никогда я не прожил бы жизнь так, если бы не ты, Варя. Ты помогала мне всегда: на Халхин-Голе и здесь. Наверное, все-таки, кто любит, тот добрее к людям. Спасибо тебе, родная! Человек стареет, а небо вечно молодое, как твои глаза, в которые только смотреть да любоваться. Они никогда не постареют, не поблекнут.

Пройдет время, люди залечат раны, люди построят новые города, вырастят новые сады. Наступит другая жизнь, другие песни будут петь. Но никогда не забывайте песню про нас, про трех танкистов.

У тебя будут расти красивые дети, ты еще будешь любить.

А я счастлив, что ухожу от вас с великой любовью к тебе.

Твой Иван Колосов.

На Смоленщине, у одной из дорог, на постаменте возвышается советский танк с бортовым номером 12. На этой машине все первые месяцы войны воевал младший лейтенант Иван Сидорович Коло-

сов — кадровый танкист, начавший свой боевой путь еще от Халхин-Гола.

Экипаж — командир Иван Колосов, механик Павел Рудов и заряжающий Василий Орлов — как нельзя лучше походил на персонажей популярной в довоенное время песни о трех танкистах:

Три танкиста, три веселых друга —
экипаж машины боевой...

Бои с гитлеровцами были жестокими. Враг за каждый километр советской земли платил сотнями трупов своих солдат и офицеров, десятками уничтоженных танков, пушек, пулеметов. Но таяли ряды и наших бойцов. В начале октября 1941 года на подступах к Вязьме замерли сразу восемь наших танков. Получил повреждение и танк Ивана Колосова. Погиб Павел Рудов, был контужен сам Колосов. Но врага остановили.

С наступлением темноты удалось завести мотор, и танк с номером 12 скрылся в лесу. Собрали с подбитых танков снаряды, приготовились к новому бою. Утром узнали, что фашисты, обогнув этот участок фронта, все же продвинулись на восток.

Воевать в одиночку? Или бросить подбитую машину и пробираться к своим? Посоветовался командир с заряжающим и решил выжать из танка все, что возможно, и воевать тут, уже в тылу, до последнего снаряда, до последней капли горючего.

12 октября танк с номером 12 вырвался из засады, неожиданно на полной скорости налетел на вражескую колонну и разметал ее. В тот день было уничтожено около сотни гитлеровцев. По дороге танкисты нападали на колонны и обозы врага, а однажды раздавили «опель-капитан», в котором ехало какое-то фашистское начальство.

Наступило 24 октября — день последнего боя. О нем рассказал своей невесте Иван Колосов. У него была привычка регулярно писать письма Варе Журавлевой, что жила в деревне Ивановке, недалеко от Смоленска. Жила до войны...

В глухом и отдаленном от селений бору-верещатнике однажды наткнулись на поржавевший танк, укрытый густыми лапами ели и наполовину ушедший в землю. Три вмятины на лобовой броне, рваная дыра на боку, заметный номер 12. Люк плотно задраен. Когда танк открыли, то увидели у рычагов останки человека — это и был Иван Сидорович Колосов, с револьвером при одном патроне и планшетом, в котором лежали карта, фотография любимой и несколько писем к ней...

Эту историю на страницах газеты «Правда» рассказал Е. Максимов 23 февраля 1971 года. Нашли Варвару Петровну Журавлеву и вручили ей письма, написанные Иваном Сидоровичем Колосовым в октябре 1941 года.

ИЗ ПИСЕМ ПРОФЕССОРА Л. А. КУЛИКА ЖЕНЕ 21—28 ОКТЯБРЯ 1941 г.

Сегодня 21 октября 1941 г. Районное село Всходы[1]*, Смоленской области.*

Поздняя осень, грачи улетели,
Лес обнажился, поля опустели...

Пасмурно, ветрено, дождливо: снег стаял, трепещут оставшиеся на деревьях листья и летят в одиночку по воздуху. В селе безлюдно, люди прячутся в немногих пригодных для жилья зданиях. Оживлен лишь тракт, по которому движутся немецкие машины всех видов и размеров, иногда длинные эшелоны пленных.

Горе осенило своим крылом Родину.

Кто же я и что же я?

Сейчас я прежде всего раненый. Рана на ноге улучшается, но медленно, так как я растравляю ее: толкусь с утра и до вечера, ибо я, во-вторых, санинструктор. А проще говоря, санитар при временном лазарете для советских раненых в селе Всходы.

Сперва я был на перевязках и операциях и по уходу без прикрепления к палатам. Теперь за мной сохранили на операциях общий наркоз и прикрепили детскую палату. В ней 6 пациентов: Маня, Нина, Паня (3—5 лет), Ваня (12 лет), Дуся и Поля (17 лет).

28 октября 1941 г.

...Глухая полночь. Густой трупный смрад от загнивших ран... Плотный, тягучий, липкий воздух насыщен стонами, животным воем, дикими выкриками... Нестерпимо душно. В тусклом полумраке от коптилки страдальчески светится голубой глаз (другой выбит) мальчика, хорошего мальчика с разорванным осколком животом.

Мужественным и честным был жизненный путь Леонида Алексеевича Кулика — ученого, человека большой души, превыше всего ставившего интересы народа, интересы Родины.

Леонид Алексеевич родился в 1883 году в Тарту. С юношеских лет увлекался сбором коллекций минералов, изучением растительного мира и геологии. Затем работал с известным ученым В. И. Вернадским, став его ближайшим помощником и учеником.

Великая Октябрьская революция открыла широкий простор для деятельности талантливого исследователя. Леонид Алексеевич становится видным ученым, одним из основоположников советской

---

[1] В этом селе фашистские захватчики организовали «лазарет» и оставили умирать в нем захваченных ими раненых советских воинов.

метеоритики. Его избирают ученым секретарем Комиссии по метеоритам Академии наук. Он исколесил всю страну в поисках метеоритов. Собрал богатейшую коллекцию, которая стала одной из лучших в мире. Она хранится в Москве, в Минералогическом музее Академии наук. Особенно увлекала Леонида Алексеевича загадка Тунгусского метеорита. Этой научной проблеме он отдал 20 лет своей жизни. Экспедиции на место его падения, трудные путешествия, связанные с опасностями и лишениями,— все было перенесено, чтобы разгадать тайну метеорита...

Когда началась Великая Отечественная война, Леониду Алексеевичу было почти 58 лет. Ученый ушел в народное ополчение. Он твердо решил: его место — в строю борцов против гитлеризма.

Началась суровая фронтовая жизнь. Часто в перерывах между боями Л. А. Кулик писал домой, подробно рассказывая о своей жизни солдата-ополченца.

На Западном фронте, где он сражался, шли тяжелые бои. Осенью 1941 года в бою под деревней Всходы, на Смоленщине, группа бойцов, среди которых был и Леонид Алексеевич, попала в окружение. Решили пробиваться к своим, но наскочили на вражеский патруль. Завязалась перестрелка. В бою ученый был ранен в ногу и потерял сознание. Когда очнулся, пополз на восток. Нога нестерпимо болела, хотелось пить. Опять потерял сознание. Пришел в себя в фашистском концлагере для военнопленных. Начались допросы. Гитлеровцы узнали, что перед ними известный ученый, и предложили ему хороший паек, с тем чтобы он развлекал офицеров рассказами о своих путешествиях. Но Кулик отказался.

Гитлеровцы хотели сломить волю советского человека. Но им этого сделать не удалось. Леонид Алексеевич связался с местными жителями, а через них — с партизанами. Он организовал в лагере лазарет, просиживал долгие ночи у постелей раненых, стремясь облегчить их участь. Знакомство с учительницей села Всходы М. Заккис облегчило жизнь раненых и больных. Она приносила в лагерь продукты, через нее Кулик передавал письма жене.

Партизаны разработали план побега ученого из лагеря. Предполагалось, что с наступлением сумерек Кулик переберется за колючую проволоку, там его будет ждать человек, который проводит на квартиру М. Заккис. Но побег не удался. За час до назначенного срока гитлеровцы отправили Леонида Алексеевича в Спас-Деменск и бросили в тифозный барак.

Кулик и тут старался чем-нибудь облегчить страдания больных. Но изнуренный голодом организм не выдержал, и Леонид Алексеевич сам заболел тифом. 14 апреля 1942 года он скончался. В 1943 году Красная Армия освободила село Всходы. И последние письма ученого пришли к друзьям и родным.

Письма Леонида Алексеевича Кулика опубликованы в журнале «Знание — сила» № 6 за 1957 год.

ПИСЬМО АРТИЛЛЕРИСТА-РАЗВЕДЧИКА А. ПОЛУЭКТОВА

Октябрь 1941 г.[1]

Дорогой Саша!

Если я умру, напиши моим старикам, что я умер легко и спокойно. Я ненавижу фашизм, ненавижу кровавую, грабящую и убивающую фашистскую нечисть. И если бы у меня была и вторая жизнь, я бы отдал и ее. Напиши им, что я счастлив, что был бойцом в этой великой битве. Прощай, не забывай меня.

Аркадий Полуэктов.

Октябрь 1941 года. Фашисты рвутся к Москве. Они уже в районе Можайска, Малоярославца и Наро-Фоминска. Чтобы выдержать удар врага, перемолоть его живую силу и технику, советские воины должны были не только с большим искусством использовать в борьбе с противником имевшиеся в их распоряжении технические средства, но и проявить величайшую стойкость и выдержку, бесстрашие и непреклонную волю к победе.

После того как советские войска оставили Малоярославец и Боровск, создалось опасное положение на подольском и наро-фоминском направлениях. Наро-Фоминский участок фронта защищала 33-я армия под командованием генерал-лейтенанта М. Г. Ефремова. Ни днем ни ночью не смолкал бой. Бок о бок с кадровыми соединениями Красной Армии стойко сражались бойцы народного ополчения Куйбышевского, Москворецкого и Фрунзенского районов столицы. Бойцы-ополченцы и воины 33-й армии показывали чудеса смелости и отваги. Каждый боец знал, что позади Москва, и каждый отчетливо сознавал, что в битве за столицу надо отдать все, даже жизнь, но остановить врага.

Комсомолец артиллерист-разведчик Аркадий Полуэктов, чтобы засечь огневые точки врага, находился на переднем крае обороны. Пасмурным октябрьским днем, выполняя ответственное задание командования, он корректировал огонь артиллерии. По его наводке горели танки, взлетали в воздух фашистские пушки. Но вражеская пуля сразила комсомольца-разведчика. Аркадий Полуэктов погиб смертью героя.

Его последнее письмо написано боевому другу А. Горбулину. Заверенная копия письма находится в Центральном архиве ЦК ВЛКСМ (почта газеты «Комсомольская правда»).

---

[1] Датируется по сопроводительному письму в редакцию газеты «Комсомольская правда», куда после гибели А. Полуэктова было переслано его последнее письмо.

ПИСЬМО СОВЕТСКИХ МОРЯКОВ — ЗАЩИТНИКОВ МООНЗУНДСКИХ ОСТРОВОВ

Конец октября 1941 г.[1]

Тов[*арищи*] *краснофлотцы!*

Мы, моряки Балтийского флота, находящиеся на о[*строве*] *Даго, в этот грозный час клянемся нашему правительству и партии, что мы лучше все погибнем до одного, чем сдадим наш остров.*

Мы докажем всему миру, что советские моряки умеют умирать, с честью выполнив свой долг перед Родиной.

Прощайте, тов[*арищи*].

Мстите фашистским извергам за нашу смерть.

Центр. остр[*ов*] *Даго, полуостр*[*ов*] *Тахкуна.*

По поручению подпи[*сали*] *Курочкин, Орлов, Конкин.*

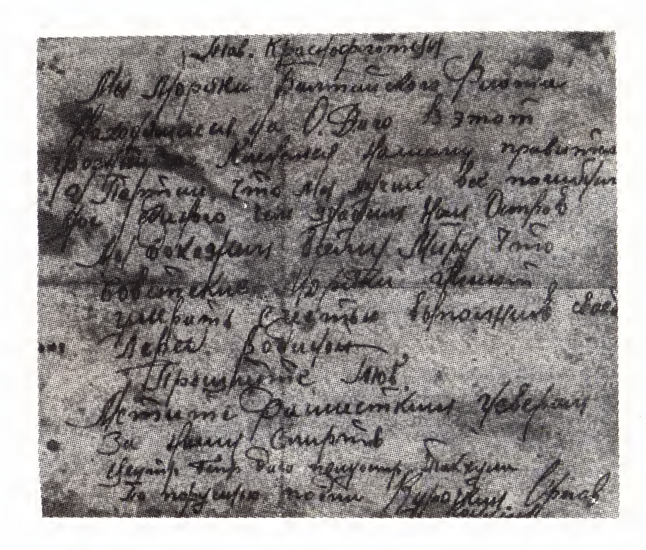
В течение двух месяцев в тылу врага небольшой гарнизон Моонзундского архипелага оборонял острова Советской Эстонии. Оттягивая на себя значительные силы фашистских захватчиков, горстка храбрецов уничтожала живую силу врага, топила его боевые корабли и транспорты, сбивала самолеты.

Последние бои произошли на мысе Тахкуна — самой северной части острова Хиума (Даго). На острове Хиума находился северный укрепленный сектор с небольшим гарнизоном моряков. 12 октября 1941 года, сосредоточив крупные силы, фашисты начали высадку десанта на остров. На западе, в районе Нурсте, на 30 катерах подошел усиленный батальон гитлеровцев, на юге, в районе Теркма, на 15 самоходных баржах было доставлено до полка пехоты. Десант поддерживался огнем батарей с острова Сааремаа, с вражеского крейсера и четырех миноносцев. Защитники острова Хиума открыли огонь по десантным судам противника, орудия береговой батареи в упор расстреливали наседавших врагов и потопили около двух десятков барж и катеров с войсками и техникой противника, но фашисты подбрасывали все новые и новые силы. Пользуясь темнотой, они высадились на берег и начали наступление.

Южное побережье острова обороняли бойцы 33-го инженерного батальона. Пулеметчикам батальона удалось задержать наступление фашистов. Несколько дней продолжались упорные бои. 17 октября гарнизон острова отошел на последний рубеж обороны. Он проходил от Таресте на запад, прикрывая мыс Тахкуна.

Командование Краснознаменного Балтийского флота приняло решение эвакуировать гарнизон острова на полуостров Ханко. Од-

[1] Датируется по времени окончания обороны мыса Тахкуна.



Письмо моряков-балтийцев, защищавших остров Хиума

нако штормовая погода не давала возможности кораблям подойти к острову. Лишь 19 октября к острову Хиума стали подходить катера и снимать защитников. Группе моряков поручили прикрывать эвакуацию. Во время короткого затишья они написали прощальное письмо, дав клятву защищать родную землю до последнего патрона, до последней капли крови. Запечатав его в бутылку, они бросили ее в море. В начале зимы 1941/42 года в открытом море бутылку подобрали моряки одного из советских сторожевых катеров.

Письмо героических защитников Моонзундских островов хранится в Государственном музее истории Ленинграда, опубликовано в книге Юрия Чернова «Они обороняли Моонзунд» (М., 1959, с. 3).

ИЗ ПИСЕМ Т. М. ФРУНЗЕ К. Е. ВОРОШИЛОВУ И СЕСТРЕ ТАНЕ

СЕСТРЕ
октябрь 1941 г.

Мы переведены в другую эскадрилью... Когда будет выпуск — неизвестно...

Ноябрь 1941 г.

Нахожусь под Москвой. Ребята замечательные. Все «старики» (на фронте с самого первого дня). В общем, рад беспредельно: главное сделано.

К. Е. ВОРОШИЛОВУ[1]
декабрь 1941 г.

Вы хорошо знали моего отца, а я во всем хочу походить на него. Я буду бить врагов умело, беспощадно, собственной жизни я жалеть не стану. Поскорее, пожалуйста, устройте отправку меня на фронт...



Т. М. Фрунзе

Тимур Михайлович Фрунзе (1923—1942 гг.) — член ВЛКСМ с 1938 года, лейтенант, сын прославленного советского полководца М. В. Фрунзе. После досрочного окончания Качинской военной авиационной школы Тимур был направлен в истребительный авиационный полк, которым командовал П. К. Московец.

15 января 1942 года он открыл свой боевой счет. В районе Старой Руссы противник сосредоточил крупные силы бомбардировочной авиации. Во время боя, действуя в контакте с командиром полка майором П. К. Московцом, он атаковал «хейнкеля» и меткой очередью прошил его, так что тот начал разваливаться на части. 19 января 1942 года Фрунзе вместе с ведущим Шутовым вылетели на прикрытие наших войск, вступивших в бой за переправу. Летели на высоте 900 метров и вскоре встретили четверку «мессершмиттов». При первом же заходе они сбили фашистский самолет. В это время появилась группа вражеских истребителей. Удалось сбить еще двух фашистов. Но тут пошел на вынужденную посадку Шутов.

Лейтенант Фрунзе принял неравный и последний свой бой. Посмертно ему присвоено звание Героя Советского Союза. Навечно зачислен в списки авиачасти.

Тимур Фрунзе был погребен в деревне Крестцы под Старой Руссой. После окончания войны его останки перезахоронены в Москве на Новодевичьем кладбище.

О Т. Фрунзе можно прочитать в книгах «Победа» (М., 1975, с. 37—41), Криворучко М., Мишина П., Смирнова И. «Москва — героям Великой Отечественной» (М., 1981, с. 418—419).

---

[1] После смерти родителей Тимур и его сестра Таня воспитывались в семье К. Е. Ворошилова.

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ З. А. КОСМОДЕМЬЯНСКОЙ И ЕЕ ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО МАТЕРИ Л. Т. КОСМОДЕМЬЯНСКОЙ

Октябрь — 17 ноября 1941 г.



З. А. Космодемьянская

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ З. А. КОСМОДЕМЬЯНСКОЙ

В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли. (Чехов)

Быть коммунистом — значит дерзать, думать, хотеть, сметь. (Маяковский)

Ах, если бы латы и шлем мне достать,
Я стала бы Отчизну свою защищать...
Уж враг отступает пред нашим полком,
Какое блаженство быть храбрым бойцом.

(Гете)

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО МАТЕРИ — Л. Т. КОСМОДЕМЬЯНСКОЙ

17 ноября 1941 г.

Дорогая мама!

Как ты сейчас живешь, как себя чувствуешь, не больна ли? Мама, если есть возможность, напиши хоть несколько строчек.

Вернусь с задания, так приеду навестить домой.

Твоя Зоя.

Зоя Космодемьянская! Это имя — легенда. Первым о ней рассказал корреспондент газеты «Правда» Петр Лидов. Его очерк «Таня» был опубликован в газете 27 января 1942 года. А теперь пусть заговорят документы. Вот что записано в «Акте о зверствах гитлеровцев и героической гибели З. А. Космодемьянской», составленном Чрезвычайной государственной комиссией по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков.

«Акт 1942 г. 25 января в д. Петрищево Грибцовского сельсовета Верейского района Московской области.

Мы, нижеподписавшиеся, комиссия в составе председателя Грибцовского сельсовета т. Березина Михаила Ивановича, секретаря Струковой Клавдии Прокофьевны, колхозников-очевидцев колхоза «8 Марта» Кулика Василия Александровича и Ворониной Евдокии Петровны, составили настоящий акт в нижеследующем:

В период оккупации Верейского района немецкими солдатами в д. Петрищево была повешена девушка, назвавшая себя Таней. После оказалось, что это была девушка-партизанка из Москвы Зоя Анатольевна Космодемьянская, 1923 года рождения. Немецкие солдаты поймали ее в то время, когда она выполняла боевое задание — поджигала конюшню, в которой находились более 300 лошадей. Немецкий часовой обхватил ее сзади, и она не успела выстрелить.

Ее повели в дом Седовой Марии Ивановны, раздели и начали допрос. Но получить какие-либо сведения от нее не пришлось. После допроса у Седовой, разутую и раздетую, ее повели в дом Ворониной, где находился штаб. Там продолжали допрашивать, но она на все вопросы отвечала «нет», «не знаю». Не добившись ничего, офицер приказал, чтобы начали бить ее ремнями. Хозяйка, которую загнали на печь, насчитала 200 ударов. Она не кричала и даже не произнесла ни одного стона. И после этой пытки снова отвечала: «Нет! Не скажу! Не знаю!» Ее вывели из дома Ворониной, она шла, ступая голыми ногами по снегу, привели в дом Кулика. Измученная и истерзанная, она находилась в кругу врагов. Немецкие солдаты всячески издевались над ней. Она просила пить, немец поднес ей зажженную лампу, и кто-то провел по ее спине пилой.

Потом все солдаты ушли, остался один часовой. Руки ее были связаны, ноги обморожены. Часовой велел ей подняться и под винтовкой вывел на улицу. И опять она шла, ступая босыми ногами по снегу, и водил ее до тех пор, пока не замерзал сам. Часовые менялись через пятнадцать минут. И так продолжали водить ее по улице целую ночь.

Утром построили виселицу, собрали население и публично повесили. Но и над повешенной продолжали издеваться. Ей отрезали левую грудь, ноги изрезали ножами. Когда наши войска погнали немцев от Москвы, они поспешили снять тело Зои и схоронить за деревней. Ночью спилили виселицу, как бы желая этим скрыть следы своего преступления.

Повесили ее в первых числах декабря 1941 г. На что и составлен настоящий акт. Подпись комиссии.

Печать Грибцовского сельсовета». (ЦГАОР СССР, ф. 7021, оп. 31, д. 1064, лл. 150, 150 об.)

Имя Зои Космодемьянской, славной дочери советского народа, известно всему миру. Оно навсегда останется в памяти нынешних и грядущих поколений. Вот уже более 45 лет в деревню Петрищево, «к Зое», приходят люди со всех концов земли поклониться ей. Она стоит гордая, вечно живая.

Останки Зои захоронены на Новодевичьем кладбище. На надгробии высечены слова Николая Островского: «Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так,

чтобы, умирая, мог сказать: вся жизнь, все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества». Когда-то Зоя вписала их в свою записную книжку. И оправдала всей своей короткой и прекрасной жизнью.

Записная книжка и последнее письмо к матери Л. Т. Космодемьянской хранятся в Центральном архиве ЦК ВЛКСМ.

ТЕКСТ ПАРТИЗАНСКОЙ КЛЯТВЫ, ПОДПИСАННЫЙ Е. И. ЧАЙКИНОЙ И ЕЕ ТОВАРИЩАМИ ПО БОРЬБЕ

7 ноября 1941 г.



Е. И. Чайкина

Я, красный партизан, даю свою партизанскую клятву перед своими боевыми товарищами красными партизанами, что буду смел, дисциплинирован, решителен и беспощаден к своим врагам.

Я клянусь, что никогда не выдам своего отряда, своих командиров и комиссаров и товарищей партизан, всегда буду хранить партизанскую тайну, если бы это даже стоило моей жизни.

Я буду верен до конца своей жизни своей Родине, партии...

Если я нарушу эту священную партизанскую клятву, то пусть меня постигнет суровая кара...

В чем даю собственноручную подпись

Е. Чайкина [1].

Елизавета Ивановна Чайкина родилась в 1918 году. В 1939 году вступила в партию, была секретарем Пеновского райкома ВЛКСМ Великолукской (ныне Калининской) области, а с осени 1941 года — секретарь Пеновского подпольного райкома ВЛКСМ.

Лиза ходила в разведку, устанавливала надежные связи, распространяла вместе с другими подпольщиками газеты и листовки с материалами о 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Она призывала бороться всеми силами с оккупантами.

В ноябре 1941 года по доносу предателя Лизу схватили фашисты на хуторе Красное Покатище.

22 ноября, согнав на казнь все местное население, фашистские захватчики расстреляли Елизавету Ивановну Чайкину. Перед смертью она обратилась к селянам:

---

[1] Текст партизанской клятвы кроме Е. Чайкиной подписали еще 12 человек.

— Не бойтесь! Бейте фашистских гадов! Скоро наши придут! Прощайте, мы победим!

Поэт Михаил Светлов посвятил «Чайке», которую он назвал родной сестрой Зои Космодемьянской, такие строки:

Вот мне секунды останется жить!
Вот я прошел через ужасы пыток,
Чтобы, как Чайка, жадно испить
Мужества благородный напиток!..

Люди идут молчаливой толпой,
Слез набегающих не вытирая,—
Это деревня пошла за тобой,
В путь твой последний тебя провожая.

Десять шагов отсчитал лейтенант,
И неподвижно солдаты стояли...
Милая! Мужество — это талант!
Сколько талантов они расстреляли!

О Е. И. Чайкиной рассказывается в повести советского писателя Н. Бирюкова «Чайка».

Публикуемый текст партизанской клятвы от 7 ноября 1941 года, подписанный Е. И. Чайкиной, хранится в Центральном архиве ЦК ВЛКСМ. Фотокопию ее см. в книге Н. Михайлова «Люди Страны Советов» (М., 1982).

ПИСЬМО ПОЛИТРУКА Н. Т. ГАТАЛЬСКОГО РОДНЫМ[1]

Не позднее 13 ноября 1941 г.

г. Волхов

Здравствуй, моя дорогая жена Станислава, дочь Валенька и мама!

Простите, что я плохо пишу: пишу на коленях, на клочке бумаги. Спешу сообщить, что я жив, скоро вступаем в бой.

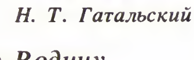
Может быть, это письмо будет и последним, мои дорогие. Дорогая жена, смотри дочь и досмотри мою мать. Если от меня больше весточки не получишь, то знай, что я отдал свою жизнь честно за вас и за свою любимую Родину.

Будьте счастливы — ваш муж и отец.

Стася! Еще прошу: смотри дочь.

Целую вас всех.

Коля.



Н. Т. Гатальский

---

[1] 13 ноября 1941 года Н. Т. Гатальский погиб в бою.

Николай Трофимович Гатальский был кадровым командиром Красной Армии. Коммунист с 1931 года, он всегда стремился быть в гуще жизни: и в годы юности в родной Ивановской области, и позже — там, куда бы его ни посылала партия. После окончания военной школы его направили на работу в 144-ю дивизию, где он воспитывал в воинах лучшие качества советского человека. Когда началась война, политрук Гатальский был переведен в другую часть, которая сражалась на Ленинградском фронте. «Фашистам никогда не бывать в городе Ленина»,— говорил он бойцам и первым поднимался в контратаку.

Под Ленинградом шли упорные бои. У небольшой деревушки Морозово, где занимало оборону подразделение Гатальского, защитники города Ленина стояли насмерть. Утром 13 ноября 1941 года гитлеровцы вновь предприняли атаку. Казалось, еще немного — и горстка героев будет смята. И именно тогда встал во весь рост политрук, за ним остальные. С последними гранатами и криком «ура!» они устремились вперед...

Когда бой утих, на снегу, в окружении черневших трупов фашистов, лежал убитый политрук. Бойцы бережно подняли героя и похоронили Николая Трофимовича Гатальского на окраине деревни.

Письмо Н. Т. Гатальского получено редакцией от его жены Станиславы Ивановны.

Позже по просьбе составителей книги Станислава Ивановна прислала фотографию Николая Трофимовича.

«Это фото 1939 года, но он на ней такой, каким я его помню в самом начале войны,— писала Станислава Ивановна.— Может быть, фотография поможет читателям лучше понять его облик и наше горе...»

Далее сообщалось, что останки героя, похороненного жителями деревни Морозово, позднее были перезахоронены на Октябрьском военном кладбище в Волхове. «Я с дочерью посетила могилу и до глубины души была тронута той заботой и вниманием, которые оказывают волховчане братским могилам. От мала до велика здесь помнят и знают годы войны, где шли тяжелые бои по защите Волхова и Ленинграда, где вся земля окрест была изрыта взрывами снарядов и полита кровью наших родных и близких».

ПИСЬМО ГВАРДИИ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА И. В. ПАНФИЛОВА ЖЕНЕ

13 ноября 1941 г.



И. В. Панфилов

Здравствуй, дорогая Мурочка.

Во-первых, спешу вместе с тобой разделить радость.

Мура, ты, вероятно, не раз слышала по радио, да очень много пишут в газетах о героических делах бойцов, командиров и в целом [*про*] *мою часть. То доверие, которое оказано мне — защита нашей родной столицы,— оно оправдывается. Ты, Мурочка, себе представить не можешь, какие у меня хорошие бойцы и командиры, это истинные патриоты, бьются, как львы, в сердцах каждого одно — не допускать врага к родной столице, беспощадно уничтожать гадов. Смерть фашизму!*

Мура, сегодня приказом фронта сотни бойцов и командиров дивизии награждены орденами Союза. Два дня тому назад я награжден третьим орденом Красного Знамени. Это еще, Мура, только начало. Я думаю, скоро моя дивизия должна быть гвардейской. Есть уже три героя, наш девиз — быть всем героями. Мура, пока все. Следи за газетами, ты увидишь о делах большевиков.

Теперь, Мурочка, как там вы живете, как дела в Киргизии? Как учатся ребята и, наконец, как живет моя Макуточка? Очень о вас соскучился, но, думаю, скоро будет конец фашизму — тогда опять будем строить великое дело Коммунизма.

Валя [1] *себя чувствует хорошо, я думаю, что скоро и она будет орденоноска, приняли ее в партию, работай ее очень довольны...*

Дорогая Мура, ты очень скупа, совершенно не пишешь. За все время от тебя получил одно письмо. Пиши чаще, ты знаешь, как хорошо, когда получаешь весточку из дома. Пиши, целую крепко тебя и детей: Женю, Виву, Галочку и мою дорогую Макочку. Передай привет всем...

Целую, твой И. Панфилов.

Привет от Валюши.

Иван Васильевич Панфилов родился 1 января 1893 года в городе Петровске (ныне Саратовской области) в семье мелкого конторского служащего. С 11 лет начал трудовую жизнь. В 1915 году был при-

[1] Валентина — дочь И. В. Панфилова — работала на передовом пункте медсанбата дивизии.

зван в армию и после окончания учебной команды в чине унтер-офицера направлен в 638-й Ольпинский пехотный полк. В октябре 1918 года добровольцем вступил в 1-й Саратовский полк, который влился в 25-ю стрелковую дивизию под командованием В. И. Чапаева.

За боевые дела на фронтах гражданской войны И. В. Панфилов в 1921 году был награжден орденом Красного Знамени. После окончания Киевской высшей объединенной военной школы в 1923 году направлен в Среднюю Азию. В 1929 году за участие в боях с басмачами И. В. Панфилов получил второй орден Красного Знамени. В 1938 году он был назначен военным комиссаром Киргизской ССР. На этом посту его и застала Великая Отечественная война.

В начале июля 1941 года И. В. Панфилов выехал в Алма-Ату, где приступил к формированию стрелковой дивизии.

К октябрю 1941 года дивизия заняла рубеж обороны под Москвой, близ Волоколамска, протяженностью 44 километра. 14 октября 1941 года к этому рубежу прорвались ударные гитлеровские части. Три пехотные дивизии, одна мотодивизия и одна танковая дивизия фашистов действовали против панфиловцев. Семнадцать суток панфиловцы сдерживали натиск гитлеровских дивизий, рвавшихся к Москве. Две недели они перемалывали силы противника, чему способствовали личное мужество и воинское мастерство командира дивизии генерал-майора Панфилова. Он появлялся на самых трудных участках, быстро и умело принимая нужные решения. В те дни с командиром 316-й дивизии не раз встречался командующий 16-й армией генерал К. К. Рокоссовский. Позже он вспоминал о беседах с Иваном Васильевичем, которые сразу убедили его в том, что этот командир обладает глубокими знаниями и богатым практическим опытом. «Он производил очень хорошее впечатление. Простое, открытое лицо, некоторая даже застенчивость. Вместе с тем чувствовалась в нем кипучая энергия и способность проявить железную волю и настойчивость в нужные моменты. О своих подчиненных он отзывался очень уважительно. Видно было, что хорошо знает каждого из них...»

О личной храбрости И. В. Панфилова, боевого брата «самого Чапаева», как его часто называли бойцы дивизии, на фронте уже тогда складывались легенды.

16 ноября фашистское командование предприняло новое наступление на Москву. Враг сосредоточил здесь громадные силы. Один из первых ударов приняли на себя части панфиловской дивизии. У железнодорожного разъезда Дубосеково 28 героев-панфиловцев в течение четырех часов вели бой с танками противника и не пропустили их к Москве. 17 ноября 1941 года Указом Президиума Верховного Совета СССР 316-я стрелковая дивизия была награждена орденом Красного Знамени, 18 ноября преобразована в 8-ю

гвардейскую стрелковую дивизию. Позже ей было присвоено имя генерала Панфилова.

18 ноября 1941 года во время боя у деревни Гусенево (сейчас тут воздвигнут обелиск) Иван Васильевич Панфилов был убит осколком мины. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 апреля 1942 года генерал-майору Панфилову И. В. посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Письмо И. В. Панфилова с фронта жене — Марии Ивановне Панфиловой, говорящее о его безграничной вере в победу, благородстве души и самоотверженности, хранится в Центральном государственном архиве Киргизской ССР (ф. 953, д. 3, л. 13—14). Оно написано на двух листах линованной бумаги, вырванных из блокнота. Письмо опубликовано в сборнике «Герой Советского Союза гвардии генерал-майор Иван Васильевич Панфилов» (Фрунзе, 1948, с. 32).

В Москве, на Новодевичьем кладбище, Героям Советского Союза В. В. Талалихину, И. В. Панфилову, Л. М. Доватору воздвигнут памятник. Одна из улиц столицы названа именем героя.

ЗАПИСКА И ПИСЬМО ПАРТИЗАНКИ В. ПОРШНЕВОЙ МАТЕРИ

29—30 ноября 1941 г.



В. Поршнева

29 ноября 1941 г.

Завтра я умру, мама.

Ты прожила 50 лет, а я лишь 24. Мне хочется жить. Ведь я так мало сделала! Хочется жить, чтобы громить ненавистных фашистов. Они издевались надо мной, но я ничего не сказала. Я знаю: за мою смерть отомстят мои друзья — партизаны. Они уничтожат захватчиков.

Не плачь, мама. Я умираю, зная, что все отдавала победе. За народ умереть не страшно. Передай девушкам: пусть идут партизанить, смело громят оккупантов!

Наша победа недалека!

30 ноября 1941 г.

Милая мамочка!

Пишу это письмо перед смертью. Ты его получишь, а меня уж не будет на свете. Ты, мама, обо мне не плачь и не убивайся. Я смерти

не боюсь... Мамочка, ты у меня одна остаешься, не знаю, как ты будешь жить. Я думаю, что Зоя тебя не бросит. Ладно, моя милая, доживай как-нибудь свой век. Мама, я все же тебе немного завидую: ты хоть живешь пятый десяток, а мне пришлось прожить 24 года, а как бы хотелось пожить и посмотреть, какая будет дальше жизнь. Ладно, отбрасываю мечты...

Писать кончаю, не могу больше писать: руки трясутся и голова не соображает ничего — я уже вторые сутки не кушаю, с голодным желудком умирать легче. Знаешь, мама, обидно умирать.

Ну ладно, прощай, моя милая старушка. Как хотелось бы посмотреть на вас, на тебя, на Зою, милого Женечку, если сохраните его, расскажите ему, какая у него была тетя. Ну все. Целую вас всех и тебя, мою мамочку.

Твоя дочь Вера.

Комсомолка Вера Поршнева одна из первых вступила в Молодотудский партизанский отряд Калининской области. Ровесница Октября, она прошла сложную и трудную школу жизни. Росла без отца, рано стала работать. До войны была библиотекарем, литературным сотрудником районной газеты. Много и упорно училась, охотно выполняла общественные поручения.

Когда враг захватил многие города и села западных районов Калининской области, Вера окончила курсы пулеметчиц и добилась назначения в партизанский отряд, где проявила себя находчивым и храбрым бойцом. По заданию командования отряда партизанка проникла в немецкую комендатуру. Она стала лучшей разведчицей отряда. При выполнении ответственного задания в тылу врага Веру выдал предатель. Это произошло в небольшой деревушке Борисовке. Двенадцать дней гестаповцы истязали девушку, допрашивали и глумились над нею.

Ничего не добившись, палачи пошли на хитрость: ее освободили. Используя первую же представившуюся возможность, Вера решила скрыться и вернуться в отряд. Но за ней неотступно следили, и через два дня ее снова схватили и бросили в каменный подвал одного из сараев.

Начались нечеловеческие пытки: загоняли раскаленные иглы под ногти, выводили полуголую на мороз, не давали воды и еды. Но лишь ненавистью наполнялись ее глаза, которые раньше, до войны, все называли добрыми.

Вера знала, что скоро наступит ее смерть, но ни о чем не жалела, была уверена в победе над ненавистными фашистами. Ей было жаль свою мать. На клочке серой бумаги Вера написала ей несколько строк — в них и боль сердца, и разумное утешение, и уверенность в скорой победе. Но передать эту записку незаметно не удалось. Неза-

долго до смерти она написала еще небольшое письмецо, которое зашила под подкладку пальто.

Перед тем как расстрелять ее, озверевшие гестаповцы на теле героини раскаленным железом выжгли пятиконечную звезду. Вера Николаевна Поршнева погибла 21 декабря 1941 года.

Жители деревни похоронили ее за околицей, а когда пришла Красная Армия, перенесли тело девушки в братскую могилу. И только тогда была обнаружена под подкладкой ее пальто записка.

Первая записка в заверенной копии хранится в Центральном архиве ЦК ВЛКСМ (папка по Калининской обл., л. 33—34). Письмо от 30 ноября 1941 года находится в Калининском областном краеведческом музее. Оно было прислано в фотокопии составителям книги «Говорят погибшие герои» после первого издания.

ПИСЬМО КОМАНДИРА ДЕСАНТА МОРЯКОВ — ЗАЩИТНИКОВ МОСКВЫ Г. И. ЛИХОМАНОВА ЖЕНЕ

Не позднее 7 декабря 1941 г.[1]



Г. И. Лихоманов

Дорогая Маша!

Вот я и на фронте. Уже слышу стрельбу в соседнем лесочке. Там наши моряки отбивают очередную атаку фашистов. Враг настойчиво рвется вперед. Но ты поверь мне, Москву мы не отдадим ни за что. Разгром врага под Москвой неминуем. Это будет началом его полного разгрома.

Перед нами стоит благородная задача очистить советскую землю от фашистских варваров, чтобы наши дети — будущее нашей Родины — жили спокойно и не знали, что такое война. Я уверен в нашей победе.

Мне скоро выпадет счастье бить врага.

Дорогая жена! Помни: в этой битве я либо буду героем, либо погибну за великое дело нашего народа.

Целую, твой Георгий.

Враг уже выдыхался. Не считаясь с потерями, продолжал рваться к Москве. Среди сил, стянутых под Москву Ставкой Верховного Главнокомандования, находились морские бригады, сформированные в Сибири и на Урале из моряков Тихоокеанского флота.

---

[1] Датировано по времени боя в селе Белый Раст.

Перед десантом моряков-тихоокеанцев, который возглавлял батальонный комиссар Георгий Иосифович Лихоманов, была поставлена задача — провести ряд боевых разведывательных действий, чтобы выяснить силы и расположение противника накануне решающего контрнаступления. Особое внимание приковывали позиции врага у села Белый Раст, раскинувшегося на вершине холма недалеко от Дмитровского шоссе, откуда фашисты беспрерывно обстреливали шоссе, Савеловскую железную дорогу.

Приказ был краток: ворваться в село, выявить силы врага, постараться удержать эту ключевую позицию за собой!

Морской пехоте полковник Катуков выделил семь танков. Готовясь к десанту, комиссар лично отбирал участников штурма. Он предложил покрыть танки белой известью, разработал план боя.

Появление в сумерках белых танков с матросами в черных бушлатах ошеломило гитлеровцев. Началась паника. Танкисты разили врага в упор из пушек и пулеметов, десантники, спешившись, забрасывали огневые точки гранатами и бутылками с горючей смесью. Но противник опомнился, открыл яростный огонь по смельчакам из всех видов оружия. Выяснилось, что в селе располагался целый пехотный полк, а десантников — всего около ста человек. Танки, истратив боекомплект, стали отходить назад. Лихоманов, выпустив ракету, что означало «отходить за танками», собрал группу прикрытия. Он был ранен. Передав товарищам сумку с трофейными документами, скомандовал: «Немедленно отходите. Сумку доставить в штаб во что бы то ни стало...»

Он так и не вернулся с поля боя.

Через два дня, воспользовавшись данными десантников-разведчиков, 64-я бригада морской пехоты перешла в наступление и освободила село Белый Раст.

От местных жителей воины узнали, что Лихоманов, потеряв сознание, попал в плен. Его жестоко пытали, а затем бросили в прорубь пруда. Тело героя было найдено и с почестями захоронено в братской могиле в центре села.

Георгий Иосифович посмертно награжден орденом Ленина.

Выходец из многодетной крестьянской семьи деревни Чистюнька Томской губернии, Георгий Лихоманов в 1919 году добровольцем ушел в Красную Армию. После вступления в ряды большевистской партии он стал политработником. Помимо службы он вел большую общественную работу: до войны его неоднократно избирали депутатом районного и городского Советов. Это был человек чистой совести, большой души, неиссякаемой жизненной энергии, отдававший всего себя людям и погибший за их счастье.

Впервые письмо Г. И. Лихоманова к жене опубликовал С. Кувшинов в сборнике «Бойцы ленинской гвардии» (М., 1967, с. 266).

ЗАПИСКА
МАТРОСА-ПУЛЕМЕТЧИКА А. В. КАЛЮЖНОГО

20 декабря 1941 г.

Родина моя! Земля русская! Я, сын ленинского комсомола, его воспитанник, дрался так, как подсказывало мне сердце, уничтожал гадов, пока в груди моей билось сердце. Я умираю, но знаю, что мы победим. Врагу не бывать в Севастополе!

Моряки-черноморцы! Уничтожайте фашистских бешеных собак. Клятву воина я сдержал.

Калюжный.

К середине ноября 1941 года немецко-фашистские войска захватили Крым, за исключением Севастополя. Оборона города продолжалась свыше восьми месяцев. Своей железной стойкостью, смелыми контратаками севастопольцы наносили врагу огромный урон в людях и в боевой технике, но и сами теряли многих и многих защитников города.

Матрос-пулеметчик Алексей Калюжный и его боевые друзья из дзота № 11, расположенного на важном направлении, в районе деревни Дальней (Камышлы), трое суток отражали яростные атаки противника. Гитлеровцы неоднократно бомбили дзот с воздуха, забрасывали его минами. Моряки-комсомольцы старшина второй статьи С. С. Раенко, А. В. Калюжный, Д. И. Погорелов, Т. Доля, И. Четвертаков и др. поклялись не отступать ни на шаг. Кончались боеприпасы, ядовитый дым разъедал глаза, было трудно дышать. Многие моряки были ранены. На третьи сутки, в ночь на 19 декабря, к ним подошло подкрепление. Это были их товарищи — М. Н. Потапенко, К. И. Король и П. Корж. Они принесли боеприпасы, продовольствие и немного воды. Но силы были слишком неравными. 20 декабря, когда в живых осталось трое тяжело раненных моряков, фашисты овладели высотой и захватили дзот.

Через несколько дней наши войска вновь отбили высоту. В разрушенном дзоте бойцы нашли девять павших героев — своих друзей. В противогазе пулеметчика Алексея Калюжного был найден клочок бумаги — последнее письмо моряка, обращенное к советским людям.

О записке А. Калюжного сообщило ТАСС 25 мая 1942 года (ЦГАОР СССР, ф. 4459, оп. 21, д. 4, л. 54).

ОБРАЩЕНИЕ СТАРШИНЫ Г. А. ИСЛАНОВА К ТОВАРИЩАМ ПО ФРОНТУ

28 декабря 1941 г.

Я — командир пешей разведки 1243-го с. п. Исланов Г. А.

Второй день в окружении. Против нас враг бросил батальон. Но мы не сдадимся живыми.

Мы разгромили штаб 116-го эсэсовского полка, захватили двух полковников, знамя, документы. Около меня на полу эти два полковника, живые. Фашисты хотят спасти их, но не удастся. Из десяти разведчиков осталось шесть человек...

Около меня тринадцатилетний пионер Петя Сафронов из Калинина. Партизаны послали его к нам связным. Он не мог вырваться. Беспощадно боролся, уничтожил более 25 фашистов, получил шестнадцать ранений, погиб геройски.

Немецкий батальон окружил нас. Стремятся освободить своих полковников и уничтожить нас... За это время уничтожили более 300 фашистов.

Я — коммунист, с честью выполнил свой долг перед партией, перед народом. Бейте фашистов беспощадно, они сильны перед слабыми, а перед сильными они — ничто... Прославляйте свою Родину своей преданностью.

Судьба нашей Родины решается сейчас на поле битвы.

Если попадут мои записи к немцам, то читайте — это пишет разведчик перед смертью. Мы победим вас. Наша многонациональная Красная Армия во главе с великим русским народом непобедима. Она ведет справедливую войну...

Не забудьте девушку Маню из села Некрасова. Она погибла геройски, настоящая патриотка. Она уничтожила четырех офицеров, а ее саму фашисты расстреляли.

Немцы подтянули еще свежую силу — целый батальон против советских разведчиков. Пусть попробуют. Им не взять своих полковников живыми. Их мы уже приговорили к смерти.

Коммунист, разведчик стрелкового полка старшина Исланов.

28.12.1941 года, под городом Старицей, Калининской области.

Перед смертью.

Слава нашей партии Ленина.

Ах, еще хотел бы долго, до победного конца воевать.

Исланов.

Немцы бешено начали... Но мы... [1]

28.12.1941 года. Смерть фашистам, не бегите от них, товарищи! Перед сильными они — ноль.

---

[1] Разобрать текст не удалось.

Из десяти человек осталось четверо. В окружении — третий день. Боевое задание мы выполнили, послали трех связных после разгрома эсэсовского полка, знамя, много секретных документов. Мы прикрывали их отход.

Рассветает. Немцы — целый батальон — окружили нас. Наша оборона крепка... Запасли много боеприпасов и оружия.

Истинный герой красноармеец Хабибулла Ислямов, бывший воспитанник детского дома имени ЧК в Петрограде, слесарь завода «Севкабель», призван Кзыл-Ординским горвоенкоматом... Он бил беспощадно, пока не был ранен. Вечером с Кузьминым привел двух немецких солдат, захватив их как «языков». Они еще живые. Убедительно просят убить двух полковников. Называют себя коммунистами.

Мы остались трое в живых. У нас по нескольку ранений, у всех течет кровь. Вот сейчас она залила мой левый глаз. Мы погибаем за Родину, наша кровь не пропадет. Присягу мы не нарушили, мы, разведчики, выполнили свой долг перед Родиной.

Прошу сообщить моим детям... они в Ташкенте, что я погиб на поле битвы в неравном бою, храбро. Пусть они не забывают меня никогда, они будут жить счастливо, без войн.

Ислямов скончался. Это большая утрата. Он был не человек, а лев, бесстрашный герой Родины, комсомолец.

Вот только что тяжело ранило Ольховецкого, бывшего секретаря Невинского (или Невянского) горкома ВКП(б). Он был бесстрашный большевик, агитатор нашего полка. Он умирает.

Нас осталось двое. Немцы беспощадно сжимают кольцо. Перед амбразурами — трупы вражеских солдат.

Я кончаю писать. Кузьмин крепко сражается. Гитлеровских полковников я списал на тот свет.

Наступает темнота. Фашисты кричат нам, обещают жизнь и многое другое, чтобы мы сдались.

Двое пленных немцев, рядовых, просят, чтобы я им дал право воевать против своих. Кузьмин очень тяжело ранен. Без сознания. У меня три ранения. Сейчас задело пулей левый глаз. Течет обильно кровь. Немцам я развязал руки, доверил каждому по автомату. Они начали бить по своим. Я удивлен — они наши!

Я одной рукой продолжаю писать в темноте. Перестрелка стихла. Опасная пауза. Блиндаж полон трупами.

Жду.

Последние минуты жизни.

28.12.1941. Жив. Не сдамся.

Два немецких солдата заменяют моих товарищей. Кто же они? Нет времени спросить их.

Жив! Не сдамся!

Я обращаюсь к своим товарищам-воинам. Боритесь за Родину, за

партию Ленина. Все равно победа будет за нами. Враг силен. Но морально они слабее нас во много раз.

Не падайте духом. Будьте стойкими борцами за победу партии Ленина, за Октябрь, за свой народ...

Ему был 21 год. Уроженец Апастовского района, Татарской автономной республики, Г. А. Исланов жил до войны, как и все его сверстники, с верой в будущее. После десятилетки стал работать, учился в вузе. Война нарушила все его планы...

В суровые декабрьские дни 1941 года коммунист Г. А. Исланов — старшина и командир отряда разведчиков 1243-го стрелкового полка — участвует в защите Москвы. Он пишет торопливые, коротенькие открытки родным, жившим в Свердловске, сообщает об упорных боях под Москвой, о переходе в наступление, об освобождении Калинина, о зверствах фашистов, о героизме своих товарищей-разведчиков Хабибуллы Ислямова, Кузьмина, Ольховецкого, Петра Сафронова и др. В ночь на 26 декабря 1941 года Галея Исланова вызвали в штаб полка и поручили сформировать отряд из десяти разведчиков, который должен проникнуть в зафронтовой город Старицу и во что бы то ни стало разузнать ближайшие планы врага.

Линию фронта прошли тихо. Добравшись до окраины города, быстро нашли командный пункт местного гарнизона. Внезапная рукопашная атака. Убиты и ранены десятки фашистов, взяты «языки», захвачены ценные оперативные документы. Но гитлеровцы вскоре опомнились. Отряд разведчиков оказался во вражеском кольце, которое час от часу стягивалось все туже и туже. Исланов приказал занять круговую оборону, сражаться до последнего, если не удастся прорваться к своим. Уж слишком неравны были силы!.. Тогда-то и появилось это письмо. Когда оно было закончено, старшина раскрыл свою воинскую книжку и уже не карандашом, а кровью, сочившейся из ран, написал: «Моя партия, моя Родина, мой героический народ Советского Союза! Я это пишу перед смертью...»

Письмо, воинскую книжку, остаток карандаша он запрятал в пустую флягу, крепко закрутил ее крышкой и спрятал в груде камней от обрушившейся стены.

Послание разведчика было обнаружено участниками боев под Старицей, побывавшими в этих местах в 1964 году.

ПРОЩАЛЬНАЯ ЗАПИСКА ЗАЩИТНИКА ЛЕНИНГРАДА ЛЕТЧИКА-ИСТРЕБИТЕЛЯ С. ГОРГУЛЯ

**Не ранее 22 ноября —
не позднее декабря 1941 г.** [1]

Родина, комсомол, я дрался с врагом, как клялся, получая комсомольский билет, не жалея собственной жизни. Я умираю, но знаю, что мы победим. Я честно выполнил свой долг. Прощайте, друзья! Прощайте, ленинградцы!..

Эти слова были написаны смертельно раненным летчиком-истребителем Семеном Горгулем, самолет которого был сбит в небе над Ладогой.

Поздней осенью 1941 года молодой летчик-истребитель защищал «Дорогу жизни», проходившую через Ладожское озеро.

Для осажденного города эта дорога имела неоценимое значение: она связывала с Родиной, по этой дороге перевозилось военное снаряжение и продовольствие для осажденных.

Гитлеровское командование во что бы то ни стало пыталось оборвать эту «Дорогу жизни» и обрушивало на нее непрерывные удары с воздуха и суши.

Днем и ночью над ледовой трассой Ладоги патрулировали советские самолеты, героически отражая атаки вражеской авиации. Среди защитников «Дороги жизни» был и Семен Горгуль.

Ровесник Октября, комсомолец. Он пришел в летное училище по путевке донецкого комсомола. Был шахтером, как и отец, от которого унаследовал настойчивость, деловитость и честность.

В эскадрилье его избрали секретарем комсомольской организации. Здесь он стал искусным летчиком-истребителем. С Голубевым, Байраковым и Дмитриевым днем и ночью патрулировал в небе. На своем «ястребке» Семен неоднократно выходил победителем из поединков с фашистскими асами...

В тот день группа «мессершмиттов» снова пыталась прорваться к дороге. Ей наперерез устремился «ястребок», ведомый С. Горгулем. Вот, объятый дымом и огнем, рухнул вниз один из «мессеров». Повернул, не выдержав боя, другой. Семен Горгуль начал преследовать третьего. Но трассирующие пули четвертого достигли истребителя. «Ястребок» вышел из повиновения и начал быстро снижаться. Тяжело раненный летчик сумел невероятным усилием воли вывести самолет из пике и приземлился на снежное поле.

---

[1] Датировано по времени начала работы ледовой трассы «Дорога жизни» и времени гибели С. Горгуля.

Гитлеровские летчики, радуясь удаче, с бреющего полета стали расстреливать краснозвездную машину. Пять раз пикировали они на распростертого внизу «ястребка», но только на шестой им удалось поджечь его.

На льду Ладоги рядом со сгоревшим самолетом нашли тело погибшего героя. Раненный в обе ноги, он истек кровью. Рядом с ним лежал открытый блокнот с неоконченной предсмертной запиской. В ней — прощальные слова, написанные кровью.

Записка летчика-истребителя С. Горгуля опубликована в книге Н. К. Смирнова «Матросы защищают Родину» (М., 1968) и в газетах «Правда», «Комсомольская правда» за 23 января 1964 года.

КЛЯТВА КРАСНОАРМЕЙЦА И. Я. АНДРОСОВА

Декабрь 1941 г. [1]



И. Я. Андросов

Вступая в бой, я, как коммунист, заверяю командование, что буду драться храбро, умело и с достоинством, не щадя своей крови и самой жизни для полного уничтожения коричневой чумы. Прошу только одно: после разгрома фашизма, если я погибну, сообщить моим родным, что я погиб за дело Ленина, по адресу: БССР, Гомельская область, Жлобинский район, Малевичский с/с, дер. Новики, Андросовой Татьяне Ивановне.

Я заверяю командование, что не оставлю поля боя, в случае [если] буду ранен, покуда не оставят меня силы, а на этом с товарищеским приветом.

Боец коммунист Иван Яковлевич Андросов.

В суровые дни октября 1941 года, когда враг угрожал Туле, городу русских оружейников, тульскому полку НКВД была поручена почетная и ответственная задача — вместе с частями Красной Армии встать на защиту Тулы, отстоять ее от натиска танковой армии Гудериана.

В течение многих дней, в ненастье и непогоду, в крайне сложной и напряженной обстановке бойцы стойко и умело вели борьбу с превосходящими силами гитлеровцев.

4 и 5 декабря были трудными днями обороны: Тула почти полностью окружена; все основные дороги, связывающие город не

---

[1] Датировано по времени боев за Верхние Присады.

только с Москвой, но и с ближайшими районными центрами, перерезаны. Лишь северо-западнее Тулы оставалась узкая полоса территории, которую не удавалось занять вражеским войскам.

В результате величайшей стойкости и выдержки защитников Тулы, которые мужественно сражались с численно превосходящим противником, наступление гитлеровских войск было приостановлено.

В тяжелом бою с танками Гудериана за Верхние Присады погиб смертью храбрых молодой коммунист красноармеец 156-го полка НКВД Иван Яковлевич Андросов. Стальные чудовища неумолимо надвигались на маленькую горстку отважных бойцов. В танки летели бутылки с зажигательной смесью, связки гранат. Одна за другой загорались вражеские машины и останавливались. Но за ними шли новые и новые танки. Иван Яковлевич Андросов торопливо написал последние слова. Три листочка из записной книжки вложил в партийный билет. Сейчас они хранятся в Центральном музее пограничных войск (п. 110, д. 19).





Мы бились беспощадно...
Мы на лезвиях штыков наш гнев несли,
Не жалея жизни, чтобы взять обратно
Развороченный кусок родной земли.

ВЛАДИСЛАВ ЗАНАДВОРОВ,
погиб в боях
у стен Сталинграда
в ноябре 1942 года.

ПИСЬМО ПЯТЕРЫХ ВОЕННОПЛЕННЫХ ИЗ ГЕСТАПОВСКОГО ЗАСТЕНКА ГОРОДА КИЕВА

Конец 1941 — начало 1942 г.

Дорогие друзья, мирные жители, бойцы и командиры.

Мы, узники фашизма, сейчас находимся за три часа от смерти. Нас пять человек: Виктор Селезнев, Иван Кириллов, Петр Афанасьев, Андрей Кошелев и Володя Данилов.

Сидим в смертной темнице уже девять дней. Попали в плен в момент оккупации Киева... Нас терзали, пытали... Мучили два месяца подряд. Пытались узнать много из военной тайны. Но честные воины, русские воины знают, что Родина дороже жизни.

Если мы пятеро погибнем, то за нас отомстят миллионы наших товарищей. Прощайте, скоро мы погибнем, но погибнем геройской смертью.

Прочтите эту записку и сообщите родным, что русские погибают смертью храбрых.

Возле виселицы в минуту перед смертью споем «Интернационал».

Да здравствует Родина!

Да здравствует Кр. Армия!

Витя Селезнев[1]*. Ржев, Кирова, 14.*
Иван Кириллов. Калинин, ф-ка Ворошилова, д. 5, кв. 10.
Кошелев Андрей. Хреновое, Воронежская область.
Петр Афанасьев. Ст. Оскол, Советская, 3.
Володя Данилов. Тамбовская обл., дер. Негорелое.

Прощайте.

Данилов.

Давно уже отгремела война... Киев вставал из руин. Однажды рабочие обнаружили в подвале дома № 56 по Владимирской улице почерневший от времени резиновый шланг длиною 20 сантиметров. В нем оказался обрывок пожелтевшей бумаги с плохо различимыми карандашными строками. Это было приведенное выше письмо. На нем нет даты, и его можно датировать только приблизительно...

Сотрудники Киевского филиала Центрального музея В. И. Ленина, куда поступило это письмо, решили разыскать родственников погибших. Они установили, что Андрей Кошелев действительно жил по указанному адресу, перед войной окончил в Воронеже курсы командного состава, когда началась война, ушел на фронт. В декабре

[1] Фамилия читается и как Селезка.

1941 года сообщал родным, что отправляется на выполнение ответственного задания, и потому просил пока ему не писать...

Немного удалось узнать и об Иване Кириллове: выпускник ФЗУ, он работал перед войной помощником мастера на ткацкой фабрике имени Ворошилова в городе Калинине.

О Селезневе (Селезка) сообщила ржевская газета, но что-нибудь конкретное узнать о нем пока не удалось. Не дали результатов и запросы об адресах Петра Афанасьева и Владимира Данилова, рукой которого, скорее всего, написано письмо. Возможно, в целях конспирации некоторые адреса были указаны не полностью или условно.

Письмо было опубликовано 4 декабря 1973 года в газете «Известия».

ПИСЬМА ЗАМЕСТИТЕЛЯ ПОЛИТРУКА ЛЫЖНОГО ОТРЯДА Л. Х. ПАПЕРНИКА

Конец декабря 1941 г.— 6 января 1942 г.



Л. Х. Паперник

ПИСЬМО СЕСТРЕ

Конец декабря 1941 г.

Здравствуйте, Зиночка и Леонард.

Поздравляю вас с Новым, 1942 годом. Желаю вам счастья и здоровья. Желаю вам, чтобы 1942 год был годом счастливых встреч на освобожденной от фашистских псов земле, чтобы мы снова собрались в нашей замечательной Москве.

В газетах вы читаете, что мы гоним гадину все дальше и дальше от нашей дорогой Москвы, освобождая все новые и новые города и села. Я видел много десятков людей: молодых и старых, детей и стариков, встречавших нас со слезами радости.

Места, по которым мы проходили за последние дни, мне знакомы. Я вспоминаю дни строительства в городах Истра, Новоиерусалим, помню их постройки, музеи и потому с негодованием, злобой и ненавистью к этим извергам осматриваю все разрушения, все грабежи, которые сотворили эти насильники.

Дорогие! Газеты дают очень мало представления о тех мерзостях, которые творили в наших городах и селах фашистские установители «новых порядков».

Мне, как заместителю политрука, приходится сейчас сталкиваться и осматривать результаты зверств фашистских разбойников. До-

рого им придется расплачиваться за деяния на нашей территории. Расплата будет за все народы, угнетенные и порабощенные ими.

1942 год будет годом полного уничтожения выродков человечества, годом уничтожения всего, что создано коричневой чумой фашизма.

Приятно, что в такие суровые дни я нахожусь в рядах защитников Родины, приятно, что я неплохо подготовился к дням службы в рядах РККА. Все, чем я занимался в мирное время: лыжи, верховая езда, меткая стрельба,— мне очень пригодилось, и я с гордостью вспоминаю те дни, когда, несмотря на перегрузку на работе, я, усталый, отправлялся на полеты в планерную школу или на занятия в Кавалерийской школе им. Буденного, а выходные дни «пропадал» на Воробьевых горах, хотя мама не любила, когда я катался на лыжах.

На днях у меня произошла очень интересная и трогательная встреча в лесу. После налета фашистской авиации, которая нас обстреливала из пулеметов, оказывая помощь товарищам из соседней части, которые попали под обстрел, я услышал, что один из раненых называет мое имя. Каковы же были мои радость и удивление, когда я в этом бойце узнал своего друга по заводу и школе верховой езды Яшку.

Ну, хватит, проведите хорошенько встречу Нового года, будьте здоровы, до скорой встречи в Москве.

Сообщи мне день рождения наших сестренок, помню, что это 21 — 25 января. Хочу знать точнее.

Ваш Лазарь.

ПИСЬМО РОДНЫМ

6 января 1942 г.

Здравствуйте, дорогие.

Жив, здоров, у меня все по-старому.

Выполняю вашу волю: уничтожаю фашистов и освобождаю территорию для нас с вами, для тысяч граждан, уехавших из родных мест.

Целую крепко.

Ваш Лазарь.

В январе 1942 года на полях Подмосковья группа лыжников совершила подвиг, о котором скоро узнали все защитники столицы нашей Родины. 23 героя пали смертью храбрых в бою, но не пропустили врага.

Вот как это произошло.

Под ударами наших войск враг отходил на запад, яростно огрызаясь и цепляясь за каждый населенный пункт. Бои шли за город

Сухиничи, превращенный гитлеровцами в узел сопротивления. Отряд лыжников, в котором заместителем политрука был Л. Х. Паперник, получил задание выбить врага из деревни Хлуднево и удерживать ее до прихода наших стрелковых подразделений. Здесь противник накапливал силы для укрепления обороны города Сухиничи, поэтому лишить фашистов этого опорного пункта было очень важно.

В ночь на 23 января лыжники двинулись в расположение врага. Под покровом темноты отряд без помех подошел к деревне. Из рассказов местных жителей бойцы узнали, что вечером сюда прибыло подкрепление с двумя легкими танками, минометами и артиллерией. Соотношение сил складывалось слишком неравное. Несмотря на это, советские патриоты решили вступить в бой и выполнить задание командования.

Тщательно разведав расположение огневых точек противника, бойцы заранее наметили объекты для атаки. Нужно было сделать так, чтобы у противника сложилось впечатление о нападении на него крупных сил. Было уже за полночь, когда лыжники вплотную подобрались к деревне и по сигналу командира одновременно пустили в ход гранаты и автоматы. Возникшая среди гитлеровцев паника позволила уничтожить много вражеских солдат и продвинуться к центру деревни. Однако вскоре фашисты опомнились и усилили ответный огонь. Под защитой двух танков им удалось оттеснить горстку храбрецов к окраине села. Был тяжело ранен командир отряда К. З. Лазнюк. Политрук отряда Егорцев принял командование на себя. Он приказал одному из раненых бойцов вынести командира из огня, а сам с остальными бойцами решил прорваться к большому бревенчатому сараю, стоявшему на возвышенности за деревней. Заняв круговую оборону у сарая, лыжники приготовились отразить атаку танков. Враг все туже сжимал кольцо. Воины вынуждены были скрыться в сарае. Бой затянулся до утра.

Вот как описывала «Правда» 14 февраля 1942 года этот героический эпизод:

«Утром по сараю начали бить из миномета... Лыжников оставалось все меньше и меньше... Гитлеровцы хотели взять их в плен. Они прекратили минометный огонь и, сжимая кольцо, предлагали: «Рус, сдавайся». «Советские патриоты в плен не сдаются!» — крикнул кто-то из оставшихся, и в цепь немцев полетели гранаты, последовало несколько очередей из автоматов. Враг рассвирепел и... бросился к сараю. В живых остался один Паперник. Немцы ринулись на него, желая захватить хоть одного живого лыжника. «Лучше смерть, чем фашистский плен!» — крикнул Паперник и взорвал себя гранатой».

Когда деревня Хлуднево была освобождена от оккупантов, жители рассказали о геройской смерти лыжников. Они были награждены посмертно орденами Ленина, а заместителю политрука

Л. Х. Папернику за смелость и преданность Родине Указом Президиума Верховного Совета СССР присвоено звание Героя Советского Союза.

Молодой коммунист, воспитанник Ленинского комсомола, Лазарь Хаимович Паперник родился в 1918 году в семье железнодорожника. Окончив семилетку, поступил в школу ФЗУ. Год спустя был принят в комсомол. По окончании школы ФЗУ Лазарь Паперник стал работать на Первом московском часовом заводе имени С.М. Кирова сначала токарем, потом фрезеровщиком, наладчиком станков, техником по инструменту, диспетчером и, наконец, начальником цеха. Одно время Лазарь Паперник возглавлял комитет ВЛКСМ завода.

17 июля 1941 года Л. Паперник добровольцем ушел на фронт. В тяжелые дни обороны Москвы он подал заявление о приеме в партию. «Клянусь честно, с оружием в руках быть всегда в первых рядах борцов за Родину»,— писал он. Клятву свою сдержал. Молодой коммунист Лазарь Паперник погиб героем. Его с гордостью вспоминают работники Первого московского часового завода имени Кирова, где Паперник работал много лет.

Как теперь установлено, Лазарь Паперник после подачи заявления о добровольном вступлении в Красную Армию был направлен в ряды Отдельной мотострелковой бригады особого назначения (ОМСБОН) Наркомата внутренних дел СССР, создание которой началось в первые дни Великой Отечественной войны. Формировалась она в Москве. Костяком бригады стали видные советские спортсмены, лучшие рабочие московских предприятий, как, к примеру, Лазарь Паперник, студенты и аспиранты ряда высших учебных заведений города — Института физической культуры, МГУ, горного, станко-инструментального, историко-архивного и др. После окончания учебы бойцы ОМСБОНа получали боевые задания и уезжали из Москвы.

В середине ноября 1941 года в составе группы бойцов, возглавляемых старшим лейтенантом А. П. Шестаковым, на минирование участка фронта у Ленинградского шоссе отправился и Лазарь Паперник. Несмотря на сильный мороз, сковавший землю, постоянный обстрел и налеты фашистской авиации, омсбоновцы быстро выполнили задание. Им осталось самое важное — пропустить через минные поля отходившие части 16-й и 30-й армий и заминировать эти проходы. Все благополучно прошли, проходы были заминированы. Но на правом фланге, у деревни Давыдково, внезапно появились танки и автоматчики — десять омсбоновцев оказались в окружении. Лазарь Паперник, Виктор Кувшинников — бывший слесарь, студенты Гречаник, Москаленко, Лепешинский, Саховалер, Черний и их товарищи, собрав вокруг себя около полусотни бойцов 16-й армии, скрылись в соседнем лесу. К утру, миновав деревню Замятино, по-

доженную противником, вышли к Солнечногорску. Там тоже уже был враг. Только на третьи сутки, продвигаясь по обочинам Рогачевского шоссе, омсбоновцы вышли в расположение советских войск. Так Лазарь Паперник получил первое боевое крещение.

Затем новые, не менее сложные и опасные операции. И всегда Лазарь Паперник был примером мужества и стойкости. Когда враг стал откатываться от Москвы, командование ОМСБОНа сформировало и отправило в тыл отступающего противника несколько чекистских специальных групп и отрядов. Во главе их стояли такие замечательные командиры-чекисты, как М. К. Бажанов, С. А. Ваупшасов, В. Н. Воронов, П. Г. Лопатин, П. Г. Шемякин, А. П. Шестаков и др. В конце декабря 1941 года ушел в тыл врага в составе лыжного отряда К. З. Лазнюка и Лазарь Паперник. Из этой операции, как мы уже знаем, он не вернулся.

Добавим еще, что Родина высоко оценила боевую и разведывательную деятельность личного состава ОМСБОНа: 20 воинов-чекистов удостоены звания Героя Советского Союза, более 7 тысяч омсбоновцев награждены орденами и медалями. И Лазарь Паперник был лишь одним из них...

На Первом московском часовом заводе имени Кирова на мемориальной доске, установленной в память тех, кто не вернулся с фронта, указан и Герой Советского Союза Л. Х. Паперник. В Волгоградском районе столицы одна из улиц носит его имя.

Копии писем Л. Х. Паперника хранятся в архиве газеты «Правда» (отд. писем, 1942 г., п. 20). Они были присланы в редакцию родными героя.

ИЗ ДНЕВНИКА ЛЕНИНГРАДСКОГО ЮНОШИ В. Г. МАНТУЛА

23 июня 1941 г.—
13 января 1942 г.

23 июня 1941 года.

Ну, началась война с Германией. Сегодня ночью был налет. Получасовая тревога. Но налет был отбит. Пойду добровольцем.

9 июля.

Я подал заявление, но не взяли. Ну, не беда. Постараюсь на заводе поработать так, чтобы досрочно и отлично выполнять все задания, которые получу.

1 августа.

Часто приходится бегать по тревоге на пост. Дежурю сейчас на крыше своего корпуса. Весьма важная вещь, т. к. я первый замечаю падение бомб, а если они не проваливаются на чердак, то на мне лежит обязанность тушить или сбрасывать их с крыши... Но к чести славных защитников города Ленина надо сказать, что ни одного самолета над ним до сих пор не было...

29 сентября.

Коротко — жив, здоров. Побывал несколько раз под бомбами, но все обошлось хорошо. Не так страшен черт, как его малюют. Работаю по-прежнему там же. Скоро всему этому конец. Всю эту сволочь погоним отсюда до самого Берлина, и тогда будет нормальная жизнь! А сейчас надо вкалывать. Но в данный момент надо спать, так как пришел после 18-часовой смены. Работал полдня и ночь.

Ноябрь.

250 гр. хлеба (почти глины) в день, артиллерийские обстрелы, отсутствие жиров, конфет, мяса. Последний сытный обед под грохот рвущихся дальнобойных снарядов — во время круглосуточного дежурства с 7 на 8 ноября на заводе...

4 января 1942 года.

Прошел Новый год. Встречали его с чашкой чая, куском хлеба и ложечкой повидла... Кончаются дрова. Взять неоткуда. А впереди еще весь январь и февраль. Еще два месяца мерзнуть!..

13 января 1942 года.

В отношении питания совсем плохо в городе. Вот уже месяц, как большинство населения не видит круп и жиров. Сам же город приобрел какую-то неестественную пустынность, омертвелость. Пойдешь по улице и видишь картину: идет народ. Поклажа исключительно либо вязанка дров, либо кастрюлечка с бурдой из столовой. Трамваи не ходят, машин мало... Дым идет только из форточек жилых квартир, куда выведены трубы «буржуек», да и то не из всех. У многих нет даже возможности топить времянку за неимением дров. Очень большая смертность. Да и я сам не знаю, удастся ли пережить нашей семье эту зиму...

Хотя бы мать моя выдержала все эти лишения и дожила до более легких дней. Бедняга, тоже старается, выбиваясь из последних сил.

Ну, а много ли их у 46-летней женщины?.. Ведь она одна, фактически, нас и спасает сейчас. То от себя урвет лишнюю порцию от обеда, чтобы прислать ее нам, то хлеба кусочек. А сама живет в холоде и голоде, имея рабочую карточку, питается хуже служащего. Неужели это все-таки долго протянется? Впереди еще два месяца холодов и голода. Позади 4-месячная блокада и голод. Это поистине нужно быть железным...

Очень хотелось бы дождаться теплой поры, когда не надо было бы дорожить каждым горючим предметом для печи, и уехать куда-нибудь в колхоз, помогать там создавать урожай для будущего года и создать бы, по крайней мере, такие запасы, чтобы обеспечить хотя бы нормальное снабжение приличным черным хлебом для всех жителей...

Ну, ладно. Надо, как видно, сейчас идти по воду. Вода замерзла абсолютно везде, и нести ее придется за 4 километра из колодца. В квартире не осталось даже капли воды, чтобы согреть чай. Чай! Как громко звучит это слово сейчас, когда рад и кипятку с хлебом! Пить же чай абсолютно не с чем. Нет ни одной крошки сладкого, и пить кипяток надо с солью. Единственное, чего у нас хватает,— это соли. Хотя в магазинах и ее нет, но у нас был небольшой запас — кг. около 2—3, и вот он пока тянется. Теперь хотелось бы написать письмо маме, как раз моя тетя идет к ней, но не знаю, стоит ли передавать его с ней. Она может его прочесть, а это весьма нежелательно.

Ну, что же, надо идти за водой... Мороз меня прямо страшит. Если дойду, то это будет великое счастье...

Жизнь Владимира Григорьевича Мантула оборвалась рано. Перед войной он окончил восемь классов и поступил в индустриальный техникум. Когда началась война, 17-летний паренек решил идти на фронт, но в армию его не взяли. Тогда он стал работать шлифовальщиком на заводе и вместе с тысячами ленинградцев мужественно переносил блокаду. 900 дней город-герой сопротивлялся врагу. Многие из его защитников и жителей погибли. Но город Ленина выстоял, явив всему миру невиданные доселе мужество и стойкость советских людей.

В. Г. Мантула — один из рядовых защитников города — умер от голода 24 января 1942 года. Дневник, в котором он делал записи, сохранила его мать — Нина Дмитриевна Мантула. Заверенная копия дневника находится в партархиве Ленинградского обкома КПСС (ф. И — 43, оп. 1, д. 8, л. 1—10).

ОБРАЩЕНИЕ МЛАДШЕГО ПОЛИТРУКА МОТОСТРЕЛКОВОГО БАТАЛЬОНА И. Г. БАЛАБАНОВА

28 января 1942 г.



И. Г. Балабанов

Дорогие товарищи!

Я сделал все, что мог. Приняв командование батальоном после ранения командира, я продолжал наступление и выполнил приказ командования. Я с гордостью смотрел смерти в лицо, потому что во мне билось большевистское сердце. Мне смерть была не страшна. Я презирал ее... Я бился так потому, что любил свой народ, свою родину, свою партию...

Умирая на поле боя, я должен сказать своим друзьям по оружию в Отечественной войне, что во мне не было трусости и паники.

Громите фашизм до полного уничтожения — вот мое боевое пожелание. Будьте героями Отечественной войны, чтобы история помнила вас как отважных защитников русской земли.

Надеюсь, что вы, мужественные воины России, отомстите за мою смерть фашистам.

Сообщите моим родителям о том, как я жил и умер.

Прощайте, боевые дорогие друзья!

Балабанов Иван Григорьевич.

Иван Григорьевич Балабанов — младший политрук мотострелкового пулеметного батальона. 28 января 1942 года он возглавил группу бойцов во время атаки на огневую точку врага у деревни Гусево. Противник хорошо укрепился в деревне. Каждый дом, каждый сарай были превращены им в опорный пункт. С возгласом «Смерть гитлеровской своре!» под сильным огнем фашистов Балабанов бросился впереди бойцов к ближайшему сараю. Вражеская пуля тяжело ранила героя. Истекая кровью, Иван Григорьевич Балабанов ворвался в сарай, где засели гитлеровцы. Ошеломленные вражеские автоматчики в панике разбежались. Захватив сарай, Балабанов занял огневую позицию и открыл огонь по фашистам.

Когда враг был отброшен, друзья нашли Ивана Балабанова уже мертвым. В его похолодевшей руке был зажат маленький листок бумаги — последнее письмо-обращение. Оно было опубликовано в газете «Комсомольская правда» от 16 апреля 1942 года.

ПИСЬМО КОМАНДИРА ПУЛЕМЕТНОГО РАСЧЕТА Н. А. ОНИЛОВОЙ

Февраль 1942 г.[1]



Н. А. Онилова

Настоящей Анке-пулеметчице из Чапаевской дивизии, которую я видела в кинокартине «Чапаев»[2]. *Я незнакома вам, товарищ, и вы меня извините за это письмо. Но с самого начала войны я хотела написать вам и познакомиться. Я знаю, что вы не та Анка, не настоящая чапаевская пулеметчица. Но вы играли, как настоящая, и я вам всегда завидовала. Я мечтала стать пулеметчицей и так же храбро сражаться.*

Когда случилась война, я была уже готова, сдала на «отлично» пулеметное дело. Я попала — какое это было счастье для меня! — в Чапаевскую дивизию, ту самую, настоящую. Я со своим пулеметом защищала Одессу, а теперь защищаю Севастополь. С виду я, конечно, очень слабая, маленькая, худая. Но я вам скажу правду: у меня ни разу не дрогнула рука. Первое время я еще боялась. А потом все прошло...[3] *Когда защищаешь дорогую, родную землю и свою семью (у меня нет родной семьи, и поэтому весь народ — моя семья), тогда делаешься очень храброй и не понимаешь, что такое трусость. Я Вам хочу подробно написать о своей жизни и о том, как вместе с чапаевцами борюсь против фашистских...*

Это письмо Нина начала писать в ученической тетради перед боем, но не успела закончить. Здесь же записан текст песни «Раскинулось море широко у крымских родных берегов» и сделаны выписки из книги Л. Н. Толстого «Севастопольские рассказы».

Нина Андреевна Онилова родилась и выросла в Одессе, работала на трикотажной фабрике. В начале Великой Отечественной войны 20-летняя пулеметчица попала в дивизию, которой в гражданскую войну командовал В. И. Чапаев. Бойцы прозвали отважную девушку именем одной из героинь фильма «Чапаев» — Анкой-пулеметчицей. За боевые подвиги ее наградили орденом Красного Знамени. При обороне Севастополя она была смертельно ранена и вскоре скончалась.

---

[1] Датировано по времени ранения Нины Ониловой в боях за Севастополь.

[2] Письмо написано исполнительнице роли Анки-пулеметчицы в кинокартине «Чапаев» актрисе В. Мясниковой.

[3] Несколько неразборчивых слов.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 мая 1965 года Нине Андреевне Ониловой за образцовое выполнение боевых заданий командования и проявленные при этом отвагу и геройство посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Письмо опубликовано в сборнике «Героическая оборона Севастополя 1941—1942 гг.» (Симферополь, 1946, с. 214).

ПИСЬМО СЕРЖАНТА КОМСОМОЛЬЦА Я. БОНДАРЯ В ПАРТИЙНУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ СВОЕЙ ЧАСТИ

Не позднее 3 февраля 1942 г.[1]

...С радостью иду на выполнение боевой задачи, чтобы быстрее освободить нашу Родину от немецких гадов. Если я погибну, то честным патриотом своей Отчизны; пока жив, беспощадно буду бить врага!

Я люблю свою Родину и готов отдать за нее свою кровь до последней капли. Я знаю одно: скоро фашистские звери будут уничтожены и советские люди заживут еще счастливее, чем прежде.

Прошу считать меня коммунистом!

Сержант комсомолец Яков Бондарь сражался на одном из участков Ленинградского фронта. В бою он был смертельно ранен. После его гибели обнаружено письмо, написанное им накануне боя. Об этом письме сообщило ТАСС 3 февраля 1942 года (ЦГАОР СССР, ф. 4459, оп. 21, д. 1, л. 238).

ЗАВЕЩАНИЕ КРАСНОАРМЕЙЦА С. ВОЛКОВА

Не позднее 12 февраля 1942 г.[2]

Мое завещание

Товарищи бойцы, командиры и политработники!

Идя в атаку, я обязуюсь до последнего вздоха биться за честь и независимость моей матери-Родины. Сам я беспартийный. Но если в бою прольется моя кровь, считайте ее кровью коммуниста. Смерть

---

[1] Датировано по времени сообщения ТАСС.

[2] Датируется по времени опубликования.

и всеобщее презрение фашистским палачам, осквернившим нашу священную землю!

Дорогие братья по оружию! Если я погибну в этом сражении, назовите меня коммунистом...

Да здравствует великий советский народ...

Передайте привет жене Марусе и дочери Тане.

С. Волков.

Красноармеец Степан Волков находился в стрелковой роте, которая должна была первой пойти на штурм вражеских укреплений, расположенных у деревни Устиново, на Западном фронте. Готовясь к атаке, он на маленьком листке из блокнота наспех написал слова клятвы: биться до последнего вздоха с проклятыми фашистскими захватчиками. Записку, свернутую в трубочку, вложил в свой медальон.

В атаку Степан Волков пошел одним из первых. Впереди вражеский дзот открыл огонь. Наступающие залегли. В эту минуту Степан с гранатами в руках под свист пуль подполз к дзоту и забросал его гранатами. Огневая точка замолчала. Путь на деревню Устиново открыт. Но в этот момент бесстрашного воина сразила пуля врага.

После боя бойцы похоронили Степана Волкова близ той деревни, за освобождение которой он отдал свою жизнь. Над могилой героя они прочитали найденную в его медальоне маленькую записку. Эта записка была опубликована в «Правде» 12 февраля 1942 года.

ЗАПИСКА ЗАЩИТНИКА МОСКВЫ КРАСНОАРМЕЙЦА А. ВИНОГРАДОВА

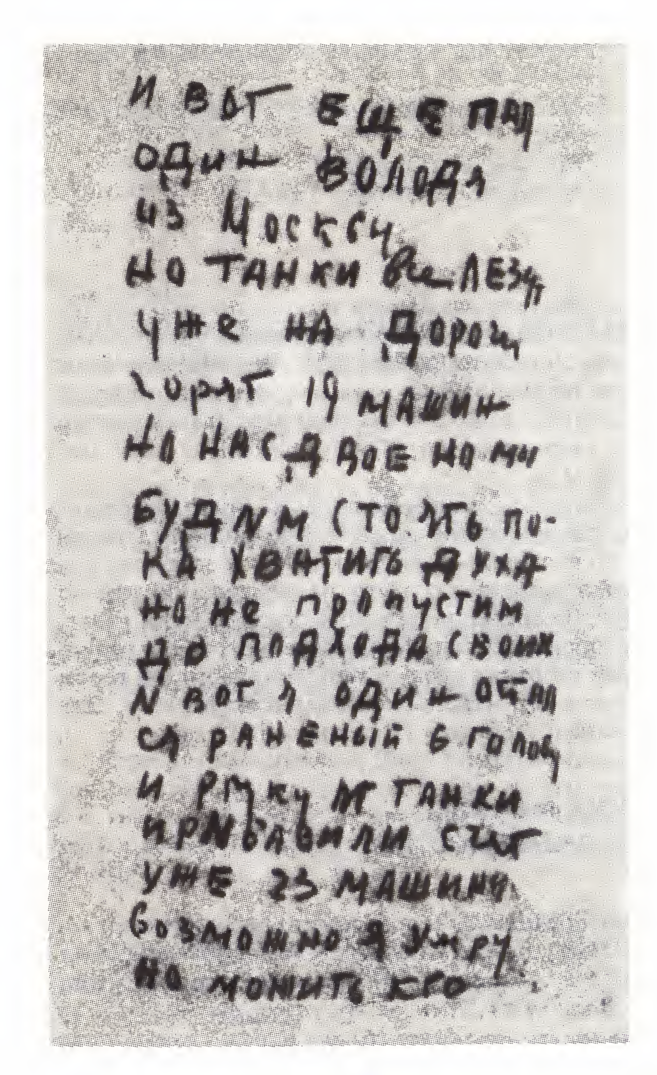
22 февраля 1942 г.

Нас было 12 послано на Минское шоссе преградить путь противнику, особенно танкам. И мы стойко держались. И вот уже нас осталось трое: Коля, Володя и я, Александр. Но враги без пощады лезут. И вот еще пал один — Володя из Москвы. Но танки все лезут. Уже на дороге горят 19 машин. Но нас двое. Но мы будем стоять, пока хватит духа, но не пропустим до подхода своих.

И вот я один остался, раненный в голову и руку. И танки прибавили счет. Уже 23 машины. Возможно, я умру. Но, может, кто найдет мою когда-нибудь записку и вспомнит героев. Я — из Фрунзе, русский. Родителей нет. До свидания, дорогие друзья.

Ваш Александр Виноградов.

22/2—1942 г.


И вот еще пал
один Володя
из Москвы
но танки все лезут
уже на дороге
горят 19 машин
но нас двое но мы
будим стоять по-
ка хватит духа
но не пропустим
до подхода своих
И вот я один остал
ся раненый в голову
и руку И танки
прибавили счет
уже 23 машины
возможно я умру
но может кто

Записка
А. Виноградова

Записка Александра Виноградова была обнаружена в 1958 году плотником совхоза «Некрасово», Уваровского района, Московской области, И. В. Смирновым. Письмо советского воина написано чернильным карандашом неровными буквами на двух сторонах узкой полоски папиросной бумаги.

В результате проведенных исследований удалось восстановить картину боев на Минском шоссе в феврале 1942 года. Чтобы сдержать мощное наступление советских войск под Москвой, гитлеров-

ское командование перебросило на советско-германский фронт дополнительно несколько дивизий из Германии и оккупированных стран. Для советских войск, сражавшихся в тылу противника, в районе Вязьмы, создалась трудная обстановка. Для облегчения положения частей 33-й армии, 1-го гвардейского кавалерийского, 4-го воздушно-десантного корпусов и партизан, оказавшихся отрезанными от баз снабжения южнее и юго-западнее Вязьмы, командующий Западным фронтом приказал армиям фронта активизироваться. Во второй половине февраля упорные бои разгорелись в полосе 5-й армии Западного фронта, перешедшей в наступление. 612-му стрелковому полку 144-й стрелковой дивизии было дано задание пробиться в тыл врага, чтобы нарушить коммуникации фашистских войск. Полк вышел в тыл, на подступы к Гжатску, и перерезал Минское шоссе в 25 километрах восточнее города. 2-й стрелковый батальон, которым командовал старший лейтенант С. К. Зюмченко, стремительным ударом овладел населенными пунктами Ямы, Ивашки и захватил высоту севернее деревни Ивашки. Деревни Ощепково и Васильки, бывшего Уваровского района, Московской области, несколько раз переходили из рук в руки.

20 февраля 1942 года военком 612-го полка отдал приказ — выйти на Минское шоссе в районе 152-го километра западнее Москвы и перекрыть путь танкам противника. Бойцы расположились вдоль шоссе. Группа бойцов, в которую входил Александр Виноградов, находилась на фланге. Колонна фашистских танков появилась внезапно. Она двигалась на большой скорости. Бойцы батальона завязали бой с врагом, пытавшимся отбросить советские части от шоссе. Три дня сражались воины, ряды защитников редели на глазах, но они не отступили...

Записка А. Виноградова хранится в Центральном музее Советской Армии (инв. № 4/24475).

СТИХОТВОРЕНИЕ ЯЛТИНСКОЙ КОМСОМОЛКИ-ПОДПОЛЬЩИЦЫ Н. ЛИСАНОВОЙ

Не позднее 24 февраля 1942 г.[1]

Мне вспомнилась школа родная,
Мне вспомнился русский народ,
Прибрежная Ялта родная
И огненный солнца восход.

---

[1] 24 февраля 1942 года Н. Лисанова была расстреляна фашистами.

Умру я свободно и честно
И голову тихо склоню,
И русскую землю родную
Я светлой слезой оболью.
Тогда надо мной защебечут
Родные мои соловьи
И кудри мои разовьются,
Но плечи не дрогнут мои.
Я сильно любила Отчизну,
И век я была ей верна...



Н. Лисанова

Ялта... Замечательный солнечный город... И вдруг появились враги. Черной тенью легла здесь поздняя осень 1941 года.

Как только хмурое ноябрьское солнце скатилось за Ай-Петри и наступила холодная ночь, в одной из балок урочища Чукурлар собрались ялтинские комсомольцы и поклялись беспощадно биться с врагом.

«Я клянусь, что никакие пытки не заставят меня разгласить тайну нашей организации. Я клянусь, что если придется погибнуть от руки врага, то умру гордо и честно, не попросив у него пощады и не выдав своих товарищей»,— звучали слова клятвы.

Вместе с товарищами поклялась мстить врагу и ученица 10-го класса ялтинской средней школы комсомолка Надя Лисанова. Клятву свою она с честью сдержала. Надя расклеивала на улицах Ялты листовки и воззвания, поддерживала связь подпольщиков с партизанами. В феврале 1942 года ее арестовали и посадили в тюрьму. Надю неоднократно допрашивал начальник службы безопасности Мауэр, надеясь, что хрупкая на вид девушка не выдержит пыток и раскроет партизанские явки. Надя Лисанова оказалась достойной доверия товарищей: она никого не выдала.

Ничего не добившись, фашисты расстреляли отважную комсомолку. Это произошло на рассвете 24 февраля 1942 года в урочище Селян, близ Ялты.

Незадолго перед казнью, во время последнего свидания с сестрой, Наде удалось передать ей стихотворение. Текст стихотворения хранится в Ялтинском музее краеведения.

ЗАПИСКА А. МАХАНЬКО — ПОДПОЛЬЩИКА ИЗ ДРУЖКОВКИ — МАТЕРИ

28 февраля 1942 г.

Мама, меня не жди. Мне ничего не надо.

Шурик.



Саша Маханько

С первых дней фашистской оккупации в поселке Дружковка в Донбассе была создана подпольная организация «Ленинская искра». К концу 1941 года в «Ленинскую искру» входило около 30 человек. Руководил ими Павел Ильич Гребенюк, коммунист, пограничник, сражавшийся с фашистами с самой первой минуты войны. В боях под Казатином он попал в окружение, был ранен и взят в плен. Концлагерь и дерзкий побег. И вот — Дружковка, знакомство с такими же, как он, советскими патриотами — кадровым рабочим Афанасием Петровичем Власюком и его дочерью Валентиной, комсомольцами Николаем Дементьевым, Александрой Соболевой, Дусей Ильиной, тайные встречи на квартире Власюка на Садовой улице, первая хорошо подготовленная диверсия...

Саша Маханько, которому исполнилось 16 лет, одним из первых вошел в подпольную организацию. Став разведчиком, он работал непосредственно с Гребенюком. По заданию группы Саша организовал сбор оружия, оставшегося после боев под Дружковкой. Молодые подпольщики достали 7 автоматов, 21 винтовку и даже 2 пулемета с патронами. Оружие было спрятано в укромных местах. Там же хранилось несколько бутылок с горючей смесью. Вместе со своим другом Николаем Дементьевым Саша починил старенький радиоприемник.

Голос Москвы! Они слушали его вместе, и это всегда превращалось в праздник.

Распространяя сводки Совинформбюро по поселку, Саша наклеивал их прямо на грозные приказы начальника жандармерии фон Гакке.

6 ноября 1941 года, накануне 24-й годовщины Великого Октября, на улицах появилось множество гестаповцев. Расстрелу подлежал каждый, кто выйдет из дому позже 19 часов. Но Саша все же вышел.

Под покровом ночи он пробрался к Торецкому заводу, проник в паросиловой цех и оттуда полез на трубу, взметнувшуюся в черное небо. Дул резкий холодный ветер. Ноги соскальзывали с тонких

прутьев узкой лестницы, руки одеревенели. Но он упрямо лез и лез вверх. Наконец рука нащупала громоотвод. Расстегнув куртку и рубашку, юноша достал красное полотнище и осторожно нацепил его на стальной шпиль...

Домой вернулся совсем обессиленный, с рассеченными в кровь руками. Страшно хотелось спать. Нет, спать нельзя. Надо дождаться рассвета, надо первым увидеть его — небольшой красный флаг, стяг революции, символ борьбы и непобедимости. Волновало одно: будет ли видна с земли надпись на полотне: «С праздником Октябрьской революции, рабочие-дружковцы!»?

Полдня развевался над Дружковкой красный флаг. Тысячи людей видели его, читали надпись, радовались и праздновали годовщину Октября.

Гитлеровцы остервенели окончательно. Они рыскали по поселку, заглядывали в каждый дом, хватали в чем-либо заподозренных людей.

Умело организуя работу группы, Гребенюк основные силы бросил на составление плана расположения вражеских объектов для передачи партизанскому отряду, действовавшему в окрестностях. И в этом деле Саша Маханько оказался действительно незаменимым. С помощью своих вездесущих мальчишек он засек все вражеские объекты, вплоть до пулеметных точек и контрольных постов на дорогах. План был составлен и передан по назначению. Прошло несколько дней. Однажды ночью Дружковка подверглась бомбежке советской авиации. К удивлению гитлеровского командования, все бомбы легли точно в цель, причем были разбиты почти все строго засекреченные склады боеприпасов. Тем временем подпольщики готовили взрыв мартена, который фашисты хотели вот-вот пустить в ход. И мартен был разрушен...

Вскоре взлетел на воздух большой вражеский эшелон на заминированном участке железной дороги Дружковка — Кондратьевка. Затем рухнул мост через реку Торец и сгорела контора машиностроительного завода со всей хранившейся там технической документацией.

Сашу Маханько схватили февральской ночью 1942 года. В застенке оказалось еще 11 активных участников «Ленинской искры».

Арестованных долго пытали, а Павлу Гребенюку выжгли глаз. Саше под ногти загоняли иголки, кусачками рвали губы.

В первых числах марта на улице появилось очередное объявление оккупационных властей. Вот его текст:

«К населению Дружковки!

28 февраля 1942 года расстреляно 12 граждан, помогавших русскому шпиону Гребенюку Павлу и выразивших готовность содействовать его работе, направленной против немецких вооруженных сил:

1. Власюк Валентина — 19 лет, комсомолка,

2. Михайлов Иван — 19 лет, комсомолец,
3. Ильина Дуся — 20 лет, комсомолка,
4. Николаева Нюся — 21 год, комсомолка,
5. Ожигов Анатолий — 19 лет, комсомолец,
6. Маханько Александр — 16 лет, комсомолец,
7. Харченко Геннадий — 19 лет, комсомолец,
8. Марков Иван — 44 года,
9. Власюк Афанасий — 56 лет,
10. Власюк Антонина — 46 лет,
11. Ильина Василиса — 42 года,
12. Соболева Екатерина — 53 года, учительница.

В связи с этим население еще раз предупреждается, что всякое содействие лицам, работающим против немецких вооруженных сил, будет караться смертью. Покровительство подобной деятельности тоже карается смертью».

Их расстреляли... Но на место павших вставали новые борцы, борьба с фашистами продолжалась.

Публикуемая записка впервые напечатана в «Комсомольской правде» 30 апреля 1963 года.

ПИСЬМО-ЗАВЕЩАНИЕ И ЗАПИСКА Л. А. СИЛИНА РОДНЫМ

**30 августа 1941 г.
и 7 марта 1942 г.**


Л. А. Силин

ПИСЬМО-ЗАВЕЩАНИЕ

Здравствуйте, мои родные!

Здравствуйте, хотя, когда вы будете читать это мое письмо, меня не будет в живых.

Но и через смерть, через небытие я обнимаю вас, мои родные, я целую вас, и не как привидение, а как живой и родной вам папка.

Мальчики и Аня! Не думайте, что я ушел на эту страшную войну из-за желания «блеснуть» своей храбростью.

Я знал, что иду почти на верную смерть.

Больше всего я люблю жизнь, но больше жизни любил я вас, Аня и мальчики.

И зная, какой ужас, какие издевательства ждут вас, если победит Гитлер, зная, как будут мучить вас, как будут издеваться над вашей матерью, зная, как высохнет ваша мать, а вы превратитесь в маленьких скелетиков, я, любя вас, должен уйти от вас, желая быть с вами, должен уйти на войну.

Я иду на войну, то есть на смерть, во имя вашей жизни.

Это совсем не прекрасные слова. Для меня сейчас это слова, облеченные в плоть и кровь, в мою кровь.

Аннушка, родная! Знаю, что тебе будет тяжелее всех. Знаю. Но за то, чтобы ты была в безопасности, я иду в огонь...

Мне нечего больше к этому прибавить. Скажу лишь, что нет в мире человека, которого бы я так любил и которого бы мне было так тяжело оставлять навсегда, оставлять одинокой, как тебя, любимая!

Леня! Мой старший сын и заместитель!

Тебя зовут Леня, как и меня.

Значит, ты — это я, когда меня уже не будет.

Наша славная, добрая мамка, так много она в жизни страдала, так мечтала о хорошей, спокойной жизни, но ей это было не суждено со мною. Пусть же ты дашь ей счастье.

Пусть в тебе она видит лучшего своего друга и помощника. Я знаю: тяжело детям расти без отца, особенно мальчикам. Но ведь я умираю ради того, чтобы вы, мои мальчики, росли — тяжело ли, легко ли, но росли, а не погибли под германскими бомбами.

Я умираю, как подобает умирать мужчине, защищая своих детей, свою жену, свой дом, свою землю.

Живи же и ты, как жил и умер твой отец.

Помни: мама — мой лучший друг, ближе мамы у меня никого не было. Поэтому мама знает, что хорошо и что плохо, что я делал и чего я не делал, за что я похвалил бы, а за что и поругал.

Всегда, во всем советуйся со своей мамой, не скрывай от нее ничего, делись с ней всем, всем.

Это ничего, что мама — женщина, она особенная женщина, она наша мама, наша любимая, умная мамочка. Она все поймет.

Эх, Леня! Многое мне нужно тебе сказать, да всего не скажешь, да и многого ты не поймешь!

У меня есть много, много о чем рассказать тебе в жизни, но обо всем расскажет тебе мать.

Мои к тебе последние слова: помни маму, заботься о маме, всю жизнь заботься, Леня Силин. Люби и слушай всегда во всем свою маму.

Леня Силин, мой заместитель и старший сын, прощай, сынка, и не забывай!

Геня! Мой младший сын и помощник!

Я тебя оставляю совсем маленького. Ты даже не запомнишь лица и голоса твоего отца. Но твой старший брат — мой старший сын и заместитель Леня Силин — тебе расскажет, как жил твой отец, как он вас любил, он расскажет тебе про твоего папку. Наша мама тебе расскажет, как жил, работал и боролся за лучшую жизнь твой отец.

Все, что я написал твоему старшему брату, относится и к тебе.

Слушай Леню Силина и маму, и тогда, я верю, ты будешь хорошим, смелым и честным человеком.

Мальчики, Леня и Геня!

Учитесь хорошо, изучите тщательно немецкий язык, немецкую культуру, немецкие науки. И все это вы должны употребить на гибель и уничтожение немецкого фашизма. Старайтесь перенять у немцев их самое грозное и страшное оружие — организованность и четкость.

И, когда почувствуете себя сильными, пустите все это в ход против фашистов. Помните, сыновья мои, пока существует фашистская Германия как государство, пока существует хотя бы один вооруженный фашист, пока бесконтрольно работает хотя бы одна фашистская лаборатория или завод, до тех пор Европе, миру, человечеству и вам лично, и вашей маме, вашим женам и детям грозит смертельная, страшная опасность.

Помните: фашизм вообще, а германский в особенности,— это смертельная, кошмарная проказа, коричневая чума, которая грозит всему человечеству...

Пусть же кровь вашего отца, пусть же пепел вашего отца стучит в ваши маленькие сердца, мои мальчики, и пусть последний вооруженный фашист почувствует вашу страшную месть!

Мальчики и Аня! Главное без меня — спокойная и внимательно четкая организация жизни и поступков...

Я верю, что враг будет разбит и что победа будет за нами. Если же нет, уничтожайте врага где и как сможете.

Мальчики, слушайте нашу милую, любимую, родную мамочку, она мой самый родной, близкий и любимый друг.

Аннушка, родная, прощай!

Любимая, солнышко мое! Вырасти мне сыновей таких, чтобы я даже в небытии ими гордился и радовался на крепких, смелых и жизнерадостных моих мальчиков, мстителей с врагами и ласково-добрых к людям.

Будьте вы счастливы, здоровы и живы.

Прощайте, целую и обнимаю в последний раз. Тебя, Генечка, тебя, Леньча, тебя, Анночка. Прощайте! Ваш отец. Всегда ваш, Леня Силин — старший.

30 августа 1941 года.

ЗАПИСКА

Дорогие, родные мои жена Анна и мальчики Леня и Геннадий!

Я вас целую и обнимаю в последний раз. Сегодня я буду расстрелян немецким командованием.

Мальчики! Вырастите и страшно отомстите всем фашистам за меня. Я целую вас и завещаю вам священную ненависть к проклято-

му и подлому врагу, бороться с ними до последнего фашиста. Я честно жил, честно боролся и честно умер.

Я умираю за Родину, за нашу партию, за великий русский, украинский, белорусский и другие народы нашей Родины, за вас! Любите Родину, как я ее любил, боритесь за нее, как я, а если понадобится, умрите, как я.

Мальчики! Любите, уважайте и слушайте вашу мать, ей будет так тяжело вас воспитывать, но Родина и товарищи, которых я спас, вас не оставят. Помните, у каждого бойца должен быть один лозунг: погибаю, но не сдаюсь. Я не сдавался, я был контужен, не мог ходить и не был вправе бросать своих тяжело раненных бойцов. В плену я многим спас жизнь. Оставаясь с ними до последней минуты, я принес пользу Родине. Время не ждет.

Родные мои, будьте честными советскими людьми, вырастите большевиками! Анна, прощай! Леня и Геннадий, прощайте!

Да здравствует Родина!

Целую.

Ваш муж и отец.

В первые дни войны Леонид Силин добровольцем пошел на фронт. Он родился в Риге в семье мелкого служащего и рос в районе, где жило много немецких семей. В детстве слыша немецкую речь, Леонид прекрасно овладел этим языком. Был он активным комсомольцем, до войны служил в Севастополе на флоте, потом работал в Москве на заводе «Шарикоподшипник» и учился заочно в Московском юридическом институте. Из-за болезни сердца Л. А. Силин был освобожден от военной службы, но в начале войны, скрыв свою болезнь, попросился на фронт. Правда, вскоре врачи увидели, что Силин болен, и его демобилизовали. Однако не таков был он, чтобы отступать от задуманного. Все же добился вторичной отправки на фронт — на этот раз в качестве юриста в дивизионный трибунал.

Суровое время переживала страна. Часть, в которой служил Силин, не сумела удержаться на правом берегу Днепра и в сентябре 1941 года с тяжелыми боями отходила к Полтаве. Большая группа тяжело раненных бойцов, отрезанная врагом от советских частей, в селе Крестителеве оказалась в руках гитлеровских захватчиков. Бойцы лежали в больших длинных колхозных сараях и прислушивались к бою. Что делать? Враг может сжечь сараи, и тогда погибнут десятки советских людей. Решение созрело молниеносно. Леонид Андреевич поднялся с соломы, открыл дверь сарая и, тяжело хромая и опираясь на палку, вышел навстречу автоматным очередям. Он закричал автоматчикам, что в сарае находятся только тяжело раненные солдаты, и попросил прекратить огонь. Внезапное появление

советского командира, свободно объяснявшегося на немецком языке, подействовало: огонь прекратился. Силина отвели в штаб.

Там Леонид Андреевич начал «расхваливать» успехи их армии, «восхищаться» ее победами и просил разрешить ему организовать госпиталь для раненых советских пленных (сам отрекомендовался как раненый советский врач). Леонид Андреевич хорошо понимал, что́ его ждет в случае разоблачения полного медицинского невежества, но надо было спасать людей, и Силин решился на эту хитрость. Офицерам понравился отлично знающий их язык, подтянутый «доктор», и они разрешили создать ему нечто вроде госпиталя. Для большего к себе доверия Силин сказал им, что его мать якобы чистокровная немка. Это еще больше расположило их к русскому врачу.

Среди попавшего в плен персонала полевого госпиталя Силин отобрал группу врачей, фельдшеров и медицинских сестер и начал работу по созданию «украинского» госпиталя. Гитлеровцы запретили содержать в госпитале раненых командиров Красной Армии, коммунистов, евреев, русских, медицинский персонал оформлял всех поступавших в госпиталь раненых под украинскими фамилиями.

Работать приходилось в ужасных условиях: сквозь худые соломенные крыши сараев протекала вода, не было медикаментов, перевязочных материалов, хирургических инструментов, белья, не хватало пищи. Но советские люди боролись за каждого бойца. Не одного человека спас замечательный хирург из Одессы Михаил Александрович Добровольский. Самоотверженно работали хирурги Михаил Салазкин из Москвы и Николай Калюжный из Киева, ростовский хирург Портнов и окулист из Днепропетровска Геккер, женщины-врачи Федорова, Молчанова и др.

В ноябре оккупанты разрешили перевести госпиталь в село Еремеевка, где он разместился в большой двухэтажной школе. Теперь у раненых над головой была крепкая крыша, да и продуктов у еремеевских жителей было больше, так как село стояло вдалеке от дорог и «заготовители» наведывались сюда реже.

Силин надеялся со временем, когда раненые окрепнут, всем госпиталем уйти в леса и партизанить. Постепенно персонал госпиталя стал переходить к подпольной борьбе с фашистскими оккупантами. Удалось достать радиоприемник и слушать сводки Совинформбюро. Правда о событиях на фронтах распространялась не только в госпитале, но и среди местных жителей. Со складов фашистских войск стали исчезать мешки с пшеницей, а у полицейских — пропадать винтовки и автоматы.

Чтобы не навлечь на госпиталь гнева гитлеровцев, Силину и его соратникам приходилось действовать очень осторожно. И все же старший полицай предатель Атамась, по прозвищу «Дракон», почувствовал, что Силин ведет двойную игру. Стремясь выслужиться перед гитлеровцами, Атамась стал следить за ним, собирая улики.

В ночь на 2 марта 1942 года госпиталь окружили гитлеровские солдаты. Оккупанты подвергли всех раненых тщательному осмотру и обнаружили среди них уже выздоровевших больных, а также коммунистов, русских и евреев. Всему персоналу госпиталя за нарушение фашистской инструкции грозила смерть. На следующий день, 3 марта, около 40 отобранных гитлеровцами раненых и врачей увезли из госпиталя в Кременчугский лагерь военнопленных.

Леонид Андреевич и в последний свой путь сумел уйти гордо, как подобает советскому патриоту. Когда его со связанными руками вывели к саням, на которых уже лежали раненые, он попросил разрешения проститься с оставшимися. Обращаясь к местным жителям, собравшимся на площади, и к раненым товарищам, он призывал их продолжать борьбу с оккупантами и верить в победу Красной Армии. Видя, какое большое впечатление производит речь Силина на людей, офицер прервал его и не дал ему закончить. Когда сани тронулись, Силин прокусил себе вену на руке, смочил кровью платок и, бросив его в толпу, прокричал: «Передайте это на память моим сыновьям!»

Леонида Андреевича Силина расстреляли 7 марта 1942 года вместе с врачами Портновым и Геккером, раненым подполковником К. Н. Богородицким и др.

Через день медицинской сестре госпиталя Оксане Романченко военнопленный, бежавший из Кременчугского лагеря, принес записку Силина, которую отважный патриот сумел написать перед расстрелом и передать товарищам, чтобы те переслали ее при первой возможности Оксане Романченко. Записка написана карандашом на листках бумаги и адресована жене и детям. Когда советские войска освободили Еремеевку, Оксана Романченко переслала записку в Москву по адресу, оставленному Силиным, сняв для себя копию.

В семье Л. А. Силина хранится еще один документ большой духовной силы — это письмо-завещание Леонида Андреевича, написанное им еще на фронте 30 августа 1941 года. Большой пакет, надписанный рукой Леонида Андреевича, пришел в дом Силиных в конце 1941 года.

На конверте было написано:

«Анне Леоновне Силиной, Леониду Леонидовичу Силину и Геннадию Леонидовичу Силину».

«Вскрыть после получения извещения из штаба части о смерти Л. А. Силина».

На обратной стороне конверта была надпись:

«Военной цензуре: после проверки тщательно заклеить».

Анна Леоновна и ее сыновья прочли это письмо в конце 1943 года, когда они получили предсмертную записку мужа и отца от Оксаны Романченко.

Письмо-завещание и записка Леонида Андреевича Силина опубликованы С. С. Смирновым в журнале «Огонек» № 40 за 1962 год.

ЗАПИСКА СЕКРЕТАРЯ ПОДПОЛЬНОЙ ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПОСЕЛКА КАРДЫМОВО СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ Е. Р. БАГРЕЧЕВОЙ МАТЕРИ

Не позднее 19 марта 1942 г.[1]

Е. Р. Багречева

Прощайте, мои дорогие — мамочка, Элеонорка. В ожидании повешения решила написать вам и послать последнее прости.

Не плачь, мама, и не ругай меня, иначе поступить я не могла. Береги себя для Эли, которой ты как можно больше времени должна быть и бабушкой и матерью. Воспитай ее хорошим, содержательным человеком, любящим свою страну и свой народ.

Целую вас крепко, передайте привет всем родным, знакомым и ученикам,— всем тем, которые сумеют пережить это черное время.

Женя.

Ее уважали все в поселке Кардымово — районном центре на Смоленщине, где она вела уроки истории в средней школе, уважали за любовь к детям, за приветливость, простоту и требовательность к себе и товарищам.

В первые дни войны местные ребятишки, несмотря на летние каникулы, часто прибегали в школу, встревоженно и доверчиво слушали любимую учительницу. Она рассказывала о подвигах советских людей, говорила о неизбежной победе над врагом, а затем все вместе шли на берег Днепра, где недавно открылся госпиталь, и ухаживали за ранеными советскими бойцами.

Гитлеровцев в Кардымовском районе, как и всюду на советской земле, встретило хорошо организованное сопротивление, которое направлялось подпольной партийной организацией. Возглавляла сельских коммунистов поселка Кардымово Евгения Родионовна, ее боевыми помощниками были председатель Кардымовского Совета И. П. Ковалев, учительница М. И. Селянинова, врач П. В. Шестерикова, работник районной больницы И. И. Куценко и др.

Мощное партизанское движение охватило всю Смоленщину. В борьбе с оккупантами участвовало и население Кардымовского района, где уже на исходе первой военной зимы в ряде деревень была фактически восстановлена Советская власть. На подавление

[1] 19 марта 1942 года Е. Р. Багречева была повешена фашистами.

партизанского движения фашистское командование бросило отборные части 10-й танковой дивизии. Гитлеровцы сожгли более 25 деревень, расстреляли и повесили более 500 человек, сотни людей угнали в лагеря военнопленных в Смоленск.

19 марта 1942 года в центре поселка Кардымово на специально выстроенном эшафоте была повешена Евгения Родионовна Багречева. Перед казнью ее долго пытали, издевались, но не могли сломить коммунистку. За несколько часов до смерти она на небольшом клочке бумаги написала последнее письмо, хранящееся ныне в Смоленском государственном музее. Письмо опубликовано в сборнике «Партизанская борьба с немецко-фашистскими оккупантами на территории Смоленщины. 1941—1943 гг.» (Смоленск, 1962, с. 90—91).

ПИСЬМО И НАДПИСЬ РЖЕВСКИХ ПОДПОЛЬЩИКОВ А. ЖИЛЬЦОВА И А. БЕЛЯКОВА

Не позднее 28 марта 1942 г.[1]



А. Жильцов

ПИСЬМО А. ЖИЛЬЦОВА ОТЦУ

Дорогой мой отец. Не плачь. Будь уверен, что сын твой никого не подведет. Останешься жив — расскажи о нас другим. Не хочется умирать: еще мы мало сделали.

НАДПИСЬ А. БЕЛЯКОВА НА СТЕНЕ КАМЕРЫ

Я вынесу все нечеловеческие пытки. Клянусь вам своим комсомольским словом, мои дорогие товарищи. Буду молчать до конца. Молчите и вы. Начатое нами большое дело закончат наши товарищи.

В первые месяцы после оккупации Ржева в городе начала создаваться подпольная комсомольская организация. Возглавил ее Алексей Телешов. В октябре 1941 года в группе насчитывалось десять человек, в нее входили Кузьма Латышев, Алексей Жильцов, Михаил Персиянцев и др.

Вскоре патриоты установили связь с партизанами, находившимися в Панинских лесах. Группа быстро разрасталась. В организацию приняли Александра Белякова и Владимира Некрасова. Чтобы до-

[1] Датировано по времени гибели подпольщиков.

быть оружие, молодые подпольщики снимали часовых, совершили налет на склад оружия. О действиях подпольной организации стало известно командованию советских частей, действовавших на Калининском фронте. В ноябре 1941 года с подпольщиками установил связь разведчик одного из соединений Владимир Новоженов. Комсомольцы указывали цели советским бомбардировщикам, уничтожали обозы противника, взрывали железнодорожное полотно.

Предательство помешало патриотам нанести гитлеровцам еще больший урон. Пятнадцать наиболее активных подпольщиков были арестованы.

После мучительных пыток и истязаний 28 марта 1942 года А. Телешова, В. Новоженова и А. Белякова гитлеровцы публично повесили в городе Ржеве, а остальных подпольщиков расстреляли.

Перед смертью Алексею Жильцову удалось передать письмо отцу. На стене камеры в городской тюрьме обнаружена надпись, сделанная Александром Беляковым. Письмо и надпись опубликованы в газете «Советская Россия» 24 сентября 1958 года и в книге «Советские партизаны» (М., 1961, с. 96).

ПИСЬМО СЕКРЕТАРЯ ДУХОВЩИНСКОГО ПОДПОЛЬНОГО РАЙКОМА ПАРТИИ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ П. Ф. ЦУРАНОВА ЖЕНЕ

3 апреля 1942 г.



П. Ф. Цуранов

Дорогая Вера, солнце, голубка моя!

Сердце мое замирает от радости при одной той мысли, что ты, может быть, получишь это письмо мое, что ты и сын и доченька увидите мой почерк, узнаете, что я жив, здоров.

Мы не виделись и ничего не слыхали друг о друге больше 9 месяцев. Теперь, когда есть возможность послать письмо, хочется рассказать много, много...

Что, что сказать тебе?! Я помню, всю жизнь буду помнить Кулагино, где я видел тебя (15 июля) больную, с только что явившейся на свет дочерью, где мы расстались так внезапно, совсем не попрощавшись. Но я знал, что ты не могла на меня обидеться и как жена и как подруга, так как долг мой обязывал меня остаться в районе во что бы то ни стало. Я хорошо представлял весь ужас того положения, в котором ты осталась. Но я, ты знаешь, тогда ничем не мог помочь тебе. Я утешал себя одной мыслью, что твои страдания — страдания

всего нашего народа, что таких мучениц, как ты, тысячи, что война есть война.

Но вот что замечательно, голубка моя. Ни на одну минуту меня не покидала мысль, уверенность, что ты жива, что ты помнишь обо мне, что ты любишь меня, как десять лет назад, как всегда любила. Ни на минуту меня не покидала уверенность, что мы еще увидимся, что мы снова будем вместе. Этому я верю и сейчас, так же как верю в нашу победу над гитлеровскими бандитами.

Солнце мое, голубка моя, мы увидимся! Жди этот час. Верь этому! Как крепко обниму, как расцелую всех вас!!! Я жду этот светлый час так, как жду полного освобождения моей Родины от фашистской нечисти. Этот час близок, в это верим все мы, большевики, все партизаны, все население нашего района.

9 месяцев в фашистском тылу — как я жил, где я жил это время? Как мы вели борьбу против немецких захватчиков? Разве можно описать в одном письме!

Сколько бы я ни написал тебе об этом, тебе все равно казалось бы мало и бледно.

Первые недели и месяцы подпольной работы были очень тяжелы. Отрядов у нас в районе около десятка. Не знаю точно, по скольку бойцов в каждом отряде, в моем отряде больше 100 бойцов. Все замечательный, отборный народ.

Жил я в Федорове, Понизовье, Гришкове, Петрищеве, Босине. Ночевать приходилось в поле, в лесу. Осень всю провели с группой товарищей в лесу. Февраль жили в землянке. Здоровье не подводило. Я, наверно, здоров сейчас больше обычного. Язва желудка, как мне кажется, прошла, зарубцевалась. Как я ни скрывался, духовщинские заправилы — фашистские холуи — скоро проведали о моем пребывании в районе. За мной охотились, как за медведем, но тщетно. Только один... [1] *да несколько раз мы им изрядно чесали бока. Судьба немцев в Демидове, в Пречистом, Духовщине решается этими днями. Однако сейчас мы еще пока в тылу у немцев, в окружении врагов, но они бессильны что-либо предпринять против нас. Партизаны неуловимы. Жизнь наша с самого начала замечательна, прекрасна. Замечательно то, что все население горячо поддерживает нас, помогает нам и ненавидит фашистов.*

Что еще тебе рассказать? Оставшись в районе, я исходил и исползал его вдоль и поперек. Пообходил почти всех коммунистов. Организовал их в подпольные партийно-партизанские группы. Теперь они выросли в партизанские отряды. В одном из таких отрядов я являюсь комиссаром...

Несколько хороших товарищей наших не убереглись, попали в руки врагов и погибли. Я, как видишь, а со мной человек 50 коммунистов района уцелели. Кто с осени, кто с зимы партизанят.

---

[1] Текст стерт на сгибе листа.

Сейчас Духовщина окружена партизанскими отрядами. Всех фашистских холуев разгромили. Ни одна волуправа фашистская не работает. Немцы пока, как волки, сидят в Духовщине и немногих деревнях. В ряде сельсоветов у нас уже восстановлена Советская власть. В остальных сельсоветах района власть [тоже] принадлежит партизанам. Ох, как фашисты боятся партизан...[1] *и я легко вывернулся из их лап. Ну, а теперь, думаю, им слабо.*

Голубушка моя, тороплюсь. Я не написал тебе и десятой доли того, что хотел. Прощай.

Береги, расти сына, дочурку. Пусть они будут умными, хорошими, пусть они растут большевиками. Пусть они, и ты вместе с ними, любят Родину... Верьте в час нашего избавления от врагов.

Целую всех вас крепко, крепко.

Что бы ни было со мной, я верю, что ты мужественно вынесешь все невзгоды и, по крайней мере, вырастишь мне сына Володю и дочь Нелю. Эх, как я хочу их видеть. Вот они у меня перед глазами. Помнишь: это «В хороводе были мы», как с дочерью на досуге занимались. Весь лист. Прощай... Целую...

Твой и только твой Петр.

Начало войны застало второго секретаря Духовщинского райкома партии (Смоленская область) Петра Цуранова на воскресной рыбалке — он любил с удочкой посидеть на реке.

Эвакуировав жену с сыном и недавно родившейся дочкой, Петр с головой ушел в работу. Под его руководством было сформировано несколько групп подпольщиков, а затем стали возникать мелкие партизанские отряды. С одним из отрядов Петр Цуранов отошел в леса на границе с Касплянским районом. Здесь ряды партизан пополнились оказавшимися в тылу врага воинами, а также жителями деревень Гришково, Городня, Тикуны и Воскресенское.

Партизаны участвовали в боях с регулярными частями 9-й немецкой армии, оказывали активную помощь частям Западного фронта.

В начале 1942 года отряд обосновался в Гришкове, а через два месяца — в Городне.

25 марта группа партизан во главе с боевым комиссаром отряда Петром Цурановым устроила засаду у деревни Закуп, куда двигалась колонна из 300 гитлеровцев. Партизаны в упор расстреляли карателей, и те, потеряв более 100 человек убитыми, в панике бежали.

О трудностях борьбы в тылу врага, о первых радостях скромных побед Петру хотелось поделиться с женой. И вот он 3 апреля 1942 года пишет ей первое после разлуки письмо. Дойдет ли оно? Узнает ли

---

[1] Пропуск текста, стерто на сгибе листа.

семья, что он жив и здоров? Едва успев его отправить, он спешит в засаду — в деревню Фалисы, где хозяйничали полицейские, собирая налоги с населения. Цуранов и группа товарищей забросали врагов гранатами. А вскоре фашисты были выбиты из деревень Трофименки и Воскресенское. Бой продолжался два дня.

Оседлав большак Духовщина — Демидово, партизанский отряд наносил оккупантам удар за ударом.

В апреле — мае 1942 года в ряде районов Смоленщины, освобожденных партизанами, стала восстанавливаться Советская власть. 1 мая состоялось заседание бюро Духовщинского подпольного райкома партии, на котором были рассмотрены вопросы о восстановлении власти Советов. Секретарь райкома П. Ф. Цуранов возглавил эту работу в районе. Бюро райкома партии совместно с исполкомом райсовета и райкомом комсомола обратилось с воззванием к трудящимся: «На освобожденной территории нашего района от фашистских бандитов, т. е. в 10 сельсоветах, восстановлена Советская власть и повсеместно восстанавливается советский порядок. Но борьба с врагом, конечно, этим не заканчивается. Наши победы еще надо закрепить и развить дальше. Мы должны всячески помогать Красной Армии и красным партизанам добить врага и изгнать гитлеровскую орду за пределы Советского Союза.

Мы победим!..»

22 июня 1942 года состоялся митинг трудящихся района. «Да здравствует наша Советская Родина! Долой фашистских злодеев!» — такими лозунгами заканчивалась резолюция, которую по поручению 500 участников подписал Цуранов.

Через два месяца секретарь райкома партии докладывал Смоленскому обкому ВКП(б) о помощи населения партизанскому движению: «Собрано и сдано партизанам: хлеба — 2985 центнеров, мяса — 2660 центнеров, масла — 314 килограммов, белья — 500 пар, обуви — 100 пар, винтовок — 1000 штук». В этих цифрах была и его, Петра Цуранова, частица забот о боевых товарищах.

Летом 1942 года после ожесточенных боев пришла вторая оккупация района. Петр возглавил партизанский отряд «Буревестник» и снова без устали, без страха громил фашистские отряды, организовывал подпольную работу, диверсии и крушения.

В феврале 1943 года славный руководитель коммунистов Духовщины геройски погиб в бою с врагами.

Подлинник публикуемого письма хранится в партийном архиве Смоленского обкома КПСС (ф. 142, оп. 2, д. 484, л. 83—84).

ПИСЬМО ВОЕННОГО ФЕЛЬДШЕРА ПУТИВЛЬСКИХ ПАРТИЗАН Н. Д. ЛЕПИНОЙ РОДИТЕЛЯМ

Апрель 1942 г. [1]

Я жива и здорова. С 5 марта в Путивльском партизанском отряде. У Ковпака. Может, слышали про такого? О том, что случилось, где была, что делала, писать рано. Вот кончится война, встретимся — все расскажу. Пережила и перевидала такое, что меня теперь ничем не испугаешь...

Перед войной Нина Дмитриевна Лепина окончила медицинский техникум и работала в одной из куйбышевских клиник. В первые дни Великой Отечественной она добровольцем пошла на фронт. В конце сентября 1941 года под Сумами гитлеровцы окружили 275-й полк, в котором служила Нина Лепина. На совещании командиров полка было принято решение — пробиваться к своим, а тяжелораненых спрятать в окрестных селах и хуторах. С ними осталась Нина Лепина. Вместе с бывшим агрономом колхоза имени Ленина Никитой Ивановичем Дарико она ухаживала за бойцами. Двенадцать человек были укрыты на усадьбе Н. И. Дарико, а остальных разместили по близлежащим хуторам.

Тяжело приходилось Нине. Из имущества полковой медсанчасти почти ничего спасти не удалось. На бинты шли прокипяченные старые тряпки, вместо йода раны приходилось заливать соком, выжатым из стеблей чистотела. Нина была не одна. Она нашла помощь и поддержку у местных колхозников, которые ухаживали за ранеными, кормили их, стремились помочь кто чем мог. Особенно помогали Нине Дмитриевне Вера Волк — звеньевая колхоза и Марина Штанюк — секретарь комсомольской организации. Никита Иванович Дарико нашел в Ямполе знакомого аптекаря и достал несколько банок йода и консервированной крови.

Большинство тяжелораненых удалось поставить на ноги. Выздоравливающих Никита Иванович уводил в Ямпольский партизанский отряд, командиром которого был Гнибеда.

Вместе с последней группой поправившихся бойцов Нина Лепина перебралась в партизанский отряд. Захватив продукты и медикаменты, она отправилась на санях к партизанам. Но тут случилась беда. По дороге случайно была потеряна банка консервированной крови, которую нашли гитлеровцы... Все были поставлены на ноги. Дороги перекрыты. Искали отважную девушку-партизанку. На следующий день повесили Н. Дарико и В. Волк, а через несколько

---

[1] Датируется по содержанию письма.

дней расстреляли М. Штанюк. После многих дней скитаний Нина Лепина ушла от гитлеровских карателей и прибыла в штаб С. А. Ковпака. Ее назначили в лесной лазарет. Это был глубоко запрятанный и надежно защищенный госпиталь. И здесь Нина самоотверженно ухаживала за ранеными бойцами, порой не спала по нескольку суток, стремясь помочь каждому. Но девушка хотела попасть в оперативную группу. Неоднократные беседы с Ковпаком сделали свое дело. Нину Лепину назначили в 4-ю оперативную партизанскую группу.

Партизаны уходили на многие десятки и сотни километров от своей базы, и всюду с ними шла мужественная девушка с санитарной сумкой на боку. Командование соединения несколько раз представляло ее к правительственным наградам, особенно за бои под Старой Шарповкой и Старой Гутой.

В Брянских лесах, когда соединение готовилось к большому рейду по Киевщине и Житомирщине, Нина Лепина стала членом Коммунистической партии Советского Союза. А через два дня шел упорный и тяжелый бой за Голубовку, где засел хорошо укрепившийся гитлеровский гарнизон.

Нина Дмитриевна Лепина выносила с поля боя раненых партизан, тут же организовала перевязочный пункт. Вдруг в самой гуще раненых разорвалась мина. Несколько человек было убито. Нине оторвало ноги. Бойцы не успели донести девушку до лазарета, она скончалась у них на руках. Это случилось на исходе дня 4 октября 1942 года.

Через некоторое время родителям Нины Лепиной пришло фронтовое письмо. «Дорогие родители Нины — Дмитрий Емельянович и Любовь Васильевна!

Просим прощения за то, что так долго не писали вам. Были в дальнем рейде. В глубоком тылу врага. С болью и горечью в сердце сообщаем вам черную весть о гибели нашего боевого друга, вашей дочери Нины Лепиной. Смерть вырвала ее из рядов народных мстителей.

Но мы не забудем ее. Она любила жизнь и Родину. Была замечательной коммунисткой и бесстрашной партизанкой. Похоронили ее с воинскими почестями в районе Старой Гуты. Надеемся, что вы стойко перенесете горе. Помните, что бойцы и командиры Путивльского отряда в этот час с вами! Мужайтесь! А мы будем мстить за вашу дочь...

Командир группы партизанских отрядов
Сумской области *С. А. Ковпак*
Комиссар *С. В. Руднев*
Начальник штаба *Г. Я. Базыма*».

В родном городе Нины ее именем названа одна из улиц и школа, в которой она училась.

Письмо Нины Лепиной опубликовано в журнале «Работница» № 1 за 1961 год.

ПИСЬМА Е. К. УБИЙВОВК ИЗ ГЕСТАПОВСКОГО ЗАСТЕНКА ПОЛТАВЫ

12—25 мая 1942 г. [1]



Е. К. Убийвовк

ПИСЬМО ОТЦУ

12—13 мая 1942 г.

Папа, родной!

Ты мужчина и должен перенести все, что будет, как мужчина. У меня один на сто шансов выйти отсюда. Виноват в этом не Сергей,— он сделал все, что мог, чтобы спасти меня.

Я пишу не сгоряча, а хорошо все обдумав. Надежду не теряю до последней минуты и присутствия духа. Но если я погибну, помни — вот мое завещание: мама, верно, не переживет моей смерти, но ты должен жить и мстить, когда будет возможность.

Отсюда, из самого сердца фашизма, я ясно вижу, что это такое — все это утонченное зверство.

Смерти я не боюсь, но хочу, если не будет выхода, погибнуть от своей руки, поэтому заклинаю тебя всем, что для тебя свято, твоею любовью ко мне — принести мне, и сегодня же, опию, у нас дома есть в бутылке, ровно столько, сколько это нужно, чтобы умереть, ни больше, ни меньше, чтобы не промазать.

Я верю, что любя меня, это сделаешь. Помни, что я пишу не сгоряча и поспешности тоже не сделаю. Налей пузырек и вложи в хлеб. Лучше в кастрюлю с супом, суп я вылью вон.

Я выполню свой долг — не впутаю невинных людей и, если нужно, стойко умру.

Но, чтобы избавить меня от мук, передай сегодня же, пока можно видеть, опий или морфий — тебе видней, смертельную дозу — и будь молодцом, чтобы не сделать мне хуже. К пяти часам меня привезут в тюрьму, и там меня можно увидеть.

Друзьям передай: я уверена, что моя смерть будет отомщена.

---

[1] Датируется по времени получения писем родными Е. К. Убийвовк.

Валя — предательница, она наговорила на меня и Сергея. Сергей — молодец, и все это не забудь передать.

Каждое это слово — завещание, и если я буду знать, что все будет выполнено, буду спокойна.

Еще надежда есть, но решение мое неизменно, если ее не будет. Маму пока не волнуй.

Целую вас всех от всего сердца.

Привет друзьям.

ПИСЬМО РОДНЫМ
24—25 мая 1942 г.

Родные мои мама, папа, Верочка, Глафира.

Сегодня, завтра — я не знаю когда — меня расстреляют за то, что я не могу идти против своей совести, за то, что я комсомолка. Я не боюсь умирать и умру спокойно.

Я твердо знаю, что выйти отсюда я не могу. Поверьте — я пишу не сгоряча, я совершенно спокойна. Обнимаю вас всех в последний раз и крепко, крепко целую. Я не одинока и чувствую вокруг себя много любви и заботы. Умирать не страшно.

Целую всех от всего сердца.

Ляля.

Елена Константиновна Убийвовк — комсомолка, студентка Харьковского университета. Война застала ее в Полтаве.

В период оккупации в городе было создано несколько подпольных организаций молодежи.

Ляля Убийвовк создала подпольную группу, в которую первоначально вошло девять комсомольцев. Вместе с товарищами она собирала оружие, вела антифашистскую агитацию среди жителей города. Подпольщикам удалось установить связь с партизанским отрядом под командованием коммуниста Жарова, который действовал в Диканьских лесах. Комсомольцы, получая указания от командира отряда, стали регулярно принимать по радио из Москвы сводки Совинформбюро и печатать листовки. В течение шести месяцев они распространили более 2 тысяч листовок. Группа постепенно росла и вскоре насчитывала уже 20 человек. Юные патриоты организовали помощь военнопленным, находившимся в лагере на Кобылянской улице, в Полтаве, снабжая их штатской одеждой и продуктами питания, помогли 18 военнопленным бежать и переправиться в партизанский отряд. Комсомольская группа готовилась в удобный момент провести диверсии, вооруженное выступление в Полтаве.

В результате излишней доверчивости к окружающим группа была раскрыта. 6 мая 1942 года одновременно были арестованы и подвергнуты пыткам наиболее активные ее члены.

Лялю Убийвовк пытали и допрашивали 26 раз. 26 мая 1942 года, стойко выдержав все пытки и истязания, Елена Константиновна Убийвовк, Сергей Терентьевич Сапега, Борис Поликарпович Серга, Сергей Антонович Ильевски, Валентин Дмитриевич Сорока и Леонид Пузанов были расстреляны за городским кладбищем в Полтаве. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1965 года Е. К. Убийвовк посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Из гестаповской тюрьмы Е. К. Убийвовк удалось переслать родителям четыре предсмертных письма. Заверенные их копии хранятся в Центральном архиве ЦК ВЛКСМ (материалы по Полтаве, 1942 г., л. 1—5), частично опубликованы в сборнике «Советские партизаны» (М., 1961, с. 513—514).

ИЗ ДНЕВНИКА ЧЛЕНА ПОДПОЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В СЕЛЕ ЧАПАЕВКА ПОЛОГОВСКОГО РАЙОНА ЗАПОРОЖСКОЙ ОБЛАСТИ И. В. МЕДВЕДОВСКОГО

Конец мая 1942 г. [1]



И. В. Медведовский

...Меня распинали, как Иисуса Христа. Били палками и шомполами, кололи иголками.

3 мая 1942 года. Вчера был в «СД». Отпущен до особого. Живу в ужасных условиях. Нет хлеба, картошки, нет ничего. Начинаю опухать. Болят ссадины, все же хочу жить. Жить ради будущего.

При отходе Советской Армии на восток в Запорожской области были созданы подпольные организации и группы для борьбы с врагом. Одна такая группа возникла в селе Чапаевка, Пологовского района, во главе с комсомольцем Иваном Васильевичем Медведовским — директором местной школы. Он вел агитацию среди населения, учил молодежь непримиримой борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

В мае 1942 года И. В. Медведовский был арестован гестапо и вскоре расстрелян.

Подробностей подпольной деятельности И. В. Медведовского пока установить не удалось. После первого издания книги «Говорят погибшие герои» в редакцию поступило письмо от его жены Раисы

---

[1] Датируется по последним записям в дневнике И. В. Медведовского.

Григорьевны и дочери Лилии, проживавших в Никополе. Они прислали последнюю весточку Ивана Васильевича, в которой выражается глубокая вера в победу советского народа. «За все злодеяния гитлеровских извергов народы нашей Родины ответят сокрушительными ударами по фашистским разбойникам, и недалек тот час, когда кровавый Гитлер и его банда будут стерты с лица земли».

Заверенная копия дневника И. В. Медведовского хранится в Центральном архиве ЦК ВЛКСМ (материалы по Запорожью № 54).

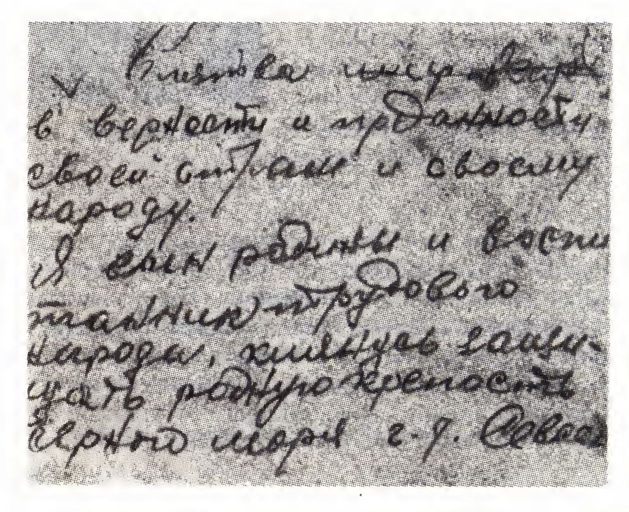
КЛЯТВА МЛАДШЕГО СЕРЖАНТА В. И. АЗАРОВА

5 июня 1942 г.

Я, сын Родины и воспитанник трудового народа, клянусь защищать родную крепость Черного моря г-д Севастополь храбро и с полным умением использования своего оружия.

Уничтожу как можно больше врагов и свою жизнь отдам как можно дороже. Отразивши 2 наступления врага — отразим и третье, где полностью разгромим его.

5.06.42 г. В. Азаров.


Клятва [illegible]
в верности и преданности
своей стране и своему
народу.
Я сын родины и воспи-
танник трудового
народа, клянусь защи-
щать родную крепость
Черного моря г-д. Севас

Клятва защитника Севастополя младшего сержанта В. И. Азарова

Василий Азаров родился в 1919 году, являлся членом Ленинского комсомола, пал смертью храбрых при отражении третьего, самого мощного наступления фашистских войск на Севастополь в июне 1942 года. В это время бои здесь достигли предельного на-

пряжения. Стремясь быстрее овладеть главной базой советского флота на Черном море, гитлеровское командование бросило против защитников Севастополя свежие войска. Располагая многократным превосходством в силах, противник ожесточенно и непрерывно штурмовал город и с суши и с воздуха.

Оборона Севастополя имела важное военное и политическое значение. Сковав большое число немецко-румынских войск, защитники города нарушили планы фашистского командования.

250 дней длилась героическая оборона Севастополя. История обороны этого города полна героических эпизодов. Защитники города-героя шли на верную смерть ради спасения черноморской твердыни.

Решительные и удивительно мужественные слова клятвы Василия Ивановича Азарова отражали настроение всех советских воинов, оборонявших Севастополь.

В Центральном музее Советской Армии бережно хранятся комсомольский билет Василия Азарова и его клятва перед боем. Однажды, осматривая экспозицию, у одной из витрин остановился пожилой мужчина. Он внимательно рассматривал пробитый пулями комсомольский билет. Вглядевшись в фотографию, он вдруг изменился в лице, побледнел и вскрикнул: «Вася!» Его спросили, что с ним. «Это,— показал он на фотографию,— мой сын». Все окружающие прильнули к витрине, в которой находился пробитый пулями комсомольский билет участника героической обороны Севастополя Василия Ивановича Азарова.

ПИСЬМА ГОМЕЛЬСКИХ ПОДПОЛЬЩИКОВ И. ШИЛОВА И Т. БОРОДИНА

9 мая и 20 июня 1942 г.

ПИСЬМО И. ШИЛОВА

Дорогие мои родители и братья!

Я сейчас нахожусь в тюрьме. Обвинения предъявляются очень веские. Придется распрощаться с жизнью. Ну, что же делать? Не я первый, и не я, видимо, последний... Поэтому прошу очень не переживать. Знайте, что я умираю, любя вас, мои дорогие родители, свою жену и дочку, любя свою Родину. Если когда-нибудь найдется моя семья, то пусть это письмо напомнит ей о последних днях моей жизни. Уцелел на фронте, но не уцелел дома. Вполне понятно, но пусть это не печалит мою семью.

Сегодня был первый допрос, а в понедельник, 11/5, будет второй, где будут бить и пытать. Я боюсь одного, чтобы из-за этой мелочи

не пострадали вы. На этом кончаю сегодня. Будет возможность, напишу еще, а пока прощайте, целую всех.

9 мая 1942 года.

Ваш Ваня.

ПИСЬМО Т. БОРОДИНА

Родные!

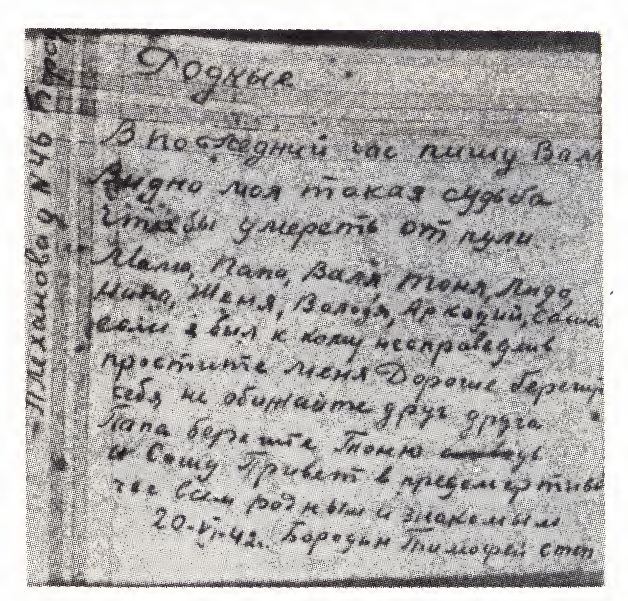
В последний час пишу вам. Видно, такая моя судьба, чтобы умереть от пули...

Мама, папа, Валя, Тоня, Лида, Нина, Женя, Володя, Аркадий, Саша, если я был к кому несправедлив — простите меня. Дорогие, берегите себя, не обижайте друг друга.

Папа, берегите Тоню и Сашу. Привет в предсмертный час всем родным и знакомым.

20—VI—42 г.

Бородин Тимофей Степ.



Плеханова д № 46

Родные

В последний час пишу Вам
Видно моя такая судьба
чтобы умереть от пули.
Мама, Папа, Валя Тоня, Лида
Нина, Женя, Володя, Аркадий, Саша
если я был к кому несправедлив
простите меня Дорогие берегите
себя не обижайте друг друга
Папа берегите Тоню и Сашу Привет в предсмертный
час всем родным и знакомым
20-VI-42г. Бородин Тимофей Степ

Письмо гомельского подпольщика Т. С. Бородина из гестаповского застенка, написанное на носовом платке

Осенью 1941 года в оккупированном Гомеле начала действовать подпольная партийно-комсомольская организация, возглавляемая коммунистом Романом Тимофеенко, комсомольцами Тимофеем Бородиным и Иваном Шиловым.

Тимофей Степанович Бородин работал в типографии «Полеспечать». После занятия города врагом он ушел в подполье.

Иван Шилов служил в армии. В первые дни войны попал в окружение. Оказавшись на оккупированной гитлеровцами территории, он пробрался в родной Гомель, где вступил в подпольную организацию. Хорошо владея немецким языком, И. Шилов вошел в доверие к оккупантам и «работал» в фашистских учреждениях.

В начале 1942 года члены подпольной организации совершили на промышленных предприятиях города ряд крупных диверсий. Они взорвали цеха на станкостроительном заводе, где производился ремонт вражеских танков, разрушили паровозостроительный завод, вывели из строя несколько железнодорожных составов с боеприпасами и вооружением.

На территории Гомельской области лучшие сыны и дочери белорусского народа поднимали знамя беспощадной партизанской войны против оккупантов. Росла и крепла связь подпольной организации города с партизанами. Подпольщики добывали и пересылали в партизанские отряды медикаменты, снабжали их оружием, боеприпасами, взрывчаткой. Немало антифашистских листовок, изготовляемых подпольно, было напечатано в типографии «Полеспечать».

В мае 1942 года комсомольцы-подпольщики Тимофей Бородин и Иван Шилов по доносу были арестованы.

Начались допросы, во время которых комсомольцев подвергали невыносимым пыткам. Гестаповцы обещали арестованным сохранить жизнь, если они назовут фамилии членов организации и местонахождение партизанских отрядов. Но палачи ничего не добились: патриоты не выдали своих боевых товарищей. 20 июня 1942 года Тимофей Бородин и Иван Шилов были расстреляны. За час до смерти Тимофей Степанович на носовом платке крупными буквами написал свое последнее письмо.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1965 года за особые заслуги, мужество и героизм, проявленные в борьбе против немецко-фашистских захватчиков, Тимофею Степановичу Бородину посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Письма хранятся в Гомельском областном краеведческом музее, частично они опубликованы в газете «Известия» от 15 июня 1958 года и в книге «Советские партизаны» (М., 1961, с. 405).

ПОСЛЕДНИЙ НОМЕР РУКОПИСНОЙ ГАЗЕТЫ «ОКОПНАЯ ПРАВДА», ВЫПУЩЕННОЙ ПИОНЕРОМ В. ВОЛКОВЫМ

Июнь 1942 г.



В. Волков

ОКОПНАЯ ПРАВДА № 11

Наша 10-ка — это мощный кулак, который враг считает дивизией, и, как сказал майор Жиделев, мы будем драться как дивизия.

Нет силы в мире, которая победит нас, Советское государство, потому что мы сами хозяева, нами руководит партия коммунистов.

Вот посмотрите, кто мы...

Здесь, в 52-й школе:

1. Командир морского пехотного полка майор Жиделев, русский.

2. Капитан, кавалерист, грузин Гобиладзе.

3. Танкист, рядовой Паукштите Василий, латыш.

4. Врач медицинской службы, капитан Мамедов, узбек.

5. Летчик, младший лейтенант Илита Даурова, осетинка.

6. Моряк Ибрагим Ибрагимов, казанский татарин.

7. Артиллерист Петруненко из Киева, украинец.

8. Сержант, пехотинец Богомолов из Ленинграда, русский.

9. Разведчик, водолаз Аркадий Журавлев из Владивостока.

10. Я, сын сапожника, ученик 4-го кл., Волков Валерий, русский.

Посмотрите, какой мощный кулак мы составляем и сколько немцев нас бьют, а мы сколько их побили; посмотрите, что творилось вокруг этой школы вчера, сколько убитых лежит из них, а мы, как мощный кулак, целы и держимся, а они, сволочи, думают, что нас здесь тысяча, и идут против нас тысячами. Ха-ха, трусы, оставляют даже тяжелораненых и убегают.

Эх, как я хочу жить и рассказывать все это после победы. Всем, кто будет учиться в этой школе!

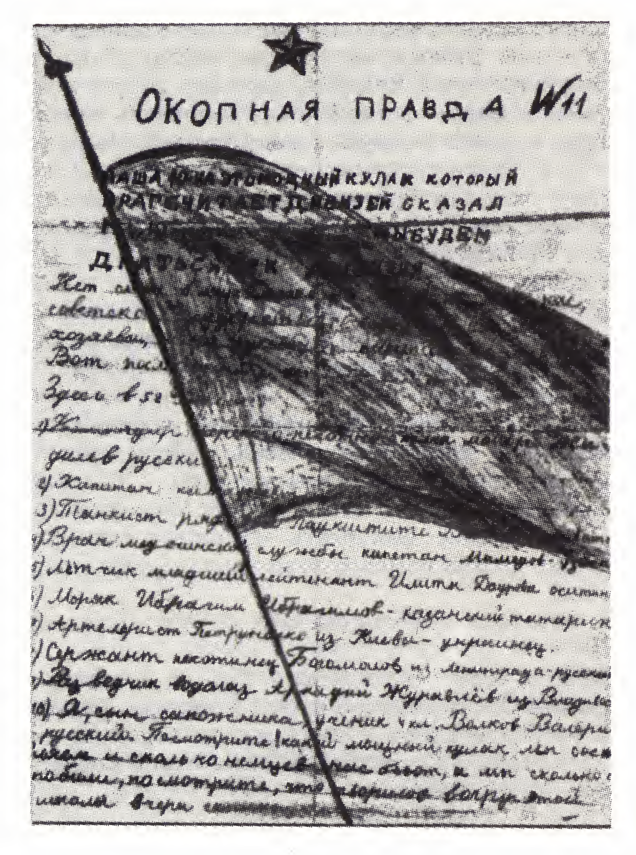
52-я школа! Твои стены держатся, как чудо среди развалин, твой фундамент не дрогнул, как наш мощный кулак десятки...

Дорогая десятка! Кто из вас останется жив, расскажите всем, кто в этой школе будет учиться; где бы вы ни были, приезжайте и расскажите все, что происходило здесь, в Севастополе. Я хочу стать птицей и облететь весь Севастополь, каждый дом, каждую школу, каждую улицу. Это такие мощные кулаки, их миллионы, нас никог-

да не победят сволочи Гитлер и другие... Нас миллионы, посмотрите! От Дальнего Востока до Риги, от Кавказа до Киева, от Севастополя до Ташкента, таких кулаков миллионы, и мы, как сталь, непобедимы!..

1942 г.

Валерий «поэт» (Волк).



ОКОПНАЯ ПРАВДА №11

«Окопная правда», № 11

Эту небольшую газету-листовку за № 11 писал под грохот боя пионер Валерий Волков, ученик одной из школ Севастополя, оказавшийся в районе прикрытия героически сражавшихся защитников города-героя. Выполняя поручения старших, он ходил в разведку, подтаскивал патроны, помогал раненым, стрелял из винтовки, когда гитлеровцы начинали очередную атаку. В непрекращавшихся боях гибли бойцы. В живых осталось только десять... Четверо русских,

один украинец, грузин, латыш, узбек, татарин и осетинка. Тогда-то и появился последний, одиннадцатый выпуск своеобразной газеты — яркое свидетельство мужества героической десятки советских патриотов.

Прошло много лет, а их подвиг долго был неизвестным. Оставшиеся в живых Иван Петруненко и Илита Даурова обнародовали эту последнюю газету-листовку. Они же рассказали и о подвиге Валерия.

...Стояли жаркие июньские дни 1942 года. Наши части двигались к Инкерману, занимая новые рубежи на окраине города. Группа бойцов, в рядах которых находился Валерий, держала оборону на шоссе, в самом узком месте. Вдруг на смельчаков двинулись танки. Валерик выскочил вперед и хотел метнуть связку гранат. Но пуля ударила его в правое плечо. Левой рукой он перехватил связку. Еще раз повернулся навстречу танку и бросил гранаты под гусеницы. Валерик не успел даже отбежать — грохнул взрыв, танк завертелся на узком шоссе, закрыв проход остальным. Еще секунда — и все три танка пылали: их забросали бутылками...

Начались розыски школы, где шли бои, поиски сведений о погибшем Валерии Волкове. В эти поиски включились следопыты-школьники Москвы, Севастополя, Осетии, Татарии, Украины и Грузии. Многое удалось выяснить...

Когда фашисты подошли к городу, Валерий стал разведчиком одного из дислоцировавшихся здесь полков. После гибели отца — его убили фашисты в селе Чоргунь, под Севастополем,— Валерий стал сыном полка. Любил стихи и часто читал бойцам Маяковского. С радостью принял предложение выпускать «Окопную правду». К сожалению, предыдущие десять номеров этой уникальной газеты пока еще не обнаружены.

Рукописная газета-листовка опубликована в газете «Правда» 8 февраля 1963 года.

28 декабря 1963 года за мужество и отвагу Родина посмертно наградила пионера орденом Отечественной войны I степени. Теперь имя Валерия Волкова записано рядом с именами пионеров-героев Володи Дубинина, Вали Котика в Книге почета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.

ПИСЬМА КОМАНДИРА ПАРТИЗАНСКОЙ БРИГАДЫ А. В. ГЕРМАНА ЖЕНЕ

1 мая — 9 июля 1942 г.



А. В. Герман

1 мая 42 г.

Боевой первомайский привет!

Дорогие Фаинушка и Алюсик!

За последнее время получил шесть писем от вас, вот это праздник! Вообще письма получаю очень редко в связи с особыми условиями работы, но зато сразу пачками...

Сейчас нахожусь на территории Ленинградской области, в «гостях» у «фрицев», живу с ними «дружно», знаем и ненавидим друг друга от всей души: они — за «беспокойную жизнь», ну а мы за все: за кровь, за муки, за издевательства. То, что ты читаешь в газетах или слышишь по радио,— это ничто в сравнении с тем, что видим почти ежедневно мы...

Я здоров душой и телом, желаю и надеюсь, что и у вас в этом отношении обстоит все благополучно. Беспокоит только вопрос с питанием у вас. Ведь я знаю, что с этим сейчас трудновато... Пока писать больше нечего. Постарайся связаться с мамой.

Крепко целую. Твой Шура.

9 июля 42 г.

Дорогая Фаинушка!

Сейчас наша страна переживает тяжелые дни своей истории. Каждый гражданин Советской России обязан отдать все, что он может, вплоть до своей жизни, если она потребуется...

Я на протяжении почти года был в тылу немцев. Прошел много районов — Молвотицы, Пено, Сережино, Андреаполь, Холм, Торопец, Великие Луки, Локня, Новосокольники, Пустошка, Идрица, Себеж, был у самой границы Латвии. Я видел фашиста в звериной шкуре, в роли «молодца», когда он издевается над мирным населением — детьми и стариками, видел, как изверг убивает ребенка перед глазами обезумевшей матери, как садистски насилует жену на глазах истерзанного мужа. В селе Санники Новосокольнического района гитлеровцы сожгли и истерзали 480 человек. Видел фашиста в роли овечки, когда он попадает в руки партизан, когда он бежит, как заяц, от частей Красной Армии. Я помнил, что у меня есть жена, есть ребенок, за моей спиной советские честные люди, я должен их

защищать. И я их защищал. По пройденному пути разгромлены десятки гарнизонов, 17 волостных управ, опочецкая и идрицкая полиции, уничтожено много техники и живой силы врага. Мы заставили фашистов трепетать при упоминании слова «партизан».

Скоро опять, возглавляя теперь особое соединение, пойду в тыл, в «гости» к фашистам, драться буду не на жизнь, а на смерть. Мало кому из них удастся еще топтать русскую землю...

Воины Красной Армии дерутся честно, самоотверженно. Они знают, что за их спинами свободолюбивый советский народ. Они говорят, что лучше умереть, отстаивая свою независимость и свободу, чем влачить жалкое рабское существование. Так смотрю на эти вопросы и я.

Жизнь я люблю безумно. Она хороша и своими горестями и своей радостью, но если придется умереть, то знай, что умру честно, самоотверженно. Я не посрамлю земли русской, не посрамлю своей семьи; сыну будет что вспомнить об отце его, и если когда-либо еще повторится столь грозный час, то будет с кого взять пример...

Фаинушка, какие бы испытания тебя ни ждали впереди, будь всегда крепкой, стойкой советской женщиной. Сейчас помогай всем, чем можешь, бить врага, словом и делом, народ тебе потом скажет спасибо. Так воспитывай и Алюську. Ну пока. Крепко прижимаю к сердцу тебя и Алюську.

Ваш Шура.

Александр Герман! Неувядаемой славой овеяно это имя. Это о нем, о бесстрашном партизанском комбриге, поют песни на берегах голубой Шелони и тихой, задумчивой Сороти. Это о Германе, доблестном сыне Ленинграда, рассказывают детям старожилы древнего Пскова и седого Новгорода.

Александр Викторович Герман родился в 1915 году в городе на Неве. Ленинградский комсомол дал ему путевку в армию. В 1937 году Герман окончил бронетанковое училище в Орле и служил в танковых войсках: командовал взводом, ротой. Член КПСС с 1942 года.

В суровые дни первой военной осени Александр Викторович стал партизаном. Вскоре старший лейтенант Герман был назначен заместителем командира по разведке 2-й Особой партизанской бригады.

Дерзко вклинилась бригада осенью 1941 года в стык групп фашистских армий «Север» и «Центр». Рейд по тылам врага продолжался несколько месяцев.

2-я Особая... Отборное, ударное небольшое соединение. Ни суровые метели, ни весенняя распутица не могли преградить путь отважным бойцам.

В начале второго года войны 2-я Особая была расформирована и на ее базе создана 3-я Ленинградская партизанская бригада.

В новые бои ее повел комбриг Герман. Вначале тяжелые оборонительные бои в партизанском крае, затем выход в безлесные районы Псковщины и Калининской области. Всю зиму 1942 года и весну 1943-го провели партизаны в непрерывных походах.

Тактика гибкого маневра, девиз Германа: «Искать, преследовать и истреблять врага!» — нашли единодушную поддержку местных жителей. Они пополняли ряды бригады, численность которой к первомайскому празднику 1943 года достигла почти 2 тысяч человек. Каждый четвертый был коммунистом.

В разгар сражения советских войск на Орловско-Курской дуге ленинградские партизаны начали в широких масштабах «рельсовую войну».

В начале сентября 1943 года фашистам удалось окружить 3-ю Ленинградскую партизанскую бригаду в Новоржевском районе. В ночь на 6 сентября Герман повел бригаду на прорыв. В районе деревни Житницы бригада прорвалась, но в этом бою был убит комбриг.

Герман похоронен в городе Валдае, Новгородской области. В 1944 году ему присвоено звание Героя Советского Союза, посмертно.

Подлинники писем Германа хранятся в семье героя. Сын Александра Викторовича — Альберт Герман стал офицером Советской Армии.

ЗАПИСКА-КЛЯТВА КОМСОМОЛЬЦА-СВЯЗИСТА В. А. ПАНКЕВИЧА

Не позднее 23 июля 1942 г. [1]

Клянусь тебе, Вера, что я, как сын народа, буду бить врагов до последнего вздоха, до последней капли крови. Моя любовь к тебе осталась и еще в несколько раз удесятерилась.

Комсомолец Владимир Антонович Панкевич под огнем противника обеспечивал связь передовых частей соединения. Свое умение он показал в сражениях с немецко-фашистскими захватчиками при освобождении Солнечногорска, Волоколамска и других населенных пунктов. Но вот в боях за деревню Быково вражеская пуля оборвала жизнь отважного комсомольца Владимира Панкевича. В кармане погибшего воина оказалась фотокарточка и неотправленная записка любимой девушке Вере.

Записка-клятва опубликована в «Комсомольской правде» 23 июля 1942 года.

---

[1] Датируется по времени опубликования.

ПИСЬМО ОДЕССКОГО ПОДПОЛЬЩИКА Я. ГОРДИЕНКО

27 июля 1942 г.



Я. Гордиенко

Дорогие родители!!!

Пишу вам последнюю свою записку. 27—VII—42 г. исполнилось ровно месяц со дня зачтения приговора. Мой срок истекает, и я, может быть, не доживу до следующей передачи. Помилования я не жду. Эти турки отлично знают, что я из себя представляю (это благодаря провокаторам). На следствии я вел себя спокойно. Я отнекивался. Меня повели бить. Три раза водили и били на протяжении 4—5 часов. В половине четвертого кончили бить. За это время я три раза терял память и один раз представился, что потерял сознание. Били резиной, опутанной тонкой проволокой. Грабовой палкой длиной метра полтора. По жилам на руках железной палочкой... После этого избиения остались следы шрамов на ногах и повыше. После этого избиения я стал плохо слышать на уши.

Кто вообще был в моей группе, те гуляют на воле. Никакие пытки не вырвали их фамилий. Я водил ребят на дело. Я собирал сведения. Я собирался взорвать дом, где были немцы (рядом с д. Красной Армии, новый дом). Но мне помешал старик. Эта собака меня боялась. Он знал, что у меня не дрогнет рука, поднятая на провокатора. От моей руки уже погиб один провокатор. Жаль, что я не успел развернуться...

Я рассчитывал на побег. Но здесь пару дней тому назад уголовные собирались делать побег, и их зашухерили. Они только нагадили. Сейчас нет возможности бежать, а времени осталось очень мало. Вы не унывайте. Саша Хорошенко поклялся мне, что, если будет на воле, он вас не оставит в беде. Можете быть уверены, что он будет на свободе. У него есть время, и он подберет нужный момент улизнуть из тюрьмы. Наше дело все равно победит. Советы этой зимой стряхнут с нашей земли немцев и «освободителей» — мамалыжников. За кровь партизан, расстрелянных турками, они ответят в тысячу раз больше. Мне только больно, что в такую минуту я не могу помочь моим друзьям по духу.

Достаньте мои документы. Они закопаны в сарае. Под первой доской от точила сантиметров 30—40. Там лежат фото моих друзей и подруг и мой комсомольский билет. В сигуранце у меня не вырвали, что я комсомолец. Там есть фото Вовки Ф., отнесите его на Лютеранский переулок, 7, Нине Георгиевне. Вы ей отнесите, и пусть

она даст переснять, а фото заберите назад. Может быть, вы его когда-нибудь встретите. Там есть и мои письма. Есть там и коробочка. Можете ее вскрыть. Там мы клялись в вечной дружбе и солидарности друг другу. Но мы все очутились в разных концах. Я приговорен к расстрелу, Вова, Миша и Абраша эвакуировались. Эх! Славные были ребята! Может быть, кого-нибудь встретите.

Прощайте, дорогие. Пусть батька выздоравливает. Это я хочу. Прошу только не забыть про нас и отомстить провокаторам. Передайте привет Лене.

Целую вас всех крепко, крепко. Не падайте духом. Крепитесь. Привет всем родным. Победа будет за нами!

27.VII. 42 года.

Яша.

В героические дни обороны Одессы в августе 1941 года в «летучем отряде» капитана В. А. Молодцова появился коренастый юноша, которого зачислили в отряд связистом. Это был комсомолец Яша Гордиенко. 16-летний юноша мечтал о подвигах, горел желанием с оружием в руках защищать родной город от фашистских захватчиков, но бойцы оберегали паренька. Сын черноморского моряка, он только перед войной окончил девять классов... 16 октября 1941 года, после 73 дней обороны, войска Одесского оборонительного района оставили город. Румыно-немецкие части вошли в Одессу.

На смену регулярным частям Красной Армии и Военно-Морского Флота, героически защищавшим Одессу, пришли солдаты «невидимого» фронта: в борьбу с оккупантами вступили разведчики, подпольщики, партизаны, многие советские патриоты. Помогая защитникам города отойти с последних рубежей, подпольщики и партизаны скрылись в катакомбах, оставшихся от многолетней вырубки камня-ракушечника.

В катакомбы ушли боевые группы Одесского Пригородного и Овидиопольского подпольных райкомов партии, отдельные ячейки областного партийного подполья, бойцы партизанского отряда Солдатенко, разведывательно-подрывной отряд чекиста Калошина, разведгруппа особого отдела Приморской армии и др.

Одной из первых в подземелье обосновалась группа подпольщиков, которой командовал капитан-чекист Владимир Александрович Молодцов, бывший шахтер, коммунист с 1931 года. Он прибыл из Москвы в Одессу со специальным заданием в середине июля 1941 года.

Вместе с Молодцовым стал работать в подполье и Яша Гордиенко. Одесским подпольщикам капитан Молодцов был известен под фамилией Бадаев. Этот мужественный человек послужил прототипом Дружинина в романе Валентина Катаева «За власть Советов».

В отряде Молодцова-Бадаева Яша Гордиенко был разведчиком. Он собирал информацию о действиях фашистов, распространял листовки, проводил политическую работу среди населения, особенно среди молодежи. Юноша неоднократно участвовал в боевых операциях отряда: подрывал железнодорожное полотно, нападал на вражеские автомашины, много раз выводил из строя телефонную связь противника. Однажды благодаря находчивости и бесстрашию Яше Гордиенко удалось спасти около 50 военнопленных.

Один из славных бойцов отряда, Галина Марцышек, испытавшая пытки фашистских застенков, вспоминала впоследствии, уже после гибели Яши Гордиенко, о Яшуне, как его называли товарищи: «С появлением Яши будто светлее становилось в нашем мрачном подземелье. Перед озаренностью, которую излучали не только его светлые глаза, но и весь он, крепкий и юный, с выбивавшимися из-под кубанки мальчишескими вихрами, отступала гнетущая тишина, на смену подавленности приходило настроение приподнятости... Потом мы все, кто был свободен от заданий, провожали отчаянно смелого паренька к выходу и, прощаясь, мысленно желали обойти все опасности, подстерегавшие его на каждом шагу более чем двадцатикилометрового пути...» А за осень и зиму разведчик проделал этот трудный путь не менее десяти раз.

Отряд Молодцова, ряды которого росли, в сочетании с выступлениями других отрядов и групп наносил серьезный ущерб оккупантам. Командование гарнизона оккупированной Одессы докладывало 12 декабря 1941 года в Берлин: «Настроение населения крайне враждебное. Повсюду говорят, что... советские войска перешли в крупное контрнаступление по всему фронту... Распространены выдержки из последнего выступления Сталина. В последнее время широко распространяется среди населения убеждение в том, что советская власть здесь будет скоро восстановлена... Партизаны зачастую как днем, так и ночью появляются в городе. Используя уличные баррикады, разрушенные здания и обломки автомашин, они внезапно нападают на учреждения местных властей, высокопоставленных лиц, чинов полиции и солдат...»

Агенты тайной полиции доносили: «Организация Бадаева связана системой катакомб, протянувшихся на десятки километров, с другими организациями... Разведчики Бадаева находятся как в городе, так и в области... Ущерб, нанесенный нам организацией Бадаева, не поддается учету... Партизаны-катакомбисты представляют собой невидимую коммунистическую армию на оставленных территориях... Они активно действуют в целях выполнения заданий, с которыми оставлены...»

Боясь советских людей, немецко-румынские оккупанты с каждым днем усиливали кровавый террор. Уже в первую неделю «нового порядка» фашистские палачи расстреляли, повесили или заживо

сожгли более 45 тысяч жителей Одессы. Особенно вражеская охранка охотилась за подпольщиками и партизанами, от которых им не было покоя. Агентам румынской сигуранцы (политической полиции) из доноса предателя стало известно место явки подпольщиков. В один из вечеров, когда Яша Гордиенко вместе с командиром отряда В. А. Молодцовым, ничего не подозревая, выходили из дома, на них набросились агенты охранки. Это случилось 9 февраля 1942 года. Ни пытки, ни истязания не могли сломить волю советских людей. Молодой паренек держался так же мужественно, как и стойкий коммунист В. А. Молодцов. Они были приговорены к смерти и расстреляны.

В одном из номеров грязной газетенки, издававшейся в Одессе, можно прочитать о действиях отважных подпольщиков. Так, «Одесская газета» писала: «При отступлении советских войск из Одессы частями НКВД была оставлена группа партизан-коммунистов со специальными заданиями по проведению террористической подрывной деятельности и шпионской работы. В их распоряжении были оставлены склады оружия и взрывчатых веществ. При подходе союзных войск эта группа партизан-коммунистов скрывалась в одесских катакомбах, но была обнаружена и предана военно-полевому суду». Суд приговорил расстрелять Бадаева Павла, Тамару Межигурскую, Тамару Шестакову, Якова Гордиенко... (всего 12 человек). Остальные партизаны осуждены к пожизненной каторге...

Зная наверняка, что через несколько дней погибнет, Яша Гордиенко на шести клочках папиросной бумаги написал последнее письмо родителям, которое товарищи по камере сумели впоследствии переслать в город.

10 апреля 1944 года Одесса была освобождена. С заслуженными почестями захоронены герои.

В одной из камер гестаповского застенка нашли эту записку: «Дорогие товарищи! Нас скоро расстреляют. Не огорчайтесь, мы ко всему готовы и на смерть пойдем с поднятой головой. Передайте моему сыну Славику все, что вы знаете обо мне. 14.6.42. Тамара». Писала та самая Тамара, о которой с ненавистью сообщала «Одесская газета»,— Тамара Ульяновна Межигурская, верная соратница В. А. Молодцова-Бадаева, старший товарищ Якова Гордиенко.

А над катакомбами — этими «одесскими партизанскими лесами» — вскоре был установлен памятник, на мраморе которого высечены слова: «Здесь, в катакомбах с. Нерубайское, в 1941—1942 гг. находился подземный лагерь партизанского отряда под командованием чекиста Героя Советского Союза В. А. Молодцова-Бадаева, успешно действовавшего в тылу врага».

Яков Гордиенко посмертно награжден орденом Ленина и медалью «Партизану Отечественной войны» I степени.

Письмо Я. Гордиенко опубликовано в сборнике «Одесса в Великой Отечественной войне Советского Союза» (Одесса, 1949, т. 2, с. 211—212); на итальянском языке — в книге П. Мальвецци и Дж. Пирелли «Письма обреченных на смерть борцов европейского Сопротивления» (Турин, 1954, с. 699—700).

Именем Я. Гордиенко названа одна из улиц Одессы.

НАДПИСИ СОВЕТСКИХ ВОИНОВ НА СТЕНАХ И ЗАПИСИ В ДНЕВНИКАХ, НАЙДЕННЫХ В АДЖИМУШКАЙСКИХ КАМЕНОЛОМНЯХ

Май — июль 1942 г.



П. М. Ягунов

НАДПИСИ НА СТЕНАХ

Смерть, но не плен!
Да здравствует Красная Армия!
Выстоим, товарищи!
Лучше смерть, чем плен.

22—VI—42. Ровно 1 год войны... Немецкие фашисты напали на нашу Родину.
Проклятье фашистам!
Прощайте!

ИЗ ДНЕВНИКА МЛАДШЕГО ЛЕЙТЕНАНТА А. И. ТРОФИМЕНКО

16 мая. Немцы окружили со всех сторон наши катакомбы. В церкви огневая точка, пулеметы, автоматы. Большая часть домов в Аджимушкае захвачена немцами, и почти в каждом расположились автоматчики. Становится затруднительно движение на дворе. Трудно добираться за водой.

Однако жизнь идет своим чередом. Утро действительно было самое хорошее, восточный ветерок еле колыхал воздух, но канонада не утихала. Воздух наполнен сплошным дымом...

17 мая. К атаке все уже было подготовлено. В последний раз прохожу, проверяю своих орлов. Моральное состояние хорошее. Проверяю боеприпасы. Все есть. Сто человек поручило командование вести в атаку. Сто орлов обращают внимание на то, кто будет вести их в бой за Родину. Последний раз продумываю план. Разби-

ваю на группы, по двадцать человек. Выделяю старших групп. Задача всем ясна, ждем общего сигнала.

Встретился с Верхутиным, который будет давать сигнал для общей атаки. Вылезаю на поверхность, рассматриваю. Оказалось — метрах в ста, возле сладкого колодца, стоят два танка.

Приказываю противотанковому расчету уничтожить. Пять-шесть выстрелов, и танк загорелся, а другой обратился в бегство. Путь свободен.



Г. М. Бурмин

Слышу сигнал.

— В атаку!

Сжимаю покрепче автомат, встаю во весь рост.

— За мной, товарищи, за Родину! Вперед!

Грянули выстрелы. Дымом закрыло небо. Вперед! Враг дрогнул, в беспорядке начал отступать.

Вижу, из-за памятника два автоматчика стоя ведут огонь по нашим. Падаю на землю. Даю две очереди. Хорошо, ей-богу, хорошо! Один свалился в сторону, другой остался на своем месте. Славно стреляет автомат — грозное русское оружие.

А ребята с правого фланга давно уже пробрались вперед, с криком «ура!» громят врага...

20 мая. Насчет воды дело ухудшилось совершенно. Гражданское население находится от нас недалеко. Мы разделены недавно сделанной стеной, но я все-таки проведываю их и часто интересуюсь настроением. Плохо дело. Вот воды хотя бы по сто граммов, жить бы еще можно, но дети, бедные, плачут, не дают покоя. Да и сами тоже не можем: во рту пересохло, кушать без воды не сготовишь. Кто чем мог, тем и делился. Детей поили с фляг по глотку, давали свои пайки сухарей...

24 мая. Грудь мою что-то так сжало, что дышать совсем нечем. Слышу крик, шум... Быстро схватился, но было уже поздно.

Человечество всего земного шара, люди всяких национальностей! Видели ли вы такую зверскую расправу, какой владеют германские фашисты. Нет...

Я заявляю ответственно: история нигде не рассказывает нам об этих извергах. Они дошли до крайности! Они начали давить людей газами!

Катакомбы полны отравляющим дымом. Бедные детишки кричали, звали на помощь своих матерей. Но, увы, они лежали мертвыми на земле с разорванными на груди рубахами, кровь лилась изо рта.

Кругом крики:

— Помогите!

— Спасите!

— Покажите, где выход! Умираем!

Но за дымом ничего нельзя было разобрать.

Я и Коля тоже были без противогазов. Мы вытащили четырех ребят к выходу, но напрасно. Они умерли на наших руках.

Чувствую, что я уже задыхаюсь, теряю сознание, падаю на землю. Кто-то поднял и потащил к выходу. Пришел в себя. Мне дали противогаз. Теперь быстро к делу, спасать раненых, что были в госпиталях.



И. П. Парахин

Ох, нет, не в силах описать эту картину. Пусть вам расскажут толстые каменные стены катакомб, они были свидетелями этой ужасной сцены...

Вопли, раздирающие стоны. Кто может, идет, кто не может — ползет. Кто упал с кровати и только стонет: «Помогите!», «Милые друзья, умираю, спасите!»

Белокурая женщина лет 24-х лежала вверх лицом на полу. Я приподнял ее, но безуспешно. Через пять минут она скончалась. Это врач госпиталя. До последнего своего дыхания она спасала больных, и теперь она, этот дорогой человек удушен.

Мир земной! Родина!

Мы не забудем зверств, людоедства. Живы будем — отомстим за жизнь удушенных газами!

Требуется вода, чтобы смочить марлю и через волглую дышать, но воды нет ни одной капли. Таскать людей к отверстию нет смысла, потому что везде бросают шашки и гранаты. Выходит, один выход — умирать на месте в противогазе. Она может быть, и есть, но теперь уже поздно искать ее.



Ф. А. Верушкин

Гады, душители. За нас отомстят другие!

Несколько человек вытащили ближе к выходу, но тут то же самое, а порой еще больше газов...

Колю потерял, не знаю, где Володя. В госпитале не нашел, хотя бы в последний раз взглянуть на них. Пробираюсь на центральный

выход. Думаю, что там меньше газов, но это только предположение. Теперь я верю в то, что утопающий хватается за соломинку. Наоборот, здесь больше отверстия, а поэтому здесь больше пущено газа.

Почти у каждого отверстия 10—20 немцев, которые беспрерывно пускают ядовитые газы-дым.

Прошло восемь часов, а они все душат и душат. Теперь противогазы уже пропускают дым, почему-то не задерживают хлор.

Я не буду описывать, что делалось в госпитале на центральной. Такая же картина, как и у нас. Ужасы были по всем ходам, много трупов валялось, по которым еще полуживые метались то в одну, то в другую сторону. Все это, конечно, безнадежно. Смерть грозила всем, и она была так близка, что ее чувствовал каждый.

Чу! Слышится песнь «Интернационал». Я поспешил туда. Перед моими глазами стояло четверо молодых лейтенантов. Обнявшись, они в последний раз пропели пролетарский гимн.

— За Родину!

Выстрел.

— За нашу любимую партию Ленина!

Выстрел.

— За нашу победу!

Выстрел.

Еще прозвучал выстрел, четыре трупа лежало неподвижно. Какой-то полусумасшедший схватился за рукоятку «максима» и начал стрелять куда попало. Это предсмертная судорога.



А. И. Трофименко

Каждый пытался сохранить свою жизнь, но увы! Труды напрасны... Умирали сотни людей за Родину.

Изверг, гитлеровская мразь, посмотри на умирающих детишек, матерей, бойцов и командиров! Они не просят от вас пощады, не станут на колени перед бандитами, издевавшимися над мирными людьми. Гордо умирают за свою любимую священную Родину...

3 и ю л я. Целый день 2 июля ходил как тень. Порой имел желание хотя бы закончить такую муку смертью, но подумал о доме, хочется еще раз увидеть свою любимую жену, обнять и поцеловать своих любимых крошек деток, а после и жить вместе с ними.

Болезнь увеличивается. Силы падают. Температура до 40 °. Зато следующий день принес большую радость: вечером к нам в штаб пришел воентехник I ранга тов. Трубилин. Он долго говорил с капитаном, после чего мне было слышно, что он сказал:

— Да ей-богу, будет же вода.

Смысла я не понял, что за вода и откуда. Оказывается, что этот Трубилин взялся за день дорыть подземный ход к наружному колодцу и достать воду. Хотя это и стоило большой напряженной работы, но молодой энергичный товарищ взялся по-большевистски за работу. Вновь застучали кирки, заработали лопаты. Но верить в то, что уже будет вода, никто не верил.

Что же получилось с колодцем? Фрицы его сначала забросали досками, колесами с повозок, а сверху большими камнями и песком. В глубине он был свободен и можно было брать воду. Трубилин уверенно дошел до колодца подземным ходом в течение 36 часов своей упорной работы, пробил дырку в колодце, обнаружил, что воду можно брать, тихонько набрал ведро воды и впервые пил сам со своими рабочими, а потом незаметно принес в штаб нашего батальона.

Вода, вода. Стучат кружками. Пьют. Я тоже туда. Капитан подал мне полную кружку холодной чистой воды, шепотом сказал:

— Пей, это уже наша вода.

Не знаю, как я ее пил, но мне кажется, что там как будто ее и не было. К утру вода уже была и в госпитале, где давали по 200 г. Сколько радости — вода, вода! 15 дней без воды, а теперь хотя пока и недостаточно, но есть вода.

Застучали, зазвенели котлы. Каша! Каша! Суп! О! Сегодня — каша! Значит, будем жить.

Сегодня уже имеем в запасе 130 ведер воды. Это ценность, которой взвешивают жизнь до 3000 людей. Она, вода, решала судьбу жизни или смерти. Фрицы думали, что колодец забит, и свои посты оттуда сняли, так что с большим шумом брали воду. Но нужно оговориться, воду брать было очень трудно по подземному ходу, можно идти только на четвереньках...

ЗАПИСКА
С. Т. ЧЕБАНЕНКО
28 мая 1942 г.

К большевикам и ко всем народам СССР.

Я не большой важности человек. Я только коммунист-большевик и гражданин СССР. И если я умер, так пусть помнят и никогда не забывают наши дети, братья, сестры и родные, что эта смерть была борьбой за коммунизм, за дело рабочих и крестьян...

Война жестока и еще не окончилась. А все-таки мы победим!

В Аджимушкайских каменоломнях летом 1942 года советские люди совершили массовый подвиг, а гитлеровцы — чудовищное преступление, поражающее бесчеловечностью.

Немецко-фашистские захватчики побывали в этом крае дважды: осенью 1941 года, но их тогда довольно быстро отбросили назад, и в мае 1942 года, когда они вновь захватили Керченский полуостров, прорвались к проливу и окружили ряд частей Красной Армии.

Советские воины, не желая сдаваться врагу, отошли в каменоломни у поселка Аджимушкай и заняли там круговую оборону. В тех же каменоломнях находилось несколько тысяч местных жителей, в основном женщин, стариков и детей, спасавшихся от бомбежек и вражеских обстрелов. Всего здесь собралось более 20 тысяч человек.



С. Т. Чебаненко

Гитлеровское командование приказало пленить всех, кто укрылся в подземелье, а в случае сопротивления — безжалостно уничтожить. Против осажденных бросили два отборных полка пехоты 46-й дивизии, танки и минометы, 88-й саперный батальон и специальную команду войск СС.

Но первое время ни танки, ни автоматчики не могли даже близко подойти к входам в каменоломни — всюду их встречал дружный огонь отрядов прикрытия. Лишь 16 мая врагу удалось блокировать район каменоломен. Но и тогда днем и ночью смельчаки выходили на поверхность и внезапными налетами отгоняли гитлеровцев на 3—4 километра. Несколько раз они подолгу удерживали поселки Аджимушкай, Колонка и завод имени Войкова, используя этот успех для пополнения запасов воды и продовольствия.

О том, какое большое военное и моральное значение имели боевые действия Аджимушкайского подземного гарнизона в тылу врага, свидетельствуют не только их каждодневные боевые дела, но и некоторые трофейные документы, которые попали в руки советских воинов после разгрома фашистской Германии. Так, в одном из таких документов, секретном донесении из Симферополя в Берлин, названном «О советских очагах сопротивления в каменоломнях Аджимушкая — Крым», есть такие признания: «Аджимушкайские катакомбы, находящиеся в 3 километрах от окраин Керчи, превращены большевиками в сильно укрепленные узлы сопротивления...» Далее: «Ягунов получил приказ командующего Крымским фронтом генерал-лейтенанта Козлова держаться до тех пор, пока не вернется Красная Армия. Этот приказ неукоснительно выполнялся...» Авторы доклада вынуждены признать, что даже в конце октября 1942 года приходилось проводить усиленные карательные экспедиции против остатков мужественных защитников каменоломен.

Борьбой окруженных советских воинов руководил штаб обороны, во главе которого встали коммунисты — полковник П. М. Ягунов, комиссар И. П. Парахин, полковник Ф. А. Верушкин, подполковник Г. М. Бурмин. Был образован полк обороны Аджимушкая с тремя батальонами и специальными командами разведчиков, радистов, истребителей танков, интендантской частью, госпиталем, группой по добыче воды и группой «слухачей», наблюдавших за взрывными работами на поверхности. Вся жизнь подземного гарнизона велась строго по уставу РККА, и это значительно повысило его обороноспособность.

В первых ожесточенных схватках с гитлеровцами смертью храбрых пали командир 1-го батальона старший лейтенант Н. Н. Белов, капитан В. М. Левицкий, лейтенант Новиков, младший лейтенант Павел Салтыков и десятки других героев.

Над каменоломнями день и ночь гремели выстрелы, разрывы гранат и мин, затем заухали мощные разрывы авиабомб, которыми гитлеровцы хотели вскрыть центральные подземные траншеи. К 20 мая 1942 года в Керчь из Берлина прибыли самолеты, которые доставили секретное оружие для борьбы с непокорными советскими людьми. Этим оружием оказался новый газ, изобретенный фашистскими учеными. Газ находился в больших баллонах и гранатах особой конструкции.

Засыпав камнями и землей от взрывов все выходы из каменоломен, гитлеровцы подвели к щелям трубы от баллонов со сжатым газом. Через пробуренные отверстия вниз бросали гранаты. А тех, кто пытался выбраться наверх, разили из пулеметов и автоматов.

Первая газовая атака была проведена в ночь на 25 мая. За ней последовали другие — в течение нескольких дней с интервалами 3—5 часов. Эту трагедию описал в своем дневнике младший лейтенант Александр Иванович Трофименко — один из героев Аджимушкая.

От газов и обвалов погибло не менее 10 тысяч человек. Часть людей в бессознательном состоянии попала в руки гитлеровцев.

Но и эти варварские атаки не сломили волю оставшихся в живых защитников Аджимушкая. Конец мая и июнь они не давали покоя карателям. Однако силы их с каждым днем таяли. Люди гибли от голода и жажды, от газовых атак, гибли во время вылазок из каменоломен.

В начале июля трагически погиб Павел Максимович Ягунов. Выходец из крестьянской семьи села Чебарчино, Осташевского района, Мордовской АССР, он прошел трудный жизненный путь. Ему рано пришлось уйти из дому на заработки. Гражданская война застала 18-летнего рабочего в Средней Азии, где он вступил добровольцем в 1-й Отдельный Туркестанский коммунистический батальон и участвовал в боях с белоказаками под Актюбинском. Затем

в рядах 5-го Туркестанского стрелкового полка сражался на юге Советской Республики против белогвардейцев Деникина.

Кончилась гражданская война, и он снова в Средней Азии. Во главе красноармейского отряда преследует басмаческие банды, ликвидирует гнезда контрреволюции. К этому времени выбор был сделан: Павел Максимович стал кадровым военным. В 1937 году он командир полка на юге страны. Коммунист, грамотный, вдумчивый и решительный командир, отзывчивый товарищ, хороший семьянин и отец.

Перед войной он служил в Бакинском военном пехотном училище. Затем — фронт, Крым, Аджимушкай...

Под стать Ягунову был его помощник — кадровый военный Федор Алексеевич Верушкин. Война застала его с семьей в Симферополе. Коммунист, волевой командир, он пользовался авторитетом в гарнизоне и округе.

С первых дней войны Федор Алексеевич занимался формированием новых частей Красной Армии. Затем — участие в обороне Крыма, тяжелое ранение, госпиталь в Аджимушкае и снова бои...

Комиссар гарнизона Иван Павлович Парахин был потомственным шахтером. В 1921 году вступил в партию, затем учился, был на партийной работе. С 1935 года в армии. Это мужественный, твердого характера человек, умевший раскрыть человеческую душу и помочь добрым советом.

Командование обороной каменоломен после гибели Ягунова принял Григорий Михайлович Бурмин, кадровый военный, танкист, участник боев на Халхин-Голе. В Крыму во главе танкового полка он прикрывал арьергарды пехотных частей, оборонял до последнего часа завод имени Войкова и уже после блокады Аджимушкая пробился в каменоломни с группой бойцов. После многодневных упорных боев, больших потерь в составе гарнизона Парахин, Верушкин и их товарищи оказались в гестаповской тюрьме Симферополя. Их долго пытали и, ничего не добившись, расстреляли.

Последние разрозненные группы обессиленных защитников Аджимушкая ушли из каменоломен в ноябре 1942 года, когда землю засыпало мокрым снегом.

Среди участников аджимушкайской обороны выделялись А. И. Пирогов, П. Е. Сидоров, Н. С. Данченко, Н. Д. Филиппов, В. М. Левицкий, А. Г. Голядкин, В. А. Соловьев, Н. П. Горошко, В. И. Шукевич, П. И. Скилевой, Г. И. Бармет, Г. Ф. Трубилин, В. И. Костенко, Г. К. Деркач, Ф. Ф. Казначеев, Н. А. Ефремов, М. Г. Поважный, А. М. Воронов, А. П. Казмирчук, В. И. Колодин, Ч. Жунускулов, А. Чукулюк, З. С. Егорова, медсестры Аня Чурова и Лида Гордеева, пулеметчик Ковалев, красноармеец Г. Я. Хазаров и многие другие храбрые бойцы, имена которых еще не раскрыты.

В ноябре 1943 года части Отдельной Приморской армии форсировали Керченский пролив и одним из первых освободили поселок Аджимушкай. То, что увидели воины в каменоломнях, трудно поддается описанию. Несколько тысяч людей погибли у входов и отдушин, задохнувшись от газов. Они находились в позах, говоривших об ужасных мучениях. Из катакомб было извлечено свыше 3 тысяч трупов.

Позднее стали известны имена тех, кто душил советских людей газами. Чудовищное преступление совершила группа гитлеровцев с погонами генералов и офицеров. Среди них:

Генерал Гакциус — командир 46-й немецкой пехотной дивизии, скрывшийся от возмездия.

Капитан войск СС Пауль Книпе.

Командир специальной команды унтер-офицер Бонфик, прибывший из Берлина для осуществления газовых атак.

Командир 88-го саперного батальона капитан Ганс Фрелих (Фрейлих), 1916 года рождения, в гитлеровской армии с 1937 года, награжден Железным крестом 1 степени и медалями. Отъявленный нацист. В мае 1945 года взят в плен. Сумел скрыть свои преступления и в 1949 году репатриирован на родину в Нюрнберг.

Обер-лейтенант Ганс Нойбауэр — заместитель Фрелиха, 1905 года рождения, из Баварии. В 1946 году был объявлен розыск как военного преступника.

Командир 2-й роты 88-го саперного батальона Фриц Линеберг. Особенно зверствовал в районе Аджимушкайских каменоломен. Имел награды за «геройство» при уничтожении женщин, детей и стариков.

Командир 1-го взвода роты 88-го батальона обер-ефрейтор Бернгардт Браун, 1921 года рождения. Руководил и осуществлял подрывные работы, в частности по закрытию выходов из каменоломен.

Обер-ефрейтор Рудольф Гуземан, 1919 года рождения, из Дюссельдорфа, член союза гитлеровской молодежи. За злодеяния над советскими людьми награжден Железным крестом и медалью «За Крым».

Фельдфебель Вильгельм Флеснер, 1915 года рождения. Руководил взрывными работами в Аджимушкае. Награжден двумя Железными крестами, медалью «За Крым».

Ф. Линеберг, Б. Браун, Р. Гуземан, В. Флеснер были осуждены советским судом. Сроки заключения — 25 лет. Но, руководствуясь гуманностью, правительство СССР вскоре репатриировало их на родину для дальнейшего отбывания наказания.

О героической обороне Аджимушкайских каменоломен стало известно сразу же, как только советские войска освободили Керченский полуостров. В газете «Керченский рабочий» был опубликован акт комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашист-

ских захватчиков в районе Керчи. В этом акте значительное место отводилось трагическим событиям в Аджимушкае. Тогда же писатель Марк Колосов опубликовал ряд ярких публицистических статей в газетах, где впервые рассказал о героях Аджимушкая.

С конца 1959 года в газетах и журналах стали эпизодически появляться небольшие сообщения о поисках героев Аджимушкая. От публикации к публикации накапливался фактический материал, назывались новые фамилии, рассказывалось о последних находках. У журналистов М. Колосова, В. Биршерта, полковника в отставке Ф. Третьякова, неутомимого энтузиаста писателя С. Смирнова появилась обширная переписка. Обобщающие данные были изложены в документальной книге «Говорят погибшие герои», вышедшей в 1961 году, а вслед за ней историком В. А. Кондратьевым в «Военно-историческом журнале» (1965, № 1), в статье С. Смирнова «Подземная крепость», увидевшей свет в журнале «Дружба народов» (1962, № 11), и др.

После выхода книги «Говорят погибшие герои» поступили многочисленные отклики с мест. Это обстоятельство, а также последующие розыски людей и документальных свидетельств дали возможность довольно подробно восстановить подлинную картину героической эпопеи.

Среди многообразных источников — настенных надписей, красноармейских книжек, найденных в каменоломнях, писем и воспоминаний участников обороны и очевидцев, сообщений печати, материалов судебных процессов и трофейных материалов — особое место занимают дневниковые записи.

Наибольший интерес представляет дневник, который велся в центральных каменоломнях, то есть там, где находилось главное командование гарнизона защитников Аджимушкая. На 59 тетрадных страницах убористым почерком рассказывалось о первых днях обороны и до начала июля 1942 года, когда автор скончался от голода и истощения. Из-за важности своего содержания и хорошей сохранности дневник получил довольно широкое распространение в литературе последних лет.

К сожалению, при публикации текста было допущено много ошибок, переходивших из одной печатной работы в другую. Более того, авторство дневника приписывалось некоему Сарикову или Серикову, в то время как подлинным автором его был младший лейтенант Александр Иванович Трофименко [1].

Александр Иванович Трофименко родился в станице Ахтырской, Краснодарского края. Там же окончил школу, заочно учился в Новороссийском учительском институте, работал учителем. В нача-

---

[1] См. по поводу дневников, найденных в Аджимушкайских каменоломнях, «Военно-исторический журнал», 1965, № 1, с. 101—106.

ле войны ушел добровольцем в армию, окончил Краснодарское военное пехотное училище и в звании младшего лейтенанта в апреле 1942 года прибыл в Керчь в распоряжение Военного совета Крымского фронта. Здесь-то и застала его аджимушкайская эпопея.

Со страниц дневника встает благородный, мужественный образ настоящего советского патриота. Фотография А. И. Трофименко получена от его родных, живущих все в той же станице Ахтырской. Это фото 1940 года.

Составителям книги «Говорят погибшие герои» удалось разыскать несколько фронтовых писем А. И. Трофименко, адресованных жене Домне Михайловне и трем детям, о которых он так часто вспоминал и писал в своем дневнике. «Верю, что первую годовщину войны встретим наступлением. Ох, и жарко будет фрицам, погоним их с нашей земли, отомстим за все, за смерть и слезы людей, за то, что хотят обратить нас в рабство, разрушить нашу семью и наш дом... Будь здорова, береги детей. Передай привет всем знакомым и ученикам, если встретишь. Еще раз будьте здоровы. Крепко целую». Это письмо от 14 апреля 1942 года. А вот последнее:

«Я жив и здоров. Нахожусь под Керчью. Пусть Гриша возьмет карту и покажет маме, где находится папа. Это красивый, необыкновенный город. Но ироды превратили его в груды развалин. И несмотря на то, что, казалось, уже разрушать нечего, пираты почти каждый день продолжают бомбить мирное население.

Вот передо мной разбит бомбой жилой дом. Тут жили женщины и маленькие дети. Теперь их уже нет! Пусть же помнят фашистские морды, что за пролитую кровь наших людей мы отомстим!.. Подлым стервятникам не удалось вернуться назад. Наши доблестные зенитчики и летчики из пяти самолетов три сбили, а экипажи... забрали в плен... Эх! Молодцы наши соколы. Умеют бить фашистскую погань...» Затем приписал сбоку: «Легко ранен в правую ногу, но в госпиталь... не пошел. Сейчас уже бегаю вовсю». На обороте солдатского треугольника добавил: «Я думаю, что теперь Гриша понял, что он есть один помощник матери и будет ей помогать во всем. А я буду бороться за ваше счастье. Закончим вот, и приеду к вам с победой...»

Позднее, уже в катакомбах, Александр Иванович напишет в своем дневнике следующие строки: «Дома у меня есть ребята. Грише 14 лет, он ученик 8-го класса, а двое — Володя и Коля — совсем маленькие». И дальше: «Прежде чем заснуть, я всегда вспоминаю свою родную станицу, где живут и крепнут мои сыны-орлы...»

Дневник Александра Ивановича Трофименко еще не раз будет предметом публикации и всестороннего изучения как уникальный исторический источник.

Интересна история записки Степана Титовича Чебаненко. Она была найдена в январе 1944 года при раскопках пяти братских могил.

Записку, вложенную в партбилет, обнаружили в кармане истлевшей гимнастерки. Из биографии С. Т. Чебаненко известно, что он родился в 1914 году в селе Люблине, Октябрьского района, Киргизской ССР. С 1930 года работал в колхозе. В 1933 году был избран председателем сельсовета. Во время службы в Советской Армии С. Т. Чебаненко вступил в партию. И в колхозе, и в армии он вел комсомольскую работу. По окончании Бакинского военно-политического училища получил звание младшего политрука. Он был другом П. М. Ягунова. С. Т. Чебаненко погиб в возрасте 28 лет. Содержание его записки-завещания показывает величие духа советского воина-коммуниста, верящего в конечное торжество справедливого дела.

О подвигах советских людей в Аджимушкае в последние годы появилось несколько новых работ. Так, журналист А. Рябикин на страницах журнала «Вокруг света» опубликовал новые данные, полученные в результате ежегодных экспедиций под Керчь. Например, в четвертом номере журнала за 1977 год в корреспонденции «Вы остаетесь в Керчи...» сообщается о попытках советского командования помочь осажденному гарнизону, о том, что советские самолеты сбрасывали в район катакомб боеприпасы и продовольствие, рассказывается о деятельности в Керчи советской радистки Тони — 19-летней Евгении Дудник, передававшей в центр важные донесения, в том числе и о боевых действиях аджимушкайцев.

В 1975 году издательство «Молодая гвардия» выпустило книгу В. Кондратьева «Герои Аджимушкая. Рассказы о мужестве Подземного гарнизона».

История героической обороны Аджимушкайских катакомб еще не дописана. Исследования приведут к открытию новых имен, новых подвигов. Но подвиг известных и безымянных героев советского народа в Великой Отечественной войне вечно будет жить в нашей памяти.

Замечательно сказал поэт Илья Сельвинский:

Кто всхлипывает тут?
    Слеза мужская
Здесь может прозвучать
    кощунством. Встать!
Страна велит нам почести
    воздать
Великим мертвецам
    Аджи-Мушкая.

ПИСЬМО
ЧЛЕНА КИЕВСКОГО ПОДПОЛЬНОГО ГОРКОМА ПАРТИИ В. И. КУДРЯШОВА РОДНЫМ И ТОВАРИЩАМ

Июль 1942 г.



В. И. Кудряшов

В казематах гестапо я держал себя как подобает коммунисту. Я умру с непоколебимой верой, что освобождение от ненавистного фашизма наступит скоро и что советский народ будет торжествовать победу. Привет всем, кто с нами работал, помогал и жил надеждой на освобождение в священной борьбе против фашизма.

Передайте моему сыну Саше, чтобы он рос честным для народа, мужественным и смелым и чтобы врагов ненавидел так, как его отец.

Ваш
В. Кудряшов.

Владимир Исидорович Кудряшов принадлежал к тому поколению коммунистов и комсомольцев, которое выросло и выдвинулось из рабочей среды, закалилось в годы восстановления хозяйства и строительства социализма. Он окончил школу ФЗУ, стал комсомольцем. Работал на вагоноремонтном заводе имени Январского восстания, где когда-то трудился Николай Островский. Этим очень гордились заводские комсомольцы. У кадровых рабочих Володя научился мастерству, воспринял славные революционные традиции заводского коллектива. Как активного комсомольца, ударника труда, его приняли в Коммунистическую партию.

В дни войны, во время обороны Киева, Владимир Кудряшов трудился на посту начальника паровозо-колесного цеха, выполняя срочные заказы фронта.

Когда формировалось киевское партийное подполье, ему предложили стать его членом. Для такой работы нужны были смелые и мужественные люди, крепко связанные с рабочими массами. В. И. Кудряшов стал членом основного подпольного горкома КП(б)У. В Киеве перед оккупацией города были образованы два подпольных горкома: основной и запасной — на случай провала основного. Основной подпольный горком возглавили В. И. Хохлов, К. П. Ивкин, запасной — С. Г. Бруз.

В конце сентября 1941 года на первом же заседании основной подпольный горком партии счел целесообразным создать специаль-

ный штаб диверсионно-подрывной деятельности. Его начальником стал Владимир Исидорович. Вместе со своими боевыми помощниками Г. И. Левицким, И. М. Сикорским, С. А. Пащенко, Ф. Ф. Ревуцким, А. И. Горобцом, Т. Маркус он подготовил и осуществил ряд дерзких диверсий на заводах города, на железной дороге, на электростанции. Усилиями подпольщиков были взорваны мосты через Днепр.

Весной 1942 года подпольный горком решил создать городской партизанский отряд из числа коммунистов, комсомольцев и беспартийных. Решением горкома от 28 апреля командиром отряда был назначен В. И. Кудряшов, зарекомендовавший себя как исключительно смелый руководитель подпольной борьбы. В течение короткого времени подобрали людей, достали оружие и боеприпасы. Но начавшиеся аресты не дали возможности партизанам развернуть боевую деятельность. Часть их успела уйти в Черниговские леса и дралась с оккупантами до полного освобождения Украины.

Гестаповцы давно охотились за руководителями киевского подполья. Им удалось заманить Кудряшова в свои сети. Во время ареста на днепровском мосту он отстреливался, но агенты гестапо сумели схватить его. Во время допросов Кудряшова не щадили: его тело было изувечено и иссечено нагайками и резиновыми палками. Владимир Исидорович стойко перенес все неимоверные муки.

Накануне казни В. И. Кудряшову удалось передать письмо своим родным и товарищам по подпольной борьбе. В один из дней к его отцу, столяру лесного склада, прибежал подросток. Он сунул старику бумажку и убежал. Это была последняя весточка от сына. Отец передал ее подпольщикам. Они переписали письмо на полотно, а связная ЦК КП(б)У З. В. Сыромятникова зашила его в воротник своего платья и доставила летом 1942 года через линию фронта в ЦК КП(б)У.

Посмертно Владимиру Исидоровичу Кудряшову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Письмо В. И. Кудряшова опубликовано в книге «История Киева» (Киев, 1964, т. 2, с. 466) и в книге «Герои подполья» (М., 1965, с. 393—394).

ПИСЬМО КОМАНДИРА КАТЕРА СТАРШЕГО ЛЕЙТЕНАНТА Е. И. ЧЕРВОННОГО

Июль 1942 г.

Родная Талюшка!

Трудно начинать трафаретными словами: когда ты получишь это письмо, меня уже не будет в живых. Но ведь это так, и надо мириться с действительностью.


Е. И. Червонный

Жизнь! Гордо звучит это слово. В нем печаль и радость, страдание и блаженство. Я не хочу быть бахвалом, говоря, что жизнь мне безразлична. Нет, она оценена очень высоко. И терять ее весьма тяжело.

Молодость! Что может быть дороже этого? Я не отношусь к категории «мрачных искателей смерти на поле брани». Играть жизнью недостойно человека. Это не значит, что надо бояться опасности. Много возможностей представлялось быть на берегу. Но я, как и многие мои товарищи, выбирал море, где больше опасности и риска, зато можно найти полное применение себе и принести максимум пользы. Проще, это было желание отдать все, что имеешь.

Есть жизнь, заключающаяся в ежедневном прозябании на положении безгласной скотины, и есть свободная и счастливая, с прекрасными перспективами. Добиться последней является целью и задачей каждого из нас. На наше поколение возложена большая и благородная задача: ценою своей крови и жизни приобрести право на счастье...

Вот сейчас вспоминается детство и юность. Первые робкие шаги к сдаче «аттестата зрелости». Первый экзамен — 1938—39 гг.— концлагерь в Испании. Там я избавился от части того благодушия и привычки видеть все в розовом свете, которые присущи каждому юноше и девушке. Это был хороший урок в попытке познать жизнь. Там, в Испании, появилось ясное представление о враге. Результатом явилось решение — всю свою деятельность посвятить военному делу, быть командиром. Сейчас ты уже ощутила привкус ненависти. А у меня он появился еще тогда.

Спокойный и мирный 1940 год. Год грандиозных планов на будущее. И вот пришла война. Перед каждым стояла проблема — найти свое место, быть достойным сыном своей Родины. Старое чувство ненависти, оккупация любимой Украины, потеря отца, матери, брата, сознание того, что борьба всеобщая и на кого-то полагаться нельзя, помогли с первых дней определить свою роль и место. Война стала испытанием, она окончательно определила характер. Я отдавал все. И наберусь смелости сказать, что никто не может упрекнуть меня в поступке, недостойном командира-коммуниста.

Нам пришлось узнать правду жизни, горькую и... раньше срока, какой положен по возрасту, но тем дороже будет сама жизнь. Познаешь действительную цену ее, и каждый день или час ее будет представляться уже не мелочью. Я знаю и уверен, что, выйди я целым

из этого испытания, мы зажили бы счастливо... Мы живем в такое время, что прежде чем претендовать на это счастье, необходимо завоевать его в жестокой борьбе и внести свою скромную лепту в общее дело. Будут ли эти силы — знание, кровь или жизнь, безразлично. Вне этого оставаться нельзя.

Вспоминай иногда, что был любящий тебя человек, который не задумываясь отдал бы жизнь за свою Талюшку. А ведь оно в действительности так и есть. Во всем общем есть частица каждого человека. И то, за что я отдал ее, есть и твое дело. Я верил в твою любовь, знаю, что она кристально чистая, и тем отрадней для меня вспоминать прожитое время...

Я знаю, что тебе трудно будет смириться с мыслью утраты Женьки. Но прошу тебя, не давай никаких обетов. Постарайся рассеять быстрее все мрачное. Сделай свою жизнь счастливой. И хочу верить, что через некоторый промежуток времени все забудется или хотя бы сгладится и ты еще познаешь личное счастье. Каждому своя участь. И с этим надо согласиться. Хочется выразить чувство благодарности маме, папе и Зойке. Ведь они относились ко мне, как к сыну. Желаю им счастливой, беззаботной и долгой жизни. Надеюсь, что родным и Зойке придется еще ласкать и пестовать своих внуков, сыновей и племянников.

К тебе есть одна просьба. Кончится война, наступит мирная жизнь. По возможности постарайся разыскать братишку. Если он жив, то страна воспитает его. Он уже достаточно взрослый. Расскажи ему о Женьке. Внуши, каким он должен быть. Зовут его Александром, рождения 1930 года, остался в Херсоне. Тешу себя мыслью, что ты найдешь его. Не пойми, что это своеобразное «завещание», вернее поручение, забота о нем. Нет, я не хочу обременять тебя посторонней заботой. В нашем государстве о детях позаботятся и из него сделают человека. Посылаю тебе удостоверение о награждении. Пусть будет маленькой памятью. Ничего другого не имею.

Вот как будто все. Хотелось так много сказать, найти теплые слова, которыми можно выразить свои чувства. Но ты и так хорошо знаешь своего Женьку и понимаешь с полуслова. Ведь так?

Желаю счастья, здоровья и доброго духа. Будь умницей. Не надо сильно печалиться. Ведь этим не поможешь. Устраивай свою жизнь счастливо, чтобы могла пожить за меня.

Вспоминай иногда Женьку, но без грусти, а с мыслью, что он погиб не напрасно.

Будь счастлива

Любящий тебя
Евгений.

Великая Отечественная война застала старшего лейтенанта Евгения Ивановича Червонного в Таллине. В суровые августовские дни 1941 года «морской охотник», на котором служил Евгений, шел вместе с кораблями Краснознаменного Балтийского флота из Таллинской гавани в Кронштадт. Это был героический переход. Под непрерывной бомбежкой, прорываясь через минные поля, балтийцы с боями уходили на свою основную базу. За личную отвагу и смелые действия экипажа Евгений Червонный был награжден орденом Красного Знамени.

В темные августовские ночи, когда затихали бои, Евгений Иванович вспоминал недавнее прошлое. Это было в 1938 году, когда слушатель Херсонского мореходного училища Червонный проходил штурманскую практику на теплоходе «Скворцов-Степанов», который был захвачен франкистами. Голодом и угрозами они пытались заставить советских моряков изменить Родине. Их бросали в вонючие ямы, оставляли без глотка воды. Вместо хлеба предлагали морякам... живых червей. Мужественные советские люди вынесли все испытания. Тогда он воочию увидел, что значит фашизм. Вернулся Евгений Червонный больным туберкулезом. На Родине вылечился. И вот — война. Молодой командир поклялся сражаться с гитлеровцами до последней капли крови. И он выполнял с честью свое обещание. Вот скупые строки характеристики, данной командованием Евгению Червонному:

«...Сбил лично 2 самолета. Участвовал в 6 минных постановках. Потерь не имел. В течение 20 дней катер совместно с канонерской лодкой поддерживал огнем фланг приморской армии... Участвовал в 3 ледовых походах на Ханко. Спас 400 человек...»

В один из июльских дней 1942 года старший лейтенант Червонный уходил в море. Это была операция, из которой вернуться живым шансов почти не было. Но Евгений знал, на что идет. В последние минуты перед выходом в море он написал это письмо...

Товарищи подобрали тело Червонного среди обломков подорвавшегося на мине катера. Свой последний рейс в Кронштадт Евгений совершил покрытый военно-морским флагом.

В небольшом желтом чемоданчике, где хранились немудреные личные вещи Червонного, его товарищи нашли письмо, адресованное жене. Наташа Червонная в самом начале войны эвакуировалась из Таллина в Мелитополь. Летом 1942 года в этом районе шли бои, и поэтому политработник Зайцев, боясь, что письмо затеряется, решил вскрыть его, снять копию, а затем послать по адресу. Полностью текст письма Евгения Ивановича Червонного впервые был опубликован в мае 1961 года в ленинградской газете «Смена», затем в книге И. Чернышева «На «морском охотнике»» (М., 1961, с. 197—199) и в книге Н. К. Смирнова «Матросы защищают Родину» (М., 1968, с. 137—138).

ЗАЯВЛЕНИЕ СЕРЖАНТА Н. М. КРАСНОШАПКИ О ПРИЕМЕ В ПАРТИЮ

3 августа 1942 г.


Н. М. Красношапка

В первичную парторганизацию 5-й роты, 82-го п[ол]ка войск НКВД от с[ержан]та Красношапки Николая Марковича.

Заявление

Прошу первичную организацию 82-го п[ол]ка 5-й роты принять меня кандидатом в члены ВКП(б). Я обязуюсь истреблять немецких оккупантов, буду строго выполнять приказы товарища Сталина, буду беспощадно мстить немецким оккупантам за наши семьи и города до полного уничтожения фашизма. С уставом и программой партии ознакомился.

Прошу разобрать мое заявление о приеме кандидатом в члены ВКП(б).

3/VIII—42 г. *Н. Красношапка.*

Николай Маркович Красношапка родился в 1920 году. Великая Отечественная война застала его под Ленинградом. Служил он в войсках НКВД по охране железных дорог. 26 августа 1942 года участок Ленинградского фронта, где сражался снайпер сержант Н. М. Красношапка, был атакован батальоном гитлеровцев. Возглавляемая им горстка бойцов приняла бой. В завязавшейся рукопашной схватке на сержанта набросилось восемь фашистов. Гранатой, штыком и прикладом он уничтожил врага. Получив смертельную рану осколком гранаты в грудь и правую руку, продолжал отбиваться, бросая гранаты левой рукой. Не сдавали своих позиций и остальные бойцы. Враг дрогнул и откатился назад. Так благодаря исключительному мужеству сержанта удалось отстоять важный опорный пункт.

За доблесть и мужество, проявленные в бою, 22-летний Николай Маркович Красношапка был награжден орденом Ленина, его имя навечно занесено в списки полка. На могиле героя установлен мраморный памятник.

Незадолго до этого боя партийная организация рассмотрела заявление Н. М. Красношапки о приеме в партию и единогласно приняла его кандидатом в члены ВКП(б). Заявление Н. М. Красношапки хранится в Центральном музее пограничных войск (п. 44, д. I).

ПИСЬМО СНАЙПЕРА Н. В. КОВШОВОЙ МАТЕРИ

13 августа 1942 г.



Н. В. Ковшова

Милая моя мамусенька!

Сегодня получила твое письмо с фотографией. Ты права — мне очень приятно смотреть на нее. Я то и дело ее достаю из кармана гимнастерки. У меня уже нет ни одной своей фотографии — все куда-то исчезли. Да! А ты получила мое фото, где мы с Машенькой[1] сняты?

Мы совершили большой переход, примерно 115 км, и теперь наступаем в другом месте и с другой армией. Место здесь очень болотистое, грязь везде по колено. Ну ничего, мы и здесь повоюем. Побьем проклятых гадов, чтобы им тошно стало. Ты Машеньке напиши, чтобы она зря не надрывалась, а то с нею никакого сладу нет. Я после ранения стала много осторожнее.

А насчет денег ты мне не говори. Раз у вас есть чего покупать да еще такие вкусные вещи, то пусть лучше будут у тебя деньги, а не у меня. Мне они понадобятся только после войны. Платьице хорошее купить. А пока целую и обнимаю крепко.

Твоя Натуся.

Это последнее письмо Наташи Ковшовой своей матери, Нине Дмитриевне Араловец, написано на почтовой открытке.

Наталья Венедиктовна Ковшова родилась в 1920 году. Когда полчища фашистских захватчиков подходили к Москве, тысячи юношей и девушек встали на защиту родного города. В Москве формировались коммунистические батальоны добровольцев. Вместе с другими комсомольцами в батальон, формировавшийся в Коминтерновском районе столицы, пришли две подруги — Наташа Ковшова и Мария Поливанова. Девушки вместе работали в Оргавиапроме, вместе учились в районной снайперской школе Осоавиахима, вместе получили звание снайпера-инструктора.

В день принятия воинской присяги Наташа и Мария написали в газету Московского военного округа «Красный воин» заметку: «Мы, советские девушки-снайперы, вместе с бойцами нашего батальона принимаем присягу. Каждый воин клялся в своей верности Родине и готовности защищать ее, не щадя своей жизни... Наш девиз: лучше умереть стоя, чем жить на коленях». Заметка была опубликована 23 октября 1941 года.

---

[1] Подруга Наташи Ковшовой — Мария Семеновна Поливанова.

А вскоре Наташа Ковшова и Мария Поливанова уже участвовали в боях под Москвой. Они не только уничтожали вражеских солдат и офицеров, но и организовали как бы курсы снайперов: обучали бойцов мастерству меткой стрельбы. Под их руководством в части появилось 26 новых снайперов.

3 февраля 1942 года Наташа Ковшова писала своим родным об этом знаменательном в своей жизни событии: «Сообщаю вам радостную весть: меня скоро примут в кандидаты ВКП(б), уже все три рекомендации у меня есть. Сегодня буду писать заявление. Звание кандидата ВКП(б) оправдано в бою и после боя. Буду такой же большевичкой, как мама и Надя [1], как вся наша семья».

20 мая 1942 года в бою Наташа была ранена осколком мины. Едва оправившись после ранения, она снова вернулась в часть, чтобы вместе с товарищами бить врага. В одном из боев, продолжавшемся несколько дней, на участок, где сопротивление врага было особенно упорным, командование послало группу снайперов. Среди них были Н. Ковшова и М. Поливанова. Когда командира ранило, Наташа приняла командование группой. Атаки фашистов не прекращались. Чтобы сэкономить патроны, Наташа приказала стрелять только по ее команде. Бойцы стойко держались, и гитлеровцы, почувствовав, откуда им грозит наибольшая опасность, открыли по позициям снайперов сильный минометный огонь. Подруги были ранены, но не покидали места боя и своим мужеством воодушевляли бойцов. Огонь врага не прекращался, ряды снайперов редели, пошли в ход последние патроны. В живых остались только Наташа и Мария. Гитлеровцы были уже совсем рядом. Расстреляв весь запас патронов, патриотки предпочли смерть позорному плену. Они взорвали себя гранатами. Это случилось 14 августа 1942 года. Посмертно Н. В. Ковшовой и М. С. Поливановой было присвоено звание Героя Советского Союза.

Подруги были похоронены с воинскими почестями в деревне Сутоки-Бяково, Старорусского района, Новгородской области. Именем Героя Советского Союза Н. В. Ковшовой названа одна из улиц Москвы.

Письмо хранится в Центральном музее Советской Армии (инв. № 4/25524).

ЗАПИСКА ЛЕЙТЕНАНТА Л. А. ДЗОТОВА

15 августа 1942 г.

Моему народу.

В своей службе советскому народу дерусь до последней капли крови за честь, за свободу, за независимость советской земли. Я ве-

---

[1] Тетя Наташи Ковшовой — Н. Д. Араловец.

рен своей воинской присяге, которую принял перед лицом великого моего народа. Считаю себя до последней минуты своей жизни верным сыном народа.

Вперед,

за Родину. *Лейтенант Дзотов.*

Комсомолец-осетин Лазарь Дзотов, уроженец селения Дур-Дур, Северо-Осетинской АССР, 15 августа 1942 года в пригороде Воронежа, в районе рабочих поселков, с двумя взводами автоматчиков форсировал реку и подавил огневые точки врага, препятствовавшие переправе части. Смертельно раненный в бою, он на клочке бумаги написал завещание и вместе с комсомольским билетом передал товарищам. Завещание хранится в Центральном архиве ЦК ВЛКСМ (сб. I — «Комсомол в Отечественной войне», л. 40).

ПИСЬМО ТАНКИСТА ЛЕЙТЕНАНТА Г. ЛАНДАУ

Не позднее 20 августа 1942 г. [1]

Дорогая, горячо любимая!

Вчера наконец вышли в бой. Сегодня скоро уже выходим в атаку.

Обстановка соответствующая: гремит артиллерия, минометы, недавно прошли и крепко потрепали фрицев наши бомбардировщики.

От немцев мы очень близко. Все время то здесь, то там рвутся фашистские мины, посвистывают их пули. Настроение у нас всех прекрасное. У меня нет и тени страха, беспокойства или неуверенности, а взамен всего этого есть только одно чувство — горячей любви к Родине, стремление во что бы то ни стало защитить ее, защитить вас, мои дорогие, от этих гуннов XX века, отомстить им за все те несчастья и страдания, которые они причинили нашему народу, отомстить за наш любимый город Ленина.

Много можно было бы еще написать, но время на исходе.

Крепко, крепко всех вас целую.

Гога.

В начале августа 1942 года в танковую часть приехал военный корреспондент центральной газеты. Началась оживленная беседа. Каждый боец хотел рассказать о боевых делах своих товарищей, о жизни на фронте. Вот тогда-то и услышал военкор о письме лейтенанта Георгия Ландау.

— Мы его звали Гога,— рассказывали танкисты.— Он был на редкость отважным человеком, находчивым командиром. Экипаж его танка во всем был впереди.

---

[1] Датируется по времени опубликования.

— А вот его последнее письмо. Оно было написано прямо перед боем. Не вернулся Гога из боя, погиб как герой...

Маленький фронтовой треугольник снова — в который уж раз — стал переходить из рук в руки. Посуровели лица бойцов. Они снова готовы были идти в бой, громить врага, мстить за погибшего товарища — молодого ленинградца, за смерть и разрушения, что принесли с собой фашисты всей Советской стране.

По просьбе бойцов письмо отважного лейтенанта было опубликовано 20 августа 1942 года в «Комсомольской правде».

ПИСЬМА Х. КУЛЬМАН СЕСТРЕ

24—26 августа 1942 г.



Х. Кульман

24 августа 1942 г.

Не вешай нос. Это только начало трудностей. Но это все проходящее. Помнишь, ты сама однажды написала в мой альбом приблизительно такую мысль, что буря и дождь пройдут и опять будет светить солнце. Также исчезнет и самая большая боль и горе, и настанет опять время, когда можно будет смеяться от всего сердца и быть счастливой. Жизнь красива такой, какая она есть. Украшают ее часто именно трудности. Наша жизнь имеет только одну цель — вперед. Никакой дороги обратно нет. Вперед! В борьбу и к победе. Если живешь только одной мыслью, если хочешь сделать все, чтобы эта мысль осуществилась, тогда никакая трудность не непреодолима. Хотя иногда невольно наполняются глаза слезами, высыхают они только в трудовом подъеме... Представь себе, как скучно было бы жить пустой будничной жизнью. Мы, комсомольцы, уже вступая в организацию, избрали себе другую, более тяжелую и более красивую жизнь. Жизнь, которая полна борьбы и радости победы. И даже если было бы возможно, мы не поменяли бы ее на более легкую жизнь.

26 августа 1942 г.

Я рада, что могу уже немного активнее действовать. Я чувствую большую уверенность, зная, что все члены нашей семьи борются за ту же цель, для которой живем мы и во имя чего отдаем сейчас свою энергию. Часто у людей трудности в том, что личные интересы не подчиняются общественным интересам. У нас в настоящее время

совсем по-другому. Я знаю: все, что я делаю для Красной Армии, делаю и для своих родных. Так каждое достижение могу я с удвоенным удовлетворением и радостью ставить в счет Родины и личное благополучие. Жизнь в этих больших трудностях все же красива и ценна.

Если бы только хватало сил достичь все, чего так хочется и чего ждет от тебя Родина. Нет больше радости, когда после войны можно сказать: «И я помогла нашей победе»...

Темной и дождливой ночью маленький самолет поднялся в воздух с Ленинградского аэродрома и взял курс на Эстонию. В машине кроме летчика сидела пассажирка. Это была разведчица Хелене (Лээн) Кульман. Советское командование направило ее в глубокий тыл врага.

Мать Лээн, Лидия Мурдвеэ, рассказывает: «Сентябрьским вечером 1942 года сама радость постучалась ко мне в сердце — это была встреча с Хелене. Я тогда жила на Техтвереской мызе. В комнате было уже темновато. Вдруг кто-то из-за спины закрывает теплыми ладонями мне глаза. И спрашивает:

— Скажи, кто?

Это был ее голос! Я бы его узнала из тысячи голосов. Это были ее руки — руки моей дочери.

Тогда Хелене мне ничего не сказала, да и я не настаивала, понимая, что ей нельзя всего говорить даже мне — матери. Она сказала, что приехала, мол, из Пярну от приемных родителей, а в большом, аккуратно перевязанном пакете у нее не что иное, как лечебные травы, которые собрали студенты. На самом деле это была рация...

Счастье мое было недолгим. Вскоре Хелене уехала куда-то и оставила мне лишь коротенькую записку с прощальными словами: «До свидания, дорогая мамочка. Скоро опять увидимся!» Так началась жизнь и борьба советской девушки-разведчицы с хитрым и коварным врагом.

Лээн родилась в городе Тарту в семье сапожника 31 января 1920 года. В семье было восемь детей, жить было трудно, старшие братья и сестры батрачили у богатых хозяев. Окончив начальную школу, Лээн устроилась на педагогические курсы.

В 1940 году в Эстонии устанавливается народная власть. Лээн вместе с сестрой Анной вступает в комсомол. Она учится в Таллинском педагогическом институте и работает старшей пионервожатой. Окончив институт, она получила направление в школу. Но тут началась война. Девушка пришла в военкомат, просила послать ее на фронт, но ей отказали, сказав, что она больше принесет пользы в тылу. В эти дни Кульман работает в Таллинском горкоме комсомола, организует противовоздушную оборону, помогает ране-

ным. А 28 августа 1941 года уходит с последними защитниками города.

Затем Лээн эвакуировалась в Челябинскую область, в колхоз «Ленинский путь». Работала на ферме и в поле. Там ее избрали секретарем комсомольской организации колхоза. Узнав, что на Урале формируются эстонские национальные части, Лээн пошла в военкомат и вскоре стала бойцом медсанбата 7-й эстонской стрелковой дивизии. Позднее Лээн направили в Ленинград, в школу разведчиков...

После успешного приземления Лээн пришла в Тарту и поселилась у своей сестры Ольги Меги. Затем перебралась в Южную Эстонию. Откуда и передавала в Ленинград важные сведения о противнике. Ее задачей было наблюдение за морскими силами противника в порту Пярну и в заливе, а также за дислокацией воинских частей в районе Чудского озера.

В одном из документов штаба Краснознаменного Балтийского флота говорится: «На второй же день после приземления Лээн Кульман соединилась по радио с разведотделом штаба Балтийского флота и держала связь до января 1943 года. В этот период она постоянно передавала сведения о враге. Например, Лээн Кульман проинформировала штаб о 20 немецких катерах, которые охраняли побережье от Муствээ до Васкнарвы. Она утверждала, что на Чудском озере нет больших немецких кораблей. От Лээн Кульман же узнали об использовании советских моряков-военнопленных на полевых работах, а также о положении на оккупированной территории».

2 января 1943 года полиция пришла в дом Ольги Меги. При обыске в матраце был найден передатчик. Лээн в тот же день была арестована. Ольга рассказывала: Лээн была очень спокойна. Только лицо бледнее, чем всегда. Ее твердое поведение помогло и мне сдерживать слезы. Лээн была одета в шерстяное коричневое платье, в зимнее пальто и меховую шапку. Она хотела мне что-то сказать, но ей не разрешили. Уловив момент, она прошептала: «Тебя я не вмешаю в это. Ты ничего не знаешь о всей этой истории. Ясно?» Ее допрашивали в местной школе всю ночь. Потом увезли. О дальнейшей судьбе ее знаю мало, но знаем, что она не выдала врагу ничего и пошла навстречу смерти с поднятой головой.

В трофейных документах указывается, что Лээн Кульман отправлена в распоряжение политической полиции города Выру, а 4 января 1943 года передана внешней сыскной полиции в Пскове как разведчица Советского Союза. Был найден еще один документ: учетная карточка Лээн Кульман. На карточке пометка: «Находясь под арестом, Кульман умерла. Закончить личное дело 02.04.43».

Советские люди помнят своих героев, тех, кто отдал жизнь во имя счастья трудящихся. О Лээн Кульман знает вся Эстония, знает

вся страна. В день всенародного праздника Победы над фашистской Германией Указом Президиума Верховного Совета СССР Хелене Кульман присвоено звание Героя Советского Союза.

Письмо и материалы о Хелене Кульман опубликованы в газетах «Голос молодежи» 10 мая 1965 года, «Молодежь Эстонии» 22 мая 1965 года, «Эдаси» («Вперед») 26 июня 1965 года и в ряде других изданий.

КЛЯТВА ЗАЩИТНИКА СТАЛИНГРАДА ВОИНА-ГЕРОЯ Д. С. ЯКОВЛЕВА

3 сентября 1942 г.

Моя клятва

Я — партии сын, и Отчизна мне мать,
В бою я не буду назад отступать,
А если погибну в жестоком бою,
Скажите словами народу:
Он честно, достойно отдал жизнь свою
В сраженье с врагом за свободу.

Дмитрий Сергеевич Яковлев (1915—1942 гг.) — кандидат в члены КПСС с 1938 года, политрук.

До призыва в армию работал секретарем Половинского райкома ВЛКСМ Курганской области. Война застала его в Иркутске. Сразу же подал заявление об отправке его на фронт. В начале 1942 года прибыл в Сталинград в 10-ю стрелковую дивизию.

Сентябрь 1942 года... Сталинград горит, покрытый клубами черного удушливого дыма. Фашистские самолеты волнами идут над городом и засыпают берег Волги бомбами.

Бойцы и командиры, вступая в те дни в партию, клялись: «Коммунисты с Волги не уйдут!» Такую же клятву дал и секретарь комсомольской организации Яковлев.

Свой подвиг Д. Яковлев совершил 3 сентября в районе Опытной станции под Сталинградом. В разгар ожесточенного боя с двумя противотанковыми гранатами бросился под головной танк фашистов. Останки героя с почестями были захоронены в районе Опытной станции. Именем Д. С. Яковлева названа одна из улиц Половинного и Пищальская начальная школа.

ПИСЬМО МЛАДШЕГО СЕРЖАНТА У. ДЖАНБЫРБАЕВА — ЗАЩИТНИКА СТАЛИНГРАДА — СЫНУ АБДРАХМАНУ [1]

11 сентября 1942 г.



У. Джанбырбаев

Я — коммунист. Партийный билет — это моя жизнь. Я рос, воспитывался и учился в родном Казахстане в годы Советской власти. Она вошла в мою кровь и плоть. И я борюсь с врагами за эту власть.

Знай, мой любимый сын Абдрахман, что и моя кровь оросила землю, по которой ты будешь ходить, строить прекрасную жизнь, о которой я мечтал.

Будь достоин меня!

Умиржан Джанбырбаев (1904—1942 гг.), член КПСС, сержант, командир отделения 2-го батальона 730-го стрелкового полка 204-й дивизии 64-й армии, героически сражался у стен Сталинграда.

Коммунист Умиржан Джанбырбаев и его сын Абдрахман ушли на фронт в разное время, оба защищали сталинградскую землю. 12 сентября 1942 года во время боев на южной окраине города погиб У. Джанбырбаев. Он захоронен в братской могиле в Кировском районе города-героя.

Имя Умиржана Джанбырбаева увековечено в зале Воинской славы памятника-монумента героям Сталинграда.

О жизненном и боевом пути У. Джанбырбаева рассказывается в книге С. И. Честнова «Баллада об отце и сыне» (Алма-Ата, 1975).

---

[1] См. также письмо к нему Ж. А. Молдагалиева от 28 октября 1943 года на с. 283—284.

ПИСЬМА СЕКРЕТАРЯ ХАРЬКОВСКОГО ПОДПОЛЬНОГО ОБКОМА ПАРТИИ И. И. БАКУЛИНА ЖЕНЕ И СОРАТНИКАМ ПО БОРЬБЕ

**19 октября 1941 г.—
начало сентября 1942 г.**

19 октября 1941

Дорогая, милая Клава!

После того как расстался с тобой, пишу тебе, наверное, в 10-й раз.
Писал и через почту, и через Дубровного, и через Петровского. Послал тебе две посылки с вещами и деньгами... От тебя пока получил одну телеграмму. Знаю, милая, как медленно теперь движутся частные письма и телеграммы, и не виню тебя. Но ничего, голубка моя, ты все же в родной Советской стране, и никто не даст тебе погибнуть от нужды...

Безумно скучаю по тебе и чувствую безмерность твоего одиночества. Но Родина страдает бесконечно больше, чем отдельные люди, и поэтому я стараюсь заглушить сердечную боль и беспокойство о тебе...

Почти 20 лет нашей совместной жизни наложили неизгладимый отпечаток. Хочется верить, что мы еще встретимся и будем жить вместе!

Но если случаю будет угодно нам расстаться навеки, сохрани, дорогая Клава, обо мне память как о человеке абсолютно честном к своему долгу перед Родиной, перед народом. Всегда и неизменно я был правдив и честен также по отношению к тебе.

Я ни в чем не нуждаюсь, поэтому не беспокойся. Страдаю только об одном, что не могу (из-за дальности и незнания твоего адреса) помочь тебе материально...

Крепко, крепко целую и обнимаю. Будь здорова, береги себя. Не стесняйся, в случае нужды, продавать мои вещи. Будем живы, приобретем.

Еще раз целую и обнимаю.

Твой Иван.

Начало сентября 1942 г.

...Китаенко Антон Макарович. Кличка «Трамвайщик», член партии. Дубенко Михаил Филиппович. Кличка «Киця», член партии.

...Барановская Евгения Сильвестровна, кандидат партии, мать, беспартийная Барановская Ядвига Владиславовна.

Шредер... Ивановна, член партии.

Першин Александр Ефимович, беспартийный.

Першин Николай Ефимович, беспартийный.

Савченко Евгений Николаевич, беспартийный.

Корабельникова Клавдия Ильинична, беспартийная.

Штефан Иван Дмитриевич, член партии, кличка «Грек».

Несколько ранее казнены:

Омельченко Полина Андреевна, член партии.

Лида — комсомолка.

Неизвестна судьба:

Коротун Анатолий Павлович, член партии, арестованный 26.V. 42 г. ...

...Читайте на их... ближайшими днями будут расстреляны, наверное, и остальные, в том числе и я.

Две предсмертные просьбы к вам, родные мои:

1. Когда придут наши, чему я верю беспредельно, расскажите им, что харьковская подпольная организация [старалась выполнить свой долг]...

2. Сижу я в гестаповской тюрьме... Есть нам ничего не дают, кроме водянистой баланды (половина половника один раз в сутки). Выживают те, кому носят передачи, остальные истощаются до предела.

Просьба к вам: подкормите меня немного, если можете. Передачи принимаются ежедневно с 10 до 11 часов утра.

Что можно передавать: 1) суп или борщ, 2) чай или кофе, 3) зелень. Хлеб лучше крошить в суп, так как иначе все равно заберут полицейские.

...Осталось жить немного... Мне хотелось пойти на расстрел не полутрупом, а бодрым бойцом. Лично вам это ничем не угрожает. Вы случайные мои знакомые, которым я помогал зимою тащить санки с огорода...

Буркун Иван Иванович.

Война все ближе и ближе подкатывалась к Харькову. Когда артиллерийские залпы гремели совсем уже близко, преподаватель математики, доцент сельскохозяйственного института, секретарь партийной организации, депутат Харьковского горсовета Иван Иванович Бакулин возглавил подпольный обком партии.

В свои 41 год он хорошо знал жизнь. Детство было трудным. Советская власть открыла перед ним двери науки, и он, одаренный от природы, стал высококвалифицированным специалистом. Трудолюбивый, не останавливающийся на достигнутом, он был принципиален и тверд в своих убеждениях. Его уважали, к его мнению прислушивались. Но, пожалуй, никогда ему не было столь трудно,

как в дни осени 1941 года. На его плечи легла высокая ответственность, на карту поставлена не только его жизнь, а жизнь многих и многих славных, бесстрашных коммунистов. К подпольной деятельности Иван Иванович готовился тщательно. Особенно полезными оказались советы специалистов по разведке и минноподрывным работам. Гитлеровцы, ворвавшись в Харьков, в первый же день повесили 116 советских граждан. На заборах запестрели белые листки объявлений, в которых почти через каждую строчку выделялось крупным шрифтом одно слово — «расстрел».

Иван Иванович — его конспиративная кличка «Буркун» — прежде всего укрепил связи с подпольными райкомами партии, сначала с Железнодорожным, который возглавлял Китаенко, Нагорным, где запасным секретарем был Синицын, затем с Заводским, во главе с Гаркушей, и другими райкомами области. Через связных Е. С. Барановскую и Н. Н. Даньшеву он расширял круг доверенных лиц, руководил их деятельностью. Самый тесный контакт установился с подпольным обкомом комсомола, вожаками молодежи Александром Зубаревым, Галиной Никитиной и Петром Глущенко.

В условиях жестокого террора, постоянной слежки за короткий срок были созданы и развернули свою деятельность 37 райкомов и первичных партийных организаций, а также 23 комсомольско-молодежные группы. Ежедневно то тут, то там появлялись листовки, которые несли людям правду о положении на фронтах, звали на борьбу. В городе, на железной дороге и в окрестных поселках росло число диверсионных актов. В начале ноября 1941 года был схвачен один из активных помощников «Буркуна» — секретарь подпольной организации станции Новая Бавария Катаев. 22 ноября после страшных пыток его казнили, а ночью город потряс громадной силы взрыв — от мин замедленного действия рухнул дом, где размещался штаб гитлеровцев с генералом фон Брауном и высшими имперскими офицерами. Через несколько часов на воздух вместе с гитлеровскими чиновниками взлетело помещение штаба бывшего военного округа. Спустя четыре дня был разрушен мост, соединяющий центр города с Холодной горой. Тогда же и позднее несколько успешных операций провели партизаны, скрывавшиеся в лесах Харьковщины.

В конце мая 1942 года в лапы гестаповцев попали Китаенко и ряд других коммунистов. Затем кольцо замкнулось вокруг Зубарева, Никитиной и Барановской. По доносу предателя погибло еще несколько патриотов. Неутомимый «Буркун» собирал силы для замены арестованных товарищей и готовил новые операции против врага. И в это время его схватили... Он был замучен гестаповцами 24 сентября 1942 года, оставшись до конца стойким и верным своему делу.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1965 года Ивану Ивановичу Бакулину присвоено посмертно звание Героя Советского Союза. Его боевые соратники А. М. Китаенко и Е. С. Барановская награждены орденом Отечественной войны I степени.

Письма И. И. Бакулина напечатаны 11 августа 1963 года в харьковской газете «Красное знамя».

ПИСЬМО ГВАРДИИ МАЙОРА Д. А. ПЕТРАКОВА ДОЧЕРИ

18 сентября 1942 г.



Д. А. Петраков

Моя черноглазая Мила!

Посылаю тебе василек... Представь себе: идет бой, кругом рвутся вражеские снаряды, кругом воронки и здесь же растет цветок... И вдруг очередной взрыв... василек сорван. Я его поднял и положил в карман гимнастерки. Цветок рос, тянулся к солнцу, но его сорвало взрывной волной, и, если бы я его не подобрал, его бы затоптали. Вот так фашисты поступают с детьми оккупированных населенных пунктов, где они убивают и топчут ребят... Мила! Папа Дима будет биться с фашистами до последней капли крови, до последнего вздоха, чтобы фашисты не поступили с тобой так, как с этим цветком. Что тебе непонятно, мама объяснит.

До войны Дмитрий Андрианович Петраков преподавал в одном из техникумов города Ульяновска. 22 июня 1941 года он узнал, что пришла беда. На следующий день Петраков ушел в армию.

Агитатор политотдела дивизии, а позднее комиссар полка, он был человеком большой отваги. В боях под Сталинградом, воодушевляя бойцов своим примером, он был контужен. Очнулся в медсанбате и написал короткое письмецо своей дочери с рассказом о последних сражениях.

В октябре 1942 года Дмитрий Андрианович снова участвует в боях. С группой бойцов он предпринимает дерзкую вылазку в тыл противника. За эту операцию Д. А. Петраков награждается орденом Красной Звезды.

Летом 1943 года полк вел наступление в направлении Орла. Гитлеровцы отчаянно сопротивлялись. Необходимо было сломить

врага. Дмитрий Андрианович переползал из окопа в окоп, воодушевлял людей на подвиг. Сломив сопротивление противника, полк ворвался на окраину города. Завязались бои на улицах и площадях Орла. Здесь Дмитрий Андрианович Петраков пал смертью храбрых.

Письмо Дмитрия Андриановича Петракова дочери опубликовано в журнале «Работница» № 2 за 1957 год.

КЛЯТВА ГРУППЫ БОЙЦОВ И КОМАНДИРОВ 13-й ГВАРДЕЙСКОЙ СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ

22 сентября 1942 г.

Гвардейцы не отступают. Пусть падут смертью храбрых бойцы и командиры, но противник не должен перейти нашу оборону. Пусть знает вся страна 13-ю гвардейскую дивизию...

Битва на Волге, у легендарного Сталинграда, приковала к себе внимание всего человечества. Советские люди на фронте и в тылу неустанно приближали желанную победу, оказывали помощь мужественным защитникам города на Волге, готовили необходимые резервы.

В начале сентября 1942 года на левом берегу Волги, в районе Средней Ахтубы, стала сосредоточиваться 13-я гвардейская стрелковая дивизия под командованием генерала А. И. Родимцева. Передовые части дивизии с ходу двинулись к переправе в районе Красной Слободы и в ночь на 15 сентября под ураганным огнем противника форсировали Волгу. Город — в огне и дыму. Грохот взрывов сливается в сплошной гул и грохот. Люди скрываются под землей, в развалинах. Бойцам батальона, которым командовал гвардии старший лейтенант Ф. Федосеев, была поставлена задача — внезапным ударом опрокинуть фашистов и захватить железнодорожный вокзал. Батальон метр за метром пробивал дорогу к вокзалу. Последний рывок — и бойцы овладевают этим важным опорным пунктом. Занимают круговую оборону, отвлекая на себя значительные силы противника.

В штабе 6-й армии врага паника. В Берлине объявлено о взятии Сталинграда, а русские захватывают вокзал, через Волгу переправляются свежие советские части, растет сопротивление у Тракторного завода, в районе элеватора, на всей 50-километровой линии вдоль Волги — от Тракторного до Бекетовки. В район вокзала брошены 40 танков, усиленные отряды автоматчиков в сопровождении эсэсовцев, с бреющего полета гитлеровские летчики бомбят позиции смельчаков.

На командном пункте генерала А. И. Родимцева с нетерпением ждут донесений от гвардии старшего лейтенанта Ф. Федосеева, посылаются новые штурмовые группы. Над районом вокзала днем и ночью слышатся взрывы, автоматные и пулеметные очереди.

22 сентября на КП дивизии появился боец, еле державшийся на ногах.

— Немедленно отведите меня к генералу, я оттуда, с вокзала, доложите: прибыл с донесением солдат Ермолаев.

Усталый, не спавший несколько суток Александр Ильич Родимцев вышел к солдату.

— Примите пакет, товарищ генерал.

Пакетом был сложенный вчетверо небольшой клочок бумаги. Командиры 2-й и 3-й рот батальона Федосеева гвардии лейтенант Кравцов и гвардии младший лейтенант Колеганов по поручению тяжело раненного командира прислали донесение, завершавшееся словами краткой клятвы.

Это была последняя весть из батальона. Живым оттуда никто не вернулся...

Об этом героическом боевом эпизоде рассказал генерал-полковник А. И. Родимцев в «Красной звезде» от 26 февраля 1975 года.

ЗАПИСКА БАТАЛЬОННОГО КОМИССАРА И. М. ЩЕРБИНЫ КОМАНДОВАНИЮ 10-й СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ ВОЙСК НКВД

24 сентября 1942 г. [1]



И. М. Щербина

Тов. Кузнецов и Поваров! [2]

Привет, друзья.

Немцев бью, окружен кругом. Ни шагу назад — это мой долг и моя натура...

Мой полк не позорил и не опозорит советское оружие...

Тов. Кузнецов, если я погиб — одна моя просьба — семья. Другая моя печаль — надо было бы еще сволочам дать по зубам, т.е. жалею, что рано умер и немцев убил лично только 85 штук.

За Советскую Родину, ребята, бейте врагов!!!

---

[1] Датируется по времени гибели И. М. Щербины.

[2] П. Н. Кузнецов — военком 10-й стрелковой дивизии; Я. В. Поваров — начальник политотдела дивизии.

Иван Мефодиевич Щербина родился 12 октября 1908 года в Днепропетровске. В 1929 году вступил в партию. Окончив Днепропетровский металлургический институт, а затем комвуз, он с 1935 года служит в войсках НКВД. В 1939-м принимал участие в освобождении Западной Украины. Перед войной окончил Военно-политическую академию имени В. И. Ленина. Во время войны — военком 272-го стрелкового полка войск НКВД.

...Начало сентября 1942 года. Ожесточаются бои у Сталинграда. «Ни шагу назад! Сталинград — красный Царицын — был, есть и будет советским!» — таков приказ Родины, таково решение всех защитников славного города на Волге. Сконцентрировав танковые, авиационные, артиллерийские и пехотные силы, немецко-фашистские войска развернули наступление на город со стороны разъезда Разгуляевка, в направлении на Мамаев курган, Центральный вокзал и авиашколу. Гитлеровцы просочились в город западнее поселка завода «Баррикады» и севернее поселка Красный Октябрь.

11 сентября главнокомандующий группы армий «Б» фельдмаршал Вейхс отдал новый приказ, требуя повысить «наступательный дух» германских войск для победоносного завершения итогов «трехнедельной битвы за Сталинград». Генерал-полковник Паулюс приказами подстегивает солдат 6-й армии. А советские бойцы и командиры, рабочие-ополченцы на всех участках фронта стоят насмерть. Командные пункты защитников города продвинуты на передовые позиции.

Военком 272-го полка батальонный комиссар И. М. Щербина с группой командиров обосновался в бывшем командном пункте городского Комитета обороны в Комсомольском садике (члены Комитета обороны к тому времени перебрались на левый берег Волги). На рассвете 24 сентября гитлеровским автоматчикам удалось при поддержке танков и артиллерии прорваться к КП 272-го полка, а затем окружить его. Щербина, его заместитель Глазычев, майор Ястребцев, начальник штаба полка капитан Чучин, политрук Мишин, лейтенант Коннов, военврач В. Рыбакова, старший сержант Порошина и 24 бойца из охраны штаба скрылись в подземных помещениях. Продолжая обстрел КП, фашисты бросали в подземелье дымовые шашки. Часть осажденных потеряла сознание.

— Будем, товарищи, прорываться,— распорядился Иван Мефодиевич.— Приготовиться к бою, проверить автоматы, приготовить гранаты.

У выхода из КП первым пал лейтенант Коннов. Вражеская пуля настигла и Полину Порошину. Остальные прорвались, но у сада имени Карла Маркса встретили другой отряд вражеских автоматчиков. Пришлось укрыться в развалинах и вступить в перестрелку. Фашисты несли большие потери, но таяли ряды и группы Ивана Мефодиевича. Погибли Глазычев и Ястребцев. И тут одна

из пуль смертельно ранила батальонного комиссара. Он умер на руках у бойцов. Тело комиссара несли поочередно, еле успевая отстреливаться от наседавших гитлеровцев. До конца пройти этот тяжелый путь довелось только Вере Рыбаковой. Она рассказала о героической гибели батальонного комиссара И. М. Щербины и его группы. Тут же сформировался отряд добровольцев-разведчиков. Под покровом ночи, возглавляемые Верой Рыбаковой, разведчики разыскали павшего комиссара, переправили к своим и снова отправились в город бить гитлеровцев.

Бойцы похоронили И. М. Щербину в сквере, напротив здания горсовета. Посмертно он был награжден орденом Красного Знамени.

Эта записка — донесение и призыв к борьбе,— написанная на КП полка, хранится в Центральном музее пограничных войск в Москве.

ПИСЬМА СЕКРЕТАРЯ ДНЕПРОПЕТРОВСКОГО ПОДПОЛЬНОГО ОБКОМА ПАРТИИ Н. И. СТАШКОВА РОДНЫМ И ТОВАРИЩАМ ПО ПОДПОЛЬЮ

26 сентября 1941 г.— 24 сентября 1942 г.

ПИСЬМА ЖЕНЕ, СЫНУ И ДОЧЕРИ

26 сентября 1941 г.



Н. И. Сташков

Добрый день, Катенька! Валерик!

Пишу вам 2-е письмо, сегодня 26—9—41 г... Остаюсь работать без страха, без принуждения. Буду жив — встретимся, расскажу. Если умру, пусть дети знают, что их отец был не трус и отдал жизнь за дело партии Ленина, за дело Родины. Пусть, Катенька, дети знают, что их отец был настоящим большевиком-ленинцем, оставшимся работать в подполье, на большой ответственной работе.

Умру — детей жалей, люби. Пусть дети знают, что я от них жду в будущем настоящих патриотов Страны Советов. Пусть учатся отлично...

Может быть, это мое последнее письмо. Прошу тебя: сохрани для памяти, детям.

Знайте, что вас я любил так же, как свою Родину-мать. Умру за Родину — значит, умру за ваше счастье. Не осуждайте, так нужно, так требует обстановка, так требует история, а историю делают люди. На мою долю выпало счастье продолжать борьбу с фа-

шистской гадиной, с этим зверем, в подполье. За кровь отцов, за разорение и муки миллионов людей, за разорение любимого города и гнезда мы, подпольщики, отомстим тысячам фашистских шакалов.

Мои родненькие! Иду на очень опасное дело, но иду смело, без хныканья потому, что знаю, что наше дело правое, победа рано ли, поздно ли, но за нами. Лучше погибнуть героем, чем стать рабом.

До свидания.

Не плачь, не горюй. Еще раз подтверждаю: при Советской власти не пропадешь, только будь смелой...

Целую крепко, крепко. Мне не пиши.

Папа.

27 сентября 1941 г.

Добрый день, Катенька! Сынок Валерий!

Пишу 27—9—41 г. Пишу последнее письмо, больше писать не смогу до нашей встречи. Катенька, не плачь, не горюй, смотри за детьми. Материально ты обеспечена, если что нужно будет, обращайся в обком партии. Помогут тебе. Детей воспитай в духе беззаветной преданности партии Ленина, в духе преданности Сов. власти и народу.

Валерий вырастет, если меня не будет, расскажешь ему обо мне. Аллочка! Та знает все, пусть учится. Держи связь с Д[непропетров]ским обкомом с тт. Грушевым и Кучмием.

До свидания.

Целую крепко.

Твой муж и отец детей
Н. Сташков.

ПИСЬМО ТОВАРИЩАМ
24 сентября 1942 г.

Товарищи!

Тюрьма переполнена провокаторами. Знайте, что уколы не страшны. Делается это так: агент сидит с вами, задает вам вопросы. Слабые люди заводят разговор. В болтовне выдают тайны. Агент фиксирует и передает следователю. Когда вы приходите к следователю, он задает вам вопрос. Если вы не отвечаете, тогда дают уколы. Очень болезненно проводится эта пытка. После того как вы приходите в нормальное состояние, вам говорят: под влиянием уколов вы говорили то-то и то-то. На самом деле это записи провокатора.

Со мной сидели провокаторы: Кулиш С. и еще один, Осипенко, с Васильковского района, его жена — Зина. Эти трое — бывшие парашютисты, но сейчас работают провокаторами. Не одну сотню

людей они выдали. Сидели и провоцировали Берестова Л.— директора завода Маслопрома, Новичука П., моего отца, Быковского В., Шохова Ю., Токмакова Н., Александра Кравченко, Калинкина М., Юру Савченко. Жена Осипенко обрабатывала Веру Хитько, Харитину Журавлеву, Алексееву Валю и других.

Прощайте, товарищи!

Будет возможность вынести или передать на волю эту записку, передайте или сохраните до прихода Советской власти.

Ваш Н. Сташков.

24.IX.1942 г.

Он возвратился в родной Днепропетровск за два дня до начала войны. Успел обойти друзей, побывать на заводе «Спартак», где много лет пришлось слесарить, и на местах прежней комсомольской и партийной работы.

Несмотря на недавнее увольнение из рядов армии по болезни, Николай Иванович первым делом пошел в военкомат. А утром 23 июня отправил телеграмму в Москву на имя наркома обороны и начальника Политического управления Красной Армии.

«Считаю своим долгом защищать Родину,— писал он.— Прошу назначить действующую армию. Здоровье восстановил, семью устроил. Назначение телеграфируйте...»

И подпись: *«Сташков»*.

Как солдат революции и верный сын партии, Николай Иванович стремился быть в первых рядах защитников Родины. Получив из Москвы отрицательный ответ, он явился в обком партии. «Мне 34 года, я полон сил, готов выполнить любое задание»,— заявил он.

Начались горячие будни без сна и отдыха, когда он стал работать в обкоме КП(б)У. Вместо фронта он поехал в Криворожье по делам эвакуации промышленного оборудования и людей на восток. А когда враг подошел к Днепропетровщине, Николай Иванович стал секретарем Днепропетровского подпольного обкома партии.

Захватив Днепропетровск, фашистские оккупанты стали огнем и мечом устанавливать «новый порядок». Начались массовые аресты коммунистов и советских патриотов. 13—15 октября гестаповцы и полицейские расстреляли в Днепропетровске 12 тысяч мирных жителей, зарыв их в противотанковом рву на окраине города. Такими зверскими мерами враг хотел запугать советских людей.

День ото дня росло и ширилось партизанское движение, возглавляемое и направляемое подпольным обкомом партии. Н. И. Сташков

в октябре — ноябре 1941 года обошел пешком многие районы области и установил личный контакт с руководителями Павлоградского, Синельниковского и других подпольных горкомов и райкомов партии, а также с вожаками комсомольско-молодежных организаций. В ноябре он провел «лесную» партийную конференцию, на которой присутствовали коммунисты партизанских отрядов области. В январе и апреле 1942 года под руководством Николая Ивановича в Павлограде состоялись совещания секретарей подпольных горкомов и райкомов партии.

Рабочие Днепропетровска, Днепродзержинска, горняки Криворожья и Марганца, рабочие других промышленных центров саботировали мероприятия фашистов. Так и не удалось им пустить в ход ни одного сколько-нибудь значительного завода. Оккупанты были вынуждены отправлять на ремонт в Германию подбитые пушки, танки, паровозы, автомашины. На железных дорогах все чаще происходили крушения.

ЦК КП(б)У для связи с Днепропетровским подпольным обкомом партии направил в тыл врага своих связных. Одна из них, Н. А. Сарана, рассказывала: «Незабываема была первая встреча с Н. И. Сташковым в Днепропетровске в мае 1942 года. Пришел он на явочную квартиру весь какой-то просветленный, широко улыбающийся. «Спасибо ЦК,— сказал он,— что нас не забывают, знают о нашей скромной работе, помогают».

На следующий день собрался актив днепропетровской подпольной организации. «Тут я встретила замечательных соратников Н. И. Сташкова — секретаря горкома партии Георгия Савченко, Захара Демьянченко, Тихона Маслова, Луку Берестова, Игоря Клюева, Игоря Дементьева, Валентину Алексееву,— продолжает рассказ Н. А. Сарана.— Все они были молоды, излучали какую-то внутреннюю энергию, присущую настоящим бойцам».

Гестаповцы долго и упорно искали организаторов и руководителей советского подполья. Одному из провокаторов все же удалось в июне 1942 года проникнуть на «свадьбу» молодых подпольщиков Веры Хитько и Николая Токмакова, во время которой Н. И. Сташков провел нелегальное совещание активистов.

После «свадьбы» была арестована первая группа подпольщиков, а 8—9 июля — вторая, более значительная. Но гестаповцам никак не удавалось выследить Н. И. Сташкова. В начале июля он перебрался в Павлоград, где находился подпольный обком партии, и оттуда руководил движением.

28 июля 1942 года Николай Иванович Сташков пришел на павлоградский рынок, чтобы встретиться с нужными людьми. Здесь его выследил шпик. Завязалась перестрелка. Николая Ивановича, раненного в бедро и руку, схватили подоспевшие гестаповцы.

В Павлоград тут же приехал начальник СД (службы безопасности) штурмбанфюрер Мульде и под усиленной охраной увез пленника в Днепропетровск, в 20 камеру гестаповской тюрьмы на улице Короленко. Здесь Сташков узнал, что гитлеровцы не пощадили его 75-летнего отца, расстреляв на глазах у жителей города.

Но и в тюрьме руководитель подпольщиков чувствовал себя ответственным за судьбы товарищей, всячески поддерживал и подбадривал их. Об этом, в частности, свидетельствует и публикуемая записка из тюрьмы.

В конце января 1943 года Сташков был казнен.

За подвиги во время Великой Отечественной войны Николаю Ивановичу Сташкову присвоено посмертно звание Героя Советского Союза. Одна из улиц города Днепропетровска названа именем славного секретаря подпольного обкома партии.

Жена героя Екатерина Степановна, дочь Алла и сын Валерий во время войны находились в эвакуации. После освобождения Днепропетровска советскими войсками они вернулись в родной город.

Письма Н. И. Сташкова хранятся в партийном архиве Днепропетровского обкома КПУ.

НАДПИСЬ ПОДПОЛЬЩИКА В. Г. КРИВОПУСТЕНКО В ГЕСТАПОВСКОМ ЗАСТЕНКЕ НОВОЧЕРКАССКА

26 сентября 1942 г.

На этой койке спал с 24/IX—42 г. 26/IX был на допросе.

Решение не объявили, но в подтверждение обвинений сделали очную ставку мне неизвестного человека Юоханова Алексея.

Он дал ложные показания и вдобавок бросился избивать, хотя совершенно точно он меня не знает. В общем — подлец, провокатор.

Судя по отношению на допросе и пристрастию, я буду расстрелян.

Прощайте. Умру честно.

Никому я зла не сделал.

26/IX. В. Кривопустенко.

Кривопустенко Василий Григорьевич родился в 1903 году в Таганроге в семье бедного донского казака. С семи лет начал трудовую жизнь. Работал подручным в сапожной мастерской, подпаском, батраком.

В дни Великой Октябрьской социалистической революции 14-летний юноша вступает в ряды Красной гвардии, затем сражается против белогвардейцев на Дону.

После окончания гражданской войны В. Г. Кривопустенко длительное время работал на обувной фабрике. Как передовика производства, активного коммуниста его выдвигают сначала на хозяйственную, профсоюзную, партийную, а затем и советскую руководящую работу. Многие годы он был уполномоченным по заготовкам, затем председателем совета профессионального союза, председателем райисполкома, инструктором обкома партии. В 1941 году В. Г. Кривопустенко избрали заместителем председателя исполкома городского Совета депутатов трудящихся Новочеркасска, Ростовской области, где он и работал до оккупации города фашистами.

Уйдя в подполье, В. Г. Кривопустенко вместе с другими коммунистами создавал партизанские группы, руководил диверсиями в городе и на железной дороге. Во время подготовки одной из боевых операций — это было 24 сентября 1942 года — его схватили гестаповцы и заключили в застенок.

Враги знали, с кем имеют дело, и поэтому, не надеясь на признание, жестоко избивали арестованного. Но стойкий коммунист В. Г. Кривопустенко не выдал своих товарищей. Зная, что умрет, отважный коммунист написал на фанере, служившей ему постелью в камере, последние прощальные строки советским людям.

Заверенная копия публикуемой надписи Василия Григорьевича Кривопустенко хранится в Музее истории донского казачества в Новочеркасске.

ИЗ ЗАПИСКИ ТРЕХ ЗАЩИТНИКОВ ГОРОДА ЛИСИЧАНСКА

28 сентября 1942 г.

...158-я дивизия... 259-й полк. Кто найдет это письмо, узнает, что мы погибли за Родину. 28 сентября 1942 года в городе Лисичанске. Сережа Блинов из Ленинграда, 24 лет, ранен Ваня Харитонов и я, Степа Мухин, 26 лет. Клянемся, что мы будем биться за Родину до конца. Передайте в Ленинград, по улице Чапаева, № 24, военкомат. Смерть фашистам! До свидания. Умрем. Отомстите за нас...

Весной 1961 года у города Лисичанска в овраге, который спускается к Северскому Донцу, ребята нашли старую гильзу, а в ней — небольшой листок бумаги из школьной тетради. Это была клятва трех воинов, написанная химическим карандашом. Записка плохо сохранилась, некоторые слова прочесть невозможно. Фамилия Бли-

нов читается с трудом, ее можно прочесть и как Блитов и как Блатов. Довольно ясно видна дата — 28 сентября 1942 года. В это время Лисичанск находился в глубоком тылу гитлеровских войск. Но и здесь продолжали сражаться наши бойцы, видимо уже в подполье. Они погибали за Родину, но не сдавались.

Текст записки опубликован в газете «Комсомольская правда» 2 апреля 1961 года.

ПИСЬМА РУКОВОДИТЕЛЯ ПОДПОЛЬЯ В ЗАКАРПАТЬЕ О. БОРКАНЮКА

24 сентября и 3 октября 1942 г.



О. Борканюк

ПИСЬМО ЖЕНЕ

Моя любимая!

Завтра мы едем на работу. И на этот раз уже наверняка. Наша отправка сильно затянулась, и это значительно затруднит нашу работу в самом начале. Но что поделаешь. Война есть война. Все-таки я надеюсь, что наша работа увенчается успехом. Мы будем делать все от нас зависящее, чтобы это было так.

Пришло то время, о котором мы говорили на протяжении многих лет. Такой войны, которую мы переживаем теперь, не знает история. Это будет тяжелая и затяжная война. Вырвет она немало человеческих жизней и принесет много опустошения. Трудно сказать, какими формами и какими путями будет идти эта война, но можно сказать с уверенностью: в конце концов победа будет наша, и только наша. И теперь мое самое большое желание: дожить до той минуты, когда мы будем победителями. И я твердо верю, что той счастливой минуты дождусь.

Перед тобой, любимая Путя, и перед маленькой Олечкой много трудностей и мук впереди. Вам придется переживать те трудности, которые несет с собой жестокая, неумолимая война. Будьте мужественны и никогда не падайте духом. Лишь сильные побеждают. Сильные волей, готовые на жертвы. Никогда не теряйте надежду, что я вернусь к вам. Обязательно приду, и это будет счастливейшая минута в нашей жизни.

А пока береги Олечку и себя как зеницу ока. Олечку никому и ни при каких обстоятельствах не отдавай. И ты с ней и она с тобой будете счастливы. Воспитывай ее как можно лучше. Воспитывай в ней сознание того, что у нее есть папа, который на ответственнейшем посту борется против самого большого зла человечества — против

немецкого фашизма. О, она уже наверное бегает и лепечет милые словечки. Как хотел бы я ее видеть, слышать и хоть минутку побыть с нею... Ну, что ж, дождемся того времени, когда я всегда буду с ней и с тобой и будем счастливы.

Самое обидное — то, что ты обо мне долгое время, быть может, ничего не будешь знать... Возможно, что вам придется еще раз переселяться. Если бы сложилась такая ситуация, то это нужно делать как можно скорее. Чем скорее, тем лучше. Но, может быть, до этого не дойдет. Нам соответствующие инстанции обещали, что вы будете материально обеспечены...

Йовшка идет со мной и работать будет вместе со мной. Будем помогать друг другу и всегда будем думать о вас, и всегда будет нас радовать мысль, что вы живете вместе, помогаете друг другу и страдаете одной болью.

О, любимая Путя, тяжело подумать, что кто знает, сколько времени пройдет, пока я узнаю о тебе и Олечке. Всегда буду о вас думать и в самые тяжелые минуты вы будете моим утешением. А пока до свидания. Целую тебя и мою маленькую Олечку много, много раз. Привет твоим подругам и моим знакомым: Терезе, Ирине, Ице, Вале и всем. До свидания, любимая Путя и крошечка Оля.

Ваш Олекса.

ПИСЬМО ЖЕНЕ И ДОЧЕРИ

Будапешт, тюрьма,
3.X.1942.

Моя любимая, дорогая Цико,
моя дорогая дочь Оленька!

Не было ни дня, ни часа, когда бы я о вас не думал. Я безгранично желал вернуться к вам и продолжать нашу прекрасную семейную жизнь. Не суждено мне... [1] *Военный суд приговорил меня к смерти. Эти строки пишу за несколько минут перед смертью. Чувствую себя здоровым, полным энергии, безграничным желанием жить. И нет спасения. Вынужден умирать. Но я иду на смерть смело, мужественно, так, как положено людям нашего склада. Прожил я 41 год, из которых 20 лет посвятил делу бедного народа. Всю жизнь был честным, преданным, неутомимым борцом без личной корысти. Никогда не кривил душою. И таким умираю, ибо знаю, что наше дело справедливое и победа будет наша. Народ меня не забудет, когда наступит лучшее время. Когда-нибудь история расскажет правду и о моей скромной персоне... Я умираю и буду жить.*

---

[1] Здесь и далее многоточия документа.

Письмо О. Борканюка из будапештской тюрьмы жене и дочери

Мои дорогие, не оплакивайте меня и не горюйте по мне. Теперь и сотни тысяч лучших сынов народа умирают за лучшую будущность человечества. Война — самое большое несчастье для человечества. Будем надеяться, что после этой войны настанет мир, который надолго, а может быть, и навсегда сделает это несчастье невозможным. Прощаясь с вами, желаю вам дожить до мира и счастливой жизни. И когда доживете до этого, и меня вспомните незлым, тихим словом...

Моя любимая жена, спасибо тебе за прекрасно прожитое время с тобою. Ты была хорошей женой и товарищем. Я хочу, чтобы ты вышла замуж и была бы такой же с будущим мужем. Чтобы ты хорошо воспитала нашу любимую Олечку, сделала из нее настоящего человека, достойную наследницу своего отца.

Моя любимая дочь Олечка, как раз год было тебе тогда, когда немилосердная война разлучила нас. Ты была моим утешением, ты была моей жизнью. Теперь, когда я иду на смерть, мое сердце истекает кровью при одной мысли, что я тебя больше не увижу... Расти счастливой. Слушай маму, будь доброй и справедливой, учись и выйди в люди, никогда не забывай, что твой отец умер на виселице за дело народа.

Прощайте, дорогие.

Олекса Борканюк.

ПИСЬМО СЕСТРЕ И БРАТУ
3 октября 1942 г.

Моя дорогая сестренка Дося и мой любимый брат Степан!

Военный трибунал приговорил меня к смерти. Сегодня меня повесят. Если при жизни я принес вам какую-нибудь боль, прошу вас простить меня. Простите мне прежде всего то, что, быть может, по моей вине у вас были большие неприятности. Здесь я уже простился с Василием и Евдокией. Как солдат Красной Армии я не виновен...[1] *Я должен был выполнить военный приказ, иначе я не пришел бы сюда из Советского Союза.*

Я вверяю свою землю сыновьям Димитрия, пусть они обрабатывают ее, и если после войны моя жена и дочь не вернутся из СССР и не потребуют моего наследства, пусть тогда моя земля навечно перейдет к сыновьям Димитрия. Вкладываю сюда фотокарточки моей семьи и письмо моей жене и моей дочери. Может быть, после войны узнаете, где они находятся, и тогда пошлете им это письмо.

О процессе я ничего не могу написать. Надеюсь, что история не утаит фактов и что однажды правда выйдет на свет. Я умираю в возрасте сорока одного года. Все свои годы я посвятил борьбе за лучшее будущее бедных людей. В течение всей своей жизни я был честен, предан народу и никогда не преследовал цель получить личную выгоду. Таким, каким жил, таким и иду на смерть. Я убежден, что наше дело правое и что победа будет за нами. Я убежден также, что народ не забудет меня, когда наступят лучшие времена.

Не плачьте, не печальтесь, будьте счастливы. Я прощаюсь со всеми родными, друзьями и знакомыми.

Ваш брат Олекса.

---

[1] Далее несколько слов зачеркнуто тюремной цензурой.

В конце зимы 1942 года в будапештской тюрьме «Маргиткерут» прошел слух: в тюрьму привезли русского партизана. Для политзаключенных, которые провели в тюрьме по 10—12 лет, это означало, что идет жестокая борьба, что советские люди воюют и за их свободу, за торжество справедливости, за светлые идеи коммунизма. Всем хотелось скорее увидеть нового заключенного, пожать ему руку, сказать, что здесь его единомышленники и друзья.

Олексу Борканюка впервые увидели во дворе тюрьмы на прогулке. Он был в военной форме. Все лицо в синяках. Выглядел крайне истощенным. Вскоре стало известно, что новый узник — закарпатский коммунист, до войны видный деятель Коммунистической партии Чехословакии.

Олекса Борканюк родился в 1901 году в бедной крестьянской семье в селе Ясиня, в Закарпатье. Детство его было нелегким. Каменистая земля давала скудный урожай, а семья была большой. И пришлось Олексе с раннего возраста работать на лесоразработках.

Закарпатская Украина входила тогда в состав Австро-Венгерской империи, феодально-капиталистический гнет сочетался с национальным. Общий подъем революционного движения, вызванный победой Великой Октябрьской социалистической революции в России, захватил и Закарпатье. Чаяниям закарпатских трудящихся на воссоединение с родной Украиной тогда не суждено было сбыться. Закарпатская Украина была оккупирована чехословацкими и румынскими войсками и в 1919 году включена в состав буржуазной Чехословацкой республики.

Несмотря на материальные затруднения, Олекса Борканюк упорно учился. С помощью учителя, который заметил и поддержал горячее стремление крестьянского паренька к знаниям, окончил начальную школу. В 1922 году, уже будучи 20-летним парнем, Олекса Борканюк приехал в город Мукачево и поступил учиться в торговую школу. Во время учебы Олекса приобщился к революционной деятельности. В 1924 году он вступил в комсомол и был одним из вожаков мукачевских комсомольцев, а через год стал членом Коммунистической партии Чехословакии.

Осенью 1926 года вместе с группой закарпатских товарищей Олексу Борканюка направили на учебу в Коммунистический университет имени Артема, в Харьков. Успешно окончив его, он возвратился осенью 1929 года в Закарпатье, был избран секретарем комсомола Закарпатья, назначен редактором молодежной газеты «Працююча молодь» («Трудящаяся молодежь»). С февраля 1931 года Олекса Борканюк становится редактором коммунистической газеты «Карпатская правда». В 1934 году его избирают секретарем Закарпатского крайкома Компартии Чехословакии и членом Центрального Комитета КПЧ, позже членом Политбюро ЦК КПЧ.

В 1939 году в результате мюнхенского сговора империалистов Англии и Франции с фашистскими правителями Германии и Италии Закарпатская Украина отошла к Венгрии. Венгерские войска оккупировали ее и установили там режим кровавой диктатуры. Коммунистическая партия ушла в подполье. Незадолго до оккупации Борканюк активно участвовал в создании подпольных организаций компартии, но сам был слишком известен в Закарпатье, чтобы остаться в подполье. 14 марта 1939 года по решению ЦК Коммунистической партии он покинул Закарпатье и переехал в Советский Союз.

Сразу после нападения фашистской Германии на СССР Борканюк подал заявление о вступлении в ряды Красной Армии. Но руководство Компартии Венгрии решило направить его в тыл врага, как прекрасно знающего местные условия, для организации партизанской борьбы. После тщательной подготовки в первых числах января 1942 года вместе с группой товарищей Борканюк вылетел в Закарпатье и спустился с парашютом в рэйоне Ясиней. Проработав некоторое время в тылу врага, он был схвачен фашистами и после многочисленных допросов и пыток посажен в тюрьму «Маргиткерут» в Будапеште.

Издевательства и пытки не сломили волю мужественного коммуниста. И в тюрьме Борканюк остался пламенным борцом, горячим пропагандистом марксистских идей. Своим поведением он завоевал уважение среди заключенных. Веру в окончательную победу он стремился передать всем окружающим. В тюремной мастерской, где собирались заключенные из разных камер, Борканюк рассказывал товарищам о руководящей роли ВПК(б) в борьбе с оккупантами, о боях советских войск с фашистами, о мужественной борьбе партизан в тылу врага.

Один из оставшихся в живых заключенных тюрьмы «Маргиткерут», Е. Зпевак, словак по национальности, вспоминал о последних днях жизни О. Борканюка:

«На суде тов. Борканюк держался смело, обвинял фашистский режим Венгрии. После зачтения приговора Олекса Борканюк вышел очень бледный, но шел твердо. Мы стояли в коридоре, когда он прошел. Все наши глаза были устремлены на него. Он только показал рукой на шею. Мы все поняли. Стало очень жалко, что враг опять вырвет из нашей среды преданного, верного большевика. С тех пор Борканюк был в самотной целле [1].

3 октября 1942 года все политзаключенные ждали, когда в последний раз увидим нашего дорогого, незабвенного друга Олексу Борканюка. Утром, в 8 час. 35 мин., увидели, как тов. Борканюк с поднятой головой шагает в направлении к эшафоту. Мы смотрели

---

[1] Камера смертников.

из окон камер и махали ему руками. Слышали его последние слова: «Вы меня убьете, но идею коммунизма никогда. Долой хортиевскую Венгрию! Да здравствует Советский Союз!»

Тов. Борканюк умер как герой. Он вечно будет в наших сердцах. Память тов. Борканюка мы, политзаключенные Маргиткерутской тюрьмы, почтили пятиминутным молчанием».

Олекса Борканюк погиб, но дело, за которое он боролся, победило и желания его, высказанные в предсмертных письмах, осуществились.

Предсмертные письма О. Борканюка хранятся в Закарпатском обкоме КП Украины, письмо жене, написанное перед отправкой на задание, находится в Ужгородском государственном историко-краеведческом музее. Все письма написаны на украинском языке и печатаются в переводе. Два последних опубликованы в книге П. Мальвецци и Дж. Пирелли «Письма обреченных на смерть борцов европейского Сопротивления» (с. 678—680).

ЗАПИСКА ТРЕХ РАЗВЕДЧИЦ ИЗ ГЕСТАПОВСКОЙ ТЮРЬМЫ ГОРОДА ПСКОВА

17 октября 1942 г.

Сегодня 17 октября 1942 года. Больше месяца сидим в этой одиночке. Нас трое. Мы честно выполнили свой долг перед Родиной. За это нас истязают фашисты. Что бы они ни делали, мы погибнем честно, как в бою.

Прощайте, товарищи! Отомстите за нас.



В. В. Патковская

Эта маленькая записка на листке из школьного учебника в 1957 году была найдена строителями за дверной коробкой в одной из камер бывшей гестаповской тюрьмы в Пскове. Листок был сложен вчетверо и пожелтел от времени. На одной его стороне кровью выведен контур красного знамени, а на другой — написан текст.

И вот что удалось установить.

В ночь на 8 августа 1942 года в район Пскова была заброшена группа советских разведчиц. В группу, имевшую условное название «Вера», входили 20-летняя москвичка Валерия Вильгельмовна Патковская, 19-летняя Валентина Михайловна Голубева, 18-летняя Елена Степановна Силанова и Анфиса Алексеевна Горбунова, 23 лет. Группа имела задание обосноваться в Пскове и сообщать по радио командованию советских войск сведения о расположении частей противника, о передвижении войск и техники, строительстве оборо-

нительных сооружений. Благополучно приземлившись, девушки на следующий день в районе Заречья наткнулись на карателей. В перестрелке погибла Лена Силанова. Трем разведчицам удалось уйти от преследования.

Устроившись на конспиративной квартире в пригороде Пскова, они регулярно передавали по радио шифровки командованию из района Карамышево, Кресты, Черехи, где находились стыки крупных дорог, идущих из Пскова. В городе было сосредоточено много гестаповских частей и служб особого назначения.

В конце августа девушки вынуждены были перебраться из удобной пригородной квартиры в Псков, так как старик, хозяин квартиры, был схвачен гестаповцами и зверски замучен. Девушки в это время были в Черехах. Став на учет на бирже труда, они вскоре устроились на работу: Валентина Голубева (под фамилией Изотова) и Анфиса Горбунова (Мазина) — на шпагатную фабрику, а Валерия Патковская (Щедрова) — переводчицей в одном из учреждений города. Она хорошо знала немецкий язык, была смелая находчивая девушка.

Положение в городе становилось все более тяжелым: усиливались террор, провокации. Тюрьмы были переполнены. Открылись новые застенки на улице Ленина, которую захватчики переименовали в улицу Адольфа Гитлера. В Крестах был большой концлагерь, где за рядами колючей проволоки томились военнопленные, псковичи и крестьяне из окрестных деревень.

Сохранилось письмо Валерии в Москву матери Анне Ильиничне перед отправкой в тыл врага. «Ответа от тебя я больше уже, наверное, не получу,— писала она,— потому что еду на задание. Ты сама понимаешь, что это связано с большими трудностями, которые надо преодолеть, и, конечно, надо быть готовой ко всему. Я все... как следует обдумала и решила, что мне это под силу, и постараюсь выполнить задание с честью... Хотя и очень опасно, но думать о смерти не хочется. Хочется жить, работать, любить. И когда так думаешь, мысль о смерти уходит назад. Я знаю, что смелый человек умирает один раз. А трус много раз».

Твердая убежденность в правильности избранного пути, добровольное решение идти в тыл врага и сделать все возможное для победы — только это определяло всю последующую жизнь Валерии и ее отважных подруг. Вот несколько донесений, переданных группой «Вера» армейскому командованию.

«Я Вера. В квадрате 0480 «Г» в роще на правом берегу реки Черехи крупный склад горючего противника...»

«Я Вера... Здесь, Карамышево-Вешки, большое скопление воинских эшелонов, идущих на Ленинград...»

«Квадрат 0884 «Д» в Крестах — аэродром боевых самолетов... Квадрат 0884 «Г» в Крестах — склад авиабомб...»

«Я Вера. После налетов нашей авиации возникли очаги пожаров...»

Подобные донесения, добытые с большим риском, помогали наносить врагу более ощутимые удары, и это наполняло сердца разведчиц радостью.

В сентябре 1942 года в связи с очередной регистрацией населения их вызвали в комендатуру и там задержали, так как у них в паспортах не оказалось какой-то отметки. Первоначально, не имея против девушек никаких улик, их содержали в абверкоманде № 304 на Крестьянской улице, где жандармы занимались проверкой подозрительных лиц и документов, перевербовкой пойманных или перешедших к ним на службу людей. Режим там был свободней, чем в тюрьме, и разведчицы готовились к побегу. Но неожиданно все рухнуло. В абверкоманду привезли женщину, которая хорошо знала Валерию. Не выдержав пыток, на первом же допросе она назвала подлинную фамилию Валерии и показала, что Патковская является руководителем группы разведчиц. На следующий же день Патковскую и двух ее подруг перевели в гестаповскую тюрьму на Некрасовской улице и заключили в камеру № 1.

Начались новые допросы и пытки. Следствие велось в помещении полевой жандармерии, в доме № 2 по Комиссаровскому переулку. Девушек подвешивали, жгли раскаленными прутьями, били самым зверским образом, но они твердо повторяли то, что сообщили при первом допросе. Не добившись новых показаний, гитлеровцы расстреляли Валерию Патковскую, Анфису Горбунову и Валентину Голубеву под Псковом, в районе деревни Пески.

Записка трех юных героинь опубликована в книге И. Соболева «Группа «Вера»» (М., 1960, с. 3).

ПИСЬМА ЧЛЕНОВ ПОДПОЛЬНОЙ КОМСОМОЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В ГОРОДЕ ХОТИНЕ

Не позднее 24 октября 1942 г. [1]

ПИСЬМО К. ГАЛКИНА СЕСТРЕ

Дорогая сестра!

Прошу тебя, передай это письмо, которое запечатано, Любе. Но прошу не распечатывать. Прошу взять у нее ответ и послать мне или в повидле, или зашей в чем-нибудь, безразлично какой величины оно будет. Дорогая Муся, я получил повидло и благодарю за него.

[1] 24 октября 1942 года подпольщики были расстреляны.



К. И. Галкин

Прошу — не стыдитесь, что я в тюрьме, я не злодей, а попался злодеям в руки. Хотя я буду убит, вы не плачьте, а гордитесь своим сыном, погибшим за Родину.

Дорогая сестра, я живу весело и не журюсь ничем, если есть что кушать, а о смерти и думать не хочу, потому что она мне не страшна. Время приближается веселое, если буду убит, то буду в почете и вы также будете в почете жить, а если буду жив, то буду человеком.

Прошу, не рассказывайте, что я пишу, потому что это опасно. Прошу, напиши мне, кто служил парастос[1] *о нас, меня очень удивило это.*

Спасибо вам, что вы обо мне не забыли, если меня не убьют, я вас отблагодарю.

Напиши, кто радуется моей беде. Если кто-нибудь смеется над вами, не обращайте внимания и ничего не отвечайте.

Мне очень хорошо, я не журюсь ни о чем, только о своей Стране... Прошу успокаивать маму, чтобы не плакала и не печалилась. Мне не страшно умирать за Родину.

Горячий привет маме и всем знакомым.

Галкин Кузьма.

ПИСЬМО Н. САЛТАНЧУКА МАТЕРИ



Н. Салтанчук

Дорогая мама.

Я получил 4 каравая хлеба, 3 куска свиного сала, помидоры и яблоки и одежду. Спасибо за заботу, и если вам не трудно, то принесите шапку.

Не сердитесь, что я в тюрьме. Приносите почаще еду, хотя бы раз в неделю, и принесите носки.

Пусть придет ко мне тетя и принесет поесть.

Желаю всем здоровья.

Напишите, как живет Саша.

Желаю крепкого здоровья.

Салтанчук.

---

[1] Парастос — старый церковный обряд в западных областях Украины, сопровождающийся молитвой за душу умершего грешника.

ЗАПИСКА
В. МАНЧЕНКО РОДНЫМ



В. Манченко

Дорогая мама, дорогие мои братья Сергей, Женя, Коля и сестра Рая... Целую вас последний раз.

Ваш Володя.

Советская власть установилась в Буковине незадолго перед войной. 28 июня 1940 года ее трудящиеся воссоединились со своими братьями на востоке. Казалось, навсегда ушли в прошлое нужда и голод для жителей этой древней украинской земли. Но не прошло и года, как фашисты вторглись на нашу землю. 6 июля 1941 года город Хотин, Черновицкой области был занят румыно-фашистскими оккупантами. Они рассчитывали, что Буковина будет для них спокойным тылом. Но не было покоя оккупантам на буковинской земле. В августе 1941 года комсомольцы Хотина создали подпольную организацию. Руководителем ее избрали 17-летнего комсомольца Кузьму Галкина. Родился он в 1924 году в семье русского рабочего Ивана Галкина. После смерти отца в 1938 году Кузьма поступил учеником в сапожную мастерскую. Тяжелым и безрадостным было детство украинских ребят в боярской Румынии. Когда в Буковине установилась Советская власть, Кузьма вступил в комсомол и стал учиться в вечерней школе. Перед молодежью открылась новая жизнь. Но война спутала все планы...

В штаб подпольной комсомольской организации вошли: 19-летний Владимир Манченко, Александр Непомнящий (ему исполнился 21 год), серьезный и молчаливый 19-летний Дмитрий Семенчук и 18-летний Николай Салтанчук. Начальником штаба назначили энергичного и волевого Владимира Манченко. Заседания штаба проходили в доме Галкина и в развалинах Хотинской крепости.

Свою деятельность подпольщики начали с распространения листовок, которые писались от руки и подписывались ШПО (Штаб подпольной организации). Они призывали не верить фашистской пропаганде, звали на борьбу с ненавистным врагом.

Первой крупной операцией комсомольцев был срыв праздничной манифестации, посвященной захвату германской и румынской фашистскими армиями Одессы, которую оккупационные власти назначили на 18 октября 1941 года.

По приказу Антонеску в этот день полиция должна была собрать все население Хотина на площади. И вот накануне такого «празднования» на зданиях, заборах и телеграфных столбах появились напи-

санные от руки листовки, призывавшие сорвать манифестацию, взяться за оружие и бороться. В день 18 октября улицы Хотина были пустынны. Несмотря на все старания жандармов, на площадь никто не пришел.

Это была победа. Организация стала расти. В нее вступили Алексей Бондарчук — электротехник на сахарном заводе в Зарожанах, чернорабочий Антип Осипов, сапожник Ефим Решетник, Иван Чеботарь, который при отступлении советских войск записался добровольцем, сражался, но потом попал в окружение и вернулся в Хотин, Михаил Фостий, Александр Галиц, Николай Тамполар, Александр Герасимов, Владимир Звенигородский, Иван Трофа и др. Активно помогали им родственники комсомольцев.

Осенью 1941 года подпольщики раздобыли радиоприемник и установили его в погребе Семенчука. С помощью Михаила Фостия, работавшего секретарем в Рукшинской примарии (управе), им удавалось печатать листовки на имевшемся там шапирографе. В день 24-й годовщины Октябрьской революции они вывесили красный флаг на шпиле ратуши, где помещалась городская управа.

В ночь под новый, 1942 год был взорван склад боеприпасов. Под 1 Мая, несмотря на усиленную охрану, на телеграфных проводах появилось более 20 красных флажков; регулярно перерезались телеграфные и телефонные провода, связывающие Хотин с Черновцами и районом.

В 1942 году, когда советские войска отражали атаки рвавшихся к Волге фашистских армий, оккупационные власти усилили репрессии против подпольщиков. Гитлеровцы боялись советских патриотов и сотнями тысяч сгоняли их в концентрационные лагеря. Оккупантам удалось ликвидировать ряд подпольных организаций в Черновцах и Черновицкой области.

Летом 1942-го в организацию проник провокатор. 6 августа начались аресты. Было арестовано 16 наиболее активных ее членов. При обысках на квартирах у подпольщиков нашли советскую литературу, оружие, а в доме Семенчука — переносной радиоприемник. После пыток в хотинской полиции патриотов перевели в черновицкую тюрьму. Дело о хотинском подполье передали в черновицкий инспекторат полиции. Ходом следствия интересовался даже главарь румынских фашистов Антонеску. 28 августа 1942 года в секретном распоряжении румынской генеральной дирекции полиции областному инспектору полиции в Черновцах указывалось: «Имеем честь сообщить Вам, что господин маршал Антонеску постановил, что украинские коммунисты Галкин Кузьма, Манченко Владимир и остальные, арестованные в Хотине, должны быть осуждены в течение 10 дней и должны быть присуждены к высшей мере наказания».

В сентябре 1942 года военный трибунал 8-й пехотной румынской дивизии приговорил пятерых членов штаба организации: Кузьму

Галкина, Владимира Манченко, Александра Непомнящего, Николая Салтанчука и Дмитрия Семенчука — к смертной казни. Семь комсомольцев были осуждены на пожизненную каторгу и пятеро — к различным срокам каторжных работ. 24 октября 1942 года на окраине черновицкого кладбища отважные комсомольцы были расстреляны.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1965 года Галкину Кузьме Ивановичу присвоено звание Героя Советского Союза.

Письмо Кузьмы Галкина из тюрьмы сестре Марии написано карандашом на листке из тетради, а Николая Салтанчука — на обертке от сигарет. Записка Владимира Манченко наспех набросана на кладбище перед расстрелом. Письма юных героев хранятся в Черновицком историко-краеведческом музее, письмо К. Галкина опубликовано в книге М. Канюки, А. Набатчикова «Крепость» (М., 1958, с. 56—58). Публикуемые фотографии молодых патриотов были сделаны в полиции Хотина перед отправкой их в Черновцы.

ПИСЬМА В. З. ХОРУЖЕЙ ИЗ ВИТЕБСКОГО ПОДПОЛЬЯ

28 октября — 4 ноября 1942 г.



В. З. Хоружая

28 октября 1942 г.

Только что кончилась воздушная тревога — налет советских самолетов. Не знаю еще, каковы результаты бомбардировки, но видно, как полыхают в трех местах пожары и беспрерывно рвутся снаряды: бомба попала в склад боеприпасов на аэродроме. Тревога началась в сумерках, в 6 часов, и кончилась только в 9-м.

Друзья мои! Невозможно вам передать наши переживания в эти часы. Радость за то, что они прилетели, горячее пожелание им успеха, тревога за мирных жителей, бешеная злоба к зениткам, открывшим ураганный огонь, мучительное беспокойство за летчиков, за самолеты, желание прикрыть их, помочь бить прямо в цель — в проклятые гнезда — не промахнуться.

Мы стоим во дворе, напряженно всматриваемся в небо. Всем существом слушаем гул моторов. «Летите, летите, мои родненькие, бейте их, проклятых, бейте сотнями,— взволнованно мечтает соседка.— Дай бог вам счастья, удачи. Поймали, миленькая! Поймали!» (На скрещивании нескольких лучей прожекторов ясно вырисовывается серебристая фигура самолета, нашего родного самолетика.)

К нему со всех сторон мчатся струи светящихся пуль, вокруг него рвутся снаряды, а он летит себе ровно и как бы спокойно по полосе луча прожектора. «Поднимайся вверх скорее, скорее,— чуть не плачет женщина.— Золотце мое, соколик мой, ну поднимайся же, поднимайся же скорее! Господи, хоть ты подними его, скрой от глаз дьявольских!» Сердце бешено бьется, хочется подбежать к прожектору и трахнуть по нему — потушить его. «Ушел, ушел соколик наш, целый».

Мы облегченно вздыхаем. Чуть притихает гул стрельбы. В эту минуту с громким зловещим свистом проносятся бомбы. Оглушительный взрыв потрясает воздух. В домах сыплются стекла из окон. Второй, третий, пятый... «Спасибо, миленький, хорошенько их! Еще, еще! В фельдкомендатуру, в управу, на аэродром! Бей их сотнями, их самих, их машины, их орудия!» Я слушаю эту страстную молитву и знаю, что во многих дворах, так же как и в нашем, теснятся и волнуются эти чудесные советские люди, вынесшие бездну горя, страданий и оставшиеся верными своей Родине.

Взрывы следуют один за другим. В трех местах полыхает пламя. «Хотя бы это в фельдкомендатуру или какой их склад!..» Мне вспомнилось, что еще днем у колодца (у нас, как в деревне, у колодца все новости) пожилой мужчина авторитетно говорил, что сегодня ночью обязательно будет бомбежка, потому что уже два раза прилетали разведчики, все осмотрели и теперь будут бомбить. А женщина сообщила, что сегодня были сброшены листовки, в которых написано: «Дорогие мирные жители! Не обижайтесь на нас, но там, где расставлены немцы, мы будем бомбить». «Ну конечно,— поддержали ее другие,— пока в город не понаехало столько войск, они не бомбили, а теперь не могут же они смотреть». Я не верю в то, что были такие листовки, но меня радует, что молва народная их придумывает, распространяет. Разрушен и сожжен штаб дивизии. На аэродроме сгорел склад снарядов и два самолета. Бомбы попали в офицерский дом, в офицерскую столовую, на полотно железной дороги возле Полоцкого виадука. В солдатском доме, фельдкомендатуре, ортскомендатуре вылетели стекла, но дома целы. Сегодня от бомбы загорелся склад горючего в Чепино...

Почему мало бьют аэродром? Теперь там постоянно 60—70 самолетов. Возле сгоревших домов лежат прикрытые соломой горки снарядов (несколько десятков). Надо скорее бомбить бомбохранилище (вместимостью до 700 бомб), потому что его хотят рассредоточить.

Вы, должно быть, ругаете меня за то, что до сих пор я еще не забрала и не использую мою группу, но это не по моей вине. С нашими документами нельзя ни прописаться, ни устроиться на работу. Можно только жить у очень хороших людей, готовых из-за тебя жертвовать жизнью и семьей. Сам тоже рискуешь каждую минуту прова-

литься не из-за дела, а из-за прописки и паспорта. Таково положение.

Группу сейчас сюда забрать нельзя. Нам здесь так жить тоже невозможно. Нужны настоящие документы. Принимаю меры. Не знаю, выйдет ли. Пока работаем вдвоем, медленно, осторожно создаем организацию из местных людей. Дело очень трудное, особенно вначале. Люди напуганы виселицами, не верят, что в городе можно что-либо сделать. Но первый десяток уже имеется. Теперь дело пойдет быстрее. Главное, устроиться нам самим. Хороших людей много. Правда, режим, обстановка дьявольски трудные, но мы их все-таки проведем. В общем, я полна самых лучших надежд, нисколько не боюсь, что меня повесят. Девчат моих еще надеюсь использовать.

Ну, вот пока все. Не ругайте меня за то, что письмо такое длинное и что в нем так много беллетристики. Может быть, используете для газет...

А когда же я получу от вас хоть маленькую записочку?

Сердечный привет вам, будьте здоровы и счастливы.

Вера.

4 ноября 1942 г.

Дорогие друзья мои! Посылаю вам «Минскую газету» и пачку серьезных немецких газет из Франкфурта и Гамбурга. Может быть, вы их не получаете. Это влиятельные газеты, «делающие политику». В них много интересного... Исключительно интересны статьи о Сталинграде и Ржеве. В них признается не только сила Красной Армии и высокая похвала ей, но и ужас перед этой силой.

В «Минской газете» интересна речь гауляйтера Вильгельма Кубе, обращенная к белорусским рабочим. Подлизывается, сволочь, на все лады. А «Берлинская иллюстрированная газета» показывает (для немцев) истинные цели освобождения. Самый интересный листок посылаю. При виде этой иллюстрации хочется и плакать, и ругаться, и бить, и громить их изо всех сил. Может быть, используете эти иллюстрации.

Мне срочно нужно ваше указание. Есть слух, что фельдкомендатура дала приказ постепенно забирать мужчин из города в лагерь военнопленных. Как поступить: уходить в лес — за это немцы арестовывают семьи и конфискуют имущество, оставаться и идти в лагерь, чтобы угнали в Германию? Дайте ответ.

Вера.

Вера Захаровна Хоружая родилась в 1903 году в Бобруйске. Ее юность прошла в глухом полесском городке Мозыре. В 1920-м она вступила в комсомол и добровольцем пошла сражаться с бандами Булак-Балаховича.

В декабре 1921 года 18-летняя заведующая политпросветотделом Бобруйского укома комсомола Вера Хоружая стала членом партии большевиков. После окончания Центральной совпартшколы она работала в аппарате ЦК комсомола Белоруссии, была редактором комсомольской газеты «Малады араты», вела политико-воспитательную работу среди бывших беспризорников в минском Доме юношества и Комсомольской коммуне.

В январе 1924 года мир содрогнулся от тяжелого известия: умер Владимир Ильич Ленин. Горе вошло в жизнь Веры Хоружей, давшей в те дни клятву всегда быть верной идеям вождя. Свои думы о нем изложила в статье «Не надо слез!».

«Говоря о Ленине,— писала она,— не будем вздыхать, не будем плакать. Мы будем говорить о Ленине гордые и сильные слова, какие только мы сможем сказать, несмотря на то что душа наша сегодня придавлена огромной, огромной тяжестью.

...Мы, комсомольцы, знаем, что у нас дело большое и важное, дело огромное по своему замыслу. Это — увековечить имя Ленина не в одном поколении, а в ряде поколений. Увековечить это имя так, чтобы будущие не только знали, кто такой был Ленин, но жили бы и боролись так, как учил нас Ленин».

Эту статью еще читали в городах и селах Белоруссии, а Вера исчезла из Минска... исчезла, чтобы появиться через некоторое время в Западной Белоруссии, находившейся тогда под игом буржуазной Польши, и начать там подпольную работу. Она создает комсомольские организации, несет в массы идеи великого Ленина. Ее избирают секретарем ЦК комсомола Западной Белоруссии, членом ЦК комсомола Польши и членом ЦК Компартии Западной Белоруссии.

«Живется у нас бурно, как никогда,— писала Вера своим друзьям.— Дни у нас — это целые месяцы, а месяцы — годы, конечно, не по объему времени, а по объему происходящих событий, по объему их содержания».

В другом письме она сообщила с гордостью: «Недавно проходила у нас II [Всебелорусская] конференция комсомола Западной Белоруссии. Для нас это был исторический день. Несмотря на громаднейшие провалы, несмотря на все усиливающиеся преследования, мы от I конференции, которая была в январе 1924 года, до II, т. е. до июля 1925 года, выросли в 10 раз, т. е. от 120 до 1200 человек! Вам, конечно, такая цифра кажется смешной, вы ваших комсомольцев считаете уже десятками тысяч, но у нас в подполье это громадная цифра».

15 сентября 1925 года в Белостоке полиция напала на след подпольщицы и арестовала ее. Семь лет провела Вера в тюрьмах панской Польши — сначала в белостокской, а затем в центральной женской тюрьме «Фордон». Но и в тюрьме Хоружая оставалась неутомимым пропагандистом и борцом.

«Много легче сидеть в тюрьме,— писала она в октябре 1927 года,— зная, что там, за стенами, все выше подымаются волны, сидеть в тюрьме, зная, что освободит тебя революция!» «Мамочка,— взволнованно обращалась Вера после судебного процесса,— ты хочешь моего счастья, так чего же ты плачешь, когда я счастлива?.. Разве это не наивысшее счастье, какое только может быть: жить и бороться, бороться с беспредельною верою в победу, отдавать любимой работе и борьбе все силы, всю душу, все нервы, быть молодой, иметь много дорогих и любимых друзей».

Письма Веры Хоружей из каторжной тюрьмы были преисполнены оптимизма, уверенности в победе, полны страстных призывов к борьбе. Часть их была издана в 1931 году в Москве в издательстве «Молодая гвардия» в виде небольшой книжечки под названием «Письма на волю». Через год ее переиздали, на этот раз под названием «Рядом с нами». Выпуск писем славной белорусской патриотки был встречен с большим интересом. 29 августа 1932 года теплая рецензия Н. К. Крупской на книгу появилась в «Правде».

Осенью 1932-го в числе 40 политзаключенных Вера Хоружая в соответствии с договоренностью между правительствами СССР и Польши об обмене политзаключенными прибыла в Советский Союз. Она работала в Москве, Минске и на одной из важнейших строек второй пятилетки в Казахстане.

После освобождения Западной Белоруссии Хоружая снова на партийной работе в Телеханах и в Пинске. Здесь ее и застала война.

Вера, работавшая тогда инструктором Пинского обкома партии, вместе с мужем, Сергеем Корниловым, который был заведующим военным отделом Пинского горкома КП(б)Б, решила остаться во вражеском тылу для партизанской борьбы. Эвакуировав дочку Аню и мать, она стала бойцом отряда, которым командовал В. З. Корж, впоследствии Герой Советского Союза. 4 июля в боях при защите Пинска геройской смертью пал С. Г. Корнилов. Это был тяжелый удар. Вера Захаровна ожидала ребенка. Она стойко переносила все трудности и лишения партизанской жизни, воодушевляя своим жизнелюбием и оптимизмом товарищей. Осенью 1941 года штаб партизанского отряда направил В. Хоружую через линию фронта, чтобы установить связь отряда с командованием советских войск. Обратно в отряд ее не пустили, а отправили в тыл, к родственникам в Пермскую область, где у нее родился сын Сергей.

Долго жить в тылу В. Хоружая не могла. Уже в марте 1942 года, оставив малютку сына и пятилетнюю дочь на попечении матери и сестры, она выехала в Москву.

В сентябре 1942-го во главе группы подпольщиц В. Хоружая под фамилией Корниловой Анны Сергеевны направляется в тыл врага. В первых числах октября Вера Хоружая, Софья Панкова [1] и Евдокия

[1] См. с. 176—178.

Суранова пробрались в Витебск для организации подпольной работы. В незнакомом городе В. Хоружей очень пригодился опыт прошлой подпольной деятельности. Она налаживает связи, собирает разведывательные данные, своевременно информирует партизан, ЦК КП Белоруссии о положении в городе. Пять недель проработала В. Хоружая в подполье. В ноябре гестаповцы на явочной квартире в доме Воробьевых схватили патриотов. После пыток гитлеровцы расстреляли В. Хоружую и ее боевых товарищей.

Вере Захаровне Хоружей в 1960 году присвоено посмертно звание Героя Советского Союза.

Письма из витебского подполья хранятся в партархиве ЦК КПБ. Они опубликованы в книге «Славная дочь белорусского народа. Письма, статьи В. Хоружей и воспоминания о ней» (Минск, 1960, с. 143—145, 148—149).

ПИСЬМО С. С. ПАНКОВОЙ СЫНУ

7 ноября 1942 г.

Родной Алешка!

Хочу поговорить с тобой, сын мой! Сегодня много думала о тебе, о себе, обо всем. Учинила обзор всей своей жизни. Не жалею того, что было. Много, очень много интересного пережила...

Пойми, Алеша, все 25 годовщин (Октября) отмечала сознательно, как большой свой праздник. Этот праздник считала своим, между прочим, и потому, что сама причастна к его созданию.

В 1917 году была лишь на год старше, чем ты сейчас. Жила я в Москве, где юнкера, белогвардейцы упрямо сражались за сохранение своей власти. Борьба была жестокой. Однако через неделю лютых боев задушили мы юнкеров, потому что на борьбу за свободу встали в Москве все люди труда, молодые и старые, даже дети. Когда на улицах Москвы шли бои, на нашей фабрике был созван митинг. Оружие раздавали тем, кто умел им пользоваться, остальные требовали: «Мне дайте, дайте и мне задание!..»

Каждый хотел чем-нибудь помочь. Руководитель фабричного комитета, большевик, собрал нас, детвору, и сказал:

— Юнкера влезают на крыши и оттуда в нас стреляют из пулеметов. Надо охранять, чтобы ни один негодяй не попал в наши дома.

Мы были счастливы, что нам дано задание. В нашем доме я вместе с одним пареньком дежурила три ночи. Три ночи, не смыкая глаз, сидели мы возле дверей на ступеньках. Оружия мы не имели, но держали рядом топор и лом. Каждого приближающегося мы окрикивали «Отойди, будем стрелять». Сейчас это кажется смешным, а тогда имело значение, и немаловажное.

В следующем году, когда мы собрались отметить годовщину Октябрьской революции, хотели обязательно организовать этот праздник в собственном клубе. А клуба еще не было. Тогда собралась молодежь (это было уже в Козельске) и постановила очистить магазин и превратить его в клуб. Сколько же потрудились мы! Сколько же было недоспанных ночей, прежде чем обновили помещение и придали ему соответствующий вид! И все только в свободное от работы время — после работы и во время перерывов. А сколько же было радости, когда были закручены последние шурупы и накрыты столы красным сукном...

Алеша!

Помни, сынок, что человек никогда не познает великой радости, если будет стоять в стороне от всего. Позже мы отмечали Октябрьскую годовщину в самых разнообразных условиях, но всегда это было в волнениях. Наихудшая из всех годовщина была в прошлом году. Единственной утехой для меня было только то, что была тогда вместе с вами.

В следующем году будем вместе. Верю в это. Только старайся быть умным. Очень хочу, чтобы ты был настоящим моим сыном, таким, каким хотела бы тебя видеть...

Софья Сергеевна Панкова родилась 27 сентября 1902 года в деревне Михали, Коссовского уезда, Гродненской губернии. Затем их семья переехала в поселок Неман, где отец и старшие братья нашли работу на местном стеклозаводе. Началась первая мировая война. В потоке беженцев Панковы устремились на восток. Так 15-летняя Софья оказалась в Москве. Работала шлифовальщицей на одном из заводов в Замоскворечье. В 17 лет ее приняли в Коммунистическую партию. Побывала на фронтах гражданской войны, где встретилась с интернационалистами-поляками, сдружилась с коммунистами из Западной Белоруссии, решилась после долгих раздумий на подпольную работу там, чтобы ускорить победу власти Советов в родном крае.

Действительно, каждая годовщина Великой Октябрьской социалистической революции являлась для нее и личным праздником. Десятилетие Великого Октября Софья отмечала в Бресте, будучи руководителем женского отдела подпольного Брестского окружного комитета Коммунистической партии Западной Белоруссии. Под конспиративными партийными кличками «Маруся», «Валюта», «Антолька» и др.— их приходилось менять довольно часто — смелая коммунистка развернула активную подпольную деятельность. Тогда-то и свела ее судьба с Верой Хоружей — одним из вожаков комсомольской молодежи Западной Белоруссии.

Летом 1928 года проходил I съезд Компартии Западной Бело-

руссии. Среди его делегатов — 26-летняя Софья Панкова. Через два месяца после съезда — неожиданный арест. Но мера наказания — четыре года строгой тюремной изоляции, с учетом беременности подсудимой!

Пинская тюрьма, тесная, темная, холодная одиночка. На деревянных нарах у изголовья в казенном холщовом одеяле новорожденный — сын Алексей. Как его вырастить? Как вырваться из тюрьмы? Как передать товарищам по подполью, что борьба продолжается?..

Когда ее с сыном перевели в центральную женскую тюрьму «Фордон», во время одной из коротких прогулок во дворе тюрьмы они снова встретились — Софья и Вера. Улыбнулись друг другу, подняли правую руку с крепко сжатым кулаком. Точно так же, как несколько лет спустя, уже в застенке фашистских захватчиков...

В конце 1932 года С. С. Панкову освободили из тюрьмы. И снова она на подпольной работе. Второй арест — июль 1935 года. Опять тюрьма «Фордон». Опять борьба с тюремщиками, переписка с товарищами, действовавшими на свободе. Свобода пришла в сентябре 1939 года, когда в Западную Белоруссию вошла Красная Армия-освободительница, с восторгом встреченная всем трудящимся людом.

Нападение немецко-фашистских захватчиков на СССР застало Софью Сергеевну в Белостоке — она возглавляла городской комитет МОПРа. Мучительное время эвакуации. Выполнение заданий ЦК Компартии Белоруссии. Встречи с Верой Хоружей и разработка планов подпольной работы в тылу врага. Учеба в специальной школе. И наконец — долгожданное задание: в группе с Верой надо обосноваться в подполье под Витебском, затем перебраться в город и действовать. В разгар антифашистской работы патриоток схватили. Веру и Софью арестовали 13 ноября 1942 года.

Встретившись в гестаповском застенке, измученные, окровавленные, они снова улыбнулись друг другу, подняли правую руку с традиционным салютом: «Не сдаемся, мы победим!»

Письмо С. С. Панковой прислал И. П. Ховратович — кандидат исторических наук, ответственный секретарь редколлегии Белорусской Советской Энциклопедии; он опубликовал его на белорусском языке в 1962 году в журнале «Работніца і сялянка» № 10.

ЗАЯВЛЕНИЕ О ПРИЕМЕ В ПАРТИЮ И ПИСЬМА КОМАНДИРА ОРШАНСКОЙ ПАРТИЗАНСКОЙ БРИГАДЫ К. С. ЗАСЛОНОВА

30 августа —
не позднее 14 ноября 1942 г.



К. С. Заслонов

В парторганизацию бригады
Заслонова от командира бригады
Заслонова Константина Сергеевича.

Заявление

Прошу принять в кандидаты ВКП(б). Обещаю устав нашей партии выполнять честно и полноценно, выполнять любые партийные и государственные задания, не щадя ни собственных сил, ни жизни.
30/VIII — 1942 г.

Константин Заслонов

ПИСЬМО ДРУГУ

Не позднее 14 ноября 1942 г.[1]

Здравствуйте, дорогой Владимир Яковлевич!
Из глубоких трущоб, болот, лесов и партизанских селений Белоруссии партизанский привет!

Обычно, когда друзья встречаются, то спрашивают друг у друга: «Ну, как живем?» Этот вопрос, вероятно, и ты склонен задать мне. Ответ, обычно, следует: «Ничего!» И отсюда завязывается разговор, дружеский, товарищеский. Год как мы разошлись, год как действуем в разных местах, иногда завидуя друг другу, я это знаю, сошлись бы вроде как разошлись вчера, я это представляю точно. Прежде всего, начну с того, что интересует тебя кровно наряду с другими государственными вопросами,— это твой разъединственный сын... Сын живет в Славном, у брата твоей жены — Ширкевича Юзика и Халецкой. Там же твоя любимая теща, дом тещи разбомбили в феврале мес.

Теперь о деле. Дела большие — «бомбуем», «бомбуем» и «бомбуем». Каждый день что-либо новое, иногда рубаем — спасу нет немцам, иногда, когда невыгодно, уклоняемся от вызываемого боя, очень много летит под откос поездов вместе с фашистами. Иногда жирно едим, тепло спим, иногда по 5 дней голодаем, иногда такое мондраже пробирает, что зуб на зуб не попадает, есть провокаторы,

---

[1] 14 ноября 1942 года К. С. Заслонов погиб.

есть шпионы, есть предатели, иногда уходят от кары, но больше всего испытывают они силу партизанского огня.

Мои люди — партизаны настолько насолили немцам, что делали облаву и вызывали на бой меня против 3 дивизий, но, набив им морду, ушли. Сейчас моя голова подходяще оценена и цены растут после каждой операции, а операций много, и важных. Сейчас цена моей головы оценена в 50 000 марок, железный крест, и, кроме того, кто меня живого или мертвого доставит немецким властям, тому будет обеспечена прекрасная жизнь в самой Германии со всеми его ближайшими родственниками. Если кто из крестьян со мной проделает такую экзекуцию, тому будет предоставлено пожизненно в его личное пользование два крупных немецких имения.

Вот, Владимир Яковлевич, примерно как живем мы.

Правда, наряду с геройством и доблестью моих людей есть трусы и маловеры. С таким народом тоже сумел справиться и справляемся, вычеркивая его из нашей жизни, как ошибочный «дар природы». Подробности действий и похождений — при встрече. Исходил я Белоруссию и вдоль и поперек, правда, иногда и ездим.

Ну, Володя, пока! С приветом Заслонов.

Привет паровозникам, сколоти себе хорошую группу человек в 15—20 и прилетай на месяц-два, рубанешь по диверсиям и улетишь обратно. Приходи с группой ко мне в распоряжение, об этом ты можешь сговориться с т. Пономаренко, где я — он знает.

Заслонов.

ПИСЬМО РОДНЫМ

Не позднее 14 ноября 1942 г.

Ритуся, мои родные бусеньки Муза и Иза. Как хочется всех вас увидеть. Будем живы — увидимся. Погибну — значит за Родину. Так и объясни ребяткам...

С кровью в сердце оставил Оршу Константин Сергеевич Заслонов. Это было 15 июля 1941 года. Буквально из-под носа гитлеровцев он на последнем паровозе вырвался на восток. Тяжело было на душе начальника Оршанского паровозного депо — оттого, что несколько часов назад своими руками пришлось выводить из строя машины и оборудование депо и станции, а еще больше оттого, что землю терзал враг.

За плечами Заслонова упорная учеба, работа в железнодорожном депо Новосибирска, в других городах. Он сумел узнать страну, полюбить ее города и села. И вот теперь покинул Оршу.

Путь до Москвы был тяжелым. То тут, то там путь преграждали разбитые составы, много раз уступали дорогу встречным воинским

поездам, несколько раз попадали под бомбежку. Наконец затемненная посуровевшая столица, депо имени Ильича Белорусской железной дороги. Здесь работали многие из оршанских железнодорожников, а Константин Сергеевич, став инспектором по приему паровозов, круглыми сутками стал пропадать в депо. Однажды Заслонов собрал друзей и взволнованно прочитал заявление в Центральный Комитет партии и Наркомат путей сообщения. В нем говорилось: «Наша страна в огне. Жизнь требует, чтобы каждый гражданин, в ком бьется сердце патриота, кто дышит и хочет дышать здоровым советским воздухом, встал бы на защиту нашей Родины... Прошу Вашего разрешения организовать партизанский отряд и действовать в районе от Ярцево до Баранович, в полосе железнодорожных линий, станций и других железнодорожных сооружений. Я Вас заверяю от имени храбрых из храбрых, просящих меня передать, что клятву партизан — присягу выдержим с честью...»

Это заявление отражало думы и чаяния всех присутствующих, и вскоре около 30 оршанских и смоленских железнодорожников стали готовиться к отправке в тыл врага. Командиром был назначен К. С. Заслонов, а комиссаром — Ф. Н. Якушев. В начале сентября этот небольшой партизанский отряд отправился в Вязьму, где пополнился еще группой рабочих.

17 сентября 1941 года постановлением бюро Смоленского обкома ВКП(б) был утвержден личный состав отряда, который после соответствующей подготовки на рассвете 1 октября 1941 года во главе с Константином Заслоновым и под прикрытием кавалерийского эскадрона соединения генерала Л. М. Доватора перешел линию фронта в Бельском районе. В тот год рано началась зима. Полтора месяца, уходя от преследований фашистов, теряя товарищей, терпя лишения от холода и голода, партизаны шли по намеченному маршруту.

Константин Сергеевич установил связи с коммунистами, оставленными ЦК КП(б)Б для подпольной деятельности в тылу врага. С их помощью получил в городской управе временное удостоверение на право жительства, а затем — зарегистрировался на бирже труда как безработный.

Безработный и, казалось бы, лояльный инженер, имеющий опыт практической работы на железнодорожном транспорте, в расцвете сил — всего 30 лет — привлек внимание администрации, которая остро нуждалась в специалистах для налаживания работы железной дороги. Гитлеровская ставка требовала бесперебойного продвижения через Оршу основных своих войск, рвавшихся к Москве. И вот после тщательных проверок «лояльного» инженера назначили начальником русских паровозных бригад.

Используя представившиеся возможности, Константин Заслонов сумел устроить на работу в бригаду пришедших с ним из Вязьмы

товарищей — Анатолия Андреева, Сергея Чебрикова, Петра Шурмина. Небольшая группа заслоновцев явилась ядром подпольной организации, развернувшей активную диверсионную деятельность в Орше и на близлежащих железнодорожных станциях. В состав подпольной группы вошли паровозники В. Аскальдович, В. Громаков, Т. Докутович, ставший вожаком молодежи, братья А. и Л. Колтушко, К. Захаревич, П. Белоусов, Ф. Епишев, М. Шумилов, П. Шурмин, А. Сикорский, Б. Кононов, А. Маховой и др. Группа установила тесные связи с находившимися в подполье членами Оршанского горкома КП(б)Б, работником подпольного горкома Ф. А. Цингалевой и другими коммунистами-подпольщиками.

Несмотря на тяжелые условия работы, на непрекращающиеся проверки гестапо и слежку его агентов, Константин Заслонов и его товарищи вели обучение рабочих-ремонтников диверсионной тактике и технике; группа изготовляла замаскированные под каменный уголь мины, которые подбрасывались в тендеры паровозов и затем выводили из строя паровозные топки, вызывали крупные аварии; делались также «ерши» — особые мины, которые разбрасывались по шоссейным дорогам. Подпольщики минировали и выводили из строя семафоры, водокачки, железнодорожные стрелки, мосты, сжигали нужные сооружения, убивали вражеских солдат и офицеров. В результате хорошо продуманной и организованной диверсионной деятельности под откос летели эшелон за эшелоном.

Из донесений К. С. Заслонова Витебскому подпольному комитету КП(б)Б видно, что в ходе развернувшейся героической борьбы на Оршанском узле произошло 98 крушений поездов, выведено из строя 200 паровозов, взорваны тысячи вагонов и цистерн с горючим и большое количество различной боевой техники врага. Это была серьезная помощь советским войскам, громившим гитлеровские полчища под Москвой.

Наряду с диверсионной работой заслоновцы добывали оружие и готовили базу для отхода в леса. Не однажды подозрение падало на Заслонова и его даже арестовывали, но каждый раз он доказывал свою «непричастность» к диверсиям. А в феврале 1942 года, когда уже опасно было оставаться в депо, Заслонов со своими помощниками, сохранив верных людей на железной дороге, ушел в юго-западные районы Витебской области. Там, в деревне Логи, вскоре начал действовать партизанский отряд «дяди Кости». Отряд быстро рос за счет рабочих и крестьян Витебщины, за счет объединения более мелких партизанских групп. Уже в июле на боевом счету отряда было 113 подорванных поездов, около 2 тысяч убитых фашистов и их прихвостней. А вскоре на базе пяти отрядов возникла бригада К. С. Заслонова, в составе 2500 человек, одну треть которых составляли коммунисты и комсомольцы. Вот тогда-то и произошло самое знаменательное событие в жизни славного патриота: он был принят

в ряды Коммунистической партии. В сентябре 1942 года Указом Президиума Верховного Совета СССР командир партизан был награжден орденом Ленина и через месяц стал командиром оршанской партизанской бригады.

Именно в те дни гитлеровский штаб группы войск «Центр» доносил своему фюреру: «Умножаются случаи налетов на железные дороги в дневное время. Партизаны убивают железнодорожную охрану. Особенно большое количество подрывов происходит на тех участках железных дорог, которые являются нашими главными путями подвоза и снабжения... Участок железной дороги Минск — Орша — Смоленск был выведен из строя на 28 часов и вторично на 35 часов». Партизаны сумели впоследствии вывести из строя 150 паровозов, парализовать работу паровозного парка и всего железнодорожного узла Орши.

В октябре — ноябре 1942 года партизаны под командованием К. С. Заслонова вели упорные бои с прибывшими на Витебщину превосходящими силами карателей. 13 ноября 1942 года гитлеровцам удалось окружить группу командиров и комиссаров партизанских отрядов Оршанской зоны, которые собрались на совещание в деревне Куповать, Сененского района. Утром 14 ноября каратели, открыв ураганный огонь, начали наступление. Ценой больших потерь после четырех часов яростных атак враги ворвались на окраину деревни. Завязалась рукопашная. Все партизаны во главе с командирами сражались до последнего патрона, до последнего дыхания. К. С. Заслонов погиб.

Заявление К. С. Заслонова о приеме его в партию и письмо товарищам-железнодорожникам в советский тыл хранятся в партийном архиве Института истории партии ЦК КП Белоруссии (ф. 3500, оп. 2, д. 1265, л. 36—37). Они опубликованы (письмо неполностью) в книге «Советские партизаны» (М., 1961, с. 336, 371). Письмо адресовано другу Заслонова В. Я. Сарнову — бывшему заместителю начальника депо Орша. В. Я. Сарнов погиб в 1943 году в боях против фашистских захватчиков. Письмо родным находится в Доме-музее К. С. Заслонова в Орше.

ПИСЬМО СТАРШЕГО ЛЕЙТЕНАНТА И. ПОРТНЯГИНА РОДНЫМ

20 ноября 1942 г.

На днях принят кандидатом в члены ВКП(б). Через три фронтовых месяца буду полноправным членом партии, это совершится у Смоленска, а может быть, и в Минске.

Зима стоит теплая, выпал снег, а мы уже оделись в мех и шерсть.

Пишут многие знакомые и патриотки тыла. Например, прямо на мое имя приходит письмо от работницы московской фабрики «Большевик», чье печенье мне очень понравилось. Дочь комиссара батальона прислала мне расшитый кисет и письмо, а я все еще не курю.

Из наших, кажется, только я один остался воевать, остальные пали смертью храбрых. Я поклялся отомстить за всех.



И. И. Портнягин

Жил и учился Игорь Портнягин в Свердловске. Он мечтал стать историком, рассказывать людям о славном прошлом русского народа, о его революционных традициях. По рекомендации Свердловского обкома ВЛКСМ ему разрешили познакомиться в местном партийном архиве с документами, интересовавшими его. На их основе он написал работу, которую отправил в Московский государственный университет, на истфак, с просьбой дать заключение. И вскоре получил письмо, датированное 23 мая 1941 года, от профессора МГУ Николая Михайловича Дружинина — крупнейшего ученого-историка, лауреата Государственной премии СССР.

В письме говорилось:

«Здравствуйте, Игорь! Поздравляю Вас с получением первой премии за представленное Вами сочинение. Из 90 конкурировавших авторов первую премию получили 12 человек. Результаты были объявлены на торжественном собрании с участием ректора университета 18 мая. Почетная грамота будет Вам выслана.

С приветом. Н. Дружинин».

Возможно, в дальнейшем он и стал бы ученым. Но ровно через месяц после начала войны Игорь уходит добровольцем в Красную Армию. Его направили в Кировское пехотное училище. Не без юмора 24 июля он сообщает домой: «Утром сегодня умылся на каком-то полустанке из колодца, по-армейски, с головой. Днем без волос довольно приятно, не жарко и легко».

В конце первого года войны Игорь пишет своему учителю О. С. Юсупову: «Жизнь двигается тем же ускоренным порядком, очень радует начавшийся разгром врага. На мою долю, наверное, выпадет освобождение Смоленска, Киева, Минска. В этих городах я не бывал. В Красной Армии служу честно, не имею ни одного взыскания. Недавно мне присвоено звание ефрейтора, считаюсь передовиком подразделения».

В марте 1942 года выпускники училища выехали на фронт. Эшелон шел через Москву. Игорь находит время забежать к профессору

Н. М. Дружинину. Вскоре в одном из писем он признается: «Представьте, не лезет из башки мысль о вузе...» А 7 апреля делится с родными сокровенными мыслями: «Хотя бы на один день попасть в Свердловск, взглянуть, поговорить со всеми, и, может быть, это в последний раз. Война не шутит, все вероятно. Как никогда хочу жить...»

Ранение в бою, госпиталь. Потом краткосрочные курсы командного состава. На исходе лета старший лейтенант, помощник начальника штаба стрелкового полка Игорь Портнягин на Западном фронте. Затем письмо родным, датированное 20 ноября 1942 года, а вскоре — официальное извещение:

«Извещение

Ваш сын начальник штаба старший лейтенант Портнягин Игорь Иннокентьевич в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, был убит 25 ноября 1942 года у дер. Пруды Сычевского района Смоленской области».

Фронтовые письма Игоря были напечатаны в «Комсомольской правде» 9 мая 1973 года.

ЗАПИСКА СЕМНАДЦАТИ БЕЛОРУССКИХ ПАРТИЗАН

3 декабря 1942 г.

Погибаем за Родину, но врага не пропустили. Просим всех нас считать комсомольцами.

Шла вторая суровая зима войны. Немецко-фашистские захватчики оккупировали Белоруссию. На ее территории развернулось могучее партизанское движение.

17 молодых партизан под руководством коммуниста Викентия Дроздовича действовали в Копыльском районе.

3 декабря 1942 года был получен приказ командования штаба бригады не допустить продвижения гитлеровцев в направлении деревни Лавы, где находились партизанский госпиталь и штаб бригады. Чтобы окружить и уничтожить партизанскую группу в деревне Клетище, противник начал наступление. Гитлеровцы бросили в бой новые подкрепления. Пошли танкетки и броневики. В течение четырех часов 17 отважных партизан — Викентий Дроздович, Василий Астрейко, Михаил Десюкевич, Александр Жданович, Владимир Качановский, Франтишек Климович, Алексей Король, Павел Лыч,

Григорий Никанович, Эдуард Петрашевский, Николай Тертычный, Дмитрий Титко, Иван Тумилович, Александр Харитонович, Константин Шытыко, Николай Якимович и Александр Ясюченя — отразили восемь атак гитлеровских солдат, поддерживаемых артиллерийским и минометным огнем.

Они дали клятву биться до последнего дыхания. Когда у партизан кончились патроны и гранаты, они пошли на врага врукопашную. 85 гитлеровских солдат и офицеров было уничтожено.

В неравном бою 3 декабря 1942 года пали смертью храбрых все 17 патриотов. Ценой своей жизни они дали возможность эвакуировать госпиталь и сосредоточить силы для решающего боя.

Записка 17 белорусских партизан была найдена в стволе зарытого пулемета. Ее текст опубликован в книге «Советские партизаны» (М., 1961, с. 400). Материалы о боевых действиях партизанской группы находятся в Белорусском государственном музее истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 годов (инв. № 38578).

ИЗ ПИСЕМ ЛЕЙТЕНАНТА К. П. ЯКУТЕНКО РОДНЫМ

Июнь — 12 декабря 1942 г.

ПИСЬМА МАТЕРИ

Июнь 1942 г.

В предстоящих боях с фашистскими выродками мы покажем всю мощь наших грозных машин. Победа будет за нами!.. Приблизительно через месяц начнутся зачеты. Думаю выдержать на командира танка...



К. П. Якутенко

Август — сентябрь 1942 г.

На фронте малость царапнуло, но это пустяк в полном смысле этого слова. Я тоже кое-кого царапнул... Выходит, что я не только отквитал долг, но и дал еще взаймы.

Декабрь 1942 г.

Наконец опять на фронт. Пишу прямо в вагоне эшелона. Наша задача — еще шире и глубже пробить дыру Ржев — Великие Луки. Грозные машины пока еще смирно стоят, покрытые брезентом...

ОТКРЫТКА ОТЦУ
12 декабря 1942 г.

Выбрал минуту, чтобы черкнуть пару строк. Нахожусь уже 5 дней на фронте. Сегодня иду в атаку, и я горд сознанием, что в бой иду коммунистом. Я в бригаде вступил в партию. И теперь фрицев буду громить с еще большей энергией. Ну вот пока и все...
Целую тебя.
Твой Карл.
Ты почаще успокаивай маму с Леночкой.

Последняя открытка написана карандашом. Судя по почерку и лаконичности,— в спешке. До этого Карл (его назвали так в честь Карла Либкнехта) всегда писал более обстоятельно. Отец Карла — коммунист с 1920 года — находился в то время в действующей армии. Полученную открытку переслал жене — Варваре Ивановне и дочери Леночке. А они, когда получили открытку и письмо, уже знали, что командир взвода танков лейтенант Якутенко Карл Павлович во время ожесточенных боев погиб 12 декабря 1942 года...

К. П. Якутенко родился 19 декабря 1923 года. Окончил среднюю школу в Дубровке (сейчас — районный поселок в Брянской области) за пять дней до начала войны.

22 июня 1941 года сразу после митинга Карл и его товарищи подали заявление об отправке их на фронт. Временно их зачислили в местный истребительный батальон. На четвертый день войны вражеские самолеты сбросили первые бомбы на Брянск. И в ту же ночь, патрулируя местность, Карл и его напарник Николай Борисов задержали с помощью местных жителей у деревни Федоровка шпиона-диверсанта, сброшенного с самолета.

Вскоре Карл получил повестку выехать в город Майкоп для прохождения военной подготовки в бронетанковом училище. В июле 1942 года он писал домой: «Мамочка! Прошу тебя обо мне не беспокоиться. Мы с тобой после разгрома гитлеровской саранчи еще походим в лес за грибами».

И вот фронт. Тяжелое ранение. Лечился в далеком тыловом госпитале. Потом — дорога через Москву в район Ржева, Великих Лук.

Танковый взвод лейтенанта Якутенко в составе 100-й танковой бригады с ходу вступил в бой. Задача — перерезать железную дорогу Ржев — Сычевка. Карл погиб в этом бою. Прах его захоронен в братской могиле в селе Аристово, Сычевского района, Смоленской области. Мать героя — Варвара Ивановна живет памятью о сыне и муже — участниках Великой Отечественной войны.

В Дубровской средней школе на видном месте имена тех, кто погиб в боях за Родину в 1941—1945 гг. Тут назван и Карл Павлович

Якутенко среди одиннадцати других славных выпускников этой школы.

Выдержки из последних писем К. П. Якутенко опубликованы в газете «Брянский рабочий» 17 февраля 1967 г.

ПИСЬМО И ЗАПИСКИ СЕКРЕТАРЯ ДНЕПРОПЕТРОВСКОГО ПОДПОЛЬНОГО ГОРКОМА КП(б)У Г. П. САВЧЕНКО

19 марта — 21 декабря 1942 г.



Г. П. Савченко

ПИСЬМО РОДНЫМ

Дорогие родители, сестренка Тина!

Если когда-либо встретимся, на что я, несмотря на усложненную обстановку, не теряю надежды, то расскажу побольше. А пока опишу вкратце, что было со мной за последние девять-десять месяцев. Этот период в моей жизни более богат событиями, чем все, вместе взятые, предыдущие годы. За это время пришлось перенести разное: начиная от боевого крещения и кончая концентрационными лагерями. Словом, повидал немало.

До августа с боями отступали на восток. Затем наше соединение окружили, и вот здесь началось. Плен. Лагерь. Побег. Несколько дней на свободе. Снова плен. Снова побег. И опять плен. На этот раз заключен в Бобруйскую крепость. Началось избиение палками, после которого около двух недель пролежал. Как только поправился, совершил побег. Решил идти в Днепропетровск, чтобы увидеть семью и продолжать бороться.

Какие причины толкают меня на это?

1) Я — коммунист. Не на словах, а прошедший большую коммунистическую школу. Партийный билет — это моя жизнь, а не ширма, которой можно в удобный момент прикрыться от житейской бури.

2) Вся моя прошлая жизнь заставляет принять именно это решение. Я рос, воспитывался и учился в годы Советской власти. Она вошла в мою кровь и плоть, и жизнь без или вне этой власти для меня немыслима. Все силы и старания я приложу к тому, чтобы над нашей страной и родным Днепропетровском развевалось красное знамя и моя земля была освобождена от этих горилл, бандитов, кровососов.

Какая ненависть кипит в груди! Ни один подлец и фашист, попавший ко мне в руки, не уйдет живым. Смерть гадам, которые осквернили нашу святую землю!

Если погибну, то знайте, что отдал все за освобождение Родины, умер за вас, мои дорогие.

Надеюсь, что «до свидания».

Крепко целую. Ваш сын и брат Юрий.

19 марта 1942 года.

Днепропетровск.

ЗАПИСКА ТЕТЕ — К. А. ШЕПИТЬКО

Спасибо за хлеб и особенно за белье, дорогая тетя. Мне жаль, что я причинил тебе и всем родным столько горя. Отсюда я, наверно, уже не выйду. Нас всех должны расстрелять сегодня или завтра. Знай, я ни о чем не жалею. Правда все равно будет на нашей стороне. Передай Клаве, чтобы воспитала Галю честным, справедливым человеком. Тяжело ей будет без мужа, а дочке без отца. Пусть выходит замуж, если найдет друга по душе. Я отдаю жизнь за Родину. Прощайте.

ЗАПИСКА ТОВАРИЩАМ ПО БОРЬБЕ

Привет, мои дорогие!

Благодарю за участие, которое вы принимаете в моей судьбе. Эта записка, по всей вероятности, является последним «прости».

Дело уже закончено, и я не сегодня завтра отдаю свою жизнь.

Прошу, если встретите родителей, поцелуйте их крепко за меня.

Ваш Юрий.

Еще раз простите за все причиненные беспокойства. Жить очень хочется. Но умираю спокойно, зная, что я не один и вместо меня будут тысячи.

P. S. *Белье постирайте и передайте в отдельном пакете. Больше ничего не носите.*

21 декабря 1942 года.

Георгий Петрович Савченко до войны работал электромонтером на заводе имени Г. И. Петровского в Днепропетровске, там он вступил в партию, в 1939 году ушел политруком. В июле 1941-го их часть попала в окружение. При попытке пробиться к своим в августе 1941 года он попал в плен. Трижды бежал из плена. Два раза его ловили, но на третий сумел пробраться в Днепропетровск. Там с группой молодежи стал создавать партийное подполье. В начале декабря 1941 года организация насчитывала уже более 100 человек.

В сыром полутемном подвале на одной из улиц города подпольщики смастерили радиоприемник и стали слушать голос Москвы. Они записывали сводки Совинформбюро, писали листовки и рас-

пространяли их среди населения. Листовки были подписаны коротко: «Комитет КП(б)У». Через некоторое время подпольщики достали пишущую машинку и наладили печатание сводок Совинформбюро.

В начале 1942 года гитлеровцы решили пустить в ход крупнейшие предприятия Днепропетровска. Подпольщики пытались сорвать этот план. На заводе имени Петровского была создана подпольная группа, которая всячески мешала наладить работу на заводе. Однажды удалось уничтожить весь дефицитный кабель, привезенный на завод. Гитлеровцам пришлось отказаться от пуска предприятий.

Весной 1942 года Г. П. Савченко назначили секретарем подпольного горкома партии. В городе создали молодежные отряды, наладили связь с окрестными поселками. Участники организации вынашивали план восстания в городе, собирали оружие. Подпольщики взорвали пороховой склад в нагорной части города, запасы горючего в Нижнеднепровске и другие объекты. Они уничтожали поезда, автомашины, живую силу противника.

Гестаповцы предпринимали отчаянные усилия, но не могли напасть на след организации. Однако провокатору удалось проникнуть в одну из подпольных групп.

В течение недели были арестованы Вера Хитько, Захар Демьянченко, Дуся Кулакова, Яков Самарский, Игорь Дементьев, Борис Сондак, Николай Токмаков, родственники Г. П. Савченко — Григорий и Ксения Алексеевна Шепитько, всего более 70 человек.

Савченко несколько раз уходил буквально из рук гестапо. Его взяли в октябре 1942 года, когда он, пренебрегая опасностью, шел восстанавливать прерванные связи. Расстреляли его в конце января 1943 года вместе с секретарем подпольного обкома КП(б)У Н. И. Сташковым. Письмо Г. П. Савченко, написанное на случай своей гибели отцу Петру Романовичу, матери Екатерине Алексеевне, сестре Валентине и маленькой дочери Галине, было найдено на старой квартире Савченко в Краснофлотском переулке (ныне ул. Патона) за рамой картины, висевшей рядом с семейным портретом. Из тюрьмы Савченко удалось передать две записки. Первую через свою тетю, К. А. Шепитько, которую выпустили из тюрьмы незадолго перед его арестом. Она сумела уговорить надзирателя передать племяннику буханку хлеба и смену чистого белья.

Через час надзиратель принес записку, наспех нацарапанную на клочке бумаги. Вторую, на лоскуте материи, Савченко передал из гестапо перед казнью. В связи с 20-летием победы над фашистской Германией Г. П. Савченко награжден орденом Отечественной войны I степени. Одна из улиц Днепропетровска и средняя школа названы его именем. Письма Г. П. Савченко хранятся в архиве Днепропетровского обкома КПУ, опубликованы в «Рабочей газете» (Киев) 4 июля 1958 года.

ПИСЬМА МИНСКИХ ПОДПОЛЬЩИКОВ В. ОМЕЛЬЯНЮКА, В. РУБЕЦ, И. КОЗЛОВА И Г. ФАЛЕВИЧА

Середина мая — 27 декабря 1942 г.

ПИСЬМО ЧЛЕНА ПОДПОЛЬНОГО ГОРОДСКОГО КОМИТЕТА ПАРТИИ ГОРОДА МИНСКА В. ОМЕЛЬЯНЮКА СОРАТНИКАМ ПО БОРЬБЕ



В. С. Омельянюк

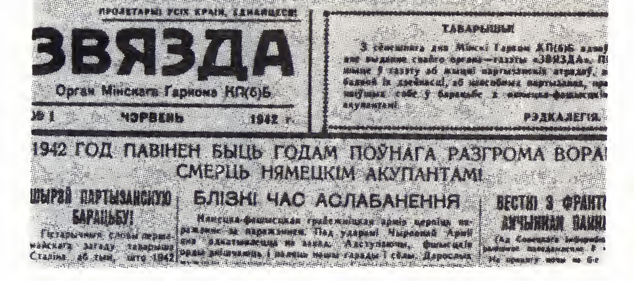
Середина мая 1942 г.

Мы знаем, что близок день нашего освобождения от немецко-фашистского гнета. Мы никогда не забудем и не простим фашистам мук и крови советских людей.

Мы никогда не забудем ни комиссара 405-го партизанского отряда Сашу Макаренко, ни члена Минского горкома КП(б)Б Васю Жудро, ни сотен других, может быть безвестных людей, честно погибших за освобождение своей Родины...

Белорусский народ никогда не покорится фашистским каннибалам. Через бури невзгод и страданий, через страшные дни фашистского хозяйничанья пройдем мы к лучшему будущему. И тогда вновь возродятся на белорусской земле прекрасные города, заработают фабрики и заводы, зацветут колхозные сады, песни польются над полями и реками нашей страны.

Так было и так будет.



ЗВЯЗДА

Орган Мінскага Гаркома КП(б)Б

№ 1 ЧЭРВЕНЬ 1942 г.

ТАВАРЫШЫ!

РЭДКАЛЕГІЯ.

1942 ГОД ПАВІНЕН БЫЦЬ ГОДАМ ПОЎНАГА РАЗГРОМА ВОРА

СМЕРЦЬ НЯМЕЦКІМ АКУПАНТАМ!

БЛІЗКІ ЧАС АСЛАБАНЕННЯ

Первая страница подпольной газеты «Звязда»

ПИСЬМО Г. ФАЛЕВИЧА НЕВЕСТЕ

Не позднее сентября 1942 г.

Милая, как жаль, что отсюда нельзя писать — я бы тебя завалил письмами.

Родная, как мне хочется видеть тебя и поцеловать, прижать к сердцу. Но, увы, все это невозможно ни сейчас, ни в будущем. Нинок,

постарайся как-либо передать записочку, хотя пару слов. Дорогая, передачи, хоть для виду, но передавай каждый день, мне это будет очень отрадно. Скажи моим, пусть передадут что-либо в субботу с 3-х до 5-ти, в это время принимают передачи. Вообще говоря, передавать можно каждый день, но надо постоять.

Поцелуй за меня мою маму! Вера Игнатьевна пусть простит меня за все — поцелуй и ее.

Хочу курить!

Еще раз целую.

Жорж.

Скажи дома, что записка в кальсонах зашита.

ПИСЬМО МЕДСЕСТРЫ-ПОДПОЛЬЩИЦЫ В. РУБЕЦ СЕСТРЕ

Конец сентября — начало октября 1942 г.

Не горюй, родная! Будем все вместе. Взойдет и наша звезда когда-нибудь! Не кланяйся, не лей слез, пусть наши враги не видят их, держи голову выше.

Видишь, сколько раз они меня одну похоронили: нас не так-то легко убить и похоронить, мы еще живем...

Не горюй и не плачь обо мне. Не пугайся моих слов, нужно быть готовой ко всему...

Верь, будет еще счастье!

ПИСЬМО И. КОЗЛОВА ТОВАРИЩАМ ПО БОРЬБЕ



И. Х. Козлов

27 декабря 1942 г.

Дорогие мои...

Вчера, в субботу, корреспонденции от вас не получил. Понимаю. Я вас убиваю своей откровенностью, но стоит ли отчаиваться, случившегося поправить ничем нельзя. Все задуманное, как видите, по ряду причин, не от меня зависящих, пока осуществить не удается. Правда, очень тяжело терять близкого человека. Но чем вы можете помочь? Слез не надо! К черту слезы! Гибнут миллионы, а чем мы лучше их? Настоящий патриот — тот, кто смело смотрит в глаза смерти. Не надо слез. Не надо отчаяния. Наша кровь не прольется даром.

Крепитесь, крепитесь, не бойтесь и не отчаивайтесь.

Эх! Жить чертовски хочется! Мстить этим варварам — вот что нужно делать. Ну, если бы мне удалось... Можете представить,

с каким бесстрашием, с каким остервенением и бескрайним наслаждением я бы уничтожал этих гадов ядовитых, а ведь два года назад я боялся зарезать курочку.

Жить, жить! Вот как хочется! Да не прятаться за спину товарищей, а с оружием в руках, в ежедневной борьбе с ненавистным шакалом — в этом вся прелесть и вся цель жизни. Жить для Родины, для русского свободолюбивого народа, бороться за честь и свободу его — в этом вся прелесть жизни, это в данный момент идеал жизни.

Горячий привет живым, которые с оружием в руках отстаивают от лютого врага свою честь и независимость.

Привет друзьям, товарищам...

Крепко, крепко целую Вас, чудесная многострадальная душа. Простите за терзания, они отплатятся.

Ваш Ваня Козлов.

Если можно, сегодня же табачку, к 3 часам нужен.

История минского подполья 1941—1944 годов еще недостаточно изучена, но то, что о нем известно, говорит о беззаветной преданности Родине и Коммунистической партии отважных белорусских патриотов.

28 июня 1941 года фашисты овладели городом, но не смогли покорить его жителей. Коммунисты и комсомольцы в первые же месяцы оккупации стали создавать небольшие подпольные группы на крупнейших предприятиях, железнодорожном узле, в институтах. В конце 1941 года был создан городской партийный комитет, который возглавил борьбу подпольщиков, а также Военный совет партизанских отрядов, состоявший в основном из бойцов и командиров Красной Армии, оказавшихся в оккупированном Минске.

Свою работу подпольщики начали с организации слушания московских радиопередач, распространения листовок. После установления связи с партизанами они занялись сбором сведений о гитлеровской армии, о стратегических объектах, снабжали партизан оружием и боеприпасами, медикаментами и теплыми вещами. Для того чтобы эти действия были успешными, подпольщики по заданию партийного комитета устраивались на работу в оккупационные учреждения и на предприятия.

В декабре 1941 года подпольный горком партии стал готовить вооруженное восстание против оккупантов. О размахе этой работы можно судить по документу гитлеровской комендатуры Белоруссии от 5 января 1942 года: «В конце декабря в Минске удалось арестовать руководство абсолютно готового к выступлению восстания. Среди них штурмовая группа в составе 300 человек. В настоящее время аресты продолжаются, и надо полагать, что предстоят еще

большие аресты... Найдено большое количество оружия, умело спрятанного в подземных отопительных каналах.

Восстание было назначено на 4 января 42 года, на 4 часа утра. Существует мнение, насколько можно судить, что восстание удалось бы на сто процентов. В районе восточнее Минска стояла наготове партизанская бригада для нападения на казармы танковых войск».

В результате провокации были казнены сотни советских патриотов. В марте — мае 1942 года — опять аресты. 9 мая на улицах Минска гитлеровцы повесили 28 человек. Среди них И. Казинец, А. Никифоров, Н. Толкачев.

Погибли Саша Макаренко и Василий Жудро, о которых писал коммунист журналист Владимир Омельянюк — член нового горкома партии, ответственный за выпуск подпольной газеты «Звязда».

Выход первого номера газеты был для оккупантов большой неожиданностью. Казалось, подполье уничтожено, но на следующий день после массовых казней выходит коммунистическая газета, орган горкома партии, отпечатанная в Минске. Газета печаталась вручную, по две тысячи экземпляров за ночь. Ее готовили редактор В. Омельянюк, наборщики Борис Пупко и Михаил Свиридов, хозяева квартиры Вороновы, а тираж распространяли члены подпольной организации. Оккупационные власти объявили награду в 75 тысяч марок тому, кто укажет, где печаталась подпольная газета.

Да, выпуск подпольной газеты явился настоящим подвигом минских подпольщиков, и прежде всего ее главного редактора Владимира Степановича Омельянюка, бывшего студента 4-го курса Белорусского коммунистического института журналистики имени С. М. Кирова. Война застала его в Белостоке, где он проходил производственную практику в редакции областной газеты. Несколько дней потребовалось, чтобы пробраться в уже оккупированный врагом Минск, встретиться с верными товарищами и вместе с ними включиться в борьбу с фашистскими захватчиками. Он писал, редактировал, размножал и распространял листовки, разоблачавшие планы гитлеровцев и звавшие советских людей к всенародному сопротивлению оккупантам, собирал и прятал оружие, готовил к действию подпольную типографию.

Среднего роста, русоволосый парень 25 лет, с доброй улыбкой, располагающей к дружбе, любитель пошутить, одетый в светлый летний реглан, который делал его старше своих лет,— таким запомнился он товарищам накануне войны.

В подполье Владимир работал вместе с отцом Степаном Кондратьевичем, старым членом партии, наставником молодежи. Ранней весной 1942 года гестаповцы схватили Степана Кондратьевича и зверски замучили, не добившись и слова признания. Владимир вынужден был скрываться на конспиративной квартире. С риском для жизни собирали шрифт, пробельный материал,

верстатки, бумагу, типографскую краску, с большим трудом добывалась информация — сведения с фронта, о боевых действиях партизанских отрядов, о фактах подпольного движения и т. д. И вот первый номер газеты подпольного городского комитета КП(б)Б «Звязда» (так назывался старейший печатный орган коммунистов Белоруссии) вышел в свет. Тираж газеты быстро распространили по всей Белоруссии. Ее появление вызвало прилив новых сил для борьбы с фашистскими захватчиками. Сразу же после выхода первого номера началась подготовка следующих номеров «Звязды». Ее издание продолжалось, вызывая растерянность и ярость оккупационных властей.

Из Берлина вызвали для поиска типографии опытных контрразведчиков. Предателя Б. Рудзенко предупредили: не обнаружишь руководителей подполья, сам пойдешь под пулю. И предатель старался (после войны он получил заслуженное возмездие).

Владимира Омельянюка агенты СД выследили на улице. Но схватить его не удалось: он погиб в перестрелке с гитлеровцами. Впоследствии ему было присвоено посмертно звание Героя Советского Союза.

В сентябре 1942 года в застенках минского гестапо оказалось около 80 подпольщиков. Среди них были Виктория Рубец, Георгий Фалевич, Иван Козлов. Виктория Рубец и ее сестра М. Калашникова участвовали в сборе медикаментов для подпольщиков и партизан Минской области, помогали военнопленным, выполняли различные поручения руководителей городского подполья.

Георгий Фалевич перед войной учился на химическом факультете Белорусского государственного университета. Думал ли он, что при гитлеровцах станет заведующим аптекой? Но подпольщикам нужна была надежная явочная квартира, нужны были медикаменты, и студенту-химику пришлось этим заняться. Вслед за Георгием в аптеку на Советской улице рядом со зданием гестапо устроилась его невеста — Нина Ермоленко, тоже студентка университета.

Всю осень и зиму 1941/42 года кабинет заведующего служил надежным местом укрытия для связных партизан, здесь же хранился типографский шрифт, пачки бланков хлебных карточек, которыми снабжались подпольщики и семьи партизан. Немало дефицитных медикаментов было переправлено в партизанские отряды.

Утром 26 мая 1942 года гестаповцы схватили двух девушек — связных партизан, с которыми Фалевич отправил очередную партию медикаментов. Аптеку оцепили и всех ее служащих арестовали. Нину Ермоленко за отсутствием улик вскоре отпустили, а Георгия Фалевича с товарищами поместили в городскую тюрьму.

Гестаповцы все лето подвергали Фалевича страшным пыткам, надеясь получить сведения об участниках подполья, адреса явок, фамилии связных. Отважный юноша держался исключительно

стойко, взял на себя всю вину, чтобы спасти остальных подпольщиков. В сентябре гестаповцы расстреляли Георгия Фалевича.

Из тюрьмы через полицейского, который помогал заключенным, Георгий сумел передать несколько писем невесте. Они написаны на узких лоскутах материи, которые Фалевич отрывал от своего белья.

Коммунист Иван Харитонович Козлов был одним из активных членов минского подполья. С первых дней оккупации в доме Козлова была создана явочная квартира подпольщиков и разведчиков-партизан, у него хранились материалы, которые партизаны пересылали подпольщикам, а подпольщики — партизанам. По заданию партийного комитета Козлов занимался изготовлением документов для подпольщиков. В приземистом домике на Комаровской улице этот талантливый артист и художник искусно изготавливал печати и подделывал подписи чиновников гитлеровских оккупационных властей. Бланками документов Козлова снабжал другой подпольщик, комсомолец Захар Галло, который устроился на работу техническим секретарем в бюро пропусков германской военной администрации. Ежедневно, рискуя жизнью, Галло приносил Козлову бланки паспортов, пропусков и других документов, образцы печатей и подписей. Документами Галло и Козлова были снабжены многие минские подпольщики.

В сентябре — октябре 1942 года гестаповцам удалось нанести сильный удар по минской подпольной партийной организации. 26 октября Козлов был арестован и заточен в тюрьму. Более двух месяцев прошло в бесконечных допросах и пытках. Он не назвал ни одной фамилии. Друзья подготавливали побег Козлова, но в последний момент план сорвался.

Из тюрьмы Ивану Харитоновичу время от времени удавалось поддерживать связь с товарищами, продолжавшими борьбу с врагом. 27 декабря 1942 года, незадолго до казни, он написал публикуемое здесь письмо. Это последнее свое слово Иван Козлов сумел передать на волю друзьям.

В 1943 году на страницах подпольного органа Центрального Комитета и Минского подпольного областного комитета ЛКСМ Белоруссии — газеты «Чырвона змена» («Красная смена») было опубликовано «Последнее письмо Ивана Козлова». Предсмертное письмо Ивана Харитоновича Козлова знали на память многие партизаны Белоруссии. Оно вдохновляло на самоотверженную борьбу с фашистскими оккупантами.

В конце апреля 1974 года в «Известиях» были опубликованы новые материалы о минском подполье, в том числе предсмертные письма В. Омельянюка и В. Рубец.

ПИСЬМО-ЗАВЕЩАНИЕ ЛЕЙТЕНАНТА Г. А. ТАРАСЕНКО

Декабрь 1942 г. [1]



Г. А. Тарасенко

Мой дорогой сын Гарик!

Когда ты будешь читать это письмо, пройдет много лет, отгремит война и на освобожденной земле зацветет снова счастливая и радостная жизнь, какая была до войны. Когда ты был совсем-совсем маленьким, лежал еще в качалке и сквозь сон улыбался, мы с мамой думали, что ты счастливый, что тебе не придется переживать того, что переживал я в детские годы. Я думал вывести тебя в люди и радовался твоим первым словам, твоим первым мыслям.

Пришли дни пагубной войны, и ты с мамой поехал в эвакуацию за Волгу, спасаясь от смерти, от детоубийц, а я пошел на защиту Отечества. Ты, наверное, как сквозь сон, припоминаешь последнее прощание в марте 1942 года в чужой хате станицы Кайсацкой. Ты долго ждал меня и не дождался. Я, как и сотни, тысячи других отцов, погиб в борьбе с заклятыми врагами — немецкими фашистами, которые напали на нашу страну, нарушили мирную жизнь, принесли много горя нам.

Но я умираю, глубоко уверенный, что ты, мой любимый сыночек, будешь жить в свободной цветущей стране — стране социализма, будешь учиться в советской школе, самостоятельно выбьешься в люди и, как я когда-то, будешь узнавать из истории про дни Отечественной войны, читать рассказы про самоотверженные подвиги героев войны. И ты, мой любимый сыночек, не покраснеешь за меня, за своего отца, а сможешь гордо сказать: «Мой отец погиб в борьбе за будущее счастье, верный присяге и Отечеству». Я в жестокой борьбе с фашистами своей кровью завоевал тебе право на счастливую жизнь.

Знай, мой любимый сыночек, что и моя кровь оросила землю, по которой ты можешь ходить, строить счастливую жизнь, о которой я так мечтал.

Пройдут годы, десятилетия, могилы врагов зарастут бурьяном, чертополохом, а нам, защитникам, свободная Родина построит великий памятник Победы. Смотри на него и вспоминай меня. Прочитай это письмо и то, что не поймешь, спроси у мамы — она тебе расскажет.

Ты шагай вперед, борись за лучшую жизнь, а если твоему

---

[1] Датируется по времени боев на дальних подступах к Ростову-на-Дону.

любимому Отечеству станет угрожать враг, будь достоин меня, своего отца. Не пожалей жизни за свою Родину.

Целую тебя, мой любимый сыночек, на всю жизнь крепко, крепко. Твой отец

Григорий Алексеевич Тарасенко.

Григорий Алексеевич Тарасенко родился в 1910 году в рабочей семье на Днепропетровщине. Рано потерял мать (ее расстреляли белогвардейцы), пришлось с десяти лет самому зарабатывать на жизнь. Благодаря поддержке товарищей, сильной воле и упорству сумел получить среднее образование. В 1934 году Григорий Алексеевич стал учителем в деревне Любимовке, Гуляй-Польского района, Запорожской области.

Незадолго до войны у Григория Алексеевича и Полины Михайловны Тарасенко родился сын, которого супруги решили назвать Гарик — в честь мужественного борца за свободу и независимость итальянского народа Гарибальди.

Как и тысячи патриотов, Григорий Алексеевич пошел защищать Родину. В боях на дальних подступах к Ростову-на-Дону лейтенант Тарасенко был тяжело ранен. В медсанбате, едва придя в сознание после перевязки, он попросил карандаш и слабеющей рукой написал письмо сыну. Это письмо вместе с обложкой партбилета сохранила и передала сыну воина медсестра А. В. Худякова.

Письмо опубликовано в газете «Правда» 13 апреля 1960 года.

НАДПИСИ ВОЕННОПЛЕННЫХ МОРЯКОВ-ЧЕРНОМОРЦЕВ НА СТЕНАХ ТЮРЕМНОГО БАРАКА В ГОРОДЕ ЧИСТЯКОВО ДОНЕЦКОЙ ОБЛАСТИ

Конец 1942 г. [1]

Братишки! Черноморцы дорогие!

Не думайте, что я попал в плен здоровым. Я был тяжело ранен, но подлечили, сволочи, чтобы использовать как рабочего. Не иду. Сегодня били, отбили все до селезенки, прощайте.

Ваш Михаил Л.

Сегодня меня не будет, но останетесь вы, моряки-черноморцы. За меня, братишки, пошлите несколько пуль — пусть помнят, что мы не сдаемся, что меня нет, но есть вы.

Ваш Николай Г.

---

[1] Датируется по содержанию.

Прощайте все, кто был дорог мне, а море, Черное море, тебя хотя бы посмотреть один раз.

П. Т.

Черноморец умрет, но с песней.

Юрий.

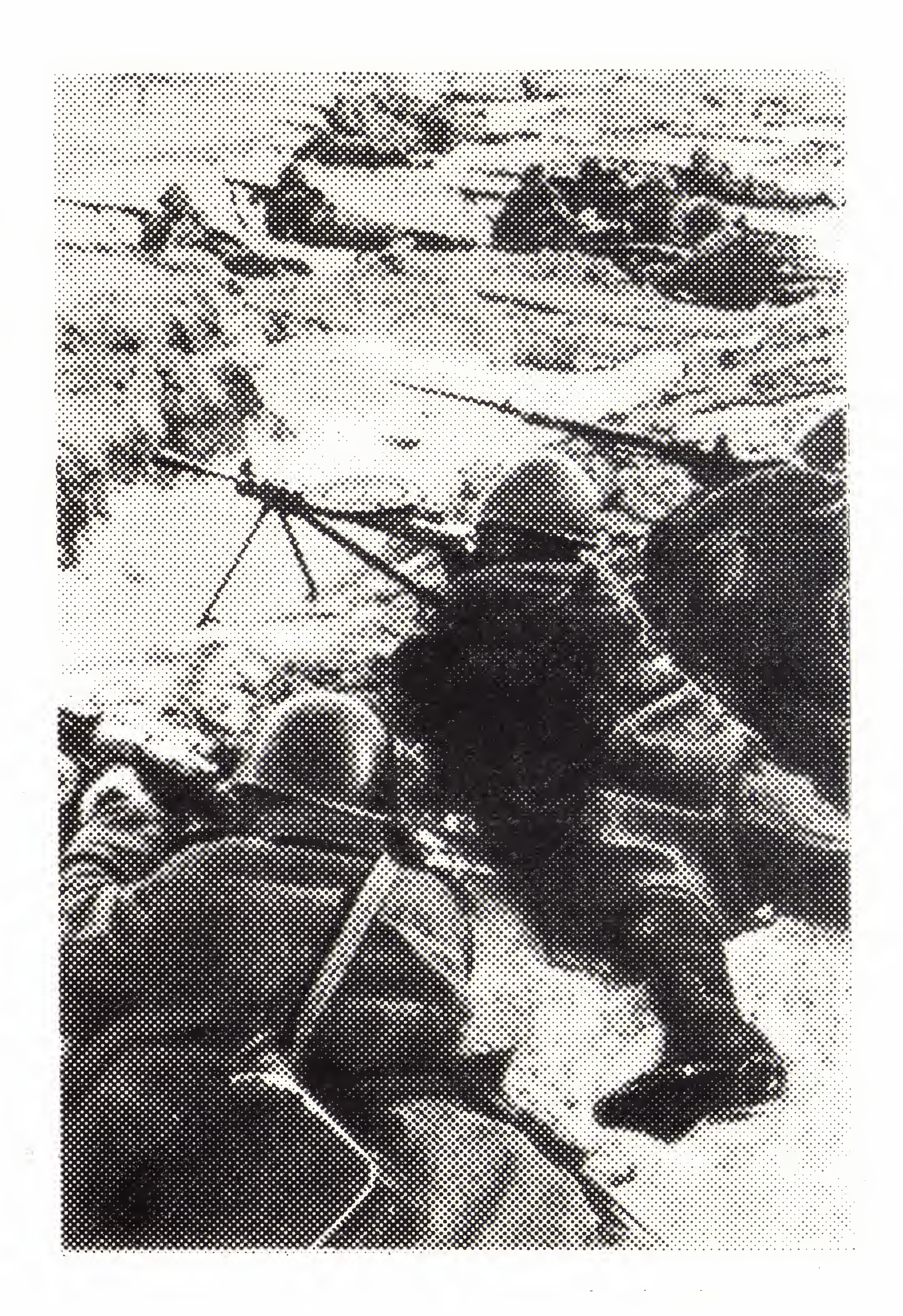
*Братишка Колька, балтиец дорогой!
Помни меня, береги мать.*

Твой брат Олег.

Группа моряков-черноморцев, взятых гитлеровцами в плен после падения Одессы и Севастополя, была заключена в один из бараков лагеря военнопленных в городе Чистяково, Донецкой области. По свидетельству очевидцев, особенно жестоко гитлеровцы пытали моряков. Военнопленный танкист в записке, спрятанной в печи одного из бараков, писал: «...их пытали, терзали, прокалывали раскаленным железом, вывертывали руки, а они пели песни да нам говорили: смотрите, друзья, если кому удастся вырваться отсюда, не забудьте рассказать там, на воле, что моряк — это сталь и нас не согнет никакая сила. За Родину! За родную Украину!

Эти слова моряки произносили во время пыток. А пытали их на глазах у всех военнопленных, чтобы другие не думали противиться. Потом мы узнали, что моряки задушили двух немецких часовых, но убежать им не пришлось».

Фамилии героев-черноморцев пока не установлены. Некоторые из надписей, оставленных ими, были опубликованы в газете «Комсомольская правда» 14 мая 1944 года.





Может быть, в журнале иль газете,
Что хранили быль наших времен,
Дочь моя, читая строки эти,
Гордо скажет: «Храбро умер он!»

ВЛАДИМИР ЧУГУНОВ,
погиб в атаке
на Курской дуге
5 июля 1943 года.

ЗАПИСКА
ОДНОГО ИЗ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ХЕРСОНСКОГО ПОДПОЛЬЯ Н. А. БУКИНА

Начало 1943 г. [1]

Если меня будут даже рвать на куски, ни одна часть тела не выдаст вас!



Н. А. Букин

Николай Александрович Букин жил на далеком Севере, в поселке Нивском, Кандалакшского района. Окончив с отличием среднюю школу, ушел в армию.

В первые месяцы Великой Отечественной Николай вместе с товарищами мужественно дрался с врагом. В письме родителям, отправленном 16 сентября 1941 года, он писал: «Сейчас надо биться, биться не на жизнь, а на смерть, ибо погибнуть в бою — слава, жить в рабстве — позор... Я умру, как умирают те, кто отстаивает каждую пядь советской земли от гадов, которые хотят поработить и уничтожить наших отцов, матерей, сестер и братьев...»

В одном из боев Букин был тяжело ранен и попал в плен. «Жить в рабстве — позор...» С риском для жизни он бежит на волю, устанавливает связи с комсомольцами Херсона и вместе с Ильей Куликом возглавляет молодежное подполье.

«Погибнуть в бою — слава...» — было девизом Николая Александровича. Но вот гестаповцы выследили Букина. Не желая сдаваться врагам, он выстрелил в себя, но неудачно. Очнулся в камере смертников. Не успел поправиться, как начались пытки и издевательства. Но они не сломили его. Букин старался поддержать своих товарищей, находившихся в соседних камерах. Он передал им предсмертное послание, которое звало к борьбе, стойкости, выдержке.

Оставшаяся в живых участница подпольной организации комсомольцев Херсона Клава Шаповалова писала родителям Николая Букина о последних днях его жизни: «Однажды я видела его... И знаете, что скажу: пусть он был избит, измучен, но в глазах его я не увидела страха смерти... Такие, как Николай, не плакали. Вот таким остался он в моей памяти...»

Записка Николая Букина была опубликована в мурманской газете «Полярная правда» 19 мая 1959 года.

---

[1] Датируется по времени гибели Н. А. Букина.

ПИСЬМО ПОДПОЛЬЩИЦЫ Н. ПОПЦОВОЙ ИЗ ГЕСТАПОВСКОГО ЗАСТЕНКА ПЯТИГОРСКА

6 января 1943 г.

Прощай, мамочка! Я погибаю... Не плачь обо мне. Я погибаю одна, но за меня погибнет много [врагов].

Мама! Придет наша родная Красная Армия, передай ей, что я погибла за Родину. Пусть отомстят за меня и за наши мучения.

Мама, милая! Еще раз прощай... ведь больше мы с тобой не увидимся. Я погибаю...

А как хочется жить! Ведь я молодая, мне всего 20 лет, а смерть глядит в глаза...

Как мне хотелось работать, служить для Родины!..

Но эти варвары, убийцы... Они отнимают у нас нашу молодую жизнь.

Я сейчас нахожусь в смертной камере, жду с минуты на минуту смерти. Они кричат нам: «Выходите», идут к нашей камере, это... [1]

Ой, мама! Прощай! Целую всю семью последний раз, с последним приветом и поцелуем...

Нина Попцова.

Нина Попцова — 20-летняя комсомолка из станицы Горячеводской, близ Пятигорска,— с приближением гитлеровской армии ушла в горы для борьбы с врагом. Поздней осенью 1942 года Нина на парашюте приземлилась за линией фронта, чтобы собрать сведения о фашистских войсках. По заданию военного командования она трижды проникала в тыл врага. Появлялась то в Пятигорске, то в родной станице Горячеводской, бесстрашно заходила в учреждения, собирала сведения, в которых так нуждалось командование фронта.

Два раза Нина благополучно переходила линию фронта и передавала необходимые сведения. Когда в третий раз она появилась на улицах Пятигорска, ее арестовали. В застенке пятигорской тюрьмы ее пытали офицеры полка «Бергманн» при участии фашистского палача Оберлендера. Но они не добились от комсомолки ни слова. В день гибели, 6 января 1943 года, за пять дней до освобождения Пятигорска советскими войсками, Нина написала письмо матери. Торопливо написанное карандашом, оно было найдено среди документов, брошенных фашистами при поспешном бегстве из Пятигорска, и передано Екатерине Матвеевне — матери погибшей героини. Письмо опубликовано в газете «Комсомольская правда» 6 апреля 1960 года.

---

[1] Далее одно слово неясно.

ПИСЬМО КОМСОМОЛКИ Л. Н. БЕЛОВОЙ ИЗ НИКОПОЛЬСКОЙ ТЮРЬМЫ

Не позднее 7 января 1943 г. [1]

Здравствуйте, любимые папчик, мамуся, родная сестричка Нюрок и любимый сынок.

Записку вашу получила, одну и вторую, очень благодарна. Я очень рада, что услышала дорогой для меня голос...

О нашей судьбе нам ничего неизвестно: или лагерь, или расстрел. Ко всему мы равнодушно относимся: все равно, как так жить — лучше умереть. Нас здесь много сидит по политике. Но никто из нас не падает духом... рассказываем и думаем о будущем, а о смерти и не думаем. Папа, как ехать в Германию, то лучше умереть на своей земле.

Не страшно умереть, но жалко вас с сыном. Не будем думать о смерти, а будем думать о будущем.

Привет всем от меня...

Дочь Лидия с поцелуем.

Лидия Никифоровна Белова — член подпольной комсомольско-молодежной организации ДОП (Добровольная организация патриотов), которая была создана Никифором Климентьевичем Тараскиным в селе Алексеевке, Каменско-Днепровского района, Запорожской области. В мае 1942 года Тараскин Н. К. был заброшен командованием Советской Армии в тыл противника и в начале июня пришел через плавни в село Алексеевку.

Здесь он устроился работать сторожем бахчи в сельхозобщине и проживал под именем Мити Махина.

Первыми в организацию вступили Наталья Петровна Печурина, Дарья Даниловна Козлова, Анна Кузьминична Стрельцова, Лидия Никифоровна Белова. До войны девушки вместе работали в колхозе «Вторая пятилетка», дружили и вместе решили бороться против гитлеровцев. В качестве активных участников в группу вошли Семен Иванович Беров, Зоя Дмитриевна Приданцева и др. Когда в группе уже насчитывалось 10 патриотов, в старой хате на окраине села было проведено первое организационное собрание. Молодые патриоты дали клятву самоотверженно бороться против гитлеровцев. На этом собрании был избран комитет и руководители организации.

К ноябрю 1942 года группа насчитывала 25 человек и более 20 активистов, которые выполняли отдельные поручения. Все вступающие в Добровольную организацию патриотов принимали присягу на верность Родине. Подпольщики обычно собирались на

---

[1] Датируется по времени расстрела Л. Н. Беловой.

квартире Дарьи Даниловны Козловой. Здесь обсуждали практические задачи, стоявшие перед организацией, давали поручения отдельным ее членам.

Основная задача организации состояла в проведении широкой агитационной работы среди населения. Под руководством Тараскина отважные девушки Приданцева, Белова, Печурина, Стрельцова и др. писали от руки листовки и воззвания, в которых призывали население противиться мероприятиям оккупационных властей, в частности отправке молодежи в Германию. Они призывали к срыву заготовок сельскохозяйственных продуктов, к диверсиям на дорогах. Эти листовки и воззвания расклеивались и распространялись среди населения окрестных сел.

Однако в результате недостаточной опытности после четырех месяцев борьбы группа была раскрыта гитлеровской жандармерией. В конце ноября 1942 года был арестован Н. К. Тараскин и др. До января 1943 года арестованных держали в тюрьме города Никополя, откуда им удалось переслать несколько писем родным.

В записках родным Лидия не говорила о своем участии в работе подпольной организации, в целях конспирации даже писала: «Я ничего не делала». Затем извинялась перед родителями: «Я знаю, дорогие мои, что отняла у вас половину здоровья; еще раз прошу: меньше переживайте за меня...» Утешала: в тюрьме «мы поем, танцуем». Благодарила: «Спасибо за сало». Ни зверские пытки, ни мучения не смогли сломить духа Лидии Беловой и ее замечательных товарищей.

Утром 7 января 1943 года гитлеровцы вывели из тюрьмы комсомольцев, посадили в машину. Когда стали подъезжать к месту казни, комсомольцы по знаку, поданному Тараскиным, набросились на охрану, разоружили ее, выбросили из автомашины и стали прыгать сами. Но солдаты, ехавшие на другой машине, из автоматов в упор расстреляли подпольщиков.

Письмо Л. Беловой хранится в партийном архиве Запорожского обкома КП Украины (ф. 102, д. 15, л. 21), опубликовано в сборнике документов «Запорожская область в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.)» (Запорожье, 1959, с. 84).

ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДИРА ШТУРМОВОГО ДЕСАНТНОГО ОТРЯДА МАЙОРА Ц. Л. КУНИКОВА КОМАНДОВАНИЮ

В ночь на 4 февраля 1943 г.

Полк высадился без потерь, продвигаемся вперед.



Ц. Л. Куников

В битве за Кавказ особое место заняла героическая оборона Новороссийска. После ожесточенных боев советские части 11 сентября 1942 года остановили врага в юго-восточной части города.

В развалинах цехов цементных заводов обосновались хорошо вооруженные защитники города, рабочие-добровольцы.

Советское командование, учитывая стратегическое значение Новороссийска, спланировало провести в начале февраля 1943 года исключительную по дерзости и эффективности боевую операцию. В ночь на 4 февраля для создания плацдарма юго-западнее Новороссийска должны были высадиться два десанта: один, основной,— в районе Южной Озерейки, другой, вспомогательный,— в районе Станички, поблизости от южной окраины города. Но оперативная обстановка сложилась так, что основной десант не смогли высадить с кораблей: бушевал шторм, и враг открыл плотный перекрестный огонь.

Бойцы второго десанта, несмотря на второстепенность своей задачи — отвлечение и дезориентация противника, закрепились на плацдарме.

Цезарь Куников — командир десанта — предложил высадить десант в несколько этапов: сначала небольшая штурмовая группа моряков, незаметно подошедшая к месту высадки, вгрызается в каменистый берег и прикрывает своим огнем подход следующей, более многочисленной группы морской пехоты. Затем путь открыт и другим эшелонам десантников.

...И вот под покровом ночи десант Куникова подошел к берегу. Десантники прыгали в холодную воду, бережно тащили на себе ящики с патронами и минами, гранатами и толом, с запасами продовольствия. Пробрались через груду больших камней, взобрались на отвесную скалу, спустились в балку, где столкнулись с вражеской охраной и обезоружили патрулей. Тогда командир и послал донесение на Большую землю. Послал открытым текстом по радио. Открытым умышленно, ибо был уверен, что его перехватят гитле-

ровцы. Умышленно упомянул о полке, рассчитывая, что сообщение о высадке на южной окраине Новороссийска целого советского полка внесет в ряды противника растерянность. Так оно и получилось.

К утру десантники заняли часть Станички, вышли к улице Комаровской, взяли под контроль железную дорогу, идущую на Суджукскую косу. Куниковцы постепенно расширяли плацдарм для высадки других отрядов, прочно удерживая позиции, хотя с севера, запада и юга наступали пришедшие в себя гитлеровцы. Вскоре подошла, вернее, подплыла подмога. В бой с гитлеровцами вступили воины 255-й бригады морской пехоты. Затем каждую ночь сюда прибывали катера и тральщики с батальонами 83-й бригады и другими воинскими частями.

Суровой штормовой ночью в феврале 1943 года десантный отряд армии, возглавляемый майором Цезарем Львовичем Куниковым, сделал то, что казалось невозможным...

Непосредственно перед боем десантники дали торжественную клятву, которую и сейчас, через тридцать лет, нельзя читать без глубокого волнения. «Идя в бой,— говорилось в ней,— мы даем клятву Родине в том, что будем действовать стремительно и смело, не щадя своей жизни ради победы над врагом. Волю свою, силы свои и кровь свою, капля за каплей, мы отдадим за счастье нашего народа, за тебя, горячо любимая Родина... Нашим законом есть и будет движение только вперед!» И герои выполнили свою клятву. Они шли только вперед и вперед, сокрушая врага, презирая смерть!

После гибели Ц. Л. Куникова бои на Малой земле приняли еще более ожесточенный характер. Крошечный плацдарм площадью менее 30 квадратных километров — Малая земля — приковал к себе крупные силы врага и в последующем сыграл важную роль в полном разгроме находившейся здесь группировки войск противника.

В городе-герое Новороссийске свято хранят память погибших защитников Родины. На приморском бульваре, где открыта Аллея героев, рядом с большой братской могилой, возвышается памятник Герою Советского Союза Ц. Л. Куникову. Над могилами павших Вечный огонь славы...

Текст донесения Ц. Л. Куникова командованию от 4 февраля 1943 года приведен в книге Н. В. Колесова «В памяти и в сердце — навсегда. Новороссийский репортаж» (М., 1975, с. 48).

Прежняя Станичка теперь переименована в Куниковку. Каждый, кто побывает тут, может увидеть надпись на стеле:

«На этих рубежах 4 февраля 1943 года высадился десант моряков Черноморского флота и воинов Северо-Кавказского фронта.

225 дней в ожесточенных боях героические советские моряки и солдаты отстаивали плацдарм, названный десантниками Малая земля.

Отсюда начался решающий штурм позиций гитлеровских захватчиков, завершившийся 16 сентября 1943 года освобождением города.

Слава воинам — освободителям Новороссийска!»

КЛЯТВА, ЗАПИСКИ И НАДПИСИ НА СТЕНАХ ТЮРЕМНЫХ КАМЕР ФАШИСТСКИХ ЗАСТЕНКОВ ЧЛЕНОВ КРАСНОДОНСКОЙ ПОДПОЛЬНОЙ КОМСОМОЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Конец сентября 1942 г.— 9 февраля 1943 г. [1]

КЛЯТВА КОМИССАРА «МОЛОДОЙ ГВАРДИИ» ОЛЕГА КОШЕВОГО И ДРУГИХ МОЛОДОГВАРДЕЙЦЕВ

Конец сентября 1942 г.



О. В. Кошевой

Я, вступая в ряды «Молодой гвардии», перед лицом своих друзей по оружию, перед лицом своей родной многострадальной земли, перед лицом всего народа торжественно клянусь:

Беспрекословно выполнять любое задание, данное мне старшим товарищем. Хранить в глубочайшей тайне все, что касается моей работы в «Молодой гвардии».

Я клянусь мстить беспощадно за сожженные, разоренные города и села, за кровь наших людей, за мученическую смерть тридцати шахтеров-героев. И если для этой мести потребуется моя жизнь, я отдам ее, ни минуты не колеблясь.

Если же я нарушу эту священную клятву под пытками или из-за трусости, то пусть мое имя, мои родные будут навеки прокляты, а меня самого пусть покарает суровая рука моих товарищей.

Кровь за кровь! Смерть за смерть!

---

[1] 9 февраля 1943 года была расстреляна последняя группа подпольщиков-краснодонцев.

РУКОПИСНАЯ ЛИСТОВКА «МОЛОДОЙ ГВАРДИИ», РАСПРОСТРАНЕННАЯ СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ В КОНЦЕ НОЯБРЯ — ДЕКАБРЕ 1942 г.

Ноябрь 1942 г.

По всему Советскому Союзу проходят многочисленные митинги в честь славных побед РККА над немецко-фашистскими поработителями. Наши части в боях под Сталинградом прорвали укрепленные линии противника и, уничтожив несколько дивизий фашистских оккупантов, отбросили врага на несколько десятков километров от города. На этом участке фронта наши части успешно продвигаются вперед, уничтожая на своем пути технику и живую силу противника. За последнее время идут бои в районе Валуек. На Кавказе бои идут у городов Алагира и Моздока. На Кавказском фронте занято много населенных пунктов...

Трудящиеся временно оккупированных районов СССР!

Недалек тот час, когда воины РККА, выполняя великую освободительную миссию, освободят и нас. Чтобы приблизить час освобождения, вы должны саботировать приказы немецкого командования и всячески помогать партизанам.

Не поддавайтесь гитлеровской агитации!

Да здравствует Советский Союз!

Смерть немецким оккупантам и их прихвостням!

НАДПИСИ НА СТЕНЕ ТЮРЕМНОЙ КАМЕРЫ В КРАСНОДОНЕ

Не позднее 9 февраля 1943 г.

Взят Гуков В. С. 1943. 6. 1.
Бондарева, Минаева, Громова, Самошина.
Погибшие от рук фашистов 15/I 43 г. в 9 часов ночи.
Смерть немецким оккупантам!

ЗАПИСКА М. Г. ДЫМЧЕНКО

Дорогие сестры!

Вернуться домой надежды нет. Нас должны расстрелять, жаль детей. Берегите моих детей, так как они останутся без отца и матери. Я не теряю надежды и уверена, что их воспитает Советская власть, так же, как воспитала меня. Наши скоро вернутся. Мы будем бороться до конца...

Хочется жить. Берегите себя.

14 января 1943 г.

Мария

ЗАПИСКА К. П. КОВАЛЕВОЙ

Дорогая мамочка!

Если папа будет жив, то пусть отомстит...[1] *по лозунгу: «Кровь за кровь, жизнь за жизнь».*

Домой не вернусь, спрячьте дневник.

С приветом

14 января 1943 г. *Клава*

ЗАПИСКА В. В. ПЕТРОВА

Мама, прости, что заставляю много ходить. Променяй или продай мои валенки и еще что-нибудь из моих вещей. Если найдется хороший покупатель на часы, то и их продай, чтобы не пришлось голодать.

Кто мне носит передачи?

14 января 1943 г. *Виктор*

ЗАПИСКА А. В. ПОПОВА
9 января 1943 г.

Мама, я получил сегодня и вчера табак, за что тебя благодарю. Спасибо всем, кто мне помогает.

Получил майку. До свидания, жду.

15 января 1943 г.

Поздравь меня, мама, с днем рождения. Не плачь, утри слезы.

НАДПИСЬ У. М. ГРОМОВОЙ

Прощайте, папа,
Прощайте, мама,
Прощайте, вся моя родня.
Прощай, мой брат любимый Еля,
Больше не увидишь ты меня.
Твои моторы во сне мне снятся,
Твой стан в глазах всегда стоит.
Мой брат любимый, я погибаю,
Крепче стой за Родину свою.
До свидания.
С приветом, Громова Уля.

15 января 1943 г.

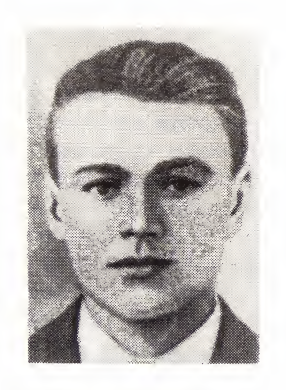


У. М. Громова

[1] Опущены фамилии полицейских.

НАДПИСЬ И. А. ЗЕМНУХОВА
Не позднее 15 января 1943 г. [1]

Дорогие мама и папа! Нужно все перенести стойко! Привет от любящего вас сына Земнухова.



И. А. Земнухов

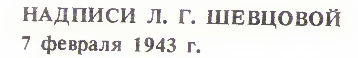
ЗАПИСКА Л. Г. ШЕВЦОВОЙ
Январь 1943 г.

Здравствуйте, мамочка и Михайловна!

Мамочка, вам уже известно, где я нахожусь...

Прости меня за все, может быть, я тебя вижу в последний раз, а отца уж наверно не увижу.

Мама, передайте привет тете Маше и всем, всем... Не обижайся, с тем до свидания. Твоя дочурка Любаша.



НАДПИСИ Л. Г. ШЕВЦОВОЙ
7 февраля 1943 г.

Мама, я тебя сейчас вспомнила.

Твоя Любаша.

Прошу простить меня. Взяли навеки.

Твоя Шевцова.



Л. Г. Шевцова

Не позднее 9 февраля 1943 г. [2]

Прощай, мама, твоя дочь Любка уходит в сырую землю.

Советский народ свято хранит память о молодогвардейцах Краснодона. Их подвиг стал символом беспредельной преданности советских людей делу ленинской партии, нашей социалистической Родине.

Еще до оккупации города фашистами Луганский обком партии приступил к созданию большевистского подполья. Руководителем краснодонской подпольной организации был назначен член партии с 1924 года Филипп Петрович Лютиков. 20 июля 1942 года гитлеровцы вошли в Краснодон, начались массовые аресты комму-

---

[1] В ночь на 16 января 1943 года И. А. Земнухов был убит.

[2] 9 февраля 1943 года Л. Г. Шевцова была расстреляна.

нистов. Многие подпольщики были схвачены и расстреляны, но разрушить полностью большевистское подполье фашисты не смогли. Ф. П. Лютиков и другие коммунисты наладили связь с оставшимися в городе комсомольцами. Стали создаваться комсомольские подпольные группы. В центре города молодежь возглавили Олег Кошевой и Иван Земнухов, на одной из окраин — Сергей Тюленин, в поселке Первомайка — Анатолий Попов, Ульяна Громова и Майя Пегливанова, в поселке Краснодон — Николай Сумской и Антонина Елисеенко, в селе Ново-Александровка — Клава Ковалева и в селе Шеверевка — Степан Сафонов.

Следуя советам Ф. П. Лютикова, коммунистов-подпольщиков А. А. Валько, Н. П. Баракова и других старших товарищей, комсомольцы готовились к созданию своей подпольной организации. Особенную активность проявлял 15-летний Олег Кошевой, комсомолец с марта 1942 года. Он старался вовлечь в организацию как можно больше молодых советских патриотов. Вынашивая планы борьбы, Олег написал стихотворение, которое читал тогда товарищам:

Мне тяжело! Куда только ни глянь,
Везде я вижу гитлеровскую дрянь.
Везде ненавистная форма предо мной,
Эсэсовский значок с мертвой головой.
Я решил, что жить так невозможно,
Смотреть на муки и самому страдать,
Надо скорей, пока еще не поздно,
В тылу врага врага уничтожать!
Я так решил, и это я исполню!
Всю жизнь отдам за Родину свою.
За наш народ, за нашу дорогую,
Прекрасную Советскую страну!

В тот сентябрьский день, когда был сформирован штаб подпольной комсомольской организации, Олег пришел домой на рассвете. Всю ночь вместе с членами штаба он обсуждал планы и методы предстоящей работы.

Мать Олега Елена Николаевна Кошевая вспоминает, что в ту ночь сын пришел сияющий, возбужденный. Торжественно объявил:

— Поздравь меня, мамочка, я принял присягу и дал клятву, что буду до последнего дыхания бороться с захватчиками. У нас есть организация.

С созданием «Молодой гвардии» усилилась работа по сбору оружия, по выпуску и распространению нелегальных листовок, призывавших краснодонцев к сопротивлению оккупантам, сообщавших правду о положении на фронтах. В одной из листовок, озаглавленной «Люди Русские и Украинцы!», говорилось:

«Виселицами, расстрелами Гитлер хочет запугать Украину — окровавленную и ограбленную,— поставить ее на колени. Но силен в нас дух свободолюбия и ненависти к врагу. Мы все лучше пред-

почитаем смерть, нежели немецкую неволю. Правда победит. Красная Армия еще вернется в Донбасс. Немцы лгут о конце войны, она еще только разгорается.

Сталин и правительство в Москве... Родина в опасности, но у нее хватит сил, чтобы отбросить и разгромить врага...

Прочти и передай товарищу.

Дорогие братья и сестры!

Полиция снова арестовала невинных людей.

Те, что писали листовки, на свободу.

Этим извергам и палачам никогда не убить правды.

Правду не заключишь в кандалы.

Ее не сгноишь в тюремном подвале.

Арестами и пытками немцы хотят поставить нас на колени.

Не выйдет!

Мы будем мстить за каждого арестованного шахтера, за каждую замученную женщину.

Смерть за смерть! Око за око!

Одна из рукописных листовок, распространявшихся молодогвардейцами среди населения

Читайте, прячьте листовки, передавайте их содержание из дома в дом, из поселка в поселок.

Смерть немецким оккупантам!»

И внизу подпись: «Молодая гвардия».

В отличие от рукописных листовок (одна из них опубликована выше, воспроизведенная по подлиннику на листке ученической тетради, почерком молодогвардейца Антонины Мащенко), процитированный текст набран типографским шрифтом, то есть эта листовка была отпечатана членами «Молодой гвардии» в своей подпольной типографии.

К созданию подпольной типографии молодогвардейцы приступили в октябре 1942 года. Собирали, как и где могли, типографские

литеры. В доме Арутюнянца соорудили самодельный печатный станок, подобрали подходящую краску, нашли бумагу. Наконец, услышав по радиоприемнику радостное сообщение о контрнаступлении советских войск под Сталинградом, решили набрать первую листовку, чтобы размножить ее не от руки, в 50—100 экземплярах, как раньше, а в сотнях, с последующим повторением тиража.

Но по мере набора текста листовки выявилась нехватка отдельных букв. И тогда наборщики — Анатолий Орлов, Владимир Осьмухин и Жора Арутюнянц — недостающую букву «б» заменили цифрой «6», вместо мягкого знака использовали букву «р» в перевернутом виде.

В начале октября, после объединения всех подпольных групп в одну организацию, штаб «Молодой гвардии» расширился. В него теперь входили Иван Туркенич, Олег Кошевой, Любовь Шевцова, Сергей Тюленин, Ульяна Громова, Виктор Третьякевич, Иван Земнухов, Василий Левашов. Секретарем организации был избран «Кашук», организационную работу проводил Виктор Третьякевич, руководство боевыми операциями поручили Ивану Туркеничу. К концу октября краснодонская подпольная организация насчитывала почти 100 человек, разбитых для конспирации на пятерки.

Молодогвардейцы проводили большую массово-политическую работу среди населения. Они широко знакомили трудящихся с событиями на фронтах Отечественной войны и в советском тылу. Всего за время оккупации они выпустили более 30 названий листовок общим количеством свыше 5 тысяч экземпляров. В ночь на 7 ноября 1942 года комсомольцы укрепили красные флаги на наиболее высоких зданиях города: на крыше средней школы, на шахте № 1-бис, на здании бывшего райпотребсоюза, на крыше больницы и на самом высоком дереве в парке.

Молодогвардейцы призывали к срыву заготовок сельхозпродуктов, уничтожению складов, саботажу на шахтах. Сразу же после ноябрьских праздников подпольщики организовали побег 20 военнопленных из Первомайской больницы и освободили более 70 бойцов и командиров из лагеря на хуторе Волчанск. 5 декабря, в день Советской Конституции, спалив биржу труда, они спасли несколько тысяч советских людей от угона на фашистскую каторгу. «Молодая гвардия» готовилась к вооруженному выступлению против оккупантов в момент приближения советских войск.

Провал наступил неожиданно. Утром 1 января 1943 года полиция арестовала Мошкова и Третьякевича, обвинив их в краже новогодних подарков для немецких солдат. Земнухов, явившийся в полицию, чтобы выручить товарищей, тоже был арестован. Из материалов судебного процесса, проведенного в 1959 году по делу подлого изменника родины, фашистского наймита В. Подтынного, стало известно, что ни один из молодогвардейцев не спасовал перед

палачами. Отважных комсомольцев предал по наущению отчима Геннадий Почепцов. Узнав об аресте Мошкова, Третьякевича и Земнухова, он, желая выслужиться перед гитлеровцами, написал донос, сообщив имена известных ему молодогвардейцев.

Первыми были арестованы подпольщики поселка Первомайка Анатолий Попов, Тоня Иванихина, Саша Бондарева, Борис Главан, Майя Пегливанова, Демьян Фомин и др., всего 18 человек. Одновременно начались аресты и в городе. Четыре камеры городской полиции были забиты до отказа. Начались пытки. Особенно жестоко палачи издевались над Виктором Третьякевичем. Подпольщиков подвешивали за шею к оконной раме, давили дверью пальцы на руках, били палками и плетьми, загоняли под ногти иголки. Кабинет следователя, в котором пытали комсомольцев, походил, скорее, на бойню, так он был забрызган кровью.

Одним из первых, сознавая, что живым вырваться из рук гестапо не удастся, сделал надпись на стене тюремной камеры 22-летний Василий Гуков. Уроженец Краснодона, он побывал на фронте, попал в плен, бежал, добрался до родного города и вступил в борьбу с захватчиками как активный член «Молодой гвардии». В тюрьме его пытали, но ничего не добившись, убили и сбросили в шурф шахты № 5. После освобождения Краснодона Красной Армией похоронен на центральной площади города в братской могиле героев «Молодой гвардии».

Рядом со словами В. С. Гукова под знаменем со звездой росписи Александры Бондаревой — 20-летней подпольщицы, перед казнью бросившей в лицо палачей гневные слова: «Красная Армия придет, она отомстит за нас!», 19-летней Нины Минаевой — смелой распространительницы молодогвардейских листовок, ее сверстницы и товарища по борьбе Ангелины Самошиной, а также члена штаба «Молодой гвардии» Ульяны Громовой. Все они были зверски замучены гитлеровцами и перезахоронены позже в братской могиле героев «Молодой гвардии».

Рядом с героями похоронена и Мария Георгиевна Дымченко — 40-летняя подпольщица, специально оставшаяся в тылу врага для организации борьбы с оккупантами; она была связана с Ф. П. Лютиковым и членами штаба «Молодой гвардии»; публикуемая ее записка из тюремного застенка говорит о твердости и непоколебимости замечательной советской патриотки, она посмертно награждена орденом Отечественной войны I степени.

В ночь на 16 января 1943 года у шурфа шахты № 5 были казнены еще несколько человек, и среди них Виктор Иосифович Третьякевич, Иван Александрович Земнухов, Ульяна Матвеевна Громова, Анатолий Владимирович Попов. Анатолию 16 января должно было исполниться 19 лет; накануне, придя в себя после пыток, он кровью написал записку своей матери. Записку согласился передать ей

один из полицаев. Несколько дней фашисты возили подпольщиков группами на расстрел, и тела их сбрасывали в 80-метровый ствол шахты № 5. После освобождения Краснодона из шахты было извлечено более 70 изуродованных до неузнаваемости трупов.

Часть молодогвардейцев, в том числе Олег Кошевой и Любовь Шевцова, была расстреляна в парке города Ровеньки. Любу Шевцову фашисты арестовали 8 января в Ворошиловграде, она ездила по заданию штаба для связи с партизанами. Более месяца гитлеровцы пытали ее. Они хотели получить сведения о местонахождении рации и кодах. Ничего не добившись от разведчицы, командир роты СС Древитц убил Любу выстрелом в лоб.



Надписи молодогвардейцев на стене одной из камер фашистской тюрьмы в Краснодоне

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 сентября 1943 года руководителям организации «Молодая гвардия» — У. Громовой, И. Земнухову, О. Кошевому, С. Тюленину и Л. Шевцовой присвоено посмертно звание Героя Советского Союза. За выдающиеся заслуги в организации и руководстве коммунистическим подпольем города Краснодона, мужество и отвагу посмертно орденом Ленина награждены Филипп Петрович Лютиков и Николай Петрович Бараков. 44 молодогвардейца удостоены орденов Красного Знамени, Красной Звезды и Отечественной войны I степени, 66 человек — медалей «Партизану Отечественной войны» I степени. Среди награжденных — руководитель первомайской группы молодогвардейцев Попов Анатолий Владимирович, Бондарева Александра Ивановна, Минаева Нина Петровна, активный участник боевых операций Петров Виктор Владимирович, Самошина Ангелина Тихоновна, чьи записки из полицейской тюрьмы и надписи на стенах камер приведены выше.

Не все подлинники записок и надписи молодогвардейцев сохранились до наших дней. В частности, не сохранилась записка Клавдии Петровны Ковалевой, содержание которой летом 1943 года восстановила по памяти мать Клавы — Ефросинья Александровна.

Записка А. В. Попова воспроизводится по подлиннику, хранящемуся в краснодонском государственном музее «Молодая гвардия». Она написана на клочке обложки от школьной тетради, мать Толи получила ее из тюрьмы приклеенной ко дну кастрюльки. Подлинник записки В. В. Петрова хранится в семье Петровых. Записка Л. Г. Шевцовой и заверенные копии настенных надписей И. А. Земнухова, У. М. Громовой и Л. Г. Шевцовой находятся в Центральном архиве ЦК ВЛКСМ (материалы «Молодой гвардии», л. 96).

Надпись Ули Громовой, выцарапанная гвоздем на штукатурке, переписала со стены ее подруга Вера Кротова сразу же после освобождения города. В краснодонском государственном музее «Молодая гвардия» хранится текст, переписанный В. Кротовой, а сама надпись была затерта во время ремонта помещения весной 1943 года. Надпись Ивана Земнухова сделана на стене кровью, надписи Любы Шевцовой — карандашом, текст их переписан для архива членом комиссии ЦК ВЛКСМ в июле 1943 года.

Тексты найденных записок опубликованы в сборнике документов и воспоминаний о героической борьбе подпольщиков Краснодона «Молодая гвардия» (Киев, 1960, с. 56—57, 60). Текст последней записки А. В. Попова опубликован в брошюре «Новое о героях Краснодона» (М., 1959, с. 15). Текст последней записки Л. Г. Шевцовой опубликован в книге П. Мальвецци и Дж. Пирелли «Письма обреченных на смерть борцов европейского Сопротивления» (с. 703).

НАДПИСЬ СЕРЖАНТА Г. С. КАГАМЛЫКА НА КОМСОМОЛЬСКОМ БИЛЕТЕ

9 февраля 1943 г. [1]

Умру, но не отступлю ни шагу назад. Клянусь своей кровью Сер[жант] Кагамлык.



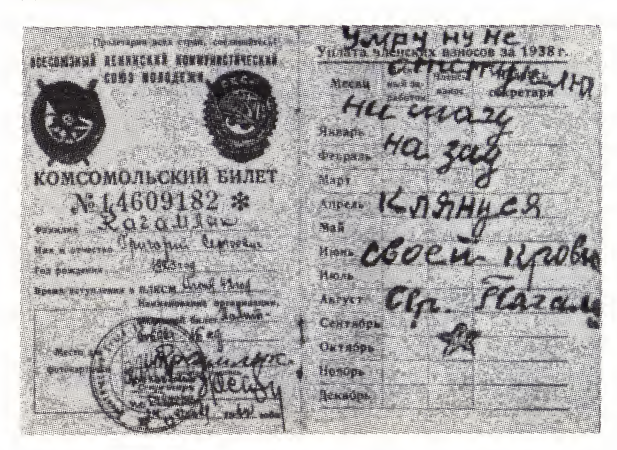
Г. С. Кагамлык

Григорий Сергеевич Кагамлык, 1923 года рождения, украинец, кандидат в члены ВКП(б), командир отделения противотанковых ружей 3-й роты 47-го Краснознаменного стрелкового полка 15-й Сивашской дважды Краснознаменной и ордена Ленина стрелковой дивизии.

Шел второй год Великой Отечественной войны. Советские войска, захватив инициативу, продолжали продвигаться на запад,

[1] Датируется по времени гибели Г. С. Кагамлыка.

окружая и громя крупные группировки противника. 9 февраля 1943 года они выбили фашистов из села Никольского, в Курской области. Противник пытался отбить этот важный рубеж, и сержанту Кагамлыку с его отделением бронебойщиков было поручено прикрыть правый фланг, где гитлеровцы перешли в контратаку. Вражеские танки в сопровождении автоматчиков устремились на позиции, которые занимало отделение сержанта Кагамлыка. Во время боя Григорий был трижды ранен, но остался в строю и продолжал вести бой.


Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ВСЕСОЮЗНЫЙ ЛЕНИНСКИЙ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ СОЮЗ МОЛОДЕЖИ
КОМСОМОЛЬСКИЙ БИЛЕТ
№ 14609182

Уплата членских взносов за 1938 г.
Январь
Февраль
Март
Апрель
Май
Июнь
Июль
Август
Сентябрь
Октябрь
Ноябрь
Декабрь

Умру ну не
отступлю
ни шагу
на зад
клянуся
своей кровь
Сер. Кагам

Комсомольский билет Г. С. Кагамлыка с прощальными словами, написанными кровью

Пуля сразила бесстрашного сержанта. Бойцы, воодушевленные героизмом и стойкостью своего товарища, не пропустили врага.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1943 года Григорию Сергеевичу Кагамлыку присвоено посмертно звание Героя Советского Союза. Имя его навечно занесено в список полка.

Комсомольский билет Г. С. Кагамлыка хранится в Центральном музее Советской Армии (инв. № 4/21206).

НАСТЕННАЯ НАДПИСЬ А. И. НЕСТЕРЕНКО В ПАВЛОГРАДЕ ДНЕПРОПЕТРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

13 февраля 1943 г.

Нас было 21. Стояли насмерть. Погибаем, но не сдаемся!

Эта короткая надпись была сделана на стене одного из корпусов кожевенного завода в Павлограде — в городе на Днепропетровщине. Ее вывел кровью смертельно раненный капитан А. И. Нестеренко.

В Павлограде сразу после прихода фашистов стала действовать подпольная организация советских патриотов. Было создано 19 боевых групп. Их костяк составляли коммунисты и комсомольцы, бежавшие из плена красноармейцы и командиры. Командиром одной из них стал капитан А. И. Нестеренко.

По заданию подпольного горкома партии он работал в дорожной жандармерии, добывал оружие, участвовал в подрывных операциях на железной дороге, спасал советских людей от отправки в Германию. Подпольщики Павлограда взрывали в городе склады с боеприпасами, пустили под откос бронепоезд, приводили в негодность имущество и зерно, подготовленное для вывоза из города, систематически нарушали телеграфно-телефонную связь. Удалось выкрасть карту дислокации вражеских войск и тыловых баз гитлеровцев, которую вскоре переправили через фронт советскому командованию.

Наступил февраль 1943 года. Все явственнее стала слышна канонада с востока. 10 февраля на конспиративной квартире собрались руководители днепропетровского подполья: Д. Г. Садовниченко, С. С. Прибер, К. В. Рябой. Было принято решение: в помощь наступающей Красной Армии начать вооруженное восстание в ночь на 13 февраля. Вечером того же дня из двух лагерей для военнопленных — Богуславского и на заводе № 55 — боевые группы освободили военнопленных, которые влились в отряды восставших. Группа коммунистов провела операцию по освобождению политических заключенных из городской тюрьмы. На улицах появились листовки, в которых сообщалось о том, что Красная Армия подошла к Днепропетровской области, скоро будет у Павлограда, наступает долгожданный час возмездия.

В соответствии с планом восстания подпольщики начали занимать боевые позиции. Была нарушена связь гитлеровцев с тылом и фронтом. К 12 часам дня 13 февраля три боевые группы вооруженных подпольщиков сконцентрировались на территории кожевенного завода, в здании на углу Песчаной и Шевченковской улиц. Командовали группами капитан А. И. Нестеренко и лейтенант С. А. Чумак.

Гитлеровцы, узнав о захвате завода вооруженными людьми, решили окружить его и ликвидировать восставших. Начался преждевременный для подпольщиков бой. Свыше 300 фашистов было брошено против них. Неравная схватка длилась несколько часов. Один за другим падали бойцы. Автоматной очередью был убит С. А. Чумак, геройски погибли лейтенанты Черкасский и Носач, смертельно ранен капитан А. И. Нестеренко. Бойцы отнесли своего командира в укрытие. Собравшись с силами, он, истекающий кровью, сделал надпись, которой суждено остаться в памяти истории.

Неожиданный бой у кожевенного завода заставил руководителей восстания отложить срок общего выступления. Боевым группам дали приказ отойти и ждать сигнала. Навстречу советским частям была отправлена еще одна связная — комсомолка О. В. Куликова. Подпольщики просили помощи. Куликова возвратилась в Павлоград 15 февраля. Вместе с ней пришел из штаба 4-го гвардейского стрелкового корпуса капитан Андросов. Он сообщил, что части корпуса достигнут города не ранее утра 17 февраля, поэтому решено было возобновить восстание в ночь на 16 февраля.

В результате согласованных и дружных действий уже во второй половине 16 февраля боевые группы, возглавляемые И. Т. Белым и Ю. И. Осьмиченко, окружили четырехэтажный дом, в котором находился штаб немецко-итальянского гарнизона, и овладели им. Враг бежал из города.

Советские войска вступили в Павлоград. Над городом взвился красный флаг. В эту общую победу большой вклад внесли славные подпольщики, память о которых навсегда сохранят советские люди.

Настенная надпись публиковалась в газетах «Днепровская правда» 13 февраля 1963 года, «Красная звезда» 13 июля 1963 года, в книге А. П. Караванченко и Д. Т. Федоренко «Непокоренный Павлоград», изданной Политиздатом в 1965 году.

НАДПИСЬ НА СТЕНЕ ГЕСТАПОВСКОГО ЗАСТЕНКА ЧЛЕНОВ ПОДПОЛЬНОЙ КОМСОМОЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «ПАРТИЗАНСКАЯ ИСКРА» СЕЛА КРЫМКА

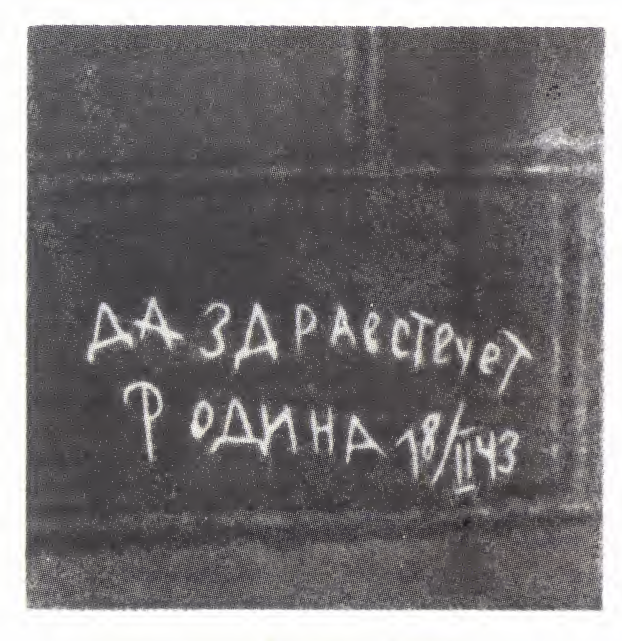
18 февраля 1943 г.

Да здравствует Родина! 18/II—43

В период оккупации Украины подпольщики Одесской, Николаевской и других областей под руководством коммунистов активно действовали против фашистских захватчиков. В Николаевской области подпольные боевые группы были созданы в 42 селах, Николаевский подпольный центр был связан с Херсоном, Кировоградом и подпольщиками Одесской области. Подпольщики и рабочие срывали попытки оккупационных властей наладить работу на Николаевском судостроительном заводе и других предприятиях города.

Вскоре после того, как в селе Крымка, Первомайского района, Одесской (ныне Николаевской) области, был установлен «новый порядок», комсомольцы средней школы создали подпольную органи-

зацию «Партизанская искра», насчитывавшую несколько десятков человек. Во главе с директором школы коммунистом В. С. Моргуненко и учеником 10-го класса комсомольцем Парфентием Гречаным они принимали по радио сводки Совинформбюро, писали листовки и распространяли их среди жителей окрестных сел, устраивали диверсии на железной дороге. Писали: «Товарищи!!! Отцы, матери, братья и сестры!!! Возобновляются наши загоны (то есть отряды.— *Ред.*), идите в партизаны, бейте своих врагов, не давайте им хлеба, молока, мяса и яиц.



Надпись на стене гестаповского застенка, сделанная членами подпольной комсомольской организации «Партизанская искра» села Крымка Одесской области

...Пусть живет Красная Армия!

Вечная слава великому вождю и отцу нашему Владимиру Ильичу Ленину!

Смерть немецким оккупантам!

13.I 1943 г.»

«Партизанская искра» распространила свое влияние на окрестные населенные пункты, в ряде которых были созданы молодежные боевые группы. В декабре 1942 года патриоты пустили под откос вражеский эшелон с солдатами и боеприпасами. Вскоре организовали побег 200 военнопленных из лагеря в Новоандреевке.

Подпольщикам не удалось провести подготавливаемое ими вооруженное восстание. Их схватили гитлеровцы... На стене жан-

дармского застенка в ожидании казни они написали свои последние слова.

Копия надписи хранится в Одесском историко-краеведческом музее, опубликована в газетах «Красная звезда» 14 декабря 1957 года и «Бугская заря» 2 июля 1958 года.

ПИСЬМО РЯДОВОГО А. М. МАТРОСОВА Л. КУРГАНОВОЙ

21 февраля 1943 г.



А. М. Матросов

Дорогая Лида!

Только что кончилось комсомольское собрание. Почистил автомат, покушал. Комбат говорит: «Отдыхайте лучше, завтра бой».

Я не могу уснуть. В окопном блиндаже нас шесть человек, седьмой на посту. Пятеро уже спят, а я сижу возле печурки при свете гасилки и пишу это письмо. Завтра, как встанем, передам его связному.

Интересно знать, что-то ты поделываешь сейчас? У нас на фронте как стемнеет немного, так и ночь. А у вас в тылу — электрический свет. Поди, ложитесь спать часов в двенадцать.

Я часто вспоминаю тебя, Лида, много думаю о тебе. Вот и сейчас хочется поговорить с тобой обо всем, что чувствую, что переживаю...

Лида, я видел, как умирали мои товарищи. А сегодня комбат рассказал случай, как погиб один генерал, погиб, стоя лицом на запад.

Я люблю жизнь, хочу жить, но фронт такая штука, что вот живешь, живешь — и вдруг пули или осколок ставят точку в конце твоей жизни. Но если мне суждено погибнуть, я хотел бы умереть так, как этот наш генерал: в бою и лицом на запад.

Александр

Легендарный Александр Матросов... О его короткой, завершившейся ярким подвигом жизни известно, кажется, почти все. Но это письмо дополняет замечательный облик 19-летнего воина-героя...

Да, он любил эту простую, милую девушку Лиду Курганову, которая стала его хорошим другом. Провожая на фронт, она призналась в ответном чувстве и обещала ждать возвращения с победой...

Александр родился в 1924 году в Днепропетровске. Рано лишившись родителей, воспитывался в Ивановском (Ульяновская область) детском доме, затем в детской трудовой колонии в Уфе.

В октябре 1942 года его призвали в армию, и он стал курсантом Краснохолмского военно-пехотного училища. Зачислили его в пятую роту. Вместе с ним в роте оказались детдомовцы из Уфы — Петя Бурдин, Иван Кадышев и другие. Ребята быстро подружились и окунулись в военную учебу.


Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ВСЕСОЮЗНЫЙ ЛЕНИНСКИЙ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ СОЮЗ МОЛОДЕЖИ
КОМСОМОЛЬСКИЙ БИЛЕТ
№17251590
Фамилия Матросов
Имя и отчество Александр Матвеевич
Год рождения 1924
Время вступления в ВЛКСМ Ноябрь 1942
Наименование организации, выдавшей билет
Место для фотокарточки

Уплата членских взносов за 193 г.

Месяц	Месячный заработок	Членский взнос	Подпись секретаря
Январь			
Февраль			
Март			
Апрель			
Май			
Июнь			
Июль			
Август			
Сентябрь			
Октябрь			
Ноябрь			
Декабрь			

Комсомольский билет А. М. Матросова

В день принятия военной присяги Александр был особенно подтянут, но явно взволнован, молчалив.

— Теперь мы настоящие бойцы Рабоче-Крестьянской Красной Армии,— сказал он товарищам после торжественной церемонии.— И воинскому долгу никогда не изменим!

Скоро Матросова принимали в комсомол. Рассказав свою биографию, он заключил:

— Оправдаю звание комсомольца с честью. Буду примерным в учебе, а когда пойду на фронт, то и там до конца останусь настоящим комсомольцем.

В ноябре 1942 года он добровольно отправился на фронт... И вот она, деревня Чернушки, ставшая известной после подвига Матросова всей стране.

Накануне решающего боя — это было 21 февраля 1943 года — состоялось комсомольское собрание. Тема — «Роль комсомольца в бою». Речь шла о задании командования: прорвать оборону противника у деревни Чернушки и перерезать железную дорогу, по которой фашисты снабжали свои войска в районе Великих Лук. Зашел разговор о штурмовых группах, о взаимодействии и взаимной выручке. Попросил слова и Матросов.

— Обещаю драться с врагом, пока бьется мое сердце. А если меня убьют,— тихо проговорил он и потрогал рукой автомат,—

пусть товарищ возьмет мое оружие и бьет проклятых фашистов до полной победы!

На сближение с врагом шли ночью. С рассветом бойцов обнаружили. Завязался бой. Штаб батальона оказался отрезанным от основных сил. На помощь ему была брошена рота автоматчиков, в которой служил Матросов. К вечеру гитлеровцы вынуждены были отойти, штаб соединился с основными силами, но комбат майор Афанасьев был тяжело ранен. С поля боя его вынес Александр.

Наступление возобновилось. Выбили противника из редкого леса и вышли на снежную поляну. Впереди виднелся небольшой лесок. Только бойцы двинулись вперед, как по ним ударили из пулеметов. Появились убитые и раненые. Получен приказ: штурмовой группе уничтожить огневую точку врага. Первыми пошли бойцы во главе с Петром Бурдиным. Но пулемет накрыл их. Минут через десять с другой стороны поляны замаячила фигура в солдатской шинели. Какой-то смельчак, умело используя рельеф местности, медленно подползал к огневой точке. Вот он уже на расстоянии броска гранаты от цели. Ну бросай! Бросай же! Чего он медлит?

Наконец бросок, взрыв. Пулемет замолчал.

«Ура!» — дружно разнеслось над поляной, и бойцы побежали вперед. А вражеский пулемет снова заработал. И тут-то тот самый смельчак, оказавшийся теперь рядом с дзотом врага, бросился на амбразуру. В наступившей тишине вновь загремело «Ура!».

После боя было установлено, что огневую точку закрыл своим телом Александр Матросов.

Письмо А. М. Матросова опубликовано в газете «Советская Башкирия» 20 марта 1958 года.

ЗАПИСКА ЧЕТЫРЕХ ЗАЩИТНИКОВ ГОРОДА ВОЛЧАНСКА

Февраль 1943 г. [1]

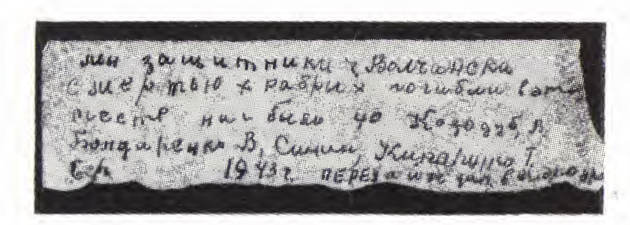
Мы, защитники г. Волчанска, смертью храбрых погибли в этом месте. Нас было четверо: Козодуб В., Бондаренко В., Синин, Кипаренко Т. Серг.

1943 г. Передайте зап[иску] в аэродром.

Летом 1959 года житель города Волчанска, Харьковской области, Н. Н. Акуличев заметил на склоне оврага в районе бывшего аэродрома угол металлического ящика, выглядывавшего из осыпавшегося

[1] Датируется по времени боев в районе Волчанска.

песка. Выкопав этот небольшой ящик, он увидел на стенках его ряд отверстий и в одном из них обнаружил трубочку из хлорвиниловой изоляции. На внешней стороне ее с трудом различалось слово «записка», а внутри лежала сложенная полоска папиросной бумаги размером 19×5 сантиметров. На этом листке чернилами были написаны последние слова и фамилии бойцов, павших при обороне Волчанска в 1943 году. В записке не указана точная дата, но, исходя из содержания, ее можно было датировать февралем 1943 года. После наступления наших войск на харьковском направлении 2—16 февраля 1943 года гитлеровское командование в конце февраля предприняло контрнаступление в районе Донбасс — Харьков. Создав значительное превосходство в силах, гитлеровским войскам удалось оттеснить советские части за реку Северский Донец. 15 марта 1943 года нашим войскам пришлось временно оставить Харьков.


мы защитники г. Волчанска
смертью храбрых погибли
1943 г.

Записка защитников города Волчанска на Харьковщине

Противник не смог окружить советские войска в районе Харькова и взять реванш за поражение на Волге. Героические воины стояли насмерть. Вероятно, в это время защитники Волчанска, отражая атаки танков, и написали записку. Сейчас она хранится в Центральном музее Советской Армии (инв. № 4/28310).

ПИСЬМО САНИТАРКИ В. КОЛЕСНИКОВОЙ

Не позднее 3 марта 1943 г. [1]

Дорогие фронтовые товарищи, милая моя подруга Нина.

Если я погибну в этом бою, то после смерти сообщи моей маме, что я, ее дочь, честно выполнила свой долг перед Родиной.

Да, мне, конечно, жаль, что так рано кончилась моя жизнь, но за меня отомстят другие.

Нина, я была медсестрой. Ведь это самое прекрасное — спасать жизнь человеку, который борется за нас, защищает нашу Родину от коварного врага, борется за наше будущее.

Вот и все, что я прошу передать моей маме.

Валя Колесникова.

---

[1] Датируется по времени гибели В. Колесниковой.

Адрес: Алтайский край. Благовещенский район. Колхоз имени Ленина.

Сибирячка Валентина Колесникова с первых дней войны мечтала попасть на фронт. После окончания курсов медсестер ее направили на Западный фронт. Боевое крещение она получила в августовских боях 1942 года.

Девушка самоотверженно выполняла свой долг, оказывая помощь раненым бойцам и командирам. В каждом бою ее видели на переднем крае, она приходила на помощь раненым, а когда требовала обстановка, участвовала в боях с оружием в руках. Валя стала закаленным и опытным бойцом. Высокое доверие — ее приняли кандидатом в члены партии — она с честью оправдала. Валя погибла 3 марта 1943 года в боях за освобождение Смоленщины. За героизм и самоотверженность от имени Президиума Верховного Совета СССР командование наградило ее посмертно орденом Отечественной войны II степени.

После гибели у нее нашли письмо.

Заверенная копия его хранится в Центральном архиве ЦК ВЛКСМ (материалы выставки «Комсомол в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», письмо полевой почты 06411, л. 5).

ПИСЬМО 15-ЛЕТНЕЙ ДЕВОЧКИ К. СУСАНИНОЙ С ФАШИСТСКОЙ КАТОРГИ

12 марта 1943 г.

Март, 12, Лиозно, 1943 год.

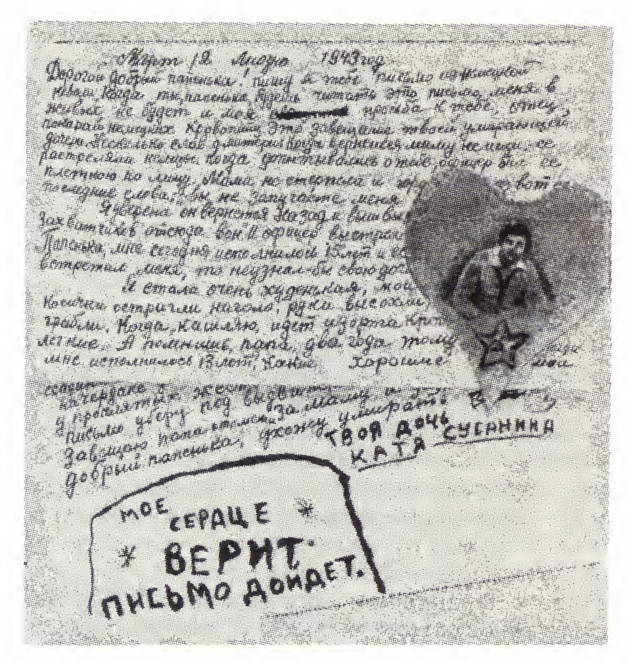
Дорогой, добрый папенька!

Пишу я тебе письмо из немецкой неволи. Когда ты, папенька, будешь читать это письмо, меня в живых не будет. И моя просьба к тебе, отец: покарай немецких кровопийц. Это завещание твоей умирающей дочери.

Несколько слов о матери. Когда вернешься, маму не ищи. Ее расстреляли немцы. Когда допытывались о тебе, офицер бил ее плеткой по лицу. Мама не стерпела и гордо сказала: «Вы не запугаете меня битьем. Я уверена, что муж вернется назад и вышвырнет вас, подлых захватчиков, отсюда вон». И офицер выстрелил маме в рот...

Папенька, мне сегодня исполнилось 15 лет, и если бы сейчас ты встретил меня, то не узнал бы свою дочь. Я стала очень худенькая, мои глаза ввалились, косички мне остригли наголо, руки высохли, похожи на грабли. Когда я кашляю, изо рта идет кровь — у меня отбили легкие.

А помнишь, папа, два года тому назад, когда мне исполнилось 13 лет? Какие хорошие были мои именины! Ты мне, папа, тогда сказал: «Расти, доченька, на радость большой!» Играл патефон, подруги поздравляли меня с днем рождения, и мы пели нашу любимую пионерскую песню...


ТВОЯ ДОЧЬ
КАТЯ СУСАНИНА

МОЕ СЕРДЦЕ
ВЕРИТ
ПИСЬМО ДОЙДЕТ.

Начало и конец письма 15-летней девочки Кати Сусаниной

А теперь, папа, как взгляну на себя в зеркало — платье рваное, в лоскутках, номер на шее, как у преступницы, сама худая, как скелет,— и соленые слезы текут из глаз. Что толку, что мне исполнилось 15 лет. Я никому не нужна. Здесь многие люди никому не нужны. Бродят голодные, затравленные овчарками. Каждый день их уводят и убивают.

Да, папа, и я рабыня немецкого барона, работаю у немца Шарлэна прачкой, стираю белье, мою полы. Работаю очень много, а кушаю два раза в день в корыте с «Розой» и «Кларой» — так зовут хозяйских свиней. Так приказал барон. «Русс была и будет свинья»,— сказал он. Я очень боюсь «Клары». Это большая и жадная свинья. Она мне один раз чуть не откусила палец, когда я из корыта доставала картошку.

Живу я в дровяном сарае: в комнату мне входить нельзя. Один раз горничная полька Юзефа дала мне кусочек хлеба, а хозяйка увидела и долго била Юзефу плеткой по голове и спине.

Два раза я убегала от хозяев, но меня находил ихний дворник. Тогда сам барон срывал с меня платье и бил ногами. Я теряла сознание. Потом на меня выливали ведро воды и бросали в подвал.

Сегодня я узнала новость: Юзефа сказала, что господа уезжают в Германию с большой партией невольников и невольниц с Витебщины. Теперь они берут и меня с собою. Нет, я не поеду в эту трижды всеми проклятую Германию! Я решила лучше умереть на родной сторонушке, чем быть втоптанной в проклятую немецкую землю. Только смерть спасет меня от жестокого битья.

Не хочу больше мучиться рабыней у проклятых, жестоких немцев, не давших мне жить!..

Завещаю, папа: отомсти за маму и за меня. Прощай, добрый папенька, ухожу умирать.

Твоя дочь
Катя Сусанина...

Мое сердце верит: письмо дойдет.

Вскоре после освобождения белорусского города Лиозно в 1944 году при разборе кирпичной кладки разрушенной печи в одном из домов был найден маленький желтый конверт, прошитый нитками. В нем оказалось письмо белорусской девочки Кати Сусаниной, отданной в рабство гитлеровскому помещику. Доведенная до отчаяния, в день своего 15-летия она решила покончить жизнь самоубийством. Перед смертью написала последнее письмо отцу. На конверте стоял адрес: «Действующая армия. Полевая почта №... Сусанину Петру». На другой стороне карандашом написаны слова: «Дорогие дяденька или тетенька, кто найдет это спрятанное от немцев письмо, умоляю вас, опустите сразу в почтовый ящик. Мой труп уже будет висеть на веревке». Номер полевой почты, написанный на конверте, устарел, и письмо не могло попасть адресату, но оно дошло до сердца советских людей. Опубликовано в «Комсомольской правде» 27 мая 1944 года.

ЗАВЕЩАНИЕ КОМСОМОЛЬЦА-МОРЯКА В. ЧАЛЕНКО

Не позднее 14 марта 1943 г. [1]

Если погибну в борьбе за рабочее дело, прошу командиров Вершинина и Куницина при первой возможности зайти ко мне домой в город Ейск и рассказать моей матери, что ее сын погиб за освобождение Родины. Мой орден, комсомольский билет и этот блокнот

[1] Датируется по времени опубликования.

передайте мамочке. Пусть хранит и вспоминает своего сына. Передайте ей бескозырку, пусть помнит сына-матроса.

Адрес мамы: город Ейск, Свановская улица, Раисе Ивановне Чаленко.

Виктор Чаленко.

Комсомолец Виктор Чаленко вступил в армию добровольцем в августе 1942 года. Когда советские части покинули город Ейск, он упросил, чтобы его приняли в одно из подразделений морской пехоты. В ее составе В. Чаленко участвовал в обороне Северного Кавказа. За геройство и мужество, проявленные в боях под Горячим Ключом и Туапсе, он был награжден орденом Красного Знамени. В феврале 1943 года в составе морского десанта Виктор Чаленко высадился на Малую землю у Новороссийска.

На одном из участков продвижения десанта мешал дзот, из которого гитлеровцы вели сильный пулеметный огонь. Виктор вызвался уничтожить эту вражескую огневую точку. Под покровом ночи он подполз к дзоту и забросал его гранатами. Огневая точка была подавлена. Когда, воспользовавшись молчанием вражеского пулемета, моряки штурмом захватили позиции гитлеровцев, они нашли своего товарища мертвым. В кармане отважного воина был обнаружен блокнот с завещанием. Посмертно Виктор Чаленко был награжден орденом Ленина. Текст завещания опубликован в газете «Комсомольская правда» 14 марта 1943 года.

ПИСЬМА ПАРТИЗАНА-РАЗВЕДЧИКА В. М. МАЛЬЦЕВА ОТЦУ И РОДНЫМ

14 и 16 марта 1943 г.

ПИСЬМО ОТЦУ

14 марта 1943 г.

14.3.43. Очень поспешно уезжаю. Не было времени проститься, не сердись. Домой больше не зайду, хотя это не окончательно еще, но в Ленинграде больше не буду. Значит, до свидания. Туда [1] *я не писал. Сделай это ты. Вообще же — пока. Будь жив, здоров и благополучен. Знамя гвардии держать высоко и не забывать меня и 1942 год, хотя он и прошел. Биться до тех пор, пока глаза видят! И несмотря ни на какие обстоятельства и слухи! Ну, еще раз жму твою могущественную руку, обнимаю и целую. До лучших дней и радостной встречи.*

Твой В.

---

[1] В Тетюши, где в эвакуации жили мать и сестра В. М. Мальцева.

ПИСЬМО МАТЕРИ И СЕСТРЕ
16 марта 1943 г.

Милые мамка и Иринка! Пишу из Хвойной, куда приехал 16 марта в 21.00. Я примерно на год могу пропасть из виду, но не смущайтесь, это в порядке вещей. Меня не отпевайте, так как я твердо рассчитываю побывать на Иркиной первой свадьбе и на серебряной маминой... А пока до свидания, и надолго. Целую столько, чтобы хватило на отсутствие. Ма, я тебе написал письмо с разными историями, кои ты прочти, но близко к сердцу не принимай. Мертвым — вечная память, живым — жить на земле. Пока, родная, целую. До свидания.

Сын Валька.

Валентин Михайлович Мальцев погиб, когда ему было 18 лет. История его жизни, героическая смерть говорят о высоких душевных качествах этого замечательного патриота.

Валентин жил в Ленинграде, на Фонтанке. Его отец, Михаил Дмитриевич Мальцев, старый коммунист, участник гражданской войны, привил сыну идейную стойкость и требовательность к себе. Когда началась война, отец ушел в ополчение, а мать с младшей сестрой Ириной эвакуировались в Тетюши, на Волгу. Валентин отказался эвакуироваться. Он хотел воевать с фашистами, но в армию его не взяли: куда воевать 16-летнему юноше? Вместе со сверстниками он по ночам дежурил на крыше, тушил зажигалки, ходил на военные занятия.

Валентин стойко переносил лишения блокады: недоедание и голод, артиллерийские обстрелы и ночные бомбежки. В июле 1942 года ему предложили стать радистом-разведчиком. Началась серьезная подготовка, учеба в спецшколе. В марте 1943 года Валентин Мальцев в составе группы М. И. Ляпушева был переправлен через линию фронта в район Пскова. Успешно выполнив боевое задание, группа получила приказ возвращаться к своим.

В августе 1943 года, выполняя боевое задание, разведчики зашли в деревню Петрово. В темноте они не заметили, что в деревне гитлеровцы. Завязалась перестрелка. Прикрывая отход товарищей, Валентин сдерживал врагов, пока не был ранен. Последнюю пулю он оставил для себя.

ПИСЬМО ПАРТИЗАНКИ-РАЗВЕДЧИЦЫ О. Д. РЖЕВСКОЙ РОДНЫМ

22 февраля — 6 апреля 1943 г. [1]



О. Д. Ржевская

Ржевская Ольга Дмитриевна, 20 лет.

Оболоновец, Мутищенский с[ельский] с[овет], Ельнинского района.

Погибла 27/II—1943 г. (За связь с партизанами.)

Кто найдет, сообщите родным.

Мама, этот адрес я еще писала в Спас-Деменске и носила косыночку, а оказывается, она принадлежит для письма Вам. Прощайте, все родные.

Здравствуй, милая мама.

Привет от дочки Ольги. Мама, родная, на сегодняшний день, т. е. 6 марта, два месяца, как я не вижу свободу, но это все ерунда. Мама, милая, ты, наверное, слыхала, что из Ельни мы 11 января были направлены в Спас-Деменск. Допрос закончился 14 января, а все следствие и моя роспись было закончено 23 января. После следствия по 27 февраля были все время в Спас-Деменске. 27 февраля была направлена в Рославль в тюрьму, где и нахожусь на сегодняшний день. Не знаю судьбы о тебе, но предполагаю, что встреч с тобой, милая мамочка, больше нет и не ждать. И только, мама, отмечай тяжелый день нашей разлуки и прощаний. Это 10 января 1943 г. (воскресенье), когда пришлось покинуть родную деревню и тебя, милая мама.

Милая мама, прошу я тебя только одно: обо мне не беспокойся, береги свое здоровье. Меня ты не вернешь, а здоровье потеряешь. Ведь ты одна, надеяться не на кого. Возможно, когда и дождешься Дуси. Возможно, она счастливее меня, а мне, мама, наверное, суждено погибнуть в Рославле, хотя и я в Спас-Деменске думала умереть...

Мама, еще раз прошу: обо мне не беспокойся — своей судьбы не избежишь. А мне, наверное, суждено так. Мама, милая, я сейчас только с Ниной, всех трех, которые были с нами забраны, их от нас взяли еще 14 февраля, и для нас неизвестно куда, домой или еще куда.

Милая мама, описывать интересного нет ничего, а мне сейчас хотелось бы услыхать хотя бы одно словечко о тебе, милая мама, и о всех своих родных, а потом бы умереть покойно, а то, мама, мне моя судьба известна давно, но жаль мне тебя, милая мама...

---

[1] Датируется по времени написания отдельных частей письма.

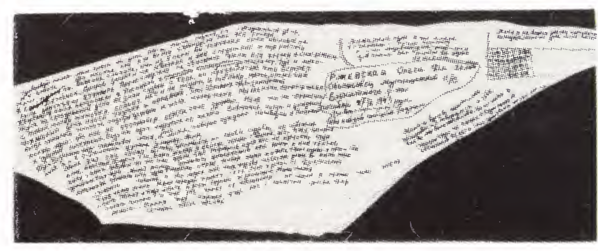
Мама, передай привет тете Лене и детям ее: Дусе, Вале, Коле, тете Наташе и Наде, и Кате, и всем родным и знакомым. Мама, милая, писать кончаю и еще раз прошу не беспокойся, не одна я такая, нас очень много... Милая моя, родная, еще раз с приветом дочка Оля.

Сегодня месяц ареста.

Мама, а вдруг бы переменилась обстановка и я бы вернулась к тебе, как бы мы были счастливы. Но нет, мама, в жизни чудес не бывает. Одно прошу, не беспокойся, береги свое здоровье и не жалей ничего...

Мама, я на апрель месяц составила календарь, прожитый день мною зачеркиваю.

Ольга Дмитриевна Ржевская — 20-летняя партизанка-разведчица из полка имени Лазо. На рассвете 6 января 1943 года она попала в руки фашистских палачей. Каратели застали ее больной в доме матери в маленькой смоленской деревушке Оболоновец. Несмотря на то что она была без сознания, солдаты потащили ее на допрос. Промучив четыре дня и не добившись ни слова, фашисты отправили Ольгу в город Ельню, а затем в Спас-Деменск.



Косынка Ольги Ржевской, на которой написано письмо матери

Потянулись тяжкие тюремные будни, ежедневные допросы и издевательства. Ожидая расстрела, Ольга написала на косынке: «Погибла 22 февраля». Потом поправила: «23 февраля». Затем эта дата вплоть до 27-го ежедневно исправлялась.

27 февраля Ольгу перевезли в рославльскую тюрьму, и счет дням жизни пришлось начать снова. Каждый день водили больную Ольгу на допрос. Однажды утром ее вывели во двор и поставили у виселицы.

— Теперь можешь говорить все! — сказал офицер.— Через минуту ты умрешь.

И она сказала:

— Я, русская девушка Ольга Ржевская, член Ленинского комсомола и партизанка, ненавижу вас всем сердцем. Я боролась с вами, как могла. И нас много. Горели и горят ваши склады, гибнут солдаты и офицеры, портится связь — здесь есть моя работа. Жаль, что сде-

лала мало. Но за меня отомстят. Скоро придет Красная Армия, тогда...

Удар офицерского сапога вышиб из-под ног табурет. Ольга повисла... Но и это было еще не все. Девушку вынули из петли, вернули к жизни, чтобы через несколько дней расстрелять.

Публикуемое письмо Ольга написала в тюремной камере в перерывах между допросами карандашом на белой шелковой косынке. В углу ее имеется календарь на 30 дней апреля 1943 года. Зачеркнутыми оказались лишь первые шесть дней. Косынка хранится в Центральном музее Советской Армии (инв. № 4/21187), письмо опубликовано в газете «Комсомольская правда» 30 декабря 1943 года.

ПИСЬМО МИНСКОГО ПОДПОЛЬЩИКА И. К. КАБУШКИНА А. К. ЯНУЛИС

Апрель 1943 г.



И. К. Кабушкин

Родные!

Итак, луч опять осветил мою «келью». Я рад, что вы живы. Да, настроение несколько ухудшилось, в один день сели все мои, я — десятый. Ведь все мои родные, пойми! Если Миля опять будет там [в бригаде «Старика»], пусть от меня передаст пламенный большевистский привет Б. Г. и бате главному...

Пусть она передаст им: умру, а подлецом не буду! Ну, в отношении меня полное затишье. Я полагаю так, что нового они не добились, все пытки не увенчались успехом, и решили, видимо, 1 мая вывесить меня как «подарок» для народа. Ну пойми, как иначе? Ведь ни одного человека они не получили, а против меня материал с 41 года и довольно-таки солидный. А как мне поступить? Ведь я решил твердо всю свою жизнь посвятить борьбе с врагами всего прогрессивного человечества, за народ, за Родину!..

Все делаю и сделаю, чтобы никто не пострадал. Ну, ты что-то молчишь в отношении Родины, дай знать о ней... Тревоги [воздушных налетов] слышу, и для меня это большой и приятный концерт...

Крепко всех целую.

Иван Константинович Кабушкин занимал особое место среди мужественных подпольщиков Минска. Смелый разведчик был грозой оккупантов.

Родился Иван Константинович в 1915 году в деревне Малаховцы, Барановичского района, Брестской области, в семье белорусского крестьянина. Во время первой мировой войны семья эвакуировалась в Казань, где Ваня окончил школу и до 1936 года проработал водителем трамвая. Там же он вступил в комсомол. Большую школу прошел комсомолец в рядах Красной Армии.

В первые дни Отечественной войны И. К. Кабушкин попал в плен и оказался в одном из лагерей для военнопленных в Минске. Вскоре ему удалось бежать, и он стал собирать боевых друзей, чтобы вместе бить врага. С ноября 1941 года по 4 февраля 1943 года Кабушкин выполнял специальные задания разведывательного и диверсионного характера. С мая 1942 года возглавлял оперативную группу по уничтожению агентов фашистской разведки, провокаторов и чиновников оккупационного аппарата.

У Кабушкина ни разу не дрогнула рука, когда он сталкивался с врагом лицом к лицу. Он добывал для минских партизан оружие, боеприпасы, медикаменты, проводил большую работу по разложению минской полиции, вражеских националистических формирований. При его непосредственном участии было освобождено множество военнопленных из концентрационных лагерей.

В сентябре — октябре 1942 года во время массовых арестов подпольщиков Минска Кабушкин организовал выпуск специальной листовки «К населению Белоруссии», призвав патриотов вызволить арестованных, отомстить за кровь и муки подпольщиков.

Гестапо сбилось с ног, разыскивая с осени 1941 года «Жана», «Александра», «Назарова», «Бабушкина». Под этими кличками действовал в Минске И. К. Кабушкин. Гестапо обещало выдать крупную денежную награду тому, кто выдаст героя. Подпольщик был неуловим. 4 февраля 1943 года фашистам удалось схватить его на конспиративной квартире по Академической улице. В тюрьме СД Кабушкина подвергали пыткам, избивали до потери сознания, морили голодом, не давали воды. Но ничто не могло сломить железной воли и непоколебимого духа бойца минского подполья. Об этом говорит и публикуемое здесь письмо знакомой И. К. Кабушкина А. К. Янулис.

Упоминаемые в письме «Миля», «Б. Г.», «батя главный...» — это Э. И. Цитович, подпольщица Минска; Б. Г. Бывалый, комиссар партизанской бригады под кличкой «Старик», участник минского подполья, и В. С. Пыжиков, командир партизанской бригады.

Письмо И. К. Кабушкина хранится в партархиве Института истории партии при ЦК КПБ (ф. 4386, оп. 2, д. 33, л. 34—35).

ПИСЬМА ЧЛЕНОВ ПОДПОЛЬНОЙ КОМСОМОЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ГОРОДА ДОНЕЦКА

Август 1942 г.— 29 мая 1943 г.

ПИСЬМА С. Г. МАТЕКИНА ЖЕНЕ И ДЕТЯМ

Август — 5 октября 1942 г. [1]

С. Г. Матекин

Шура,

я хотел бы рассказать тебе о многом таком, что не является личным делом. У меня мало надежд увидеть вас, потому что понимаю, что вы не можете навещать меня. В воскресенье передай для меня табак, но только через окно, иначе — не надо. Завтра дам тебе расписание и адреса, по которым надо идти и собирать зерно. Привет всем, будьте здоровы. Поцелуй детей.

Савва.

Мои дорогие Шура и детишки!

Я буду счастлив, если вам удастся услышать в этих строках слова страсти и любви и, может быть, последнее «прощай». Лучшим воспоминанием обо мне пусть будет моя любимая песня «Раскинулось море широко». Я имею основания не сомневаться в худшем исходе дела. Здесь одна только формальность соблюдается. Соотношение счастливых по отношению к несчастным — два процента максимум. В это число я, конечно, попасть не могу, и поэтому будьте здоровы и счастливы.

Ваш Савва.

Шура,

что может сделать человек, находящийся в тюрьме под угрозой верной смерти? И все же они боятся меня. Скажи об этом нашим. Я знаю, что для меня уже все кончено и что этот момент наступит скорее, чем можно предположить. Прощай. Я прошу тебя сказать всем, что это не конец. Я умру, но вы останетесь жить.

Прощай, Шурочка!

---

[1] Последнюю записку С. Г. Матекин написал за день до смерти.

Мои дорогие дети Вова и Люся,

я всегда старался дать вам воспитание, сделать из вас людей, полезных для страны, настоящих, цельных людей. Моим большим желанием было увидеть тебя, Вовочка, ученым, а тебя, Люся, инженером. Но кем бы вы ни стали, я твердо убежден, что мои дети не обманут надежд своего отца, который ради блага Родины, ради спасения своего народа, ради счастья своих детей не пожалел жизни. Будьте счастливы.

Ваш отец.

Я считаю, что мои дни сочтены. Ты и детишки простите меня за все... Знайте, что за вас всегда готов был отдать свою жизнь. Я умираю спокойно и стойко. Когда найдешь нужным, объясни все детям — за что и как...

Крепко целую тебя за все и от чистого сердца. Простите и прощайте и будьте счастливы.

3.10.42. Был допрос. Чувствую плохой исход дела, спешу в мыслях прожить всю свою короткую жизнь. Воспитай детишек, будь счастлива и здорова.

Ваш Савва.

Оставь все заботы обо мне. Займись устройством своей жизни. Я человек уже обреченный. Передач не носи. Не отрывай крохи от себя. Я для расстрела и так хорош...

ПИСЬМО С. В. СКОБЛОВА
23—29 мая 1943 г. [1]



С. В. Скоблов

До свиданья, дорогие друзья!

Я умираю на 24-м году жизни. В расцвете сил и творческой мысли должно приостановиться биение моего пульса, а в жилах застыть горячая кровь. В застенках немецкого гестапо последние минуты своей жизни я доживаю гордо и смело.

В эти короткие, слишком короткие минуты я вкладываю целые годы, целые десятки недожитых лет, в эти минуты я хочу быть самым счастливым человеком в мире, ибо моя жизнь окончилась в борьбе за общечеловеческое счастье...

Прощайте, дорогие товарищи, навсегда прощайте!

---

[1] Письмо передано после ареста из тюрьмы в Авдотьино.

До свидания, дорогие друзья. Я умираю на 24 году жизни. В расцвете сил и творческой мощи должно приостановиться биение моего пульса, а в жилах застынет горячая кровь. В застенках немецкого Гестапо последние минуты своей жизни я доживала гордо и смело. В эти короткие, смешно короткие минуты я вкладывало целые годы, целые десятки недожитых лет, в эти минуты я хочу быть самым счастливым человеком в мире, ибо моя жизнь окончилась в борьбе за общечеловеческое счастье.

Лист последнего письма С. В. Скоблова из фашистской тюрьмы товарищам по борьбе

КОЛЛЕКТИВНОЕ ЗАВЕЩАНИЕ
ВОСЕМНАДЦАТИ ЧЛЕНОВ ПОДПОЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
29 мая 1943 г. [1]

Друзья!

Мы погибаем за правое дело... Не складывайте рук, восставайте, бейте врага на каждом шагу. Просьба ко всем — не забывайте наших родителей...

Друзья! Слушайте совет — бейте немца! Прощай, русский народ! Не гневайся!

Осенью 1941 года фашистские полчища захватили часть Донбасса. Вместе с другими советскими людьми в борьбу с оккупантами вступили комсомольцы Сталино (Донецка). Во главе их стал С. Г. Матекин.

---

[1] Завещание писалось в камере тюрьмы в ночь на 30 мая 1943 года.

Савва Григорьевич Матекин родился в 1902 году. В 20-е годы, когда на дальнем Севере только еще налаживалась жизнь, уехал на полуостров Ямал. Позже работал в глубинных районах Сибири, затем в Донбассе. В сентябре 1941 года ушел на фронт. Оказался со своей частью в окружении. Потом плен, удачный побег. Поскольку фронт находился уже слишком далеко, вернулся домой, в Буденновку,— один из рабочих поселков города Сталино.

Устроился заведующим учебной частью 68-й школы, в которой работал до войны. Матекин решил здесь создать подпольную организацию из учителей и учеников поселка. Он и его ближайшие помощники — учителя С. В. Скоблов и Б. И. Орлов — организовали подпольную комсомольскую группу.

В нее вошли учителя и ученики 68-й Буденновской средней школы, 101-й школы села Авдотьино, молодые шахтеры окружающих рудников. Подпольщики избрали штаб в составе С. Г. Матекина, Б. И. Орлова и С. В. Скоблова. Штаб поручил Степану Скоблову создать типографию. Борис Орлов и ученик Авдотьинской школы Евгений Диденко вызвались добыть оружие. Учительницы Тоня Романчук, Лида Караваткая и пионервожатая Авдотьинской школы Варя Татарчук взялись распространять листовки среди населения, вовлекать молодежь в подпольную организацию.

Подпольщики собирались в доме у Матекина, изучали военное дело. Жена Матекина, Александра Яковлевна, преподавала санитарное дело. Первоначально комсомольцы распространяли листовки. Осенью 1941 года Василий Гончаренко добыл первые шесть винтовок и три ящика с патронами. Подпольная организация росла: уже через два месяца в группе было 42 комсомольца. По их примеру начали создаваться подпольные комсомольские группы в рабочих поселках Донецка: Кураховке, Екатериновке, Мушкетове и др. После нескольких налетов на фашистских солдат накопились запасы оружия. В начале 1942 года подпольщики взорвали железнодорожный мост, вывели из строя электростанцию в Кураховке. Комсомольцы Ваня Клименко и Володя Кириллов испортили 20 немецких автомашин, которые были подготовлены к отправке на фронт со станции Мушкетово. Они уничтожали горючее, нападали на фашистских солдат, устраивали крушения поездов.

Оккупанты разыскивали подпольщиков. В одной из школ Буденновки они специально провели диктант, чтобы по почерку выявить авторов листовок. Но ученики разгадали полицейскую уловку, и затея фашистов сорвалась. А на следующий день комсомольцы выпустили специальную листовку с обращением к донецким рабочим:

«На каждой шахте, в каждом поселке и селе организуйте партизанские отряды, помогайте партизанам, скрывайте их от полиции, не давайте фашистам увозить в Германию хлеб, промышленное обо-

рудование и другие ценности. Работая на шахтах, на предприятиях, в учреждениях, срывайте выполнение приказов и планов гитлеровских властей, вредите немцам, портите оборудование и продукцию, готовьтесь с честью встретить Красную Армию!»

Юношам и девушкам приходилось работать в очень трудных условиях. «Пусть будет трудно... Пусть голод костлявой лапой на сердце скребет, даже тогда я не отступлю от борьбы за народное дело» — так писал в те дни Степан Скоблов.

Осенью 1942 года был арестован организатор и вдохновитель подпольщиков Савва Григорьевич Матекин. Почти два месяца пыток не сломили советского патриота. 7 октября 1942 года гитлеровцы расстреляли его у Калиновской шахты.

После ареста С. Г. Матекина во главе подпольщиков стал Степан Васильевич Скоблов, кандидат в члены ВКП(б), 1919 года рождения. Еще энергичнее стала работать А. Я. Матекина — жена павшего героя. Организация росла, усиливалось сопротивление врагу. По заданию штаба, в состав которого после гибели С. М. Матекина вошел Евгений Диденко, в начале 1943 года в Авдотьине развернула свою деятельность вторая подпольная комсомольская группа численностью 25 человек. Наладив связь со штабом партизанского движения Южного фронта, комсомольцы продолжали диверсии, взрывали воинские эшелоны, склады.

22 мая 1943 года гестапо арестовало 18 комсомольцев. Их пытали в здании полевой жандармерии в Авдотьине. Они стойко переносили мучения. Накануне казни написали коллективное завещание друзьям.

30 мая 1943 года фашисты расстреляли Степана Скоблова, Бориса Орлова, Лидию Каравацкую, Варвару Татарчук, Льва Кадыкова, Антонину Романчук, Николая Градова, Ивана Григорюка, Василия Романчука и Николая Лящука. Через два дня около станции Караванная были расстреляны Клавдия Каравацкая, Надежда Дорохина, Василий Худокормов, Ида Брилева, Владимир Шустицкий и Василий Карасев. 3 июня 1943 года были казнены Евгений Диденко и Василий Гончаренко. Но борьба не прекратилась. Подпольная организация продолжала мстить фашистам за смерть патриотов. На смену убитым встали их товарищи и друзья.

Письма С. Г. Матекина написаны на обрывках бумаги, в которую его жена завертывала бутылку с квасом. Другую часть своих предсмертных записок осужденный на смерть выбросил на обочину дороги в момент, когда его вели на работу. Его жена шла за ним на некотором расстоянии и подобрала записки. Завещание 18 подпольщиков написано чернильным карандашом на носовом платке.

В 1965 году Указом Президиума Верховного Совета СССР С. Г. Матекин награжден орденом Отечественной войны I степени, а С. В. Скоблов — орденом Красного Знамени.

Письма и записки были частично опубликованы в газете «Социалистический Донбасс» 14 июня 1944 года, в газете «Комсомольская правда» 2 июля 1944 года, на итальянском языке в книге П. Мальвецци и Дж. Пирелли «Письма обреченных на смерть борцов европейского Сопротивления» (с. 701—702).

ПИСЬМО КОМАНДИРА ПАРТИЗАНСКОГО ОТРЯДА В. А. ШИМАНСКОГО ЖЕНЕ

Не позднее 1 июня 1943 г. [1]



В. А. Шиманский

Другу жизни и товарищу по работе, дорогой, пожизненно незабываемой, любимой Эсфирь Харитоновне

от командира партизанского отряда «Старика» (Шиманского В. А.).

Дорогая Эсфирь Харитоновна.

Скоро два года, как варвары человечества напали на нашу священную землю и нарушили... мирную счастливую жизнь многомиллионного советского народа. Нарушили и нашу скромную... семейную жизнь. Я уверен, что пройдет меньше времени, чем прошло, и советский народ, в том числе и мы с тобой, восстановим нашу прежнюю счастливую жизнь. Причем, все, в том числе и мы с тобой, восстановим нашу жизнь на высших основах, чем она была. Ибо за эти два года все очень многому научились, как нужно ценить время жизни и жизнь во времени, как нужно ценить друга жизни и себя для друга.

Дорогая Фирочка!

Многому, многому я научился, когда я учился и был под защитой страны, но еще большему я научился, когда стал с винтовкой на защиту страны. Теперь я стал не тем, как ты знала меня. Теперь я весь облился фашистской кровью и чертовски стал похож на старика.

Стране я помогаю извне, но хотелось хоть немного помочь и тебе. Не знаю [как], моя дорогая, все стране сейчас отдано. Может быть, и настанет скоро то время, когда встретимся вместе с тобой, вот тогда мы расскажем друг другу, поможем друг другу и заживем, как живут люди в раю. Этот день нашей встречи будет счастьем для нас всех, ибо это будет чудо, небывалое ни с кем.

---

[1] Датировано по содержанию письма.

Дорогая Фирочка, работая в тылу у врага, я с отрядом достал исключительно ценные материалы по расположению и местонахождению главного фашистского аэродрома Юго-Восточного фронта, главную квартиру генерального штаба воздушных сил Юго-Восточного фронта и главную квартиру Геринга, куда очень часто приезжает Гитлер. Достав эти материалы, я решил обеспечить отряд руководством, а сам перехожу линию фронта. Задача очень тяжелая, но, на счастье, может быть, решимая.

Во имя страны я жертвую собой, считая, что если удастся доставить Советскому правительству материалы — это очень во многом поможет разбить фашистские полчища на Украине, особенно его основные авиасилы. Кроме этого, я должен получить установку о действии отряда в дальнейшем. Условия с отрядом становятся все хуже и хуже. Надо знать перспективу действия.

Прощай, дорогая Фирочка, я оставил Марусе материалы о деятельности отряда. Прошу тебя, если я погибну, эти материалы доложить Советскому правительству и считать меня партизаном Великой Отечественной войны.

Прощай, дорогая, любимая, искренне уважаемая Эсфирь Харитоновна. Передай всем товарищам и знакомым, что я все силы отдал и отдаю для защиты Родины.

1 июня 1943 года я выхожу от Насти и через месяц должен быть у тебя, если нет — меня приняла сырая земля.

Прощай, дорогая.

Прощайте, все друзья.

Прощай и ты, дорогая Родина моя.

«Старик».

Василий Андреевич Шиманский родился в 1902 году в городе Балта, Одесской области. В прошлом батрак, с 1927 года член партии и секретарь колхозной партячейки. После окончания двухгодичной совпартшколы Балтский райком партии командировал его на учебу в Московский институт народного хозяйства имени Г. В. Плеханова. Получив специальность экономиста-плановика пищевой промышленности, В. А. Шиманский в 1938 году поступил в аспирантуру. После успешной защиты диссертации и присвоения ученой степени кандидата экономических наук он работал ассистентом кафедры политэкономии Института народного хозяйства имени Г. В. Плеханова, в июне 1941 года получил звание доцента.

В августе 1941 года В. А. Шиманский уходит на фронт. Последнее письмо с фронта, которое получили родные, датировано 25 октября 1941 года. «Уезжаю в дальнюю командировку,— писал он,— когда вернусь, сразу напишу...»

В декабре 1941 года В. А. Шиманский под именем Петра Прокофьевича Лищенко появился в Кордылевке, близ Винницы.

Устроившись кузнецом на Кордылевский сахарный завод, он сблизился с бывшими военнопленными, бежавшими из лагерей и жившими в Кордылевке, Андреем Евтуховым, Эдуардом Ляховецким и Виктором Тришиным. Вчетвером они организовали подпольную группу для борьбы с фашистскими захватчиками. Василий Андреевич стал руководителем группы. В подполье его называли «Старик».

Группа «Старика» начала действовать. Вскоре ей удалось пустить под откос поезд с горючим. Число подпольщиков росло, и они объединились в партизанский отряд «Старика». Отряд обнаружил местонахождение штаб-квартиры Геринга вместе с расположенной поблизости крупной авиабазой немцев, а также ставку Гитлера — объект «Вервольф» [1]. Находиться в Кордылевке стало опасно, так как фашисты усиленно разыскивали партизан и всеми способами пытались заслать в отряд провокаторов.

В начале мая 1943 года подпольщики ушли в Черный лес, где действовал другой партизанский отряд, а В. А. Шиманский с тремя товарищами пошел дальше на восток, к линии фронта. В середине мая после нескольких суток тяжелого и мучительного пути, израненные и больные, они добрались до села Козацкое, на Одесщине, в нескольких километрах от Балты. Здесь они скрывались у местных жителей — родственников Шиманского. Отдохнув и окрепнув, в конце мая двинулись в дальнейший путь. Что с ними стало, неизвестно.

В Козацком у Марии Олейник В. А. Шиманский оставил ряд документов, адресованных командованию Красной Армии, в том числе и последнее письмо жене. Документы были вложены в бутылку и зарыты в землю. После освобождения от фашистской оккупации Мария Олейник передала эти документы по назначению.

ЗАПИСКА
СЕРЖАНТА Т. БУРЛАКА

Не позднее 1 июня 1943 г. [2]

Погибаю за Родину. Считайте меня коммунистом. Передайте Лене, что обещание свое я выполнил, а ее любовь унес с собой.

Трогательную историю о героических подвигах своего фронтового друга Тихона Бурлака рассказал в письме из действующей армии старший лейтенант Василий Аленин.

---

[1] См.: *Безуглый И., Иващенко А.* Объект «Вервольф».— Комсомольская правда, 1959, 12 апреля.

[2] Датируется по времени опубликования.

Гитлеровцы цеплялись за каждый рубеж, но советские воины упорно продвигались вперед. При освобождении деревни Медведицы сержант Бурлак уничтожил восемь фашистских солдат. Израненный, обливаясь кровью, он подобрал автомат, взял гранаты и направился туда, где однополчане вели бой с врагом. После боя Тихон Бурлак попал в госпиталь, затем — опять на фронт, в свою часть. Новым бойцам и старым друзьям он рассказывал о любимой девушке, о том, что он с Украины, из города Николаева, родных никого в живых не осталось. Часто показывал стрелкам бережно хранимую фотокарточку невесты.

И вот в один из весенних солнечных дней сержант Бурлак, находившийся в дзоте, принял неравный бой с противником. Гитлеровцы несколько раз бросались в атаку, но воин брался за гашетку пулемета и всякий раз останавливал их. К ночи бой прекратился. А на другой день фашисты возобновили атаки. Решив, что в дзоте засела большая группа советских пулеметчиков, гитлеровцы вызвали бомбардировщик. Сержант уже был ранен в руку и голову, но продолжал обороняться. Он действовал до тех пор, пока были патроны. После трехдневного боя остались только две гранаты и ракетница с одной ракетой. Тихон выпустил ракету и при ее свете в самую гущу врага метнул гранату, второй взорвал себя. К рассвету фашисты отошли. У дзота валялось 48 вражеских трупов.

Бойцы бросились в развалины дзота. Там увидели своего друга мертвым.

У разбитого пулемета лежала хорошо знакомая стрелкам фотография Лены, покрытая пятнами свежей крови и пробитая осколком гранаты. На земле — предсмертная записка, написанная большими буквами на листе бумаги кровью героя — сержанта Тихона Бурлака. Записка опубликована в газете «Комсомольская правда» 1 июня 1943 года.

ЗАПИСКА ПЯТИ ЗАЩИТНИКОВ ГЛАЗУНОВКИ

12 июня 1943 г.

Кто найдет эту записку, пусть сообщит о нашей смерти. Нас осталось пять человек, боеприпасы кончились, осталось менее трех десятков гранат. Вдали показались вражеские танки. Прощайте, дорогие товарищи, мы погибли за нашу Советскую Родину... 12.VI.1943. Бойко В., Кравченко А., Ветров Г., Яблочкин В., Сияновский А.

30 августа 1961 года, играя около своего дома, на территории сушильного завода, ученик 1-го класса Глазуновской средней школы Женя Кистанов нашел позеленевшую от времени автоматную гиль-

зу. Внутри ее оказался туго свернутый маленький листок бумаги из блокнота, на котором было написано завещание пяти бойцов — участников битвы на Курско-Орловской дуге.

После опубликования записки в центральной печати ученики Глазуновской средней школы получили много писем от родственников погибших, участников боев на Курско-Орловской дуге. Они писали о боях, которые вели летом 1943 года в районе Глазуновки части Центрального фронта, отражая атаки фашистских танков и самоходных орудий. В письмах назывались номера дивизий. Это 74-я стрелковая дивизия 13-й армии, 148-я стрелковая дивизия, Латышская дивизия. В некоторых письмах говорилось, что авторы записки, по-видимому, ошиблись в написании месяца: вместо VIII или VII поставили VI. Записка датирована 12 июня 1943 года, когда само сражение еще не развернулось. Как известно, наступление немецко-фашистских войск началось 5 июля и к 12 июля уже захлебнулось, встретив упорное сопротивление и ответные удары советских войск. 12 июня станция Глазуновка, Орловской области, находилась еще в тылу врага, в 6—7 километрах от линии фронта, поэтому можно предположить, что бойцы, написавшие записку, ошиблись в обозначении месяца. А может быть, именно в июне их послали в разведку в тыл врага и они там приняли неравный бой с гитлеровцами?

Дальнейшие поиски героев Курской битвы помогут восстановить подробнее историю героических дней лета 1943 года и уточнить биографии отважных защитников нашей Родины. Дело в том, что бумага, на которой написана записка, сохранилась хорошо, но текст сильно поблек, и его можно прочесть с трудом. К тому же в одном месте записка слегка разорвана, так как Женя Кистанов, найдя гильзу, пытался извлечь записку иголкой, поэтому некоторые слова на записке очень трудно разобрать. Неясно читается фамилия пятого бойца, ее можно прочесть и как Сияновский, и как Саяновский.

В письмах, полученных учениками Глазуновской школы, советские люди делились соображениями об авторах записки, в частности П. И. Бойко из Омска сообщил, что в селе Астраханка, Целиноградской области, живет сослуживец, который знал В. Бойко. Из того же села пропал в годы войны Кравченко. Может быть, это и были бойцы, павшие в неравной схватке с фашистскими танками?

Текст записки опубликован в газете «Сельская жизнь» 19 июня 1962 года.

ЗАПИСКА КОМСОМОЛКИ М. Т. КИСЛЯК ИЗ ХАРЬКОВСКОГО ГЕСТАПО

Не позднее 18 июня 1943 г. [1]



М. Т. Кисляк

Товарищи!

Погибаю за Родину, не жалея жизни.

Прощайте, дорогая сестра Наташа и мама, и папа.

Мария.

18 июня 1943 года в деревне Ледное (пригород Харькова) фашисты повесили трех молодых патриотов: Марию Тимофеевну Кисляк, 1925 года рождения, Федора Давидовича Руденко, 1923 года рождения, и Василия Андреевича Бугрименко, 1924 года рождения.

Комсомольцы не покорились «новому порядку» и беспощадно боролись с врагом. Старшему из них, Ф. Д. Руденко, не исполнилось еще и 20 лет. М. Т. Кисляк только накануне войны окончила Харьковскую фельдшерско-акушерскую школу.

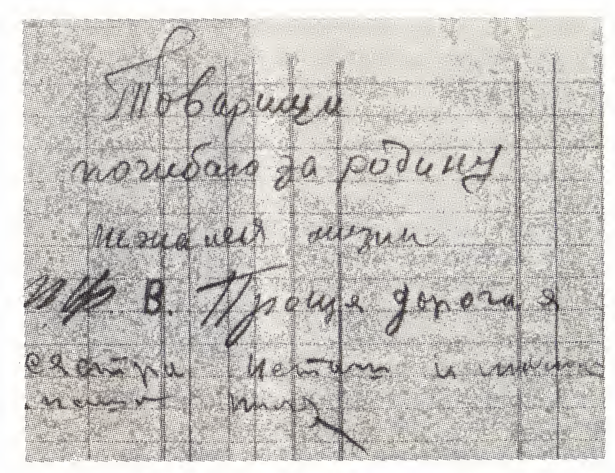
Во время первой оккупации города гитлеровскими войсками Мария Кисляк у себя на квартире скрывала и лечила раненых красноармейцев, которые в феврале 1943 года, после освобождения Харькова, снова стали в ряды защитников Родины.

Весной 1943 года Ледное вторично заняли фашисты. Мария Кисляк, Василий Бугрименко, Федор Руденко и другие комсомольцы Ледного организовали подпольную группу для борьбы с оккупантами. Федор Руденко уже был знаком с военным делом: в феврале 1943 года он ушел добровольцем в Красную Армию, но под Чугуевом попал в плен, бежал и вернулся домой, в Ледное, где сразу же вступил в подпольную группу.

В конце мая 1943 года Руденко, Кисляк и Бугрименко были арестованы и отправлены в гестапо города Харькова. Накануне они убили офицера эсэсовца. Более двух недель гестаповцы терзали молодых комсомольцев. 18 июня 1943 года измученных, но непокоренных патриотов привезли в Ледное, чтобы повесить на глазах у всех жителей. Федору Руденко перед казнью не удалось сказать ни слова: палачи заткнули ему рот. Тогда Мария Кисляк крикнула: «Прощайте, тато и мамо и все друзья, погибаю за Родину. Товарищи, убивайте немцев, очищайте нашу землю от гадюк».

---

[1] 18 июня 1943 года М. Т. Кисляк и ее товарищи были повешены.



Товарищи
погибаю за родину
[illegible] жизни
В. Троцкая дорогая я
[illegible] и [illegible]

Записка М. Т. Кисляк из гестаповской тюрьмы в Харькове



Так расправились гитлеровцы с Марией Кисляк и ее товарищами

Целые сутки палачи не разрешали снять с виселицы тела героев. Они хотели запугать советских людей, но добились обратного. Остановить борьбу против гитлеровского режима фашисты были не в состоянии.

Марии Тимофеевне Кисляк Указом Президиума Верховного Совета СССР присвоено звание Героя Советского Союза.

Сохранилась записка Марии Кисляк на маленьком клочке бумаги, которую она написала перед казнью и спрятала под подкладку своего жакета; там и нашли ее родные. Записка хранится в Центральном государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства СССР (ф. 7021, оп. 149, д. 16, л. 33).

«Комсомольская правда» 17 января 1964 года рассказала о том, что сельский фотограф Я. С. Шелехов, выполняя приказ оккупантов, размножил фотографии казни комсомольцев и один экземпляр сумел оставить себе, чтобы обнародовать его после изгнания гитлеровцев из Ледного.

СТИХОТВОРЕНИЕ «СОСЕД» СОВЕТСКОГО ЖУРНАЛИСТА И. Ф. ДЕНИСЕНКО

21 июня 1943 г.



И. Ф. Денисенко

За окошком камеры моей
Клен стоит, едва скривившись станом.
Я прижмусь к решетке поплотней,
Говорок соседа слушать стану.
Что он скажет, островерхий мой?
Что он слышит, прислонившись к тыну?
Может,— скоро ль вырвусь я домой,
Может,— скоро ль я навек загину?
Злополучный ветер налетел,
И опутал, и согнул беднягу.
Я упорно, страстно жить хотел,
Потому в могилу, верно, лягу.
Клен стоит, шатаясь и скрипя,
Клен шумит и шепчет, шепчет глухо,
Будто бы сказать мне торопясь,
Чтоб чужого не коснулось слуха:
«Я сегодня под дождем промок
И потрепан ветром ураганным.
Ты, как я, сегодня одинок,
Ты опутан злобными врагами.
Не тоскуй, приятель, не грусти:
Есть всему конец на этом свете —
Мне при жизни с места не сойти,
Ты ходить не будешь после смерти.
Если я переживу твой век,
Дети подрастут — твоя отрада,
Будь уверен, добрый человек,
Про тебя им расскажу всю правду».
И замолк. Не шелохнется лист.
Тихо-тихо. Летний день погожий...
Знайте, люди: я был сердцем чист,
А в глазах... О, не смотри, прохожий!

В 1930 году 17-летний Иван Денисенко окончил общеобразовательную школу в Черикове, Белорусской ССР. Вскоре он начал работать в районной газете «Соцыялістычная перамога». Его статьи, очерки, стихи часто стали появляться на страницах республиканской и центральной печати.

В поэме Ивана Денисенко, посвященной подвигу пограничника, «Семен Лагода», которая опубликована в «Советской Белоруссии» 12 сентября 1938 года, мы читаем:

...Есть истории огромный камень,
Мы на нем напишем имена,
Золотом их тиснем, чтоб веками
Помнила и чтила их страна —
Всех, кто умер за свою Отчизну,
За ее величье и расцвет,
Всех, кто отдал дорогие жизни,
Чтобы ярче лился счастья свет.

Автор этих строк не знал, что через несколько лет он, так же как и герой его поэмы, отдаст свою жизнь за Родину.

Началась Великая Отечественная война. Денисенко призывают в армию. В районе Кричево советские войска вели бои с фашистскими танками. Полк, в котором находился Денисенко, попал в окружение. Группе бойцов и командиров удалось вырваться, но к этому времени фронт уже передвинулся далеко на восток. Иван Денисенко, тяжело больной, очутился в родной деревне.

По заданию партизан он стал секретарем чериковской окружной полиции. С риском для жизни передавал партизанам сведения о расположении гитлеровских частей, об их вооружении, помогал совершать диверсии. Фашисты, заподозрив его в подпольной деятельности, схватили и бросили в гестаповский застенок.

Свое последнее, незаконченное стихотворение «Сосед» он написал на клочке папиросной бумаги и передал родным через тюремную решетку. Оно посвящается его детям.

5 июля 1943 года Ивана Денисенко расстреляли. Стихотворение опубликовано в газете «Советская Белоруссия» 5 мая 1960 года.

НАДПИСЬ СОВЕТСКИХ ПАТРИОТОВ НА СТЕНЕ ФАШИСТСКОГО КАЗЕМАТА ПОД НОВОРОССИЙСКОМ

Июнь 1943 г.

Прощайте, дорогие друзья!
Умираем с гордо поднятой головой.
Бейте беспощадно фашистов!


С. Г. Островерхов

Когда Советская Армия освободила Новороссийск, наши разведчики обнаружили эту надпись на одной из стен мрачного каземата, превращенного фашистами в камеру пыток. Надпись сделана подпольщиками группы Степана Григорьевича Островерхова, действовавшей в Новороссийске.

Вот что говорится о ней в очерках истории Краснодарской партийной организации: «Славную страницу в истории... подполья на Кубани вписала новороссийская подпольная организация, имевшая в своем составе 23 члена. Ее возглавил С. Г. Островерхов — в прошлом партизан и подпольщик гражданской войны, оставленный для руководства подпольной работой в тылу врага Новороссийским горкомом ВКП(б). Подпольная организация была тесно связана с населением. Она имела своих людей почти во всех органах немецкого оккупационного аппарата — в комендатуре, в полиции, на бирже труда, которые собирали данные о численности войск противника, их размещении и вооружении, о расположении вражеских минных полей, огневых точек, оборонительных рубежей. Все эти сведения С. Г. Островерхов передавал советским армейским разведчикам, партизанам Анапского партизанского соединения. По разведывательным данным Новороссийского подполья, советские войска подвергли точному артиллерийскому обстрелу немецкие береговые батареи и нефтяные баки, в которых находилось 8 тыс. тонн горючего. От мощных залпов советских орудий взлетела на воздух мебельная фабрика, на которой фашисты организовали переработку нефти на бензин».

В ночь на 10 июня был арестован по доносу предателя С. Г. Островерхов и почти все члены организации. Мужественно перенесли они изуверские пытки фашистов. Их расстреляли около станицы Натухаевской. Останки подпольщиков были перенесены после войны в Новороссийск и похоронены в братской могиле.

Надпись советских патриотов на стене фашистского каземата воспроизведена в книге «Народный подвиг в битве за Кавказ» (М., 1981, с. 264).

НАДПИСЬ ПОДПОЛЬЩИКА П. И. КОЛОДИНА В ЗАСТЕНКАХ ГЕСТАПО ГОРОДА ЧИСТЯКОВО

1 июля 1943 г.



П. И. Колодин

Дорогие товарищи,

я умираю без страха. Мужайтесь! Боритесь с кровожадным зверем. Еще раз прошу: уничтожайте врага! Прощайте.

Павел Колодин.



1 июля 1943 г.

Павел Иванович Колодин перед войной учился в сельскохозяйственном институте в Зернограде, Ростовской области. С мальчишеских лет мечтал стать агрономом. Началась война. Институт закрылся. После оккупации города Павел организует подпольную комсомольскую организацию. Когда шли бои за освобождение Зернограда, Колодин возглавил небольшой партизанский отряд. После освобождения города (24 января 1943 года) его временно назначили председателем местного Совета депутатов трудящихся. На его плечи легли заботы по налаживанию нормальной жизни в городе и окрестностях.

Вскоре штаб Южного фронта направляет Павла Ивановича на курсы по специальной подготовке организаторов партизанских отрядов.

В конце февраля 1943 года Павел Иванович утверждается командиром особой группы «Победа». Ей поручается провести ряд операций в ближайшем тылу врага, в районе Матвеева Кургана. Вместе с боевыми соратниками — Антониной Остапенко (ныне Миронова), Филиппом Сидельниковым и др.— Колодин устанавливает связи с подпольными организациями, налаживает снабжение партизанских отрядов оружием и продовольствием. В Макеевке Павел Иванович встречается с руководителями подпольных антифашистских групп, занимавшихся диверсиями на угольных шахтах, связывается с подпольщиками поселка Буденновка в городе Сталино, которыми руководили Савва Матекин и Степан Скоблов.

Во второй раз диверсионная группа в составе П. Колодина, Ф. Сидельникова и М. Ореховой отправилась в тыл врага в середине марта 1943 года. Полученное задание было выполнено. Павлу Ивановичу удалось организовать вторую — «младшую» — группу подпольщиков в селе Авдотьине и связать ее с Большой землей. При его участии был взорван местный завод боеприпасов, который усиленно охранялся фашистами.

В те дни, сообщая в штаб партизанского движения Южного фронта о росте рядов подпольщиков и партизанских отрядов, Павел Иванович писал: «Льговская Надежда, член ВКП(б), работает в плодоовощном совхозе (между Мандрыкиным и Караванной); группы состоят: одна — из 7 человек, другая — из 9. Обе группы, которыми руководит Льговская, нуждаются в вооружении и боеприпасах».

Вернувшись к своим, Павел Иванович занимается организацией помощи подпольщикам и партизанам, проводит переброску оружия и медикаментов. А затем, в конце мая 1943 года, снова отправляется через линию фронта, на этот раз в группе опытного разведчика В. Д. Авдеева. Случилось так, что почти вся группа попала в засаду и погибла. Павел Колодин мужественно выдержал все пытки. Погиб он 1 июля 1943 года, успев оставить эту записку,

копия которой хранится в партийном архиве Донецкого обкома КПУ. О жизни и героической борьбе Павла Ивановича Колодина можно подробнее узнать из книги В. Шутова «Разведчик Колодин» (Донецк, 1966) и материалов партийного архива Института истории партии при ЦК КПУ (ф. 62, оп. 62—2, 62—19, д. 1, 480 и др.).

ПОСЛЕДНЕЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДИРА БАТАРЕИ КАПИТАНА Г. И. ИГИШЕВА — ГЕРОЯ БИТВЫ НА КУРСКОЙ ДУГЕ

8 июля 1943 г.



Г. И. Игишев

Либо все погибнем, либо и эта атака будет отбита, но назад не отступим.

Капитан Игишев.

В битве на Курской дуге, ставшей величайшим сражением Великой Отечественной войны, ожесточенные бои шли на всех участках фронта. Из 1200 танков противника, рвавшихся к Курску с севера, более 300 было брошено на Тепловские высоты. В окрестностях села Самодуровка вражеским атакам противостояли артиллеристы 3-й истребительной бригады, которой командовал полковник В. Н. Рукосуев.

После победы в историю боевого пути артиллерийской бригады будет вписано: «8 июля ...основной удар обрушился на батарею капитана Г. И. Игишева... На батарее, уничтожившей 17 танков, осталось одно оружие, в живых — три человека. Они продолжали сражаться...»

Участник этих боев, бывший рядовой И. Е. Филатов рассказывал: «Танки шли лавиной. Сколько их было, не считали. Машины двигались по полю зигзагами, меняя направление. Чтобы сбить с толку наших артиллеристов, помешать им прицелиться... Рвутся бомбы... Такой грохот стоял, что кровь текла из ушей».

Бывший заряжающий К. В. Подколзин дополняет: «Взрывы подняли землю. От пыли ничего не было видно даже вблизи. Рот, глаза — все забито песком. Танки различали по силуэтам. Поле горит. Никогда не забуду, какой тяжелый, удушливый дым полз по окопам. Запах пороха, горящего масла, раскаленного металла, золы. Мы задыхались...» Каждый сражался до последних сил. И враг не выдержал, отступил, оставив на поле боя более 100 танков,

подбитых артиллеристами 3-й истребительной бригады, в том числе 17 из орудий капитана Игишева. О том, как был подбит последний, 18 танк, рассказал наводчик А. В. Пузиков — единственный из уцелевших воинов игишевской батареи:

«Снаряд разорвался прямо на огневой позиции. Меня ранило в голову и в бок. Орудие опрокинулось, оторвалось колесо. Мы поставили орудие на снарядные ящики и продолжали стрелять по танкам. На нас вышел фашистский «тигр». Я зарядил снаряд. Танк целится в нас, мы — в него. Танк вспыхнул. Но и его снаряд попал в наше орудие. Я потерял сознание...»

Капитану Г. И. Игишеву посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Еще гремела война, когда по решению военного совета Центрального фронта под Тепловскими высотами возник памятник. Его поставили сами артиллеристы. На пьедестал подняли орудие № 2242 — последнее, стрелявшее на батарее Игишева.

О подвигах участников Курской битвы у Тепловских высот 5 июля 1983 года рассказала «Комсомольская правда».

ПИСЬМО ПАРТИЗАНКИ-РАЗВЕДЧИЦЫ К. П. ИВАНОВОЙ

13 июля 1943 г.



К. П. Иванова

Родные мамулька и Ленусечка!

Крепко целую вас и желаю вам здоровья! Мамусенька, я недавно послала вам письмо и деньги...

Я сегодня уезжаю в командировку, довольно продолжительную, писать не обещаю пока, но ты не волнуйся, обо мне в любое время сможешь узнать у Л. Х. Этот товарищ из одного подразделения со мной и всегда обо мне будет знать. Пиши ему чаще и обращайся к нему со всеми вопросами и просьбами, а он в свою очередь знает, к кому обращаться.

Родная мамочка, я очень скучаю по тебе и Ленуське, ты мне очень часто снишься, и я этим довольна. Приеду я, конечно, не скоро, ты сама, мамочка, понимаешь, может быть, к весне будущего года. Но ты не грусти, я здорова, чувствую себя замечательно и очень рада от сознания, что сама лично принимаю участие в деле разгрома подлейшего врага, который заставил тебя и много миллионов нашего народа так переживать. Пусть это успокаивает тебя, родная:

В будущем году соберемся снова все вместе: и папа, и я, и ты с Ленусей. Тогда будет очень о многом поговорить.

Поцелуйте в письме папу за меня, я очень давно не получала от него писем. В письме к Тамарочке я просила, чтобы она написала мне о вас, я думала, что ее письмо застанет меня еще здесь, но оказалось не так, очень переживаю, что не знаю о вас ничего.

Адреса постоянного не имею, поэтому получить от вас письма не смогу. Но, мамусенька, пиши...

До свиданья, родные!

Крепко, крепко целую тебя, самая дорогая моя и любимая мамусенька, и дорогую сестренку Ленуську.

Ваша Клава.

13/VII — 1943 г.

Клавдия Иванова в сентябре 1942 года пришла в военкомат города Борисоглебска, Воронежской области, и попросила направить ее в тыл врага: она хорошо владела немецким языком.

В первых числах октября вместе с другими добровольцами Клаву отправили в один из волжских тыловых городов для обучения радиосвязи. Начались занятия. «В учебе имею хорошие успехи,— пишет она 22 ноября 1942 года своей подруге.— Не дождусь, когда смогу применить накапливаемые знания на деле. Это моя основная цель, и вся моя работа направлена на ее осуществление». Она рвалась на фронт, чтобы приблизить желанный день победы. «Надо быть уверенным в том, что после разгрома врага мы снова будем вместе,— писала Клава 31 января 1943 года своей матери и младшей сестренке Леночке.— А это требует много работы, для этого нужно пренебрегать всем и стремиться к одной цели — разгромить врага! Я лично еще очень мало сделала в этом общем деле и постараюсь оправдать звание члена Ленинского комсомола».

Наконец учеба закончена. 24 февраля 1943 года Клава Иванова направляется на фронт. Письма стали приходить редко. В качестве радистки разведывательных групп Клава несколько раз пересекала линию фронта. «Я, как и все патриоты нашей Родины, делаю общее дело во имя победы над врагом,— пишет она в редкие дни пребывания в советском тылу.— Окончится война, и мы снова будем вместе, а сейчас надо переживать все, в будущем предстоит еще много трудностей, чтобы окончательно сломить подлого фашистского зверя».

13 июля 1943 года, перед уходом на очередное задание в тыл гитлеровцев, девушка написала последнее письмо. В сентябре 1943 года в тылу фашистов оборвалась короткая жизнь патриотки. Клаве Ивановой было всего 20 лет.

Письма К. П. Ивановой сохранились у ее матери С. И. Ивановой.

НАДПИСЬ ВОЗДУШНОГО СТРЕЛКА И. С. СЕРГЕЕВА

21 июля 1943 г.

Прощай, Родина. Я умираю, но не сдаюсь. Сергеев Иван Семенов. 21/VII—43 г.

В августе 1943 года семья Сергеевых получила официальное письмо, в котором командир части майор Шавров сообщал: «Младший сержант воздушный стрелок Сергеев Иван Семенович, выполняя задание, не вернулся на свою базу. Пропал без вести».

Это было второе печальное известие: немного раньше погиб старший сын, Александр.

Несколько лет спустя после окончания войны следопыты — ученики Бобовичской школы, что на Гомельщине, нашли на берегу реки Сож небольшой камень, на котором чем-то острым были нацарапаны слова. С трудом разобрали надпись, которую мы привели выше.

О волнующей находке старший научный сотрудник краеведческого музея Гомеля М. Зеленков написал в газету «Известия». Заметка краеведа заканчивалась словами: «Имена боевых друзей солдата пока неизвестны. Может быть, кто-нибудь остался жив и... продолжит рассказ, начатый немым свидетелем подвига?»

В поиск включились многие. И вот что выяснилось.

Воздушный бой продолжался недолго. Покинув неуправляемый самолет, его экипаж оказался на территории, занятой гитлеровцами. Воздушный стрелок младший сержант Иван Сергеев занял оборону на речном берегу, решил умереть, но не сдаваться врагу.

Ивану Сергееву было тогда 20 лет. Он родился в 1923 году в Калининской области, а в армию был призван в июне 1942 года Прокопьевским райвоенкоматом Кемеровской области. Об этом сообщили работники отдела учета персональных потерь сержантов и солдат Советской Армии при Центральном архиве Министерства обороны СССР.

Иван, окончив десятилетку, работал на шахте в Прокопьевске. Но мечта у него была одна — научиться летать, и он поступил в местный аэроклуб. Потом — фронт, воздушные бои. И так более года. 21 июля он погиб.

В деревне Матюшино, под Прокопьевском, где живут его родители, создан небольшой музей боевой славы; тут собраны и документы о жизни и подвиге воздушного стрелка Ивана Сергеева. Предсмертные слова мужественного защитника Родины напечатала 3 октября 1967 года газета «Известия».

ПИСЬМА РАЗВЕДЧИКА Н. И. КУЗНЕЦОВА

3 июня 1942 г.— 24 июля 1943 г.



Н. И. Кузнецов

ПИСЬМО С ПРОСЬБОЙ ОТПРАВИТЬ В ТЫЛ ВРАГА

3 июня 1942 г.

Я, как всякий советский человек, в момент, когда решается вопрос о существовании нашего государства и нас самих, горю желанием принести пользу моей Родине.

Бесконечное ожидание (почти год!) при сознании того, что я, безусловно, имею в себе силы и способности принести существенную пользу моей Родине, страшно угнетает меня. Как русский человек, я имею право требовать предоставить мне возможность принести пользу моему Отечеству в борьбе против злейшего врага.

Дальнейшее пребывание в бездействии я считаю преступным перед моей совестью и Родиной. Прошу довести до сведения руководства этот рапорт...

Я вполне отдаю себе отчет в том, что очень вероятна возможность моей гибели при выполнении заданий разведки, но смело пойду в тыл врага, так как сознание правоты нашего дела вселяет в меня великую силу и уверенность в конечной победе. Это сознание даст мне силы выполнить мой долг перед Родиной до конца.

Кузнецов.

ИЗ ПИСЬМА БРАТУ — В. КУЗНЕЦОВУ

25 июля 1942 г.

...В ближайшие дни отправлюсь на фронт. Лечу на самолете.

Витя, ты — мой любимый брат и боевой товарищ, поэтому я хочу быть с тобой откровенным перед отправкой на выполнение боевого задания.

Война за освобождение нашей Родины от фашистской нечисти требует жертв. Неизбежно приходится пролить много крови, чтобы наша любимая Отчизна цвела и развивалась и чтоб наш народ жил свободно.

Для победы над врагом наш народ не жалеет самого дорогого — своей жизни. Жертвы неизбежны. И я хочу откровенно сказать тебе, что очень мало шансов за то, чтобы я вернулся живым... Почти сто процентов за то, что придется пойти на самопожертвование. И я совершенно спокойно и сознательно иду на это, так как глубоко

сознаю, что отдаю жизнь за святое, правое дело, за настоящее и цветущее будущее нашей Родины.

Мы уничтожим фашизм, мы спасем Отечество. Нас вечно будет помнить Россия, счастливые дети будут петь о нас песни, и матери с благодарностью и благоговением будут рассказывать детям о том, как в 1942 году мы отдали жизнь за счастье нашей горячо любимой Отчизны. Нас будут чтить и освобожденные народы Европы.

Разве может остановить меня, русского человека, большевика, страх перед смертью? Нет, никогда наша земля не будет под рабской кабалой фашистов. Не перевелись на Руси патриоты, на смерть пойдем, но уничтожим дракона!

Храни это письмо на память, если я погибну, и помни, что мстить — это наш лозунг за пролитые моря крови невинных детей и стариков. Месть фашистским людоедам! Беспощадная месть! Чтоб в веках их потомки заказывали своим внукам не совать своей подлой морды в Россию. Здесь их ждет только смерть...

Перед самым отлетом я еще тебе черкну.

Будь здоров, братец. Целую крепко.

Твой брат Николай.

ПИСЬМО-ЗАВЕЩАНИЕ
КОМИССАРУ ОТРЯДА МАЙОРУ СТЕХОВУ

Завтра исполняется 11 месяцев моего пребывания в тылу немецких войск.

25 августа 1942 года в 24 час. 05 мин. я спустился на парашюте, чтобы беспощадно мстить за кровь и слезы наших матерей и братьев, которые стонут под ярмом немецких оккупантов.

11 месяцев я изучал врага, пользуясь мундиром немецкого офицера. Я готовился к смертельному для фашистов удару, пробирался в самое логово сатрапа — немецкого тирана на Украине Эриха Коха.

Задание очень важное, и, чтобы его выполнить, нужно пожертвовать своей жизнью, ибо уйти из центра города после удара по врагу на параде — совершенно невозможно. Я люблю жизнь. Я еще очень молод. Но потому, что Отчизна, которую я люблю, как свою родную мать, требует от меня пожертвовать жизнью во имя освобождения ее от немецких оккупантов, я сделаю это. Пусть знает весь мир, на что способен русский патриот и большевик. Пусть запомнят фашистские главари, что покорить наш народ невозможно так же, как и погасить солнце.

Немецкие кретины Гитлер, Кох и компания думали уничтожить наш великий советский народ. По своему скудоумию они думали, что в море крови можно утопить русский и другие братские народы СССР.

Они забыли или не знали истории, эти дикари XX века. Они поймут это 29 июля 1943 года по свисту и взрыву противотанковой гранаты, когда их поганая немецкая кровь брызнет на асфальт... Пусть я умру, но в памяти моего народа я буду бессмертен.

«Пускай ты умер! Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету!»

Это мое любимое произведение Горького, пусть чаще читает его наша молодежь, из него я черпал силы для подвига.

Ваш Кузнецов.

Прочитать только после моей гибели.
24/VII. 1943 г. Кузнецов.

Имя и боевые подвиги Героя Советского Союза Николая Ивановича Кузнецова легендарны.

Но начнем с малоизвестного документа — вынужденного признания гитлеровского командования по Галицийскому округу, где долгое время действовал отважный советский разведчик.

«Начальнику полиции безопасности и СД. Секретно. Государственной важности. 2 апреля 1944 года.

Главное управление имперской безопасности и группенфюреру СС генерал-лейтенанту Мюллеру, лично. Берлин.

Телеграмма-молния.

При одной из встреч 1 апреля 1944 года украинский делегат группы Бандеры, обсуждавший с нами возможность совместной работы против большевиков, сообщил, что одним подразделением украинских националистов 2 марта 1944 года в лесу близ Белогородки, в районе Вербь (Волынь), задержаны три советских агента. Арестованные имели фальшивые немецкие документы, карты, немецкие, украинские и польские газеты, среди них «Газета львовска» с некрологом о докторе Бауэре и докторе Шнайдере, а также отчет одного из задержанных о его работе.

Данный агент, по немецким документам его имя Пауль Зиберт, опознан украинскими националистами. Речь идет о советском партизане — разведчике... который долгое время совершал свои акты в Ровно, убив, в частности, доктора Функа и похитив генерала Ильгена, и который все еще разыскивается сыскной полицией.

Во Львове «Зиберт» был намерен расстрелять губернатора доктора Вехтера. Это ему не удалось. Вместо губернатора были убиты вице-губернатор доктор Бауэр и его президент-шеф доктор Шнайдер. Оба этих немецких государственных деятеля были застрелены неподалеку от их квартир.

В отчете «Зиберта» дано описание актов убийства до малейших подробностей. Во Львове «Зиберт» расстрелял не только Бауэра и Шнайдера, но и ряд других лиц, в частности майора полевой жандармерии Кантера и подполковника воздушных сил Петерса.

В это время «Зиберт» имел еще одно столкновение с гестапо. Когда хотели проконтролировать его машину, он застрелил высшего гестаповского офицера. При следующем контроле «Зиберт» застрелил еще одного немецкого офицера и его адъютанта.

После этого он оставил машину и бежал в леса, где вел борьбу с отрядами бандеровцев и пробирался в сторону советского фронта...»

Далее сообщалось, что советский разведчик и двое его сообщников были обнаружены убитыми на Волыни и найденные при них документы полностью подтверждают проведение ими крупных акций против немецко-фашистской Германии. В заключение указывалось на исключительную важность для имперской службы безопасности и СС «дела Пауля Зиберта».

Пауль Вильгельм Зиберт, обер-лейтенант 230-го полка 76-й пехотной дивизии,— это советский разведчик Николай Иванович Кузнецов. То, о чем сообщалось в телеграмме, составляло лишь частицу огромной повседневной деятельности разведчика-коммуниста.

Николай Иванович Кузнецов родился в 1911 году в селе Зырянка, Талицкого района, Свердловской области. Недалеко от родного села находилась немецкая колония, в которой Николай часто бывал и разговаривал с колонистами на немецком языке. К окончанию средней школы он говорил по-немецки довольно свободно.

В 1927 году вступил в ВЛКСМ. Работал в коммуне «Красный пахарь», затем в Коми-Пермяцком округе, Пермской области, а с 1934 года — на Уралмашзаводе, в городе Свердловске. В эти годы заочно окончил индустриальный институт.

Война застала Кузнецова в Москве, где он работал инженером. В первые же дни войны Николай Иванович подал заявление с просьбой направить его в тыл врага для разведывательной работы. Получив наконец разрешение, он занялся изучением оружия и военной техники врага, тренировался в стрельбе и подрывном деле, беседовал с пленными гитлеровскими офицерами и генералами.

В ночь на 26 августа 1942 года Кузнецов с небольшой группой парашютистов был доставлен в тыл врага. 28 августа произошла встреча с командиром партизанского соединения Героем Советского Союза Д. Н. Медведевым. С этих пор начинается боевая деятельность партизанского разведчика.

Кузнецов неоднократно выходил на выполнение боевых заданий, а с октября 1942 года почти все время находился в городе Ровно — резиденции рейхскомиссара Украины Эриха Коха.

Здесь отважный советский разведчик выполнял исключительные по своей смелости и дерзости задания. Из его рук советское командование нередко получало чрезвычайной важности политические и военные сведения. В частности, с помощью Н. И. Кузнецова уда-

лось раскрыть заговор нацистской разведки, пытавшейся совершить покушение на руководителей государств антигитлеровской коалиции во время совещания в Тегеране в 1943 году. Он своевременно сообщил о подготовке гитлеровского наступления на Курской дуге.

Николай Иванович отличался исключительной храбростью и находчивостью, и его подвиги являлись поистине легендарными. Однажды, переодевшись в форму гитлеровского офицера, разведчик явился в помещение германского суда и убил из пистолета главного фашистского судью Украины Альфреда Функа. В конце сентября 1943 года Кузнецов привел в исполнение смертные приговоры в отношении Геля — советника Коха по финансовым делам — и другого его матерого помощника — генерала Германа Кнута.

В ноябре 1943 года Н. И. Кузнецов с помощью трех товарищей выкрал из особняка командующего особыми войсками гитлеровской Германии на Украине генерала Ильгена.

18 января 1944 года Кузнецов получил новое задание и выехал во Львов для уничтожения палача украинского народа — вице-губернатора Галиции Бауэра. Выполнив задание, Кузнецов вместе с партизанами Яном Каминским и Иваном Беловым пробирался к линии фронта. В ночь на 9 марта 1944 года в селе Боратин, Бродского района, Львовской области, его опознал один из бандеровских бандитов. В завязавшейся схватке Николай Кузнецов взорвал себя гранатой вместе с набежавшими врагами.

26 декабря 1943 года Н. И. Кузнецов был награжден орденом Ленина, а 5 ноября 1944 года ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Подвиги Н. И. Кузнецова описаны Д. Н. Медведевым в книгах «Это было под Ровно» и «Сильные духом». О последних днях его жизни см. «Правда», 23 декабря 1959 года, «Литературная газета», 21 февраля 1961 года, «Неделя» № 13 за 1969 год и др.

Последнее письмо написано героем 24 июля 1943 года на случай смерти при выполнении особого задания командования: в городе Ровно ему было поручено уничтожить палача украинского народа Эриха Коха, гитлеровского рейхскомиссара Украины. Это письмо он доверил своему боевому другу — комиссару партизанского отряда Сергею Трофимовичу Стехову.

Письмо хранится в Государственном архиве Львовской области (ф. 30, оп. 6, д. 228, л. 24). Опубликовано в сборнике «Боротьба трудящих Львівщини против німецько-фашистських загарбників» (Львів, 1949, с. 173—174).

НАДПИСЬ КОМСОМОЛКИ М. ГРЫЗУН НА СТЕНЕ ТЮРЕМНОЙ КАМЕРЫ

28 июля 1943 г.

Меня, комсомолку Марину Грызун, немцы убили 28 июля 1943 года. Друзья и товарищи, отомстите за меня, за всех, погибших от рук немцев!

Марина Грызун, комсомолка, депутат местного сельского Совета, проживала в селе Михайловка, Богуславского района, Киевской области, в колхозе имени Ленина. В период фашистской оккупации укрывала трех оставшихся в тылу врага красноармейцев и лечила их. Вместе с другими комсомольцами села она составляла листовки, призывающие к борьбе против оккупантов, и расклеивала их на стенах домов, вела агитацию среди населения. В июле 1943 года Марину арестовали и заключили в камеру гестапо в Богуславе. Ее пытали. Расправа над ней была совершена 28 июля 1943 года. Выше приведены слова, написанные кровью на стене тюремной камеры. Надпись М. Грызун опубликована в книге П. Мальвецци и Дж. Пирелли «Письма обреченных на смерть борцов европейского Сопротивления» (с. 698).

ПИСЬМО РОДНЫМ И ЗАПИСКА А. С. ПОСТОЛЬСКОЙ

Ноябрь 1942 г.
и 9 августа 1943 г.

ПИСЬМО РОДНЫМ

Ноябрь 1942 г. [1]



А. С. Постольская

Я живу хорошо. Жизнь в армии мне очень нравится. По крайней мере чувствуешь себя настоящим человеком и во многом изменяешься.

После войны буду продолжать гражданскую специальность, а пока овладеваю военной. Меня не узнать сейчас, вот сфотографируюсь и пришлю карточку!

Ну, пока все.

Буду продолжать мечтать получить хоть две строчки от вас. Пиши, дорогая Таня, ведь ты сама знаешь, что значит чуть ли не полгода ни одной весточки не получить.

---

[1] Датируется по содержанию письма.

Мамочка! Ты только не беспокойся за всех нас. Ты только должна гордиться, что и сын и дочь, которых ты воспитала, служат в Красной Армии. Ведь ты же знаешь, что это нужно Родине!

Будь спокойна, дорогая мамуся, если нужно будет, то твои дети никогда не подведут, так воспитали вы нас, так воспитывает нас комсомол.

И если нужно будет умереть, то мы и умрем, как умирают сотни и тысячи наших славных бойцов на фронтах Отечественной войны.

Ведь сколько девушек, юношей отдают свои жизни во имя спасения нашей Родины, сколько прекрасных достойных людей бесстрашно сражаются и прекрасно умирают в боях, но не сдаются!

Разве это еще не пример!

И наш долг, долг перед всем народом,— успешно овладеть военной специальностью и стать полноценными бойцами Красной Армии.

Эх, мамуся, не горюй! Ни одного гада не останется на нашей земле!!!

Пока всего!

Танюша, пиши. Береги маму, Верочку.

Целую вас всех крепко, крепко.

Горячо любящая вас Шура.

ЗАПИСКА

9. 8. 1943 г.

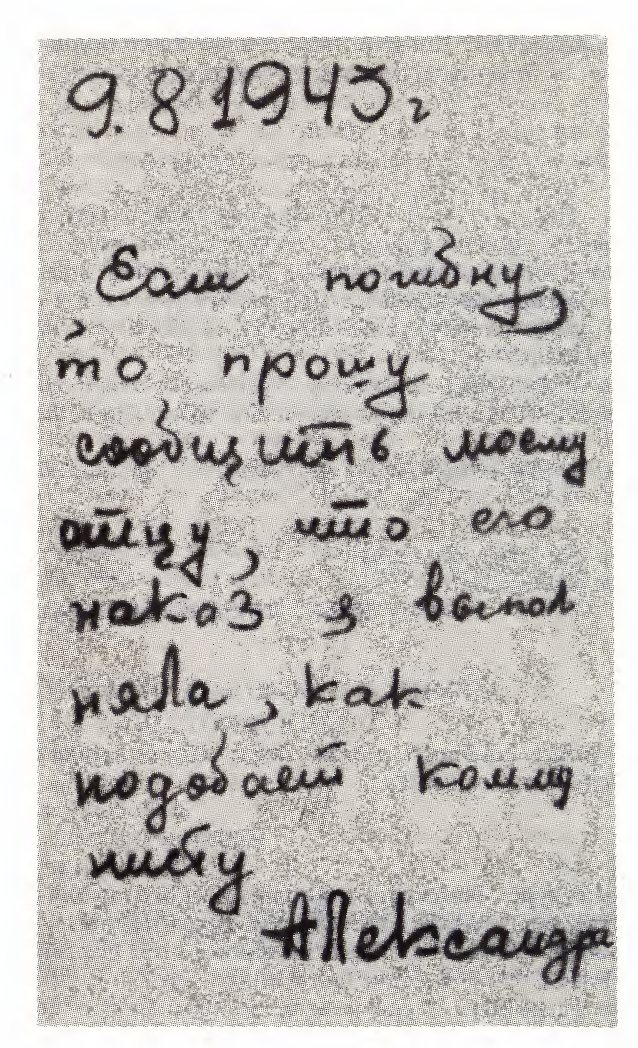
Если погибну, то прошу сообщить моему отцу, что его наказ я выполняла, как подобает коммунисту.

Александра.

Поступив на первый курс Томского технологического (политехнического) института, Александра Постольская была полна надежд. Но война сломала все ее планы. Ушли на фронт отец Сергей Александрович, член КПСС с 1918 года, брат Владимир.

С каким восторгом встретила Шура извещение о том, что ее неоднократные просьбы об отправке на фронт наконец-то удовлетворены. «Мне доверяют, меня берут на фронт,— писала она в те дни.— Я люблю свою Родину, люблю жизнь... И я буду помогать армии, фронту. Это, хорошо!!!»

В августе 1942 года Шура уже сражалась на передовых позициях в составе 758-го стрелкового полка. Боевые товарищи вскоре избрали бесстрашную, неунывающую и всегда отзывчивую девушку комсоргом 3-го стрелкового батальона. В характеристике командования полка читаем: «Постольская А. С. организовала четкую работу комсомольских организаций спецподразделений, принимает


9.8.1943 г

Если погибну, то прошу сообщить моему отцу, что его наказ я выполняла, как подобает командиру

Александра

Последние строки из последнего письма А. С. Постольской

непосредственное участие в подготовке разведчиков. В бою действует смело».

7 июля 1943 года в жизни Шуры произошло большое событие: она была принята в члены великой партии Ленина. Именно в те дни на фронте начались жаркие бои со свежими силами фашистов. 3-й стрелковый батальон вынужден был вести тяжелые, непрерывные бои, прикрывая боевые порядки соседних частей. В районе села Рыбки, Смоленской области, батальон, переходя то и дело в контратаки, оттянул на себя крупные силы противника; и случи-

лось так, что бойцы батальона в ночь на 9 августа 1943 года оказались в окружении. Тогда-то Шура и написала свою последнюю записку, в которой заверяла, что выполнит свой долг, как подобает коммунисту.

Комсорг личным примером вдохновляла бойцов, помогала преодолевать трудности окружения. После того как был получен приказ прорвать кольцо врага и выйти из окружения, Шура вместе с группой разведчиков отправилась искать слабое место в боевых порядках врага. Наконец оно найдено. Шура первая бросилась к цепи фашистов с призывом: «Бейте гадов!» Вслед за комсоргом устремились разведчики и взвод автоматчиков. Гитлеровцы дрогнули. В образовавшуюся брешь двинулись бойцы батальона и вскоре соединились со своей частью.

Во время наступившего затишья Шура Постольская неизменно находилась среди красноармейцев. С ними она мечтала о послевоенной жизни, декламировала свои стихи, написанные в перерывах между боями. И стоило только начаться боевой тревоге, как комсорг с автоматом в руках уже вставала впереди товарищей и увлекала их вперед.

16 августа 1943 года началось новое наступление врага на данном участке фронта. На позиции батальона брошены свежие силы гитлеровцев. Батальону вновь угрожала опасность быть отрезанным от своих. Ефрейтор Постольская, видя, как враг пытается сломить бойцов на левом фланге, бросилась на выручку. «Товарищи, вперед!» — повела она бойцов в новую контратаку. Бой, продолжавшийся несколько часов, окончился победой. Но радость бойцов была омрачена смертью их комсорга Шуры Постольской. Товарищи поклялись отомстить за нее.

За выдающуюся храбрость и отвагу Александра Сергеевна Постольская была награждена орденами Отечественной войны I и II степеней. Бережно сохранили товарищи и родные фронтовые письма героини; часть их — около 70 — была опубликована А. В. Королевой в книге «Фронтовые письма Шуры Постольской», где, к сожалению, текст писем передан с серьезными искажениями, неправильной датировкой.

Последняя записка воспроизводится по оригиналу. Ценный фактический материал о А. С. Постольской имеется в ее личном деле о приеме в члены ВКП(б) политотделом 88-й стрелковой дивизии 7 июля 1943 года (Центральный архив Министерства обороны СССР, ф. 88, оп. 18331, д. 4) и в фондах партийного архива при Томском обкоме КПСС.

ПИСЬМО МЛАДШЕГО ЛЕЙТЕНАНТА Л. КУРЬИНА СЕСТРЕ

Не позднее 15 августа 1943 г. [1]

Добрый день, Соня. Шлю я тебе свой боевой привет и желаю тебе и твоим детям светлой и радостной жизни.

Соня, дорогая моя сестренка! Как бы мне хотелось очень много рассказать в этих строках, поделиться с тобой своими мыслями.

Вот уже много месяцев идет Отечественная война. Сквозь эти грозные дни борьбы за нашу любимую Родину я честно пронес звание коммуниста, советского патриота. Я испытал опасности и трудности войны, но я постиг и счастье победы. Только жаль, что я мало набил немцев. И все же я имею свои победы: сбил 4 вражеских самолета, от моих пуль полегло ни мало ни много — полторы сотни фашистов. Но ничего, если буду жить, постараюсь сделать больше, сполна отомстить врагу. А погибну — за мою смерть отплатят мои боевые друзья, они возьмут с немцев с лихвой за все: за муки моей Родины, за страдания русских людей, за меня.

Соня, я думал о смерти — страшна она или нет? Нет, она не страшна, когда умираешь во имя грядущих светлых дней, за счастье наших детей. Но надо отдать свою жизнь так, чтобы за одну взять десятки вражеских. Я иду по стопам отца, который погиб в 1919 году, я сохранил его традиции. Он дрался за мою жизнь. Я дерусь за жизнь твоих детей.

Соня, как бы мне хотелось побывать дома, хотя бы на один денек, посмотреть на вас. Не знаю, что сейчас делается у вас дома. Я знаю, что трудности у вас есть, но их нужно пережить, перенести во что бы то ни стало. И ты не спасуешь перед ними.

Целуй за меня всех родных, передай привет Косте, Саше. И пусть они живут дружно. Целуй бабушку и мать.

Пожалуйста, прошу не плакать, прошу об одном — помнить, что я сражался и погиб честно, как положено русскому человеку, большевику. А тебе, спутник моих детских, юношеских забав, Софье моей любимой, желаю долгой жизни и большого счастья.

Прощайте, родные. Победа будет за нами! Смерть немецким оккупантам!

Леонид.

Стрелок-радист младший лейтенант Леонид Курьин был смертельно ранен в воздушном бою за Ленинград. В его планшете осталось письмо, адресованное сестре в город Тейково, Ивановской области, с пометкой: «Прошу отправить в случае моей смерти».

---

[1] Датируется по времени опубликования.

Копию товарищи по оружию послали в ленинградскую газету «Смена», которая опубликовала последнее письмо летчика 15 августа 1943 года.

ЗАПИСКА ГВАРДИИ ЛЕЙТЕНАНТА М. ПАНЧЕНКО

Не позднее 18 августа 1943 г. [1]

Дорогие товарищи! Через несколько минут немцы снова пойдут в контратаку. Но они не пройдут! Если мне придется умереть в этом бою, то прошу сообщить моей любимой по адресу:

Воронежская обл., ст. Поворино, Вале Ив[ановне] *Фуфаевой.*

На одном из участков фронта, на брянском направлении шел неравный бой с фашистской пехотой. Ее поддерживали вражеские бомбардировщики и тяжелые танки «тигр». За ними, как за стеной, двигались серо-зеленые цепи гитлеровцев. Взвод гвардии лейтенанта Панченко, только что укрепившийся на занятом рубеже, принял главный удар. Бойцы встретили атакующую пехоту врага автоматным и пулеметным огнем. Шести танкам все же удалось прорваться к траншеям. Панченко противотанковой гранатой подбил одного «тигра», остальных уничтожили артиллеристы. И снова атаки врага... Убит командир роты. Лейтенант Панченко принимает командование на себя. Гитлеровцы бросают в бой новые силы. Они продвигаются все ближе и ближе к траншеям советских воинов. Бойцы под командованием отважного лейтенанта выдержали 14 атак, уничтожили более 200 гитлеровцев. Во время последней атаки пал смертью храбрых Михаил Панченко. Записка, написанная во время боя, найдена в гимнастерке гвардейца и опубликована в «Комсомольской правде» 18 августа 1943 года.

ПИСЬМА САНИТАРКИ В. О. ГНАРОВСКОЙ

22 августа 1943 г.

ПИСЬМО РОДНЫМ

22 августа 1943 г.

Дорогие мои Витенька, мамочка, бабушка!

Не писала вам вот уже целую неделю — не было времени. Вчера мы вышли из боя, и вот получаю я Витино письмо. Пишу сразу же ответ.

---

[1] Датируется по времени опубликования.

Пару слов напишу о себе — жива и здорова. Правда, плохо очень слышу, но пройдет. Здесь я уже побывала и второй раз на фронте. С 15.08.43 г. по 21.08.43 г. шел жаркий бой с фрицами. Немцы рвались на высоту, где мы находились, но все их попытки прорваться были тщетны. Стойко и смело сражались наши бойцы — все мои дорогие и милые товарищи, выполняя приказ товарища Сталина: «Ни шагу назад».



В. О. Гнаровская

Многие из них пали смертью храбрых, но я осталась жива, и должна я вам, мои дорогие, сказать, что поработала я на славу. Около 30-ти тяжело раненных бойцов вынесла с поля боя. Командование полка отметило мою работу и, кажется, представило к правительственной награде.

Милый Витя, ты пишешь, что сейчас вам очень трудно. Знаю это, но, мой дорогой, сожми покрепче зубы и борись со всеми трудностями, и так знай, что это все наделал проклятый фашистский зверь. Нужно отомстить ему за все: и за разрушенную счастливую жизнь, и за сотни и тысячи убитых и раненых, и за кровь и слезы наших отцов, матерей, сестер. Вам еще никогда не приходилось краснеть за мои поступки. Уверяю вас, что и впредь этого не может случиться.

Будьте здоровы, пишите чаще.

Целую всех вас.

Валя.

ПИСЬМО ОТЦУ
22 августа 1943 г.

Дорогой папочка!

Дня четыре тому назад получила от тебя письмо, и ты даже представить себе не можешь, какую оно доставило мне радость. Получила его я прямо в окоп, ответ писать не было времени.

С 15.08.43 г. по 21.08.43 г. находились все время на передовой. Шли жаркие бои, немцы рвались на высотку, которую мы занимали, но все их атаки были отбиты. Какие это были ужасные бои, папочка, я даже тебе и сказать не могу, сколько пережила я за эти шесть дней. И вот теперь я представлена к правительственной награде. Вспомни, мой дорогой. Ведь тебе же никогда не приходилось за меня краснеть, и уверяю тебя, что это не случится и впредь. Этот бой я не забуду никогда в жизни. Правда, и я здесь поработала тоже на славу.

Сейчас пока нас сменили, что будет дальше — не знаю, но пока

что жива. Вчера получила письмо от Вити. Пишет, что дома пока еще все в порядке.

Ну ладно, пока, до свидания.

Целую тебя крепко, крепко.

Твоя В. Гнаровская.

Валерию Гнаровскую, простую, милую 19-летнюю девушку, на фронте прозвали «Ласточка». Валя спасла жизнь многим раненым воинам.

Однажды в сентябре 1943 года на участок, занимаемый полком, фашисты бросили крупные силы. Два «тигра» прорвались через линию нашей обороны и устремились в расположение полка. Это был критический момент. И здесь произошло то, о чем очевидцы не могут говорить без волнения. Валя с тяжелой связкой гранат выбежала навстречу головному «тигру» и бросилась под гусеницы. Раздался взрыв, и танк замер. Второй в замешательстве повернул было назад, но уже подоспели наши бойцы и подбили его. Благодаря героическому самопожертвованию Вали прорыв был ликвидирован, атака отбита и полк перешел в наступление. В. О. Гнаровской было присвоено звание Героя Советского Союза.

Письма В. О. Гнаровской хранятся в Центральном архиве ЦК ВЛКСМ (материалы выставки «Комсомол в Великой Отечественной войне» № 14754).

НАДПИСИ КОМСОМОЛКИ-ПОДПОЛЬЩИЦЫ Л. ФИЛИППОВОЙ

Не позднее 9 сентября 1943 г. [1]



Л. И. Филиппова

НАДПИСЬ НА ФОТОКАРТОЧКЕ

Милой, дорогой моей дочурочке от крепко любящей ее мамульки.

Милая моя крошка, храни эту карточку, ибо она тебе напомнит мать, будешь большая, вспомнишь ее.

Дорогой крошке от мамульки.

Расти, моя милая, будь счастлива.

Мама.

---

[1] 9 сентября 1943 года Людмилу Филиппову расстреляли.

НАДПИСЬ В ТЮРЬМЕ ГОРОДА ОСТРОВА НА СТЕНЕ КАМЕРЫ № 24 [1]

Филиппова Мила. Камера № 24. Сижу с 23/VIII—43 г. Сегодня 1/XI—43 г. Допросы кончились, ужасно били. Сижу одна, жду приговора. Думаю, что расстреляют, а жить еще хочется.

Это случилось в древнем русском городе Острове, что на Псковщине. Сюда гитлеровцы рвались с особой настойчивостью, стремясь развернуть решающее наступление на город Ленина.

«В Острове должны быть идеальный порядок и спокойствие,— предписывалось только что назначенному коменданту города.— Тыл группы армии «Север» нуждается в прочности».

Но с первых же дней оккупации спокойствия в городе не было. Вначале появились антифашистские листовки, затем начались диверсии. В Острове оформилась подпольная группа во главе с бывшей пионервожатой школы № 1 имени Ленина Клавдией Назаровой. В группу вошли подруга Клавы — работник райкома комсомола Людмила Филиппова, выпускники десятилетки Олег Серебренников, Лев Судаков, Александр Митрофанов, Александр Козловский и др. Вскоре к ним присоединилась группа комсомольцев из пригородной деревни Редобжи. В нее входили Нюра Иванова, Константин Дмитриев, Николай Михайлов.

Подпольщики распространяли листовки, организовывали побеги военнопленных, добывали оружие, необходимые документы для верных людей. Свои первые боевые операции они провели в декабре 1941 года: сожгли школу, в которой разместилась вражеская часть, подожгли офицерский кинотеатр. Поступив на работу в полицию, комсомольцы Саша Козловский и Нюра Иванова устроили побег молодежи из Симанского лагеря.

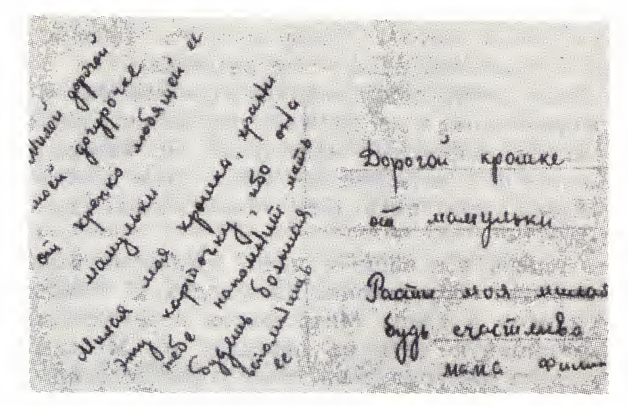
В апреле 1942 года подпольщики установили тесную связь с партизанами и стали передавать им ценные разведывательные сведения, которые доставала Мила Филиппова, она сумела устроиться официанткой в столовую для гитлеровских офицеров, а затем на работу в одно хозяйственное ведомство, имевшее отношение к снабжению фронта.

Летом 1942 года на одном из собраний комсомольцы решили послать письмо воинам Советской Армии и рассказать о своей борьбе. С этой целью за линию фронта отправили группу товарищей во главе с Сашей Козловским. В пути эта группа напоролась на карательный отряд. Чтобы не попасть в руки фашистов, Саша Козловский подорвал себя гранатой, но двое из военнопленных оказались в руках врага... Через несколько дней гестаповцы, заручившись сведениями об арестованных, схватили родителей Козловско-

---

[1] См. с. 271—274.

го, а затем Клаву Назарову, Нюру Иванову, Костю Дмитриева и Колю Михайлова. Пытки и истязания продолжались более месяца. Ничего не добившись, палачи 15 декабря 1942 года на базарной площади повесили мужественных патриотов. Посмертно Клава Назарова удостоена звания Героя Советского Союза.


Дорогой крошке
от мамульки
Расти моя милая
будь счастлива
мама Фили...

Прощальные слова Л. И. Филипповой

Казнь руководителя организации не сломила волю молодых подпольщиков. Четыре дня спустя после гибели Клавы Назаровой было устроено крупное крушение на железной дороге: в нескольких километрах от Острова в вагоны, груженные боеприпасами, врезался эшелон, везущий из-под Ленинграда в Германию в отпуск особо отличившихся офицеров. Через несколько дней взлетела на воздух трансформаторная будка на лесопильном заводе. Организация жила и действовала. Одно обстоятельство сильно затрудняло работу: со смертью Клавы прервалась связь с партизанами. Но и эта трудность вскоре была преодолена. Партизанская связная Аня Дмитриева нашла подпольщиков и передала им задание партизан.

Во главе организации встала Людмила Филиппова. Это была решительная, требовательная и настойчивая комсомолка. Она родилась и выросла в этом древнем русском городе, хорошо знала его жителей. До войны Мила работала в Прибалтике, на острове Сааремаа (Эзель), в одной из воинских частей. С началом войны вместе с дочкой эвакуировалась в родной город.

И вот теперь, встав на место своей лучшей подруги — Клавы Назаровой, она сумела быстро сплотить подпольщиков. На состоявшемся в марте 1943 года собрании был намечен план боевой работы и четко распределены обязанности для проведения разведки и диверсий. В обязанности Филипповой входили сбор сведений о работе военно-хозяйственных частей противника и доставка для партизан бланков паспортов. Другие члены группы проводили агитацию среди военнопленных и населения, готовили попол-

нение для партизан, следили за движением поездов на железнодорожной линии Остров — Псков, за шоссейной дорогой Остров — Опочка.

Через разведчицу Анну Дмитриеву была налажена связь с Большой землей. После прорыва блокады Ленинграда гитлеровское командование стремилось всячески укрепить свою 18-ю армию и направляло все новые и новые части к городу-крепости. Главное, что требовалось теперь от подпольщиков,— это разведка.

По заданию Филипповой группа подпольщиков в составе Митрофанова, Судакова, Серебренникова и др. держала под наблюдением шоссейные дороги и железнодорожные магистрали, по которым направлялись подкрепления для гитлеровских войск. Свои донесения, посылаемые регулярно через пять дней, Мила подписывала условным именем — Катя.

Молодые патриоты теперь все чаще и чаще организовывали диверсии на дорогах, портили оборудование на заводах. Однажды вечером Олег Серебренников и Саша Митрофанов переключили городскую радиотрансляционную сеть на передачу из Москвы. Жители в течение нескольких минут слушали голос родной столицы. А Володя Алферов вместе с товарищами из-под носа фашистов увел с торфоразработок группу рабочих — 19 человек. Часть из них была снабжена паспортами и стала пробираться к фронту, остальные ушли к партизанам.

В середине августа 1943 года вместо Ани Дмитриевой, которая обычно поддерживала связь с подпольщиками, партизаны послали в город Остров молодую и неопытную партизанку Нину Зайцеву. По дороге ее арестовали полицейские, и на допросе, не выдержав пыток, она созналась, что шла на свидание с одним из подпольщиков города. Гестаповцы схватили Леву Судакова, ждавшего связную.

Фашисты действовали быстро. В ночь на 21 августа был арестован Олег Серебренников, утром — Саша Митрофанов, затем — Архипова, Морозов, а через день попала в застенок и Мила Филиппова.

Надеясь получить сведения о подпольной организации, фашисты зверски избивали заключенных. В надежде сломить сопротивление комсомольского вожака они привезли Милу домой, на свидание с дочуркой.

Увидев худенькую Инночку, услышав ее тоненький крик: «Мамочка, родненькая, ты приехала!» — Мила впервые разрыдалась. Офицер что-то говорил о жизни, предлагал какие-то условия. Мила не слушала его, а жадно глядела на дочь. Взяв свою фотографию с комода, она быстро сделала прощальную надпись.

Когда она снова очутилась в тюремной камере, то написала на стене еще несколько слов.

На рассвете 9 сентября 1943 года из Острова выехала большая крытая машина. Через полчаса в кустах у пыльного проселка фашистские пули оборвали жизнь Людмилы Филипповой, Олега Серебренникова, Александра Митрофанова, Левы Судакова и разведчицы Советской Армии Зои Кругловой. Расстреляв подпольщиков, палачи сровняли их могилу с землей.

16 лет хранил придорожный кустарник свою тайну. Осенью 1959 года комсомольцам Псковщины удалось раскрыть ее. Останки героев покоятся ныне в центре города рядом с прахом организатора подполья Клавы Назаровой.

Людмила Ивановна Филиппова посмертно была награждена орденом Отечественной войны I степени.

Прощальные надписи Людмилы Ивановны Филипповой опубликованы в газете «Комсомольская правда» 11 октября 1945 года и 13 июля 1961 года, частично в очерке Н. В. Масолова в журнале «Юность» № 2 за 1961 год.

НАДПИСЬ И ПИСЬМО РОДНЫМ РАЗВЕДЧИЦЫ З. Г. КРУГЛОВОЙ

Не позднее 9 сентября 1943 г. [1]



З. Г. Круглова

НАДПИСЬ НА СТЕНЕ КАМЕРЫ В ТЮРЬМЕ ГОРОДА ОСТРОВА [2]

Я раньше любила волю, свободу, простор, поэтому мне очень трудно привыкнуть к неволе. А имя Зоя в переводе с греческого языка и есть жизнь. Ах, как хочется жить, жить... Зоя Байгер (Круглова).

ПИСЬМО РОДНЫМ

Здравствуйте, дорогие мои родители — папочка, мамочка, дорогие сестрички Валечка, Панечка, Шура и дорогой братишка Боречка. Пишу я, милые, вам из тюрьмы последний раз. Получите письмо после моей смерти.

Милые мои, вот уже год, как вы обо мне ничего не получали, никакой весточки, это время я скиталась, но о вас не забывала. Меня в феврале арестовали, и я два с половиной месяца сидела в одиночной камере в тюрьме. Каждый день ожидала расстрела. Мамочка, мне было очень тяжело, но я перенесла все это. Меня отпра-

---

[1] 9 сентября 1943 года З. Г. Круглова была расстреляна фашистами.

[2] См. с. 267—271.

вили в лагерь в Псков, там я пробыла два месяца и сбежала, попала к своим. Меня снова послали с заданием, и я снова в этой же тюрьме — вот уже второй месяц. Меня били палками по голове. Жду расстрела, о жизни уже больше не думаю, хотя, милые мои, мне очень хочется немножко пожить ради того, чтобы увидеть вас, крепко обнять и выплакать на твоей груди, мамочка, все свое горе. Ведь если бы я не попалась второй раз, в сентябре я была бы дома. Но, видно, такая моя судьба, на которую я нисколько не обижаюсь. Я исполнила свой долг. Милые мои, вы гордитесь тем, что я не запятнала вашей фамилии и своей чести. Умру, но знаю, за что.

Мамочка, ты особенно не убивайся, не плачь. Я бы рада тебя утешить, но я очень далеко и за решеткой железной и крепкой стеной. В тюрьме я часто пою песни, а тюрьма вся слушает. Эта песня о моей жизни и печальной кончине:

Ты не плачь, не плачь, родная,
Не грусти, старушка мать.
Разобьем фашистов-гадов
И придем домой опять.
И погибла, не вернулась
Из островской из тюрьмы,
Ее ночью расстреляли
У тюремной у стены...

Милые мои, обо мне вам расскажут другие девушки, если они будут живы... Еще раз прошу — только не плачьте, не тоскуйте. Мой последний привет тете Лизе, дяде Ване, Лене Алмазовой, всем, всем моим подругам, друзьям, родным и знакомым.

Целую всех крепко, крепко.

Прощайте навсегда.

Труп мой будет в г. Острове за тюрьмой, у дороги. Будет надето, мамочка, мое шерстяное черное платье, теперь оно выгорело, и тобой купленная трикотажная красная кофточка, русские сапоги.

Ваша дочь Зоя.

Прощайте, прощайте...

Зоя Григорьевна Круглова родилась 24 апреля 1923 года в селе Мошенском, Новгородской области. В день своего 18-летия она подала заявление о приеме в партию. Когда началась война, она участвовала в строительстве оборонительных сооружений, в приеме эвакуированных из Ленинграда детей, обучала население правилам ПВО и одновременно училась на курсах медицинских сестер. В канун 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической

революции Зою Круглову зачислили санитаркой в 145-й истребительный батальон. Вскоре она стала разведчицей на Северо-Западном фронте.

Зимой 1941 года Зоя Круглова вместе с Аней Дмитриевой и радисткой Паней Морозовой перешли линию фронта. Командование направило девушек в Сошихинский район, Псковской области, для сбора сведений о продвижении гитлеровских войск на ленинградском направлении. Хорошо знавшая немецкий язык, Зоя Круглова выдавала себя за немку Байгер, отца которой якобы расстреляли большевики в 1938 году. Ей удавалось узнавать у гитлеровцев ценные сведения о посадочных площадках для самолетов, о численности гарнизонов, о передвижении воинских эшелонов. Сведения эти по радио передавались нашему командованию.

В мае 1942 года у разведчиц испортилась рация. Решили, что она понесет сведения через линию фронта сама. Едва не попав в лапы врага, Зоя все же доставила сведения в свою часть.

Проведя короткий отпуск в родном краю, Зоя снова направляется в тыл врага. Вместе с новой радисткой Зинаидой Байковой («Небылицей») Зоя Круглова на самолете летит в район города Острова, Псковской области. В Острове им удалось получить паспорта и устроиться на работу: Байкова стала уборщицей в воинской части, а Круглова — в бюро по найму рабочей силы. Разведчицы установили связь с подпольной организацией города и начали действовать. В ноябре они передали четыре радиограммы. После ареста руководителя подпольщиков Клавы Назаровой фашисты стали строже следить за подозрительными лицами.

В начале 1943 года Круглову и Байкову арестовало гестапо. Не добившись от девушек признаний, гитлеровцы отправили Круглову в лагерь смертников в Псков, а Байкову — в Германию, в Дюссельдорфскую тюрьму. Из лагеря смерти Зое удалось бежать и примкнуть к партизанам, но при попытке перейти линию фронта она попала в руки провокаторов-лжепартизан и снова очутилась в тюрьме в городе Острове. Зоя вела себя мужественно. Свыше месяца гитлеровцы истязали разведчицу. Как рассказывает А. Д. Пояркова, которая вместе с Зоей сидела в тюрьме, девушку часто приводили с допроса с разбитой головой и лицом, но она не падала духом. Зоя часто повторяла: «Ой, как хочется жить!» Она не думала о смерти. Часто из камеры слышался ее голос — она пела, и тогда в других камерах наступала тишина, все слушали ее. Поняв, что спасения на этот раз ждать невозможно, Зоя Круглова (Байгер) решила во что бы то ни стало передать родителям последнее письмо. На лесопилку фашисты приводили работать женщин, осужденных на небольшие сроки. Среди них была Дуся Демидова. Зоя еще до ареста была знакома с ее сестрой Нюрой. Зоя попросила Дусю, чтобы она отнесла записку своей сестре. Через нее же Зоя передала

письмо родным. А на рассвете 9 сентября 1943 года вместе с островскими подпольщиками Людмилой Филипповой, Олегом Серебренниковым, Львом Судаковым и Александром Митрофановым Зоя Круглова была расстреляна на седьмом километре от города, немного в стороне от шоссе Остров — Палкино.

По ходатайству Военного совета Ленинградского военного округа Верховный Совет СССР посмертно наградил Зою Григорьевну Круглову орденом Отечественной войны I степени.

Надпись, сделанная Зоей в камере № 23 тюрьмы города Острова, опубликована в газете «Комсомольская правда» 11 октября 1945 года, в журнале «Юность» № 2 за 1961 год, с. 75.

ПИСЬМА ЧЛЕНОВ ПОДПОЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В ГОРОДЕ ЗАПОРОЖЬЕ

2—14 сентября 1943 г.

ПИСЬМО Б. И. ЖИВЕНКО МАТЕРИ

2 сентября 1943 г.

Мамочка!

Получил все, что ты передала, но, наверное, все напрасно, до воскресенья нас должны расстрелять. Мамочка, родная. Как хочется жить. Передай сегодня же яблоки...

Целую всех, кроме Вальки, из-за нее умираю.

2 сентября 1943 г. Борис.

Подтверждение получения записки — передай соль в бумажке от радио.

Борис Живенко.

ПИСЬМО Л. В. ВАЙНЕРА ЖЕНЕ

5 сентября 1943 г.

Шура!

Все кончено, сегодня или завтра меня расстреляют, как и сотни других, расстрелянных с 1 сентября. Прошу, поверь, что иду на смерть ради вас, так как я любил тебя и детей, как никто никогда не любил. Я имел много возможностей испытать счастье свободы, но из-за любви к тебе и детям я этого не сделал. Когда дети вырастут, объясни это им. Люби и береги их. Целуй их за меня, моя милая, милая мамулька.

Целую тебя. Прощай, прощай навеки.

Леонид.

ЗАПИСКА Л. В. ВАЙНЕРА
14 сентября 1943 г.

Умираем героями.

Адрес: Вознесенка, 4-й кв., ул. Баранова, № 26.

Кто найдет, передай детям.

Все люди группы Гончара расстреляны 14.IX.43 г.

Вайнер.



Л. В. Вайнер

В апреле 1942 года на территории Орджоникидзевского района города Запорожья для борьбы с немецко-фашистскими захватчиками была создана подпольная группа, состоявшая главным образом из работников завода «Запорожсталь». В нее входили Л. В. Вайнер, А. И. Гиря, Б. И. Живенко, Е. Овсюк (Крюкова), Н. И. Стрибков (Н. Христенко), А. П. Фокин и др.

Когда дети выра
тут, об'ясни это
им Люба и бер
их. Целуй их за
меня, моя мила
милая мамушка
Целую тебя! Проща
прощай на веки
Т/ Леонид

Последняя страница письма Л. В. Вайнера жене из фашистской тюрьмы

Организатором группы был Николай Григорьевич Гончар. К июню 1943 года она насчитывала уже несколько десятков человек. Участники группы устраивали диверсии, собирали оружие и боепри-

пасы, распространяли советскую литературу, в том числе листовки и сводки Совинформбюро, устраивали побеги военнопленных, снабжали их одеждой, продовольствием и подложными документами. Для приема сводок Совинформбюро на квартирах А. И. Гири и Б. И. Живенко были установлены радиоприемники. Летом 1942 года во дворе Гончара, в колодце, подпольщики соорудили тайник-тоннель, в котором хранили оружие и советскую литературу, печатали листовки на пишущей машинке.

Группа поставила перед собой задачу: не дать уничтожить родной завод. С этой целью в заводскую охрану устроился Николай Григорьевич Гончар. С его помощью в заводскую полицию вступили А. И. Гиря и ряд других членов группы. 28 июня 1943 года из-за плохой конспирации были арестованы Гончар, Гиря, Живенко, Вайнер и другие подпольщики — всего 40 человек. При обыске на квартирах подпольщиков был раскрыт тайник, обнаружены радиоприемники.

14 сентября 1943 года руководитель группы Гончар, начальник штаба группы Леонид Владимирович Вайнер, а также Гиря, Живенко и ряд других активных участников группы были расстреляны. Перед смертью они написали из гестаповской тюрьмы письма своим родным. Письма Бориса Ивановича Живенко и Леонида Владимировича Вайнера были получены родными. Записку Л. В. Вайнера советским людям подпольщики обнаружили в его одежде после расстрела.

Письма подпольщиков хранятся в партархиве Запорожского обкома КП Украины (ф. 102, д. 93, л. 87), опубликованы в сборнике «Запорожская область в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.)» (Запорожье, 1959, с. 110, 111, 186—187).

ПИСЬМО
ЛЕТЧИКА Г. И. БЕЗОБРАЗОВА
СВОЕЙ СЕСТРЕ

19 сентября 1943 г.

Привет, Вера!

Сегодня ночью я получил из Москвы поздравительную телеграмму от командующего, в которой меня извещают, что мне присвоено высокое звание Героя Советского Союза!

Не буду скрывать того, что я сегодня рад, как никогда!

Чем выше награда, тем труднее она достается, вот поэтому-то я и еще больше торжествую. Видно, что я не плохо дрался и дерусь за свободную Советскую Родину. И в дальнейшем буду бить, жечь фашистов так, как подобает герою!

Привет всем моим друзьям и знакомым. Желаю вам всего наилучшего. Крепко жму руки, ждите в гости.

Ваш Гриша.



Г. И. Безобразов

Григорий Иванович Безобразов родился 11 января 1919 года в Боровском районе, Калужской области, в бедной крестьянской семье. Окончив среднюю школу в Боровском, по путевке комсомола поступил в Краснодарское военно-воздушное училище. В 1940 году молодой лейтенант был направлен в одну из авиационных частей Белорусского военного округа.

Началась война... От боя к бою мужал характер и закалялась воля летчика. От его метких бомбовых ударов взрывались вражеские склады под Сталинградом, горели фашистские танки за Вислой, рушились железобетонные укрепления в районе Берлина. Свыше 250 вылетов, много тонн смертоносного металла, сброшенного на головы фашистов, были на счету Григория Безобразова к началу 1943 года.

О героизме летчика-бомбардировщика писал его матери, Ирине Тимофеевне, командир авиационного полка; о его бесстрашии говорят также фронтовые письма героя к сестре, Вере Ивановне.

18 сентября 1943 года Указом Президиума Верховного Совета СССР гвардии старшему лейтенанту Безобразову Григорию Ивановичу было присвоено звание Героя Советского Союза.

Продолжалась напряженная, наполненная подвигами борьба с отступающим врагом. 18 апреля 1944 года прославленный летчик на своем бомбардировщике взял курс на Берлин. С боевого задания самолет не вернулся. Бесстрашный воин повторил бессмертный подвиг капитана Гастелло.

В тот день советские бомбардировщики с участием Безобразова вылетели на бомбежку одной из железнодорожных станций по направлению к Берлину, где скопилось большое количество живой силы и техники противника. Достигнув нужного района, Григорий Иванович обнаружил бронированные площадки и орудия, наспех прикрытые маскировочной сеткой, черные фигурки мечущихся солдат. И сразу же на земле вспыхнули пожары, взлетели в воздух обломки машин, начали рваться бомбы, боеприпасы. Казалось, огненный вихрь бомб заставил гореть землю под ногами врагов...

Задание было выполнено. Но когда бомбардировщики, развернувшись, взяли курс на восток, снаряд фашистской зенитки попал в самолет Безобразова. Машина вспыхнула. Наблюдать за

землей и воздухом практически было невозможно. Трудно стало дышать...

Григорий Иванович мог оставить горящую машину и выброситься с парашютом. Но внизу были враги. Герой Советского Союза принял другое решение: объятый пламенем бомбардировщик врезался в скопление фашистской техники...

Письмо публикуется по подлиннику, который прислала в редакцию сестра Г. И. Безобразова после выхода в свет первого издания книги «Говорят погибшие герои».

ПИСЬМО КРАСНОАРМЕЙЦА В. В. ЕРМЕЙЧУКА ДЕВУШКЕ

20 сентября 1943 г.

Дорогая Ольга!

Сегодня исполнилось ровно два года с тех пор, как я не получал от тебя теплых, душевных слов, которые греют в холодные осенние ночи, которые ласкают душу.

Если бы ты знала, как тоскую я по тебе. Если бы ты знала, как много хочется мне рассказать тебе...

За эти два года я многое узнал. Война ожесточила меня. Когда я вспоминаю прошлое, мне кажется, что я был мальчиком, а теперь я — взрослый человек, у которого только одна задача — мстить немцам за все то, что они натворили. Мстить за страдания моей матери-старушки, которая, наверное, умерла от голода в плену у немцев.

Ольга!

Это письмо комсомолец Василий Васильевич Ермейчук писал в только что освобожденном городе Нежине. Но оно было прервано сигналом наступления. Ермейчук шел впереди. По мере приближения к окопам врага огонь усиливался. Осколок разорвавшейся мины ранил его. Другая упала рядом, но он в этот миг спрыгнул в окоп и очутился прямо перед врагом. Ударом автомата гвардеец оглушил фашиста, который целился в него из пистолета. Несколько вражеских солдат набросились на Ермейчука. Наставили на него стволы автоматов и крикнули, чтобы он сдавался. Тогда боец выхватил последнюю гранату и бросил ее около себя. Раздался взрыв. Красноармеец упал. Вокруг него свалились замертво фашисты.

Подоспевшие воины стали преследовать отступающих гитлеровцев. В это время санитары подобрали Василия Ермейчука. На его

теле насчитали одиннадцать ран. Он был в бессознательном состоянии. На мгновение очнулся, посмотрел на товарищей и тихо произнес:

— Возьмите у меня в кармане письмо Ольге, допишите...

Но он не договорил фразы и умер на руках товарищей.

Восемь раз в тот день схватывались врукопашную бойцы с врагом, мстя за боевого друга.

Неоконченное письмо В. В. Ермейчука опубликовано в газете «Комсомольская правда» 26 ноября 1943 года.

ЗАПИСКА УЗНИКА ГРАНКОВСКОГО ЛАГЕРЯ СМЕРТИ А. С. КУЗНЕЦОВА

Не позднее 22 сентября 1943 г. [1]

Прощайте, родные советские люди. Нас сегодня убьют, а жить хочется. Мы молоды, пережили страшные пытки, остались верные Родине...

Я, Алек. Сергеевич Кузнецов, русский, жил в... [2] *Мой товарищ — Саарестик Вальдур, из Эстонской ССР. Остров Даго, мест...* [2]

После освобождения от оккупантов Смоленской области в поселке Гранки, Руднянского района, был обследован созданный гитлеровцами лагерь смерти, в котором за два года кровавого хозяйничанья оккупантами было расстреляно и замучено множество советских граждан.

В одной из вскрытых могил был найден труп юноши в фуфайке. Никаких документов при нем не было, но в рукаве оказалась спрятанной записка, написанная на обрывке немецкого конверта, видимо подобранного этим юношей где-то на дороге. Записка опубликована в газете «Комсомольская правда» 2 декабря 1943 года.

---

[1] 22 сентября 1943 года началось бегство фашистов из поселка Гранки.

[2] Часть слов зачеркнута.

ПИСЬМА МЛАДШЕГО ЛЕЙТЕНАНТА ТАНКИСТА В. М. ЧХАИДЗЕ РОДИТЕЛЯМ

22 сентября — 1 октября 1943 г.

22.09.43 г.

Дорогой папуся!

Сейчас мой путь лежит по селам и городам, только что освобожденным от ига немецких оккупантов.

Населения в них осталось немного, но есть предположение, что оно возвратится, так как большинство людей прячется в лесах и камышах, куда убежали от немцев во время эвакуации. Сейчас они понемногу возвращаются.

В. М. Чхаидзе

Народ здесь очень гостеприимный, и если бы не их гостеприимство, то мне очень туго пришлось бы в отношении питания.

Живу я так: днем двигаюсь (и пеше и на машинах), а на ночь останавливаюсь в хатах деревень, где меня и кормят и поят.

Ужасные вещи рассказывает о немцах и власовцах население, но ничего, и этим мерзавцам будет кара.

Ну, вот пока и все.

Крепко, крепко всех целую.

Вава.

P. S. *Обратный адрес временный, так что не пишите.*

1.10.43 г. 13 час. 00 мин.

Дорогая мамуся!

Сейчас я принял боевую машину и в скором времени пойду в бой. Экипаж попался удачный.

Результатов боя не могу сказать, так как сам не знаю, но надеюсь, что все будет благополучно.

Живу пока хорошо, кушаю тоже хорошо, что же еще надо?

Ну, вот пока и все.

Крепко, крепко всех целую. Привет друзьям.

Вава.

P. S. *Жду от вас писем, так как уже долго из-за дороги от вас не получал...*

Вава.

Владимир Михайлович Чхаидзе родился в Москве в 1922 году. Накануне войны окончил 54-ю московскую школу, а осенью сорок первого поступил в Саратовское танковое училище. Как и в школе,

Володя отлично учился, товарищи любили его за веселый нрав. В августе 1943 года Володя сдал последний экзамен в училище. Впереди предстоял боевой экзамен на зрелость и мужество.

Володя прибыл на фронт в то время, когда наши воины форсировали Днепр, бились за освобождение Правобережной Украины. Однажды в октябрьскую ночь танковый батальон под командованием офицера Д. Тюркина, куда входил и экипаж В. Чхаидзе, начал форсирование Днепра в районе Мишурина Рога. В полной темноте тяжелые машины спустились на наскоро наведенную переправу, которую бомбили и обстреливали гитлеровцы. Они стремились во что бы то ни стало сорвать переправу. Но батальон перебрался на правый берег Днепра и закрепился на небольшом клочке земли. За три дня танкисты отбили 12 контратак гитлеровцев.

Пять вражеских танков контратаковали участок на юго-западной окраине Калужино, где находилась «тридцатьчетверка» Володи Чхаидзе. Создалось трудное положение. Но танкисты решили удержать плацдарм во что бы то ни стало.

— Полный вперед! — скомандовал Чхаидзе механику-водителю.

Машина рванулась с места. В ближайший танк гитлеровцев был послан снаряд. Взметнулось пламя. Еще один выстрел — и запылал второй танк. Но в эту минуту вражеский снаряд попал в «тридцатьчетверку». Заклинило башню. Но бой продолжался. Володя развернул машину, чтобы прямой наводкой бить по врагу. Меткий выстрел, и загорелся еще танк со свастикой. Рядом разворачивался другой «тигр». Навести на него орудия нет времени, да и сил. И танк Чхаидзе пошел на таран...

Так в неравном бою 7 октября 1943 года погиб Владимир Чхаидзе. Отважный танкист похоронен в деревне Анновке, Верхнеднепровского района, Днепропетровской области.

За проявленную отвагу и геройство В. М. Чхаидзе посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. На здании школы, где учился Владимир Чхаидзе, установлена мемориальная доска. Его последние письма публикуются по подлинникам, находящимся в семье героя.

ПИСЬМО
О. Н. РОМОДАНОВСКОЙ РОДНЫМ

1 октября 1943 г.

Добрый день, дорогая мама!

Наконец-то получила от тебя письмо. Рада, что дома все в порядке, что ты здорова. Обо мне не беспокойся. По сообщениям Совинформбюро знаешь обстановку: нашими войсками освобожден Орел и сотни деревень,— здесь-то я и нахожусь; теперь спокойно могу сказать, что была на фронте, что всего увидела.

Сегодня мне один краснофлотец рассказывал о своей матери. Он сильно волновался, чувствовалось, что он очень любит свою старую мать,— с такой нежностью и с таким волнением говорил он о ней. Так бойцы после Родины в первую очередь любят мать, и эти два дорогих слова для нас сливаются воедино.

Вот и все, что я хотела написать в этом письме. Береги себя, родная моя мамочка. Пиши мне чаще. Я только и думаю, как ты там живешь.

Целую тебя крепко.

Оксана.



О. Н. Ромодановская

Многие школы нашей Родины свято хранят не только имена своих воспитанников, погибших на фронтах Великой Отечественной войны, но и их письма, документы, памятные подарки, фотографии. К числу таких школ относится и 70-я школа Москвы. В ней есть мемориальная доска, на которой начертаны фамилии тех, кто отдал свою жизнь в боях за Родину. Длительное время никто не знал точно, где погибла одна из воспитанниц школы — О. Н. Ромодановская. Известно было только одно: что она пала от пули врага на Белорусском фронте при форсировании реки Сож.

Попытки матери Оксаны, Зои Семеновны, отыскать в Белоруссии могилу дочери оказались безуспешными. Только в августе 1958 года Славгородский райвоенкомат Могилевской области сообщил о том, что отважная девушка погибла в Рудне и там же похоронена в братской могиле, на которой установлен памятник.

До войны Оксана училась в школе. В 16 лет окончила девять классов. В начале войны вместе с родителями эвакуировалась в Уфу. В трудные дни войны Оксана рвалась на фронт. Она успешно окончила краткосрочные курсы медицинских сестер, радиотехники и поварские курсы. Вступила в комсомол. В ее заявлении, в частности, говорилось:

Я обещаю не дрогнуть в беде,
Ведь я не слаба и не трус.
Быть впереди всегда и везде
Тебе, комсомол, клянусь.

Вскоре Оксана добилась своего: ее послали в действующую армию. Она поражала своей смелостью, выносливостью, оказывая медицинскую помощь раненым. В одном из боев была ранена осколками мины. Превозмогая боль, продолжала оказывать помощь раненым бойцам.

В письме к матери она в это время пишет: «А так хотелось быть со своими, они пошли в наступление на следующую деревню. После госпиталя обязательно вернусь в свою Краснознаменную часть». На обратной стороне этого письма были написаны душевные, проникновенные строки о Родине, матери, мирной жизни, о борьбе за народное счастье:

Моей дорогой мамочке!

Ты обо мне в слезах не вспоминай,
Оставь свою заботу и тревогу.
Не близок путь, далек знакомый край,
Но я вернусь к любимому порогу.
По-прежнему любовь моя с тобой,
С тобою Родина, ты не одна, родная.
Ты мне видна, когда иду я в бой,
Свое большое счастье защищая.
На голос твой я сердцем отзовусь
И на заботу подвигом отвечу.
Я далеко, но я еще вернусь,
И ты, родная, выйдешь мне навстречу.

Оксана вернулась в свою воинскую часть. За участие в боях и оказание помощи раненым ее наградили медалью «За отвагу».

Страдая от ран, она ведет себя мужественно. С большим душевным подъемом сообщает матери: «Занимаем деревню за деревней, немец отступает, сдается в плен, много трофеев и прочего. Здоровье замечательное, настроение бодрое и веселое на 500%».

В августе 1943 года она уже кандидат в члены Коммунистической партии.

В октябре 1943 года в районе Славгорода во время ожесточенных боев с гитлеровцами Оксана пала смертью храбрых.

Письма опубликованы в газете «Могилевская правда» 2 декабря 1961 года.

ПИСЬМО ГВАРДИИ ЛЕЙТЕНАНТА Ж. А. МОЛДАГАЛИЕВА ДВОЮРОДНОМУ БРАТУ АБДРАХМАНУ

28 октября 1943 г [1].

Роща, окоп, блиндаж, как яркое лето.
Пушистый снег — одеяло, ледяная постель.
Честь страны, месть солдата — вот что братом твоим овладело.
«Ни шагу назад!» — говоришь ты мне, как будто шагая рядом.
Я стал сейчас парнем славным, удалым.

---

[1] См. с. 145.

Я — солдат фронта, который тайну хранит свято.
Я — человек, который переродился в огне.
Во сне я тебя вижу иногда — так сильно по тебе скучаю... [1]
28 октября 1943.



Ж. А. Молдагалиев

Действующая армия на Днепре

«Письмо брата,— вспоминает Абдрахман,— я прочитал уже после войны, когда отгремели победные залпы, а брату было присвоено звание Героя Советского Союза. Жангазы всегда был для меня примером. Как реликвию я храню его последнюю весточку ко мне...»

Бои за украинское село Чернопаровку и плацдарм на правом берегу Днепра шли днем и ночью. Особенно ожесточенными они были у высоты 167,2, где укрепились гитлеровцы.

Солдаты роты гвардии лейтенанта Жангазы Молдагалиева атаковали высоту. Вражеский пулемет, стрелявший из дзота, перекрыл дорогу наступающим. Рота несла потери. И тогда ее командир пополз к дзоту. Приблизившись к нему, он бросил одну гранату, вторую, третью... Пулемет умолк. Солдаты с криками «Ура!» поднялись на штурм. Неожиданно из-за ближайшего деревянного наката застрочил другой пулемет. У Жангазы не было больше гранат. Оценив обстановку, видя, как погибают его боевые товарищи, он рванулся к огневой точке противника и бросился на амбразуру...

Когда высота была взята, гвардейцы с почестями похоронили своего командира. В кармане его гимнастерки, рядом с партийным билетом, они нашли тетрадный листок, исписанный арабской вязью. Сразу прочесть написанное не удалось. Позднее в политотделе полка сделали подстрочный перевод. Это оказалось письмо в стихах, адресованное двоюродному брату Абдрахману Умиржанову, воевавшему в то время под Ленинградом.

Останки воина были захоронены в поселке Елизарово на братском кладбище павших в боях за Днепр. На мраморном обелиске высечено:

Герой Советского Союза гв. лейтенант Молдагалиев Жангазы Акимович. 1917—1943.

Именем героя названы Ряснянская школа, пионерские дружины.

О жизненном и боевом пути Ж. А. Молдагалиева рассказывается в книге С. И. Честнова «Баллада об отце и сыне» (Алма-Ата, 1975).

---

[1] Письмо написано арабской вязью, в стихах.

ПИСЬМО КОМСОМОЛКИ И. МАЛОЖОН

Не позднее октября 1943 г. [1]

Дорогой дядя, я не боюсь смерти. Мне только обидно, что я пожила мало, что я сделала мало для моей страны. Дядя, я уже привыкла к тюрьме, я здесь не одна, нас много... И все же я не боюсь смерти. Скажите маме — пусть не плачет. Я все равно не стала бы долго жить с ней. У меня был свой путь. Пусть мама спрячет зерно, а то немцы заберут его. Прощайте.

Ваша Ирина.

Ирина Маложон до войны жила в тихом селе Жукли, Холменского района, Черниговской области. Как и ее подруги, Ирина мечтала окончить школу, поступить в институт. Но началась война, и девушка встала на защиту Отечества.

Сентябрьским днем 1941 года, подымая уличную пыль, в село вошли танки и грузовики с пехотой врага. Со всех сторон раздавалась чужая речь, плач детей и женщин, которых выгоняли из хат. Гитлеровцы отбирали хлеб, грабили, убивали мирных жителей.

Ирина Маложон установила связь с подпольщиками и начала выполнять поручения организации. Она печатала и распространяла листовки, в которых содержался призыв сопротивляться оккупационным властям, не давать гитлеровцам продовольствия, прятать хлеб, теплую одежду, уклоняться от принудительных работ. Тексты листовок писал дядя Ирины — Савва Емельянович Маложон. Писал он и в прозе, и в стихах. Приведенное выше письмо девушки из тюрьмы адресовано этому замечательному патриоту.

Когда Ирина разбрасывала листовки в соседнем селе, ее схватили гитлеровцы. Девушку бросили в темный подвал, а на следующий день ее пытали. Но советская патриотка стойко держалась. После зверских истязаний Ирину расстреляли. Письмо, которое ей удалось передать из тюрьмы перед казнью, было опубликовано на итальянском языке в книге П. Мальвецци и Дж. Пирелли «Письма обреченных на смерть борцов европейского Сопротивления» (с. 697).

ПИСЬМО РУКОВОДИТЕЛЯ КРИВООЗЕРСКОЙ ПОДПОЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ НА НИКОЛАЕВЩИНЕ И. А. ГУРТОВОГО ЖЕНЕ И СЫНУ

15 ноября 1943 г.

Дорогие мои Дусенька и Валерик!

...Начиная с 14 августа 1941 года, со дня моего прибытия в твое с. Сырово, после двухнедельных попыток пробраться к своим, буду-

---

[1] Датируется по времени освобождения Чернигова от фашистских оккупантов.

чи в окружении фашистских войск, я никогда не думал прожить 26 месяцев. Но благодаря исключительно хорошему отношению ко мне Романа Васильевича Тищенко и Мокряка Михаила Корнеевича, которого мне удалось «протянуть» в старосты села, мне удалось получить документы и затереть, примазать все свои следы как коммуниста, и таким образом я прожил 26 месяцев... За 2 года и 2 месяца я сумел замаскировать себя как житель с. Сырово и просуществовать как «преданный господин» для румынской власти.

Я не только существовал, а я старался найти единомышленников по своим коммунистическим убеждениям... Через посредство Николая Федотовича я познакомился с партийными товарищами из Саврани, и они поручили нам организовать подпольную партийную организацию ВКП(б). Такую мы организовали в первых числах мая месяца 1943 года, а позже, летом, меня назначают руководителем районной подпольной организации ВКП(б). Через посредство наших членов организации нам удалось организовать такую же группу во Врадиевском районе, объединиться с партийной группой Доманевского, Первомайского и Любашевского районов.

Дусенька, прошу тебя, если мы даже больше не увидимся, воспитай Валерика так, чтобы он был от начала и до конца только коммунистом, независимо от того, в какой он будет обстановке и окружении, ибо он мой сын, сын коммуниста...

Иван Авксентьевич Гуртовой родился в Григориополе, Молдавской ССР, по образованию агроном, до войны работал в Каменском районе Молдавии. И вот война. Коммунист Гуртовой, командир РККА, с оружием в руках защищает Родину. Попав в окружение, вместе с уцелевшими товарищами пытается прорваться через фронт, который, несмотря на упорную, самоотверженную борьбу советских людей, отодвигался все дальше и дальше на восток.

Темной августовской ночью 1941 года Иван Авксентьевич добрался до села Сырова, Врадиевского района, на Николаевщине. Здесь уже около месяца хозяйничали оккупанты. Иван Авксентьевич решил обосноваться в этом селе: тут жили родственники жены, а его знали как опытного агронома. Расчет был таков: с помощью родственников и знакомых войти в доверие к оккупантам, устроиться на работу, присмотреться к людям, постепенно выявить патриотов и включиться в подпольную антифашистскую борьбу.

В первые же дни своего хозяйничанья оккупанты начали с массовых арестов и расстрелов активистов Советской власти, грабежей, насилий и надругательств над мирным населением. Вскоре в селе появились бывшие кулаки и хозяева, которые под видом «своего» имущества захватывали дома, скот, сельскохозяйственный инвентарь, доносили на неугодных им жителей, вступали в отряды

жандармерии. Повсюду шныряли агенты сигуранцы — румынской политической полиции.

И. А. Гуртовому долго не удавалось войти в контакт с подпольщиками. Под новый, 1942 год наконец состоялась долгожданная встреча с одним из местных подпольщиков — 19-летним комсомольцем Н. Ф. Семеновым. В письме он именуется Николаем Федотовичем. У него имелись конспиративные связи, в том числе с фельдшером Сыровского медпункта поляком Э. П. Рачинским, кандидатом в члены ВКП(б) А. И. Корнованом, жителем поселка Саврани Евгением Благодырем, учительницей села Кривое Озеро, членом большевистской партии Лесей Новошицкой, жителем села Мазурова Николаем Щербатым и др.

Соблюдая конспирацию, подпольщики, расширяя свои ряды и объединяясь в группы, изучали и подбирали преданных Советской власти людей. По возможности устраивали их на такую работу, где легче было обеспечить подполье всем необходимым: документами, разведсведениями, продовольствием и т. д. Подпольщики также собирали оружие, вели агитационно-пропагандистскую работу с населением, составляли и размножали рукописные листовки и сводки Советского Информбюро.

В середине 1942 года основные нити руководства деятельностью подпольщиков концентрируются в руках Ивана Авксентьевича. К тому времени ему удается поступить на работу в Кривоозерскую претуру в качестве агронома, а затем стать заместителем претора по сельскому хозяйству. Используя легальные возможности, коммунист-подпольщик объединяет в одну антифашистскую организацию вначале четыре подпольные группы: Сыровскую, Врадиевскую, Мазуровскую и Кривоозерскую, а к концу года в нее уже входят антифашистские группы Любашевского, Доманевского и Первомайского районов. Устанавливается постоянная и прочная связь с партизанским отрядом, который действовал в Савранских лесах. Для этого отряда подпольщики создавали продовольственные базы, главным организатором которых являлся «заместитель претора по сельскому хозяйству». Всего в лес поступило около 10 тонн муки, более 20 центнеров мяса, много жиров и других продуктов. В основном все это из запасов, предназначенных для вывоза в Румынию и Германию. Несколько членов организации, которым грозил арест, влились в ряды партизан.

Впоследствии, когда на Николаевщину пришло освобождение, бюро Кривоозерского райкома партии внимательно рассмотрело вопросы о деятельности местных подпольщиков, возглавляемых Иваном Авксентьевичем Гуртовым, и отметило их большой вклад в общее дело великой победы.

Твердо веря в неминуемый разгром фашистов, члены Кривоозерской подпольной организации провели осенью 1943 года втайне от

оккупационных властей посев озимых на территории около 17 тысяч гектаров, что принесло богатый урожай пшеницы, сданной в фонд Красной Армии после изгнания захватчиков. Удалось сохранить от уничтожения врагом более 30 тракторов, 40 комбайнов, около 60 молотилок и разной другой сельскохозяйственной техники. А когда части Красной Армии приблизились к границам области, почти 200 участников антифашистского подпольного движения вступили в бой с отступающим противником.

Но до освобождения многие герои-подпольщики не дожили. В конце 1943 года в результате гнусного предательства И. А. Гуртовой и ряд его активных помощников были арестованы и зверски замучены в сигуранце.

С гордостью и благодарностью вспоминают потомки тех, кто, презирая смерть, во имя освобождения и процветания Родины долгие месяцы работал в подполье вместе с И. А. Гуртовым. Это прежде всего: Николай Федотович Семенов, Леся Новошицкая, Николай и Петр Щербатые, Евгений Благодырь, Эдуард Петрович Рачинский, Андрей Илларионович Корнован, Семен Андреевич Корчинский, Михайлина Владиславовна Постольская — хозяйка конспиративной квартиры И. А. Гуртового, Николай Тарантай, Иван Блидарь, Сергей Петрашков, Александр Попов, Петр Непомнящий, Василий и Феодосия Рукавицы, Иван Дрыга и др.

Письмо И. А. Гуртового жене и сыну хранится в Николаевском областном краеведческом музее (инв. № 500). Оно публиковалось в документальном сборнике «Николаевщина в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» (Одесса, 1964, с. 192—193).

ПИСЬМО ЛЕЙТЕНАНТА П. ГЛУХОВА НЕВЕСТЕ

Не позднее 5 декабря 1943 г. [1]

Родная Ная! Я редко пишу тебе. Не потому, что не хочу, а потому, что не могу писать часто. Ты знаешь: моя жизнь всегда в опасности. Я не хочу тебя тешить напрасной надеждой. Я всегда пишу тебе после боя. Но если ты получишь это письмо, значит, меня нет, значит, я пал на поле боя с думой о тебе, моя далекая и близкая подруга.

Я заранее позаботился написать это письмо, чтобы ты, живая, знала, как я любил тебя, какой бесконечно дорогой ты была для меня.

Только, дорогая, милая Ная, не для того пишу я это письмо, чтобы ты вечно терзалась тоской, грустью обо мне, чтобы ты всегда

---

[1] Датируется по времени отправки письма в редакцию «Комсомольской правды» товарищами П. Глухова.

ходила угрюмой и мрачной. Нет! Для того я пишу, чтобы ты знала и помнила до конца своих дней о моей любви к тебе, о том невыразимом чувстве, которое двигало мной, давало мне силу в борьбе, делало меня бесстрашным, когда было страшно.

И еще для того, чтобы ты знала, что ты хорошая, душевная девушка и твоя любовь — награда и оазис для уставшего воина.

Вот лежит передо мной твое фото. На меня смотрят, как живые, твои глаза. В них я вижу грусть. Если бы ты снималась с нарочито напускной грустью, то в них не было бы ее выражено так много и полно. Знаю, истосковалась ты.

Твои письма дышат нетерпением, ты просишь лучше, беспощадней бить фашистов, чтобы я скорее вернулся к тебе. Верь мне — твой наказ, твой зов — выполню с честью. Как и ты, я живу мечтой вернуться к тебе, снова встретиться с тобой. И я знаю, чем дальше я пройду на запад, тем скорее будет наша встреча. И ради осуществления этой мечты я так жадно бросаюсь в бой, во имя тебя я успеваю сделать в бою то, чему удивлялся бы, если бы прочел в газете.

Меня могли бы упрекнуть, если бы прочли это письмо, упрекнуть за то, что я сражаюсь за тебя. А я не знаю, не могу разграничить, где кончаешься ты и начинается Родина. Она и ты слились для меня воедино. И для меня глаза твои — глаза моей Родины. Мне кажется, что твои глаза всюду меня сопровождают, что ты — незримая для меня — делаешь оценку каждому моему шагу.

Твои глаза... Когда я смотрел в них, я испытывал неизъяснимое чувство восторга и какой-то тихой радости. Я помню твои взгляды, косые, с легким лукавством. Вот только теперь я понял, что в эти мгновенья, в этих взглядах лучше и больше всего выражалась твоя любовь.

Будущее для меня — это ты. Впрочем, зачем я говорю о будущем? Ведь когда ты получишь это письмо, меня не будет. Я бы не хотел, чтобы ты его получила, и я даже адреса не напишу на конверте. Но если, если все-таки получишь его — не обижайся. Значит, иначе не могло быть.

Прощай. Будь счастливой без меня. Ты сумеешь найти себе друга, и он будет не менее счастлив с тобой, чем я. Будь веселой. В дни славных побед нашего народа ликуй и торжествуй вместе со всеми. Только мне хочется, чтобы в такие дни, в дни веселья и счастья, затаенная, нежная грусть обо мне не покидала тебя, чтобы глаза твои вдруг, на минуту, сделались бы такими, какими они смотрят сейчас на меня с портрета.

Прости за такое желание.

Крепко и горячо обнимаю тебя.

С приветом.

Петр.

Шел бой за опорный пункт противника. На пути бойцов вражеский дзот, пулеметный огонь из которого не давал поднять головы. Лейтенант Петр Глухов с гранатой в руке пополз к амбразуре дзота, но в это время пуля сразила его. Когда бой затих, друзья с воинскими почестями похоронили друга. В личных вещах погибшего товарища нашли неотправленное письмо любимой девушке и ее фото. На обороте фотокарточки имелась надпись: «Славный мой! Ты далеко, но ты всегда со мной. Посылаю это фото, чтобы ты чаще вспоминал меня. Привет, мой дорогой. Твоя Ная. Май 1943 г., гор. Уфа».

Заверенная копия письма хранится в Центральном архиве ЦК ВЛКСМ (письма в редакцию «Комсомольской правды», 1943 г., № 6543, л. 3—6).

ПИСЬМО СЕРЖАНТА В. Е. НАЗАРОВА ДРУГУ

5 декабря 1943 г.

Дорогой Саша!

Передай моему другу любимой Марусе, что я слово свое выполнил. Я буду биться до последней капли крови, как она просила.

Для меня Родина — это все: и жизнь, и любовь — все, все. Вот сейчас я вижу, что русского человека не победишь. Он любит свою Родину, и в этом его непобедимость.

Маруся, скоро уничтожим эту гитлеровскую сволочь, и я вернусь к тебе.

Дорогая Маруся!

Только что переправились через Днепр, немцы нападают. Но нет, наша возьмет!

Ну, пока все. После боя еще напишу.

Маруся, люби Родину, как я ее люблю, она тебя везде и всюду поддержит и спасет.

Родина для нас — все.

В. Назаров.

Шли бои на правом берегу Днепра. Противник оказывал ожесточенное сопротивление и предпринимал одну контратаку за другой. В этих боях 5 декабря 1943 года погиб Владимир Ефимович Назаров. Войну он начал стрелком. Однажды, отражая танковую атаку, подбил две вражеские машины. За это был награжден орденом Отечественной войны. Вскоре стал снайпером. На его счету было 168 убитых фашистов.

История опубликованного письма примечательна: в разгар боя он торопливо написал его на клочке бумаги и передал своему другу

по оружию А. Я. Липатову с просьбой отправить девушке Марусе. Липатов не успел спросить ни фамилии девушки, ни ее адреса. Володя погиб в тот же день. В кармане его солдатской гимнастерки нашли фотокарточку Маруси. На обороте ее написано: «Любимому другу Володе от Маруси Я. 10.V.1943 г.»

Завещание В. Е. Назарова и письмо его друга-фронтовика А. Я. Липатова из действующей армии помещены в газете «Комсомольская правда» 24 декабря 1943 года.

ПИСЬМА ПАРТИЗАНКИ М. Ф. ХОВРЕНКОВОЙ ИЗ ГЕСТАПОВСКОГО ЗАСТЕНКА

1943 г.

ПИСЬМО РОДНЫМ



М. Ф. Ховренкова

Зиночка, обо мне не ходатайствуй, ибо ты моего дела не знаешь, не трать средства и не убивай здоровья, не расстраивайся и береги сама себя, ибо ты у нас молодая, тебе жить нужно, обо мне не плачьте, я сама виновата, что заслужила, то получила.

Зиночка, прошу много, много раз, не трать здоровья. Я жизни не жалею, ибо моя судьба такая, что я сколько живу... [1] *и сама тоже.*

Уважайте все сына за меня, а мне простите, что вы за меня пережили, и берегите Толю, чтобы он не скучал. Он, когда приносил передачу, очень плакал, когда увидел меня, просто растерялся и не знал, что ему делать, разрешили поцеловать. После, когда я его увидела, очень переживала, ну, ничего не сделаешь. Все заставит судьба пережить.

О, как жалею всех вас, что вам много переживать. Прошу, не плачьте, не одна я такая. Сейчас вижу — много людей переживают всякое горе. Убеждайте как можно маму, чтобы она не плакала.

Милая сестренка, не плачьте и передавайте Насте, пусть она не плачет. Я на нее не обижаюсь. Пусть смотрит деток. Привет Роману и тете Татьяне и Ермолаю, дядине Марии с ее детками и всей родне. Зиночка, скажи Анне, чтобы она не плакала, и Фруза и Мотя... [2]

Такая я, вижу во сне часто Шурку и Ваню, и Надю, и Толика каждую ночь и вас всех, Фрузу, Мотю и Аню, Зиночку и вижу всех

---

[1] Далее текст неразборчив.
[2] Далее текст неразборчив.

родных. Целую Настю с ее детками и мужем, целую Марусю с ее сыном, Лену с ее детками и всех, которые живут.

Я сейчас сижу в вашей камере, сидела 5 недель в камере смерти. Там, где сидела вся семья. Жалейте моего сыночка. Сиротку. Буду приять[1] *с того свету. Целую Муру и Тамару. На меня не обижайтесь, не обижайте папу.*

ПИСЬМО СЫНУ

Слушайся родных. Хорошо учись, будь вежливым, не кури. Не ругайся, учись играть на гармошке и на гитаре. У тебя есть способности. На что есть способность, не выбрасывай из головы, не ленись. Все заучивай, для тебя будет не плохо. Будешь помогать бабушке за меня и дедушке.

Помни маму, что у тебя была она...[2] *я-таки утешалась тобой и ты мной, и вся наша радость. Береги мои карточки. Когда придет дядя, зови его папой. Пусть перешивают тебе папины костюмы. Папе ничего не блюди.*

Целую вас тысячи, тысячи раз. Желаю вам много раз счастья, только не такого, как было у меня, такого никому не желаю.

Мария Филипповна Ховренкова родилась в Белоруссии в 1914 году. До войны, как и две ее младшие сестры — Надежда и Анна, была сельской учительницей. В начале войны все шесть сестер Ховренковых съехались под родительский кров, в деревню Ганцевичи. Фронт прошел через деревню, и семья Ховренковых оказалась в тылу врага. Отважные сестры не примирились с оккупационным режимом и стали в меру своих сил и возможностей бороться с оккупантами.

Сестры собрали на поле боя медальоны и документы погибших советских бойцов, чтобы переправить их потом за линию фронта, на Большую землю, собрали и спрятали найденное оружие. Трех тяжело раненных бойцов перенесли к себе в дом, выходили их и впоследствии помогли уйти к партизанам.

В апреле 1942 года одной из младших сестер, Надежде, удалось связаться с партизанами, и 1 мая она ушла в отряд. Вскоре Надю Ховренкову задержали. При обыске в шкловской комендатуре у нее в закрученных в валик волосах нашли секретные партизанские документы. Когда ее вели на расстрел, ей удалось бежать, но она попала в дом старосты, и предатель выстрелил ей в затылок, когда она пыталась выпрыгнуть в окно. Пять сестер Ховренковых встали на место убитой сестры, став партизанскими связными.

---

[1] Так в тексте.
[2] Далее текст неразборчив.

Мария выполняла особо важные задания командования партизанского отряда: доставляла сведения о продвижении грузов противника по железной дороге, сообщала о месте расположения войсковых частей, техники, складов с боеприпасами и вооружением в городе Орше. Эти сведения помогли нашей авиации громить военные объекты. Она доставила в отряд 15 винтовок, 4 пулемета, 200 килограммов тола, 24 тысячи винтовочных патронов. Мария, работавшая по заданию партизан в сельской управе уборщицей, прятала оружие в... диване у бургомистра. Отважную патриотку выдала гестаповцам женщина, продавшаяся фашистам. Вместе с семилетним сыном Толей Марию бросили в камеру-одиночку. Были арестованы и остальные сестры — Матрена, Зинаида, Ефросинья, Анна, их престарелые родители и маленькие дети Матрены и Анны.

Марию пытали в присутствии сына. Дикие издевательства над матерью так подействовали на ребенка, что впоследствии он не мог уже оправиться от психического потрясения и умер. Мария стойко держалась перед лицом фашистских палачей. Не добившись от нее ни слова, гитлеровцы повесили смелую белорусскую партизанку. Посмертно М. Ф. Ховренкова награждена орденом Отечественной войны.

Перед смертью Марии удалось передать родным свою плюшевую жакетку. Только через восемь лет Матрена Филипповна случайно обнаружила под подкладкой письмо. Написанное карандашом, оно местами стерлось. Письмо хранится в Могилевском областном краеведческом музее.


ВЪЧНА СЛАВА
НА
ЧЕРВЕНАТА-АРМИЯ



Во вражьем стане цели он разведал,
Мечтал о встрече с милой над письмом,
Читал статью про скорую победу,
И вдруг —
разрыв,
и он упал ничком.
Мы с друга окровавленного сняли
Осколком просверленный партбилет,
Бумажник,
серебристые медали.
А лейтенанту было
двадцать лет...

ВСЕВОЛОД ЛОБОДА,
погиб 18 октября 1944 года
в Латвии, неподалеку
от города Добеле.

ЗАВЕЩАНИЕ КОМАНДИРА ТАНКА МЛАДШЕГО ЛЕЙТЕНАНТА Г. И. МОРОЗА

Не позднее 5 января 1944 г. [1]



Г. И. Мороз

Завещание

Хочу оставить маленькое завещание, в случае гибели моей в борьбе с немецкими захватчиками.

Я — коммунист. Эта маленькая кандидатская карточка за № 5902866 и преданность моя ведет вперед до полного изгнания оккупантов из нашей Родины.



Мною руководит большевистская партия, она посылает на новые подвиги в этой борьбе.

Во мне воспитали преданного своей Родине и Красной Армии советского красного офицера, и все то, что я приобрел в результате упорной учебы в Сызранском танковом училище, использую вполне на поле боя.

Я буду драться с врагом до последней капли крови и дыхания.

Прошу вас, боевые товарищи, после моей смерти написать моим родителям о том, как я сражался за Родину, как я истреблял фашистов и их технику на своей машине и как погиб.

Прошу отослать мой партийный билет и другие документы, находящиеся при мне, моей любимой матери и отцу, вложив в них это завещание. Пусть эти скромные бумаги напоминают им о их сыне Георгии и о том, что он погиб в годы Отечественной войны.

Их адрес: Саратовская область, станция Безымянная, РУ ж. д., сельхоз ИТК № 9 НКВД, Морозу Ивану Ивановичу.

Любимой сестре Феодосии большевистский привет и наилучшие пожелания в учебе.

Привет моим близким товарищам: Надежде Рисман и Валентину Савичеву.

Привет моим учителям по училищу: капитану Зуеву и ст. л-ту Голяшову и др.

Написано перед боем.

Мл. лейтенант Г. Мороз.

Танковая часть, в рядах которой воевал младший лейтенант Георгий Иванович Мороз, получила задание перерезать важную коммуникацию противника. Танк под его командованием первым

---

[1] Датируется по сопроводительному письму в редакцию «Комсомольской правды», куда было переслано предсмертное письмо Г. И. Мороза.

ворвался в расположение вражеской пехоты, но был подбит. Экипаж продолжал обстреливать врага. Когда боеприпасы кончились, командир танка Г. И. Мороз приказал членам экипажа отходить, а сам стал прикрывать их отход.

Со всех сторон к танку подползали вражеские солдаты. Младший лейтенант Мороз видел их лица. Он бросил подряд несколько гранат. Враги падали, но все новые и новые гитлеровцы подбирались к неподвижно стоявшему танку. Теперь командир танка отстреливался только из пистолета.

Подоспевшие на помощь советские бойцы нашли героя уже мертвым. В кармане его кителя лежало завещание, написанное чернилами на листке бумаги.

Завещание хранится в Центральном архиве ЦК ВЛКСМ (выставка «Комсомол в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», л. 9 и 9 об.).

ЗАВЕЩАНИЕ ЗАЩИТНИКА ЛЕНИНГРАДА КАПИТАНА Г. П. МАСЛОВСКОГО СЫНУ

13 января 1944 г.



Г. П. Масловский

Ну вот, мой милый сын, мы больше не увидимся.

Час назад я получил задание, выполняя которое живым не вернусь. Этого ты, мой малыш, не пугайся и не унывай. Гордись такой гордостью, с какой идет твой папа на смерть: не каждому доверено умирать за Родину. Приму все меры, чтобы это письмо переслали тебе, а ты с ним будь осторожнее, не пугай свою бабусю.

Славному городу Ленина — колыбели революции грозит опасность. От выполнения моего задания зависит его дальнейшее благополучие. Ради этого великого благополучия буду выполнять задание до последнего вздоха, до последней капли крови. Отказаться от такого задания я не собирался, наоборот, горю желанием, как бы скорее приступить к выполнению.

В ожидании машины роюсь в неугомонных мыслях, с молниеносной скоростью задаю сам себе вопросы и тут же даю ответ. Одним из первых вопросов будет такой: какие силы помогают мне совершить мужественный поступок? Воинская дисциплина и партийный долг. Правильно говорят: от дисциплины до геройства — один шаг. Это, сын, запомни раз и навсегда. А пока есть время, надо

отвинтить от кителя ордена, поцеловать их по своей гвардейской привычке. Рассказываю тебе обо всем подробно, хочу, чтобы ты знал, кто был твой отец, как и за что отдал жизнь.

Вырастешь большим — осмыслишь, будешь дорожить Родиной. Хорошо, очень хорошо дорожить Родиной.

У меня есть сын. Жизнь моя — продолжается, вот почему мне легко умереть. Я знаю, что там, в глубоком тылу, живет и растет наследник моего духа, сердца, чувства. Я умираю и вижу свое продолжение. Сын, ты в каждом письме просил и ждал моего возвращения домой с фронта. Без обмана: его больше не жди и не огорчайся, ты не один. При жизни нам, сынка, мало пришлось жить вместе, но я на расстоянии любил тебя и жил только тобой. Вот и сейчас думается, хоть я буду мертвый, но сердце продолжает жить тобой, даже смерть не вытеснит тебя из моего скупого сердца.

В своем прощальном письме прошу командование определить сына воспитанником Суворовского военного училища, желательно в Ленинградскую область — это для того, чтобы он мог посетить Поддорский район, Сокольский сельсовет, потому что возле деревни Хлебоедово закончит жизненный путь его отец. Когда начнется мирная жизнь, возродятся колхозы, сын будет шефом колхоза деревни Хлебоедово.

Прощай, мой сын, прощай, дорогая жена!

Поля, Юра! Жена, сын! Радость вы моя, кровь моя, жизнь моя! Люблю, люблю до последней капли крови!

Выполняйте мое завещание.

Целую, искренне любящий Гавриил.

Гвардейская стрелковая дивизия, в которой воевал Г. П. Масловский, занимала позиции недалеко от деревни Хлебоедово, Поддорского района, Новгородской области. Разведка доложила, что в роще Круглая, юго-восточнее другой деревни, Прямики, имеется крупный склад бомб и артиллерийских снарядов, которые гитлеровцы готовили для отправки под Ленинград. Командование дивизии приняло решение взорвать склад и поручило провести эту операцию капитану Масловскому.

Уже смеркалось, когда Гавриил Павлович кончил писать письмо-завещание сыну Юрию и жене Полине, которая тоже была на фронте, работала врачом в полевом госпитале. «Последнее письменное слово и мое завещанное пожелание для сына» — так назвал это письмо Гавриил Масловский — человек железной воли и беспредельной преданности Коммунистической партии и советскому народу.

Приближалось время идти на задание... Капитан Масловский еще раз прочитал письмо. Он представил себе, как его сынишка

Юрка сейчас ложится в теплую постельку и, наверное, вспоминает: «А где сейчас мой папка?» И ему захотелось увидеть сына, погладить его вихрастую голову, прижать к себе. Но законы войны неумолимы, надо было идти...

А через несколько часов в ночное небо взметнулся столб пламени. Земля содрогнулась от мощного взрыва. Задание было выполнено, но капитан Г. П. Масловский, смертельно раненный, скончался на руках у своих боевых друзей.

Письмо Гавриила Павловича его товарищи переслали сыну Юрию, который окончил в 1952 году Свердловское суворовское училище, а затем и Военное автотракторное училище, стал офицером Советской Армии.

Именем Г. П. Масловского назван один из совхозов в Новгородской области.

Копия письма была обнаружена после войны в архиве воинской части, где служил Г. П. Масловский, и передана на хранение в Центральный музей Советской Армии (инв. № Б—4/1796).

ПИСЬМО
А. АЛИША (А. Б. АЛИШЕВА)
РОДНЫМ ИЗ БЕРЛИНСКОЙ ТЮРЬМЫ

28 января 1944 г.



А. Б. Алишев

Советский Союз, г. Казань, ул. Дзержинского, 18/19, кв. 1.
Тюльпановой Руккие
Sowiet Union, Stadt Kasan, Dzerschincki Str. 18/19, Stübe № 1.
Tulpanowa Rukia

Моя дорогая подруга жизни, любимая мать, мои дорогие дети, родные и друзья!

Шлю Вам, быть может, последний свой пламенный привет.

Я, Алишев Абдулла Бареевич, писатель А. Алиш, красноармеец 1001 стрелкового полка, будучи в окружении, попал в плен 12.X-41 г. под Брянском. Путешествуя по различным лагерям, под конец попал в Чехословакию, где работал на заводе шлифовальщиком.

В конце 1942 г. в лагере близ Берлина встретил поэтов Мусу Жалиля[1]*, Р. Саттара (из газеты «Кз. Яшъляр»). В августе 1943 года был арестован по обвинению в распространении листовок среди татарских военнопленных, так наз. легионеров.*

[1] Так в подлиннике назван Муса Джалиль. См. о нем с. 315—319.

Со мною арестованы были следующие лица:

1. *Муса Жалиль — поэт из Казани.*
2. *Гариф Шабаев — фин. работник из Ташкента.*
3. *Сайфульмулюков — зам. наркома торговли Узб.*
4. *Фуат Булатов — инженер из Казани.*
5. *Ахмет Симаев — журналист из Москвы и человек 20—25 из легиона.*

Мы просидели полгода в Берлинской тюрьме. Суд должен состояться 7.II-44 г. в Дрездене.

Пришел, боролся и ушел. Такова уж наша, видно, судьба. Мы остаемся до последнего вздоха верными нашему народу. Ах, как хочется жить, увидеть Вас, мои дорогие, и рассказать все пережитое (Р. Саттар в июне 43 г. сбежал, его судьба неизвестна). Много написанных и обдуманных вещей уходит с нами в забытье.

Целую всех крепко, крепко. Особенно моих Алмаза и Айваза. Постарайтесь дать им образование.

Прощайте.

Ваш верный сын, супруг и друг.

А. Алиш

28.I.44.

Абдулла Бареевич Алишев (А. Алиш) — татарский детский писатель — родился в сентябре 1908 года в д. Каюки, Спасского уезда, ныне Куйбышевский район, Татарской АССР. Автор многих сказок и рассказов для детей, он активно сотрудничал в пионерской газете «Яшь ленинче». Первый сборник его рассказов — «Знамя пионерского отряда» вышел в свет в 1931 году. После окончания Казанского землеустроительного техникума работал в строительной организации города Мензелинска. Затем ответственный секретарь журналов «Техника» и «Пионер каляме» («Пионерское перо»). С большим интересом были встречены его рассказы, разоблачавшие фашизм,— «Берлин» (1933 г.), «Клятва» (1935 г.) и пьеса «Маленький узник» (1941 г.), книги «Звездочка», «Отрядный флаг» и др.

С первых дней Великой Отечественной войны Абдулла Бареевич Алишев сражался против фашистских захватчиков. Но недолго ему пришлось бороться с врагом с оружием в руках: в октябре 1941 года он попал в плен. Началась борьба подпольная, борьба неравная, борьба безоружных людей против вооруженных. Два раза он пытался бежать, но безуспешно. Стало ясно, что в одиночку борьба с врагом невозможна.

Огромное значение для А. Алиша имела встреча в лагере близ Берлина в 1942 году с известным татарским поэтом Мусой Джалилем, с которым он был знаком еще в Казани, по Союзу писателей Татарии. Абдулла Бареевич Алишев с радостью принял предложе-

Письмо А. Алишева родным из берлинской тюрьмы

ние вступить в руководимую Мусой Джалилем подпольную антифашистскую организацию.

По решению подпольной организации А. Алиш вместе с журналистом Р. Саттаром стали работать в редакции фашистской газеты «Идель Урал», издававшейся на татарском языке в Берлине. Они должны были срывать публикации острых антисоветских материалов. Вскоре последовали доносы на Алиша, его товарища Р. Саттара и других «добровольцев», привлеченных в газету. Их обвиняли в том, что они ведут умелую агитацию против третьего рейха, участвуют в составлении и распространении антифашистских листовок, есть подозрения, что эти лица специально «внедрены» советской контрразведкой [1].

[1] См.: *Мустафин Р.* Предисловие к книге «Три поэта-воина». Казань, 1979, с. 8.

Еще в лагерях Абдулла Бареевич вел дневник, тщательно скрывая его от надзирателей. Однажды записал: «Если эта тетрадь дойдет до моей Родины — я счастлив. Если прочтут эти мои записи моя бедная мать, любимая подруга и если друзья подготовят некоторые стихи к печати и опубликуют,— о большем я и не мечтаю».

Какой огромной силой наполнено одно из первых помещенных в дневнике стихотворений, названное «Какою будет смерть?». Тут есть строки:

Мы и в неволе — все равно в бою.
Что б ни случилось, смерть мы встретим
смело.
И, жизнь отдав за Родину свою,
Погибнем за ее святое дело!

В другом стихотворении, посвященном сыновьям Алмазу и Айвазу, поэт писал:

И пусть прервется вскоре жизнь моя,
Я знаю: как бессмертье и продленье
Останутся на свете сыновья —
Мой слух былой, мое былое зренье...

12 августа 1943 года по доносу предателя члены организации были схвачены и заключены в берлинскую тюрьму Моабит. В тюрьме А. Алиш сидел в соседней камере с М. Джалилем. В знаменитой «Моабитской тетради» М. Джалиля А. Алишу посвящено несколько стихотворений.

Суд над подпольщиками состоялся в Дрездене в марте 1944 года.

25 августа 1944 года в тюрьме Плетцензее один за другим, с интервалом в три минуты, были гильотинированы Абдулла Бареевич Алишев со своими товарищами по подполью. В архивных документах тюрьмы сохранилось страшное свидетельство: «Берлин — Шарлоттенбург, 26 августа 1944 года. Писатель Абдулла Алишев, проживающий в Казани, улица Дзержинского, 18/19, скончался 25 августа 1944 года в 12 часов 12 минут... Заявлено и удостоверено — помощник надзирателя Пауль Дюррхауэр... Заявивший убедился в смерти собственными глазами... Причина смерти — обезглавлен».

Свое предсмертное письмо Абдулла Бареевич Алишев передал соседу по камере в берлинской тюрьме бельгийскому антифашисту Эмилю Майзону, чтобы после войны тот переслал письмо его жене в Казань. Когда закончилась война и Эмиль Майзон вернулся домой, в Бельгию, он передал письмо А. Алиша в советское посольство в Брюсселе. Э. Майзон писал супруге погибшего поэта: «Сударыня! Я позволил себе написать эти строки в память о Вашем муже, который находился в заключении вместе со мной в Германии и был при-

говорен к смертной казни. Ваш муж дал мне свое письмо, написанное на русском языке, содержание которого мне неизвестно... Я могу сказать Вам, что в наших беседах, которые были для нас не очень легкими, мы часто говорили о России, о семье.

Я навсегда сохраню светлую память о Вашем муже и последний сувенир, которым я располагаю, уступаю Вам. Это маленький конвертик, в котором он посылал мне сигареты... Благосклонно примите, милостивая сударыня, выражение моих наилучших чувств и дружбы в память нашего дорогого Алиша...»

Дневник героя-поэта, пройдя через многие руки узников, оказался у военнопленного Н. Терегулова, а после войны, доставленный в Казань, стал достоянием гласности. В 1968 году немецкий публицист Леон Небенцаль обнаружил в нацистских архивах в Берлине новые документы о героических делах Алиша, М. Джалиля и их мужественных сподвижников.

Некоторые уточнения и дополнения внесены в седьмое издание книги руководителем музея А. Алиша в казанской школе № 55 И. Г. Сункишевой.

Именем А. Б. Алишева (А. Алиша) названы Казанский Дворец пионеров, один из передовых совхозов Татарской АССР, улицы, многие пионерские отряды, клубы. Произведения поэта, как он и мечтал, публикуются на многих языках народов СССР, призывно зовут и сегодня к борьбе за мир и счастье людей...

Предсмертное письмо славного сына татарского народа было опубликовано в газете «Советская Россия» 7 декабря 1957 года.

НАДПИСЬ ПОДПОЛЬЩИЦЫ П. САВЕЛЬЕВОЙ НА СТЕНЕ ТЮРЕМНОЙ КАМЕРЫ В ЛУЦКЕ

Январь 1944 г. [1]

Приближается черная, страшная минута! Все тело изувечено — ни рук, ни ног...

Но умираю молча. Страшно умирать в 22 года. Как хотелось жить! Во имя жизни будущих после нас людей, во имя тебя, Родина, уходим мы... Расцветай, будь прекрасна, родимая, и прощай.

Твоя Паша.

Паша Савельева родилась в крестьянской семье, училась в школе-десятилетке в городе Ржеве. Летом 1940 года, после окончания Московского кредитно-экономического института, приехала на работу в Луцк. Здесь ее и застала война.

---

[1] Датируется по времени казни П. Савельевой.

Не успев эвакуироваться на восток, Паша приняла решение бороться с оккупантами в городе. Вместе с другими комсомольцами Луцка она организовала подпольную группу, собирала сведения о расположении гитлеровских войск, оказывала помощь бежавшим советским военнопленным, изготовляла для них документы и снабжала одеждой.

Ранней весной 1943 года группа подпольщиков сумела установить связь с действовавшими в их местности партизанами под командованием Д. Н. Медведева.

Подпольщики раздобыли у фашистов план Луцка с указанием всех военных объектов. По заданию партизанского центра они совершали диверсии на железнодорожной станции. Гестапо сбилось с ног, пытаясь обнаружить руководителей подполья.

22 декабря 1943 года гестаповцы арестовали Пашу Савельеву. После ужасных пыток и мучений в январе 1944 года фашисты сожгли патриотку во дворе средневекового католического монастыря, превращенного гитлеровцами в кровавый застенок.

За час до казни, надеясь на побег, она сумела передать в соседнюю камеру записку: «Если будут выводить вместе, надо попробовать бежать. Мужайтесь!» Но бежать не удалось.

Приведенная выше надпись в камере № 14 была нацарапана гвоздем в последние минуты перед казнью. Опубликована в «Литературной газете» 2 июня 1960 года.

ПИСЬМА КОМАНДИРА САПЕРНОГО ВЗВОДА Б. БУЛКИШЕВА ДРУЗЬЯМ

Май 1942 г.—
не позднее 3 февраля 1944 г. [1]

ИЗ ПИСЕМ С ЗАПАДНОГО ФРОНТА В «КОМСОМОЛЬСКУЮ ПРАВДУ»

Май 1942 г.

...Я воюю более 300 дней. За это время изменилась наша страна, изменились наши люди, изменился и я. Я стал воином, суровым человеком, и никто не скажет, что десять месяцев назад я был юношей, который ничего не знал, кроме мечты об учебе и любимой девушке.

Моя молодость служит делу человечества. Быть может, мне и не удастся вернуть ее, но я верну ее моим младшим братьям, и они будут гордиться теми, кто сражался с врагом в эти воинственные годы.

---

[1] Дата гибели на фронте Б. Булкишева.

Младшие братья! Вы будете самыми счастливыми молодыми людьми, каких не знала история. Вы не будете знать, что такое война.

Мы жертвуем собой во имя вашего счастья, вам мы обеспечим мир навеки.

ИЗ ПИСЬМА ДРУЗЬЯМ

Конец августа 1943 г.[1]

...Я прочел как-то в газете о том, что казахи, сражаясь под Харьковом, целовали освобожденную украинскую землю. Мы читали эту заметку с одним украинцем. Мы обнялись с ним тогда, поцеловались и заплакали. Мы, взрослые люди, воины! Враг никогда не заставил бы нас заплакать, как бы ни издевался над нами. Но теперь мы плакали, растроганные этим великим проявлением дружбы народов.

И мы поклялись друг другу — как бы нам тяжело ни было, до конца драться и победить...

ИЗ ПИСЬМА В РОДНОЙ ГОРОД АЛМА-АТУ

Не позднее 3 февраля 1944 г.

Сегодня по приказу наркома мне присвоено новое воинское звание. Меня можешь встречать теперь старшим лейтенантом...

Он родился в Байконуре — небольшом казахском поселке, ставшем всемирно известным после первого космического полета Ю. А. Гагарина. Окончил ФЗУ, работал сотрудником газеты в Алма-Ате. Мечтал стать писателем. И вот — война, фронт. Сапер Баубек Булкишев в редкие минуты затишья умудрялся вести дневник. «Фашисты хотят отнять нашу молодость, отнять нашу будущность,— писал он.— Но разве мы отдадим? Умрем, но не отдадим!» И далее: «Человечество прошло долгий путь от Софокла до Ленина, от Гомера до Горького, от Баха до Шостаковича. Человечество веками накапливало богатства культуры... Мы ничего не отдадим вандалам XX века,— повторяет свою мысль Баубек, завершая ее твердым решением: — С мыслью о Родине пойду утром в бой».

Летом 1942 года Баубек по совету сверстников-фронтовиков, которым он нередко читал выдержки из дневника, послал некоторые записи в Москву, в адрес редакции «Комсомольской правды». Политический обозреватель «Правды» Юрий Жуков — в то время он заведовал отделом в газете — рассказывал, что записи Баубека Булкишева сразу же привлекли внимание, часть их была опубликована и вызвала живой отклик с фронта и из тыла.

---

[1] Датируется по времени освобождения Харькова от немецко-фашистских захватчиков.

Осенью 1943 года начались ожесточенные бои за освобождение Криворожского железорудного и Никопольского марганцевого бассейнов, имевших большое военно-стратегическое значение.

Письма от Баубека — к тому времени он командовал саперным взводом — стали приходить все реже и реже. А затем их перестали получать. В воинскую часть Баубека полетели тревожные запросы. После долгого молчания откликнулся солдат Н. Степурин. «Баубек Булкишев — мой командир,— писал он.— Это был самый лучший наш друг и товарищ. Он погиб в боях у села Ново-Юльевка...»

Спустя много лет стала известна эта официальная справка: «Ст. лейтенант, командир саперного взвода 810-го стрелкового полка 394-й стрелковой дивизии Булкишев Баубек, уроженец Карагандинской области, Карсакпайского района, кандидат в члены ВКП(б), призванный в Красную Армию Алма-Атинским РВК, убит 3 февраля 1944 года и похоронен в с. Ново-Юльевке Софийского района Днепропетровской области».

В 29-ю годовщину со Дня Победы «Комсомольская правда» напомнила о казахском юноше, напечатав записи Баубека Булкишева и письма, адресованные ему. Документы опубликованы в газете 9 мая 1974 года.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО УЧАСТНИЦЫ АНТИФАШИСТСКОЙ ПОДПОЛЬНОЙ ГРУППЫ «ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ» Г. РОМАНОВОЙ

18 февраля 1944 г.

Я знаю, что меня ждет. Но такой меня воспитала Родина. Я не унижусь перед вами и гордо приму смерть. Жалею только об одном — мало пользы успела принести своей Отчизне. Пусть простит меня за это мой народ...



Г. Романова

Галочка... Так называли ее сверстники. «Галина...» — с уважением обращались к ней, когда она стала комсомолкой. Дочь кузнеца, она после окончания средней школы получила возможность продолжать образование. Галина избрала гуманную, самую человечную специальность — она решила стать врачом и поступила в Днепропетровский медицинский институт. Но в жизнь молодой девушки вошла война. Знания, полученные в институте, пригодились.

В конце августа 1941 года в Днепропетровск вошли гитлеровцы. Начался дикий разгул оккупации. На многих предприятиях стали создаваться боевые группы, которые возглавил секретарь подпольного обкома КП(б)У Н. И. Сташков [1]. В одну из этих групп приняли и Галину Романову.

Летом 1942 года гитлеровцы арестовали большую группу местных врачей и в июле увезли их в Германию. Среди них оказалась и Галина Романова. Она попала в город Ораниенбург, недалеко от Берлина. О том, что произошло дальше, свидетельствует обвинительный акт главного имперского прокурора при берлинском трибунале от 18 февраля 1944 года, обнаруженный в архивных материалах ГДР. На 29 страницах убористого машинописного текста рассказывается о деятельности антигитлеровской организации «Европейский союз» во главе с «русским врачом Галиной Романовой».

Вот краткие выдержки из обвинительного акта: Романова, как врач, имела доступ во многие лагеря для восточных рабочих, она часто связывалась со своими земляками, старалась привлекать в нелегальную организацию все новых заключенных. В лагере «Кайзер» вела политические разговоры, говорила, что советский фронт приближается, что Германия проиграла войну и что каждый должен думать о Советской Родине.

Пока трудно со всей определенностью раскрыть детали подпольной деятельности «Европейского союза». Главное, что люди разных судеб в годину смертельной опасности нашли общий язык — язык беззаветной борьбы с фашизмом.

Галину Романову гильотинировали 3 ноября 1944 года.

О Г. Романовой публиковались материалы в периодической печати: 2 и 9 февраля 1965 года в «Днепропетровской правде», где, в частности, сообщается, что на родине героини, в Днепродзержинске, одна из улиц носит ее имя, в местном музее экспонируются материалы о ней.

ПИСЬМА ЗАЩИТНИКА ЛЕНИНГРАДА АРТИЛЛЕРИСТА В. Н. УСОВА

28 ноября 1943 г.— 20 февраля 1944 г.

ИЗ ПИСЬМА К МАТЕРИ

28 ноября 1943 г.

...Вчера произошло выдающееся событие в моей жизни (т. е. 27—XI): меня из кандидатов ВКП(б) приняли в члены нашей партии.

[1] См. с. 153—157.

Так что можешь меня поздравить. Сейчас мы пока не воюем, но и не сидим сложа руки.

Я рад сознанием того, что честно выполняю свой долг перед Родиной, немало фашистов нашло себе смерть от меня, и, конечно, еще не один с моей помощью ляжет в могилу. Разгромим их, и будет радость победы, и будет она скоро! Вот уж тогда и вы сможете вернуться в Ленинград, и я приеду к вам, хотя и не насовсем, ведь я человек военный...



В. Н. Усов

ПИСЬМО РОДНЫМ

27 января 1944 г.

Здравствуйте, дорогие мамуся, Павлуша и Нанечка!

Позавчера я получил мамусино письмо, но ответить не мог. Во-первых, я очень интересуюсь, как чувствует себя Нанечка, поправляется ли он. Я живу все так же и ничего нового прибавить к этому не могу.

Последние 4 дня был на выполнении боевой задачи по разгрому вражеского опорного пункта. Я хочу описать эту операцию для того, чтобы Пулька использовал этот материал в стенгазету. 23-го прибыли в назначенное место вместе с пушкой. Ночью я с наводчиком вел наблюдение за противником, за его огневыми точками. Мы расположились на одной сопке, в 300 метрах от нас немцы.

Мне была поставлена задача — огнем орудия уничтожить крупнокалиберный пулемет, установленный в двухамбразурном дзоте, мешающий продвижению нашей пехоты, ее действиям. Днем 24-го вел наблюдение за немецкими позициями, стрелял из автомата по появляющимся врагам. Ночью весь расчет оборудовал дневную позицию с укрытием, под носом у фашистов, в 300 метрах от них. И хотя они пускали ракеты, но ничего не заметили. Оборудовав опорный пункт, перед рассветом выкатили орудие на открытую площадку, замаскировали его; на переднем крае нужно хорошо маскироваться и укрываться: высунешь голову — очередь из пулемета, начнешь долго стрелять или будешь ходить в рост — немцы открывают огонь из миномета. Наши тоже ведут сильный огонь. Но иногда бывают моменты, когда не слышно ни одного выстрела.

В 11 часов утра весь расчет находился у орудия, и по сигналу наша пушка вместе с минометами и орудиями открыла огонь по врагу.

Третий снаряд попал в дзот, четвертый — в амбразуру, из нее посыпались искры и повалил черный дым и через несколько секунд показалось пламя, с каждым выстрелом вверх летели земля, камень и бревна.

Противник открыл минометный огонь по орудию, мины стали падать в 10 метрах и взрываться с оглушительным треском, шурша летели осколки. Я подал команду, и орудие закатили в укрытие. Когда кончился обстрел, я посмотрел на нашу работу — выпущено 38 снарядов, дзот представлял из себя груду бревен, камня и земли. Не знаю, удалось ли спастись из него врагам. Вечером, когда стемнело, орудие перекатили на другое место и 26-го весь день чистили его.

Задачу выполнили — дзот уничтожен. Все остались живы, здоровы и невредимы, с приподнятым настроением.

Вот, Пулька, тебе эпизод из нашей фронтовой жизни.

Так мы, фронтовики, уничтожаем врагов, приближая победу. Я призываю вас, ребята, учиться только отлично, овладевать военным делом, каждому помогать кто чем может фронту, чтобы скорее разгромить фашистов.

Будьте искренними патриотами нашей великой Родины.

Главстаршина Усов В. Н.

ЗАВЕЩАНИЕ ПЕРЕД БОЕМ

20 февраля 1944 г.

Идя в этот бой, я клянусь, что честно выполню святой долг перед Отчизной, всю свою ненависть вложил в боевое уменье, она утроила мои силы!

Меня нет, но мой ратный труд не пропадет. Ведь я так хотел жить, но я лучше пожертвую собой, чтобы жила и цвела моя счастливая Родина, чтоб жили другие.

Родина, дорогая, прими мой скромный дар для блага твоего и знай, что я, взращенный, вскормленный, вспоенный тобой, отплатил тебе всем, чем мог.

Я, твой сын, тебе был предан до последнего дыхания и выполнил с чистой душой свой долг коммуниста и воина.

Я умер для того, чтоб ты жила. Я так горячо любил тебя, Родина, как ненавидел врагов твоих.

...Отгремят последние залпы, и в радости своей вздохнет свободно Отчизна, народ. И кто из вас доживет до дня великой победы, в этот ясный, счастливый день вспомните и расскажите о тех, кто ничего не пожалел для этого дня и отдал жизнь для него, приближая это торжество.

Я ведь тоже хотел быть с вами в этот день.

Пусть вспомнит в этот день Наташенька о том, который жил тобой и, умирая, думал о тебе, незабвенной любимой.

Дорогие мамуся, Лялечка, Павлик и Ленечка!

Не надо горевать. Не надо плакать обо мне. Облегчите свое горе мыслью, что я был верен долгу до конца, что я своим трудом солдатским и кровью своей приближал день победы над врагом.

Дорогие друзья!

Я вас прошу в последний раз, чтоб это завещание было известно братьям по оружию. Пошлите его моим родным и напишите обо мне Ивановой Наталье Сергеевне, живущей по адресу: Кемеровская обл., г. Анжеро-Судженск, Советский пер., 1/4.

Адрес моей матери: Ивановская область, Небыловский район, совхоз «Леднево», Валентине Николаевне Усовой.

Вадим Николаевич Усов родился 24 ноября 1923 года. В 1941 году он окончил ленинградскую среднюю школу и поступил в Высшее военно-морское инженерное училище имени Ф. Э. Дзержинского. Осуществилась мечта Вадима: он начал учиться, чтобы стать военным моряком.

В конце 1941 года вместе с другими курсантами училища комсомолец Усов был направлен на фронт. Он воевал на самых тяжелых участках боев, стал опытным, волевым командиром. Товарищи любили его за скромность и отзывчивость, за его чуткую душу. Нередко после боя Вадим читал сержанту К. Солодовникову свои первые стихи.

Когда я в атаке в дыму и огне
Иду по колено в крови,
Далекая радость, хотя бы во сне
Ты имя мое назови...

Согретый любовью в Карельском лесу,
От пуль невредимый в бою,
Я вместе с победой тебе принесу
Солдатскую верность свою.

27 ноября 1943 года у Вадима Усова был большой праздник. В фронтовой землянке собрались его товарищи-коммунисты. Он был принят в ряды Коммунистической партии.

20 февраля 1944 года в Карелии произошел последний бой Усова. Из дзота на возвышенности гитлеровцы обстреливали почти каждый метр. Бойцы ни на шаг не могли продвинуться вперед, поднять головы. Тогда командиру орудийного расчета коммунисту Усову было приказано прямой наводкой расстрелять вражеский дзот. После восьмого выстрела дзот загорелся. А между тем две артиллерийские батареи противника открыли огонь по позиции Усова. Вражеские снаряды ложились так густо, что каждую минуту могло быть прямое попадание. Усов приказал расчету укрыться в траншеях, а сам, выскочив из своего окопа, побежал снова к орудию, но сделать выстрела не успел: осколок разорвавшегося снаряда сразил мужественного воина. Когда кончился бой, товарищи Вадима в его документах нашли «Завещание перед боем».

В безмолвии стояли солдаты-артиллеристы перед свежей могилой друга. Лейтенант Колотый читал завещание. Командир стал на колени и сказал: «Перед прахом лучшего боевого командира орудия я клянусь мстить до тех пор, пока в груди моей бьется сердце».

Завещание и письма В. Н. Усова сохранились у его матери В. Н. Усовой. Завещание было частично опубликовано в газете «Кузбасс» (г. Кемерово) 7 апреля 1944 года.

ПИСЬМА КОМАНДИРА ТАНКА В. А. СИВКОВА И РАДИСТА П. К. КРЕСТЬЯНИНОВА

15 марта 1944 г.

ПИСЬМО В. А. СИВКОВА И П. К. КРЕСТЬЯНИНОВА БОЕВЫМ ТОВАРИЩАМ

Мы остаемся двое в танке № 17: командир танка — младший лейтенант Сивков Вадим Александрович и радист — красноармеец Крестьянинов Петр Константинович, решив лучше умереть в своем родном танке, чем покидать его.

В плен сдаваться не думаем, оставляя по 2—3 патрона для себя. Виновным в аварии прошу считать механика-водителя, который не выполнил моего приказа: повернуть влево. Когда он выскакивал, я не пристрелил его, чтобы не забить люки.

Немцы два раза подходили к танку, но открыть не смогли. В последнюю минуту жизни взорвем гранатами танк, чтобы (он) не попал врагу. Просим сообщить домой, что мы выполнили свой долг перед Родиной — заняв одним танком Явкино и там погибнув.

Мой адрес: Удмуртская АССР, село Каракулино, райвоенкомат подполковнику Сивкову.

Кировская область, Шурминский район, село Ральники, Крестьянинову Константину Михайловичу.

Сивков
П. Крестьянинов

15 марта 1944 года, 6 часов 10 минут.

ПИСЬМО В. А. СИВКОВА РОДИТЕЛЯМ

Здравствуйте, дорогие мои папа, мама и Тасенька.
Сообщаю, что на фронте мне пришлось быть всего немного более месяца. В наступлении прошли уже более 100 километров. 13 марта я одним своим танком занял большое село Явкино (1167 дворов по карте 1930 года).

В ночь на 15 марта немцы пошли в атаку, заняли село. Благодаря ночи мой танк упал в противотанковый ров. Остались вдвоем с радистом. Решили погибнуть при крайнем случае, но в плен не идти. Немцы два-три раза подходили к танку, но пока не открыли. Живу, может быть, последние минуты. Вот коротко все о себе. Не волнуйтесь за меня. На то есть война. Желаю вам дальнейшей счастливой жизни.

Последняя просьба к вам: сдообщите в Ижевск всем ребятам о моей смерти. Ну вот все, кончаю.

До свидания навеки.

Ваш сын Вадим Сивков.

15 марта 1944 года, 7 часов утра.

...Это было утром 13 марта 1944 года. Советские войска продолжали гнать фашистских захватчиков с родной земли. Среди наступающих частей действовал и 212-й отдельный танковый полк. Танк № 17 этого полка, вырвавшись вперед, в упор расстреливал бегущего противника. Впереди село Явкино. Засевшие там фашисты встретили танк сильным огнем. Его экипаж, возглавляемый младшим лейтенантом В. А. Сивковым, решил вступить в бой и опрокинуть врага. Подойдя вплотную к селу, танк открыл огонь и на предельной скорости ворвался за околицу. Умело маневрируя между домами, он создавал видимость, что в селе ведут бой по меньшей мере 10 танков. Фашисты метались от дома к дому, но их настигали гусеницы и огонь советского танка. К полудню в селе не осталось вражеских солдат, а вскоре сюда подошли пехотные подразделения наступающих советских войск.

Удалось установить, что в результате смелых действий экипажа танка № 17 было уничтожено до 250 гитлеровцев, более 100 различных повозок. Среди трофеев оказались 3 исправных танка, 12 бронетранспортеров, 3 орудия, 5 минометов, 75 автомашин и 250 повозок.

Прошло два дня. Противник, подтянув резервы, перешел в контрнаступление. И снова танк, маневрируя по селу, мешал врагу продвигаться вперед. Но случилось несчастье: круто разворачиваясь у одного из домов, он попал в противотанковый ров и намертво засел в нем. Пушка, уткнувшись в стенку рва, замолчала. Тогда-то гитлеровцы просочились в село и окружили танк. Но в танке находились советские люди: командир — младший лейтенант Вадим Александрович Сивков и радист — красноармеец Петр Константинович Крестьянинов. И когда гитлеровцы, стуча прикладами по танку, стали кричать: «Рус, сдавайся!» — им в ответ слышалось одно: «Комсомольцы не сдаются!»

Танкисты были комсомольцами, одногодками — родились в 1925 году. Первый ушел в армию в 1942 году по путевке Пастуховского РВК Удмуртской АССР. Второй стал красноармейцем на год позже, добившись от Шурминского РВК Кировской области отправки в танковую школу. Встретились они в 212-м отдельном танковом полку несколько месяцев назад. И вот уже около двух месяцев плечом к плечу сражались на 3-м Украинском фронте.

Когда танк зарылся в ров, они поняли: выхода нет. Танкисты проверили пистолеты, положили поближе оставшиеся гранаты. Друзья еще не закончили писать прощальные письма родным, как застучали по броне фашисты. Видя, что живыми танкистов не взять, гитлеровцы подтянули артиллерию, чтобы в упор расстрелять танк. Но раздался взрыв, и там, где стоял танк, взметнулось пламя, сметая сгрудившихся вокруг него врагов...

Через день в село вновь вошли наши части. Останки героев-танкистов были похоронены с воинскими почестями, а еще через некоторое время проходивший через село боец, осматривая танк, извлек из-за его железной обшивки небольшую жестяную коробку, в которой оказались два листка бумаги — прощальные письма героев.

О подвиге замечательных танкистов стало известно всему фронту. Командир 212-го отдельного танкового полка гвардии майор Барбашин представил В. А. Сивкова и П. К. Крестьянинова к присвоению им звания Героя Советского Союза. Это представление было поддержано командующим 3-м Украинским фронтом генералом армии Р. Я. Малиновским. 4 июня 1944 года был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении им посмертно звания Героя Советского Союза.

Подлинники писем В. А. Сивкова и П. К. Крестьянинова хранятся в Центральном архиве Министерства обороны СССР (оп. 686043, д. 46, л. 210—214).

ЗАПИСКА И НАДПИСЬ КОМАНДИРА ТАНКА А. Н. ДЕГТЯРЕВА

22 марта 1944 г.

НАДПИСЬ НА КОМСОМОЛЬСКОМ БИЛЕТЕ

Погибаю смертью храбрых за освобождение Родины.
22 марта 1944 года.

ЗАПИСЬ В БЛОКНОТЕ

Прошу сообщить о моей гибели на фронте Отечественной войны моим родителям по адресу: Саратов, Большая Садовая, № 151,



Комсомольский билет и записная книжка А. Н. Дегтярева

общежитие, 3, квартира 9, Николаю Федоровичу Дегтяреву, и моей невесте по адресу: Саратов, Аптечная ул., № 4, Аделаиде Пулиной.

Командир танка кавалер ордена Отечественной войны I степени гвардии лейтенант Александр Николаевич Дегтярев на улицах города Черткова, где завязался ожесточенный бой с фашистскими танками, подбил «тигр» и бронетранспортер. Но тут в башню танка ударил снаряд 105-миллиметровой пушки врага. Командир танка был ранен. Механик-водитель перенес его в ближайший дом, а сам побежал за подмогой. Александр Дегтярев, чувствуя, что умирает, в комсомольском билете и записной книжке с трудом написал последние слова своим товарищам. Записка была опубликована в газете «Комсомольская правда» 12 июля 1944 года.

НАДПИСЬ КРАСНОАРМЕЙЦА А. СИМАЕВА НА СТЕНЕ В КАМЕРЕ ДРЕЗДЕНСКОЙ ТЮРЬМЫ

24 марта 1944 г.

Здесь сидел Ахмет Симаев, журналист, москвич. Нас из России одиннадцать человек. Все мы осуждены вторым германским имперским судом на смертную казнь.

Кто обнаружит эту надпись и вернется живым на Родину, прошу сообщить родным и близким о нашей судьбе.
24 марта 1944 г.

Ахмет Симаев — московский журналист. До войны работал на строительстве первой очереди метрополитена, комбината «Правда», в лаборатории по испытанию прочности бетона.

В дни войны, будучи десантником, попал в плен при выполнении боевого задания в тылу врага. Там вошел в подпольную организацию поэта-героя Мусы Джалиля, с которым был знаком еще в 30-е годы по занятиям в литературном кружке при Татарском доме рабочей молодежи в Замоскворечье. Кружком руководил Джалиль.

Ахмет Симаев входил в группу подпольщиков, которая работала в одном из восточных отделов легиона «Идель Урал», недалеко от Потсдамерплац, в Берлине. Став переводчиком в радиостудии комитета «Идель Урал», Симаев вместе с другими подпольщиками слушал радиопередачи из Москвы. Записывая сводки Совинформбюро, подпольщики размножали их на ротаторе в виде листовок и переправляли в расположенный в 100 километрах южнее Варшавы Центральный едлинский лагерь, где находился Джалиль.

После провала подпольной организации 12 августа 1943 года берлинскую группу увезли в тюрьму гестапо на Курфюрстендамм и держали около месяца в одиночках, расположенных под землей. Затем их присоединили к основной группе в тюрьме Моабит. Судили в Дрездене в марте 1944 года, гильотинировали 25 августа 1944 года.

Вскоре после войны в дрезденской тюрьме обнаружили надпись на тюремной стене, в конце которой был адрес Фоттеха Симаева, брата Ахмета Симаева. Об этой надписи Фоттеху сообщил из Германии капитан Лукьянов. Текст надписи впервые опубликован в книге Юр. Королькова «Не пропавший без вести...» (М., 1972, с. 111).

СТИХИ И ЗАПИСКИ МУСЫ ДЖАЛИЛЯ

Август 1943 г.— не ранее марта 1944 г.

ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЯ

Земля!.. Отдохнуть бы от плена,
На вольном побыть сквозняке...
Но стынут над стонами стены,
Тяжелая дверь — на замке.
О, небо с душою крылатой!
Я столько бы отдал за взмах!..
Но тело на дне каземата
И пленные руки — в цепях.

Как плещет дождями свобода
В счастливые лица цветов!
Но гаснет под каменным сводом
Дыханье слабеющих слов.
Я знаю — в объятиях света
Так сладостен миг бытия!
Но я умираю...
И это —
Последняя песня моя.

Август 1943

Муса Джалиль

ДРУГУ
Октябрь 1943 г.

А. А.[1]
Друг, не горюй, что рано мы
уходим.
Кто жизнь свою, скажи,
купил навек?
Ведь годы ограничены
той жизнью,
Которую избрал сам человек.
Не время меж рождением и
смертью
Одно определяет жизни срок,—
Быть может, наша
кровь, что здесь
прольется,—
Прекрасного
бессмертия
исток!..

ПАЛАЧУ
Ноябрь 1943 г.

Нет, врешь, палач, не встану на колени,
Хоть брось в застенки, хоть продай в рабы!
Умру я стоя, не прося прощенья,
Хоть голову мне топором руби!
Мне жаль, что я тех, кто с тобою сроден,
Не тысячу — лишь сотню истребил.
За это бы у своего народа
Прощенья на коленях я просил.

[1] Стихотворение посвящено татарскому детскому писателю Абдулле Алишу, см. с. 299—303.

О ГЕРОИЗМЕ
Декабрь 1943 г.

Знаю, в песне есть твоей, джигит,
Пламя и любовь к родной стране.
Но боец не песней знаменит:
Что, скажи, ты сделал на войне?
Встал ли ты за Родину свою
В час, когда пылал великий бой?
Смелых узнают всегда в бою,
В горе проверяется герой.
Бой отваги требует, джигит,
В бой с надеждою идет, кто храбр.
С мужеством свобода — что гранит,
Кто не знает мужества — тот раб.
Не спастись мольбою, если враг
Нас возьмет в железный плен оков.
Но не быть оковам на руках,
Саблей поражающих врагов.
Если жизнь проходит без следа,
В низости; в неволе, что за честь?
Лишь в свободе жизни красота!
Лишь в отважном сердце вечность есть!
Если кровь твоя за Родину лилась,
Ты в народе не умрешь, джигит,
Кровь предателя струится в грязь,
Кровь отважного в сердцах горит.
Умирая, не умрет герой —
Мужество останется в веках.
Имя прославляй свое борьбой,
Чтоб оно не молкло на устах!

ЗАВЕЩАНИЕ М. ДЖАЛИЛЯ, НАПИСАННОЕ НА ОБЛОЖКЕ В КОНЦЕ ПЕРВОЙ ТЕТРАДИ
Декабрь 1943 г.

Другу, который умеет читать по-татарски и прочтет эту тетрадку.

Это написал известный татарскому народу поэт Муса Джалиль. Испытав все ужасы фашистского концлагеря, не покорившись страху сорока смертей, был привезен в Берлин. Здесь он был обвинен в участии в подпольной организации, в распространении советской пропаганды... и заключен в тюрьму. Его присудят к смертной казни. Он умрет. Но у него останется 115 стихов, написанных в заточении. Он беспокоится за них. Поэтому он из 115 старался переписать хотя бы 60 стихотворений.

Если эта книжка попадет в твои руки, аккуратно, внимательно перепиши их набело, сбереги их и после войны сообщи в Казань, выпусти их в свет, как стихи погибшего поэта татарского народа. Это мое завещание.

Муса Джалиль. 1943. Декабрь.

НАДПИСЬ М. ДЖАЛИЛЯ НА ОБЛОЖКЕ ВТОРОЙ ТЕТРАДИ

Декабрь 1943 г. [1]

В плену и в заточении — 1942.IX — 1943. XI — написал 125 стихотворений и одну поэму. Но куда писать? — Умирают вместе со мной.

ЗАПИСКА НА ПОЛЯХ НЕМЕЦКОЙ КНИГИ, ОБНАРУЖЕННАЯ СОВЕТСКИМИ БОЙЦАМИ В БИБЛИОТЕКЕ ТЮРЬМЫ МОАБИТ

Не ранее марта 1944 г. [2]

Я, известный татарский поэт Муса Джалиль, заключен в Моабитскую тюрьму за политику и приговорен к расстрелу... Прошу передать мой привет А. Фадееву, П. Тычине, моим родным.

Муса Джалиль (Муса Мустафович Залилов), известный татарский поэт, родился в 1906 году в деревне Мустафино, Оренбургской губернии, в бедной крестьянской семье. В 1920 году Муса вступил в комсомол и уже в те годы начал писать стихи, зовущие на борьбу за Советскую власть. По окончании рабфака — на комсомольской работе, занимался одновременно литературным творчеством. На его либретто написана известная татарская опера «Алтынчэч». В 1939 году он был избран председателем Союза писателей Татарии.

В самом начале Великой Отечественной войны Муса Джалиль стал воином. По окончании курсов политработников был направлен на Волховский фронт, во 2-ю ударную армию. В июне 1942 года под Мясным Бором, попав в окружение, тяжело раненный, был взят в плен и помещен в лагерь под Хэлмом, в Польше. В конце 1942 года едва оправившегося после ранения Джалиля перевели в Демблинский лагерь военнопленных, где он начал свою нелегальную борьбу против фашизма. Весной 1943 года Джалиля отправили в Германию, в лагерь Вустрау, недалеко от Берлина. Здесь по заданию подпольной группы он принял предложение работать в комитете «Идель

---

[1] Датировано по содержанию.

[2] Датировано по содержанию, так как приговор был вынесен в марте 1944 года.

Урал», который занимался вербовкой гитлеровских легионеров среди татар, башкир и других народностей, населяющих восточные районы СССР. Имея возможность бывать во многих лагерях военнопленных, Джалиль наладил связь с подпольными группами этих лагерей. Вместе с Джалилем в подпольной организации состояли Абдулла Алишев, с которым Муса дружил еще в Казани, Ахмет Симаев — московский журналист, знакомый Джалилю по работе в Татарском доме рабочей молодежи в Замоскворечье, Гариф Шабаев — страховой агент из Ташкента, инженер Фуат Булатов и др.

В начале лета 1943 года Муса выехал в Центральный едлинский лагерь татарского легиона «Идель Урал», который находился под Радомом, в 100 километрах южнее Варшавы. Рота пропаганды и ее культвзвод, в котором работал Муса, сделались центром подполья в Едлинском лагере. Подпольщики готовили восстание. Но в ночь на 12 августа 1943 года по доносу провокаторов все были арестованы. Их отправили сначала в варшавскую тюрьму, а оттуда — в Берлин, в тюрьму Моабит. Полгода длилось следствие, и в марте 1944 года в Дрездене состоялся суд. После суда Джалиль и его товарищи томились в берлинских тюрьмах Тегель и Шпандау. Приговор был приведен в исполнение 25 августа 1944 года. Муса Джалиль был гильотинирован в 12 часов 18 минут.

Мусе Мустафовичу Залилову (Мусе Джалилю) посмертно присвоено звание Героя Советского Союза, а его творчество отмечено высокой наградой — Ленинской премией.

Его друзья сохранили тетради, в которых Джалиль записывал свои стихотворения. В первой тетради их 60. Написаны они убористой арабской вязью. Тетрадь была передана в Союз писателей Татарии в 1946 году. Во второй — 50 стихотворений, написанных по-татарски латинским шрифтом. Ее сохранил бельгийский антифашист Андре Тиммерманс, сидевший в одной камере с Джалилем в тюрьме Моабит. Тетради сшиты из разной бумаги, по-видимому, подобранной в лагерях, тюрьмах, нарезанной из газетных полей. Одна тетрадка в обложке из серого картона, другая обернута в мягкую красную бумагу. Они настолько малы, что свободно умещаются на ладони.

Выше помещены некоторые стихотворения Мусы Джалиля и его записи на обложках тетрадей. Опубликованы в книгах: *Муса Джалиль.* Избранное. М., 1955, с. 3, 256, 300—301; *Муса Джалиль.* Избранное. Стихотворения и поэмы. Казань, 1959, с. 253—254, 299—300; *Муса Джалиль.* Красная ромашка. Избранное. Казань, 1981, с. 263, 315; в газете «Московский комсомолец», 28 мая 1957 года.

НАСТЕННЫЕ НАДПИСИ В КАМЕРАХ ГЕСТАПОВСКИХ ТЮРЕМ ГОРОДА ТИРАСПОЛЯ

7 августа 1943 г.— 3 апреля 1944 г.

1943—7. VIII. Были расстреляны, кто зайдет сюда — передайте, что нас 6 человек расстреляли.

1. Жених Мошев.

2. Гончин К.

3. Ефремов В.

4. Андреев В.

5. Гончин Варвара.

6. Юрко.

14 октября 1943 г. в 9 час. вечера из камеры № 46 вывели на расстрел партизана Попик Демьяна.

2.XII.43 г. расстреляно пулеметом 18 жмеринских партизан из 38 камеры.

Козлов Александр Иванович — советский парашютист, спустился в районе Браилова, арестован 20.XII.43 г. Свердловская область, Карпинского р-на, Петропавловский горный поселок. Козлов Александр пал смертью храбрых 7.II.44 г.

Слава ему, вечная слава!
В сердцах патриотов и честных людей
Он не умрет, а вечно будет жить.
Родина таких не забудет.

7.II.44 г. при побеге героически погибли Козлов и Ткачун.

Братья, отомстите за нашу кровь, за кровь парашютиста Козлова Александра. Отомстите фашистам. Бейте беспощадно. Мы знаем, что придут наши. Прочитают, что здесь написано.

Считать погибшим Буженко Васю, Одесская обл., г. Ананьев, Пролетарская, 10. Прощайте, мама, папа и братик Колечка. Ваш сын Вася Буженко. Целую всех. 3 апр. 44 г.

Здесь погибло в камере 117 человек.

Нас сейчас в одной камере около 200 человек. Все к расстрелу.

3.IV.44 г. Фашистскими варварами расстреляно в Тирасполе 1000 человек.

Не отчаивайтесь, победа будет на нашей стороне, потому что мы более стойки. Надежда на победу пусть будет вам путеводной звездой в чёрные минуты. Не теряйте надежды.

За справедливость, за нашу жизнь борется целый мир. Мы победим потому, что нами руководит ВКП(б).

И даже в этом смраде не падайте духом. Победа с нами. 29.III.1944 г.

В $22^1/_2$ часа большая радость — победа с нами.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь! [1]

ПИСЬМО ИЗ ТЮРЬМЫ К. С. ГРИШИНА

Не позднее 2 декабря 1943 г.



К. С. Гришин

Жизнь закончить можно двояко, из этой двоякости я отдаю предпочтение тому случаю, который связан с борьбой, который дает шанс на жизнь, на который никто из честных и преданных людей не укажет пальцем и не осудит...

Я всегда с иронией относился к славе, но славная жизнь — великая честь человека!

Жизнь свою я прожил честно и с честью решил ее закончить...

Тираспольская тюрьма гестапо... Тысячи и тысячи людей погибли здесь от рук озверевших фашистов.

После освобождения Молдавской ССР воины Красной Армии на каждом шагу встречали следы чудовищных преступлений гитлеровцев. И все же тюрьма в Тирасполе поразила видавших кровь и смерть воинов.

Обо всем рассказали... стены, испещренные надписями.

Надписи на стенах, нарах и дверях камеры № 46 — «камеры смертников» в Первой тюрьме гестапо и в камерах Второй тюрьмы в городе Тирасполе. В них содержались советские люди, осужденные на смерть. Большинство надписей на русском, часть на румынском, некоторые воспроизведены на английском и французском языках. Заверенные копии надписей хранятся в партархиве при ЦК КП Молдавии (ф. 3280, оп. 1, д. 165, св. 9, л. 11—16). За каждой надписью — героическая быль борьбы и подвигов.

Материалы партархива Винницкого обкома КПУ помогли расшифровать их. И вот что выяснилось. В начале 1942 года в городе Жмеринке рядом террористических актов заявила о себе подпольная группа «Советские патриоты». Один за другим на воздух взлетали воинские составы, бесследно исчезали штабные офицеры и солдаты, нарушалась связь, расклеивались антифашистские листовки на немецком и румынском языках. Оккупационные власти спешили заполучить новые карательные отряды, ибо «главная задача дейст-

---

[1] Эта надпись повторена на французском, румынском и английском языках.

вующей в Жмеринке организации,— как писал шеф винницкой жандармерии,— это наносить удары в спину румыно-германской армии...».

Летом 1943 года гитлеровцы провели облаву и схватили более 300 человек. Среди них оказались активные работники группы «Советские патриоты»: журналист из Ростова-на-Дону, редактор нелегальной рукописной газеты «Красный партизан», выходившей в Жмеринке, Константин Сергеевич Гришин, который действовал в группе под фамилией Грищенко; военнопленные, бежавшие из лагерей,— Григорий Михайлов, Яков Билан, Степан Степанян и ряд других. Арестованных увезли в Тирасполь и заключили в тюрьму. Но и здесь они не прекратили борьбы. Вокруг К. С. Гришина сплотились коммунисты, верные патриоты. Понимая, что им всем грозит расстрел, они решили готовиться к восстанию. Но вырваться из усиленно охраняемой тюрьмы было трудно.

Руководящим центром восстания стала камера 38, где сидели К. С. Гришин, Г. П. Михайлов, Я. К. Билан, С. П. Моргун, С. И. Бубновский, Е. М. Семилетов, М. А. Штопко, С. Я. Антипов, С. Т. Селиновский, М. М. Тараканов, Т. Н. Пилипенко, Г. Г. Навроцкий, Г. Р. Лиздин, В. С. Радзиевский, И. Т. Гречаный, Н. М. Возняковский, В. А. Месяц и А. И. Сморжевский.

Палачи расстреливали людей по ночам и только мелкими группами. Так же хотели они поступить и с 18 жмеринскими подпольщиками. Ночью 2 декабря 1943 года вошли в камеру начальник тюрьмы Иорданеску в сопровождении священника и нескольких жандармов.

Тюремщик зачитал шесть фамилий и крикнул:

— Выходи, да побыстрее.

Никто не тронулся с места.

— Живо, а не то...

Он не успел договорить, как все 18 человек бросились на палачей. Завязалась борьба. Жандармы, отбиваясь прикладами, еле-еле выбрались из камеры. А через минуту в дверной глазок высунулось дуло пулемета. Загремели первые выстрелы, слившиеся в трескучую длинную очередь. Но и она не могла заглушить «Интернационала», который запели непокоренные смертники...

Письмо К. С. Гришина напечатала 22 января 1965 года газета «Красная звезда».

НАСТЕННЫЕ НАДПИСИ В ГЕСТАПОВСКИХ ЗАСТЕНКАХ ГОРОДА ТАЛЛИНА

Май 1942 г.— апрель 1944 г.

В КАМЕРЕ № 5

Прощайте, все товарищи. Больше не увидимся.

Корнев Петр.

Да здравствует СССР! Кулешов Иван Тимофеевич. 22.IV—44 года.

В КАМЕРЕ № 7

Да здравствует ЭССР. Смерть за смерть.
Бойченко Е. 2/5—42 г.
Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!

В КАМЕРЕ № 11

Брегвадзе Василия Григорьевича, грузина, приговорили к расстрелу 27.VII—43.

В КАМЕРЕ № 17

Прощай, друзья. Климов Афанасий Никифорович, 1915 г., приговоренный к расстрелу 10.XII—43 г., пленный.
Стих:

Багреет небо голубое
Там, с восточной стороны,
Где русский люд, сражаясь с врагом...
Сколько подвигов и геройства
Совершает он в бою,
Сколько воинов отважных
С орденами на груди...

В КАМЕРЕ № 19

Здесь сидел Лосицкий Владимир Никитич, 1910 г., Орловской области, Стародубского р-на, Яцковичского с/с, дер. Голибисов. Осужден к расстрелу в 1943 г. X. 27. Прошу сообщить родным моим по указанному адресу Лосицкому Александру Никитичу. Прощайте, до-

рогие друзья и Родина. Прощайте, детки мои, меня ведут на расстрел.

До свидания навсегда[1].

Прощай, друзья!

Приговоренный к расстрелу 1/XII—43 г. пленный командир 92 с. д. 317 с. п. Волховский фронт, 23 ударная армия. Попал в плен раненым 25/VI—42 г. Был в лагере гор. Псков. Арестован 26/III—43 г. 24.VII—Псков, тюрьма кам[ера] № 12. С 25.VII—43 тюрьма гор. Ревель, камера № 40 и с 1.XII.—43 — одиночка 1/17.

Уроженец — Орловская обл., Климовский р-н, село Лакомая Буда. Тютюник Афанасий Никифорович, 25.X.1915 г. В РККА с 1938 г. Обвинен немцами за разрушение их вооруженных сил. Со мной расстреливаются пленные: Васевский, Овчинников. Сообщите гор. Псков, Кресть 87. Смирновой Екатерине. Сообщите моим родным.

14.XII 43 г.[2]

Эти надписи сделаны в гестаповских тюрьмах города Таллина. При обследовании помещений тюрем вскоре после освобождения города на стенах камер и на тюремной мебели были обнаружены многочисленные надписи узников, обреченных на уничтожение. Их авторы почти все стали жертвами фашистских палачей... Чудом уцелели немногие. После выхода первого издания книги «Говорят погибшие герои» пришло письмо от одного из бывших узников, Афанасия Никифоровича Тютюника, после войны возглавлявшего колхоз.

«Дорогие товарищи авторы и издатели книги,— начиналось это письмо.— Мне подсказали, что на 252—253 стр. книги напечатаны мои и моего друга прощальные записки и мое стихотворение, нацарапанное на печке одиночной камеры № 17. После опять идут мои надписи, найденные в сочинении М. Ю. Лермонтова.

Мы, обвиненные немцами, сидели 18 месяцев в застенках псковской тюрьмы в «камерах смертников». После были перевезены в таллинскую тюрьму «Батарея», где сидели 4 месяца, а 1 декабря 1943 года нас осудил немецкий суд СС. Приговор — к расстрелу. После суда нас рассадили по одиночкам. Меня — в камеру № 17, В. Н. Лосицкого — в камеру № 19, Овчинникова — в камеру № 13».

Далее в письме рассказывалось, как гитлеровское командование тянуло с расстрелом, выжидая необходимых сведений о личности и прошлой политической деятельности заключенных. От неминуемой смерти их спасло стремительное наступление советских войск. Со-

---

[1] Эта надпись сделана на боковой стороне ящика тумбочки.

[2] Эта надпись сделана ногтем на книге сочинений М. Ю. Лермонтова, том 1, которую нашли в тюремной библиотеке.

ветские воины обнаружили в камере полуживые скелеты. Овчинников умер, а Тютюник долгое время находился на лечении.

В адрес составителей книги поступали запросы об Овчинникове. По некоторым свидетельствам, это был Николай Овчинников, темнорусый, среднего роста, с родимым пятном на щеке, родом якобы из Тулы, в плен попал осенью 1941 года.

Однако большего пока установить не удалось.

НАДПИСИ СОВЕТСКИХ ПАТРИОТОВ НА СТЕНАХ ГЕСТАПОВСКОЙ ТЮРЬМЫ ГОРОДА ПРЕЙЛИ

Июнь 1942 г.— апрель 1944 г. [1]

Михаил Иванов из деревни Осуни, Прельской волости, родился в 1919 году. 1942 года 16 июня обвинен на смерть.

Просидел здесь двое суток за побег из плена, а сегодня, 23 сентября, меня казнят. К сему Анатолий Федоров.

Клименко Дмитрий — пленный, получил расстрел.

Развейся, дым, занеси ты весть в край родной, что сижу я здесь. Сижу и жду палачей, когда за мной придут и когда меня на смерть поведут. Военнопленный Мосенов Иван.

Гитлер — народная пиявка и кровопийца [2].

Да здравствует Латвийская Советская Социалистическая Республика непобедимая!

Слава святой Руси Великой!

С первых дней оккупации небольшого латвийского городка Прейли фашисты устроили в двухэтажном доме на Рушонской улице гестаповскую тюрьму. Свидетельством кровавых порядков в этой тюрьме явились настенные надписи, выведенные карандашом, выцарапанные гвоздем на кирпиче и написанные кровью.

Надписи опубликованы в газете «Красная звезда» 22 октября 1944 года.

---

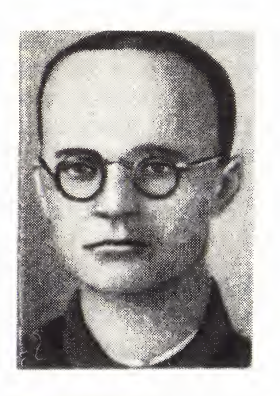
[1] Датируется по крайним датам надписей.

[2] Надпись на латышском языке.

ПИСЬМА РУКОВОДИТЕЛЯ РИЖСКОГО ПОДПОЛЬЯ И. СУДМАЛИСА ЖЕНЕ И ДЕТЯМ

Апрель — 25 мая 1944 г.

Лиепая, улица Упмалась, № 6. Передать после войны.



И. Судмалис

IV. 1944 г.

Марусите! Маловероятно, что ты получишь это мое последнее письмо, а вдруг все-таки. В апреле я приговорен к смертной казни; которое сегодня число — я не знаю, все дни спутались. Но времени после суда прошло порядочно, сейчас, пожалуй, уже 28 апреля, и я все думаю, быть может, именно сегодня день рождения нашей Айюки: ей исполняется шесть лет, а я, быть может, сегодня ночью буду наконец выведен на расстрел. Мне не дают книг, я один во тьме одиночества, у меня много времени для воспоминаний. Я гляжу в прошлое и вижу, как много пережито за эти недолгие годы. Я вижу и нахожу немало светлых минут. Это и воспоминания о великой битве, в которой я участвовал, и о тихих, солнечных часах с тобой, и эти воспоминания помогают мне сегодня. Я не сожалею о своем пути, но я совершил на нем немало ошибок; если бы довелось начать жизнь сначала, снова, я был бы лучше, особенно по отношению к тебе, Марусите! Так мало счастья сумел я тебе дать — прости меня, ведь мертвым принято прощать.

Так много надо бы сказать, написать, но нет карандаша. Пишу огрызком графита, найденным в кармане.

Вряд ли ты узнаешь когда-либо, под каким забором я похоронен, да и нет в этом надобности — одна и та же земля укроет когда-нибудь нас всех. Я чувствую, моя девочка, что после войны ты возвратишься в нашу родную Латвию. И когда-нибудь вечером, после рабочего дня, ты припомнишь: жил когда-то такой Имис, который любил тебя,— и ты расскажешь о нем что-нибудь Айюке и Сармуке...

Расти наших дочурок, Марусите, учи их любить будущее, в котором им предстоит жить; за него пролито так много крови.

Обними за меня Айю и Сармите, будь здорова, Марусите, так не хочется еще умирать, но, верь мне, я сумею умереть как надо. Ведь и Овод был расстрелян весной, когда пробивалась свежая трава. Живи, будь здорова и бодра, Марусите! Не грусти.

Твой Имис.

25 мая 1944 г.

Дорогие Марусите, Айюка, Сармука!

*Не знаю, прочитаете ли когда-нибудь эти мои последние слова, но все равно — пишу. Через несколько часов приговор будет приведен в исполнение. Суд состоялся 13 мая (это описка Иманта; его судили 13 апреля.—*Авт.*), так что у меня хватило времени обдумать всю свою жизнь. Я оглядываюсь на пройденный путь — упрекать себя мне не в чем: в эти решающие для рода человеческого дни я жил как человек и борец. Пусть же будущее будет лучше, счастливее, оно должно стать таким, не могло ведь понапрасну пролиться столько крови. Не горюй, Марусите, ведь вечно не живет никто. Расти Айюку и Сармуку, пусть вспоминают иногда обо мне, пусть их жизнь будет лучше, счастливее.*

Будь счастлива, Марусите, спасибо за все доброе, что ты мне дала. И знаешь что? Приласкай за меня Айю и Сармите.

Имис.

Одним из лучших своих сыновей латышский народ по праву считает Иманта Судмалиса, отдавшего жизнь борьбе за народное счастье, за светлое будущее грядущих поколений. Родился Имант в марте 1916 года в семье учителя в поселке Цесис. Жил и учился в Лиепае. В 1932 году стал комсомольцем, участвовал в революционном движении в Латвии. Не раз арестовывался.

Когда в Латвии была провозглашена Советская власть, Имант Судмалис включился в строительство новой жизни. Но мирная жизнь продолжалась недолго. 22 июня 1941 года гитлеровская Германия напала на СССР. Секретарь Лиепайского уездного комитета комсомола, член Центрального Комитета ЛКСМ Латвии, Имант сразу же очутился на переднем крае борьбы против фашистских захватчиков. На второй день войны комсомольцы Лиепаи создали стрелковую роту, которую возглавили Имант Судмалис и секретарь Лиепайского горкома комсомола Борис Пелнен. Пять дней продолжалось беспримерное сопротивление рабочих отрядов Лиепаи вместе с моряками и воинами Красной Армии, составлявшими небольшой гарнизон города. В этой борьбе исключительную роль сыграли комсомольцы. Судмалис оказался прекрасным пулеметчиком и умелым командиром.

После падения Лиепаи Судмалис с группой комсомольцев прорвался из окружения в районе порта и перебрался на нелегальное положение в Курземе.

Опыт подполья, приобретенный Имантом во время долголетней комсомольской работы в ульманисовской Латвии, помог ему быстро освоиться в новой обстановке. Пробыв несколько месяцев в Курзе-

ме, Судмалис перебирается в Ригу, где сразу начинает создавать подпольную организацию. Весной 1942 года было решено, что Судмалис перейдет фронт, чтобы доложить о результатах работы и получить новое задание. В мае он отправился в путь. Ему удалось встретиться с партизанской группой комсомольца Александра Грома, действовавшей в то время в белорусских лесах. Они помогли ему перейти линию фронта, и осенью 1942 года он уже был в Москве.

В ноябре того же года в советском тылу был создан Латышский партизанский отряд, парторгом которого стал Имант Судмалис. В начале декабря в трудных условиях суровой зимы отряд перешел в районе Великих Лук линию фронта и, проделав более 300 километров, обосновался в районе Больших Освейских лесов Белорусской ССР. В течение декабря 1942 года — января 1943 года Латышскому отряду удалось объединить действовавшие в пограничной полосе партизанские группы Лудзенского и Даугавпилсского уездов. Своими действиями отряд обеспечил базу для будущей деятельности оперативной группы Центрального Комитета КП(б) Латвии — организационного штаба подпольного движения в Латвии.

22 марта 1943 года на базе этого отряда была создана Латышская партизанская бригада, и Имант Судмалис стал парторгом бригады. За боевые дела командование партизан представило его к награждению орденом Ленина.

20 июля 1943 года в качестве уполномоченного Центрального Комитета комсомола Латвии Судмалис возвратился в Ригу, где руководил подпольными группами, направляя и расширяя их деятельность. Он установил связь между рижским подпольем и партизанскими отрядами Северной Латвии, лично участвовал во многих опасных боевых операциях. Самая выдающаяся из них — срыв инсценированного гитлеровцами «митинга протеста латышского народа» в связи с работой Московской конференции союзников, на которой обсуждались вопросы, связанные с Прибалтикой. Митинг должен был состояться 13 ноября 1943 года на Домской площади Риги. Планировалось выступление на митинге гитлеровского рейхскомиссара Лозе. В 10 часов утра на Домской площади взорвалась бомба, которую подпольщики подложили к трибуне. Устроители митинга бежали. Воспользовавшись суматохой, разбежался и народ, согнанный полицией на площадь. За голову организатора взрыва фашисты обещали награду в 30 тысяч имперских марок. Но Имант был неуловим. В декабре ему удалось организовать в Риге подпольную типографию.

Гестапо бросило все силы на ликвидацию рижской подпольной организации. В феврале 1944 года начались массовые аресты. Почувствовав, что в ряды подпольщиков проник провокатор, Судмалис ликвидировал все старые явочные квартиры, разобщил подпольные группы, переправил к партизанам всех товарищей, которые могли быть на подозрении в гестапо. Разгром подполья был предотвращен,

но самого Судмалиса схватили и 25 мая 1944 года в 6 часов вечера повесили в камере пятого корпуса рижской Центральной тюрьмы. После победы рижане захоронили останки Иманта Судмалиса и его юного сподвижника Дж. Банковича на кладбище Яна Райниса.

Посмертно Иманту Судмалису присвоено звание Героя Советского Союза. Морские просторы бороздит лайнер Латвийского торгового флота «Имант Судмалис», имя героя носят два латвийских колхоза, рижская средняя школа, 32 пионерских отряда. В Риге, Вентспилсе, Цесисе установлены памятники Иманту Судмалису.

Письма Иманта, написанные перед казнью на латышском языке его жене и детям, найдены после войны в щели стены камеры смертников. Они хранятся в Государственном музее революции Латвийской ССР (инв. № 406а — VII).

ЗАПИСКА КРАСНОФЛОТЦА В. УСТРИЦОВА ИЗ ФАШИСТСКОГО ЗАСТЕНКА ГОРОДА ПЕШИН

26 мая 1944 г.

Да здравствует СССР — Россия!

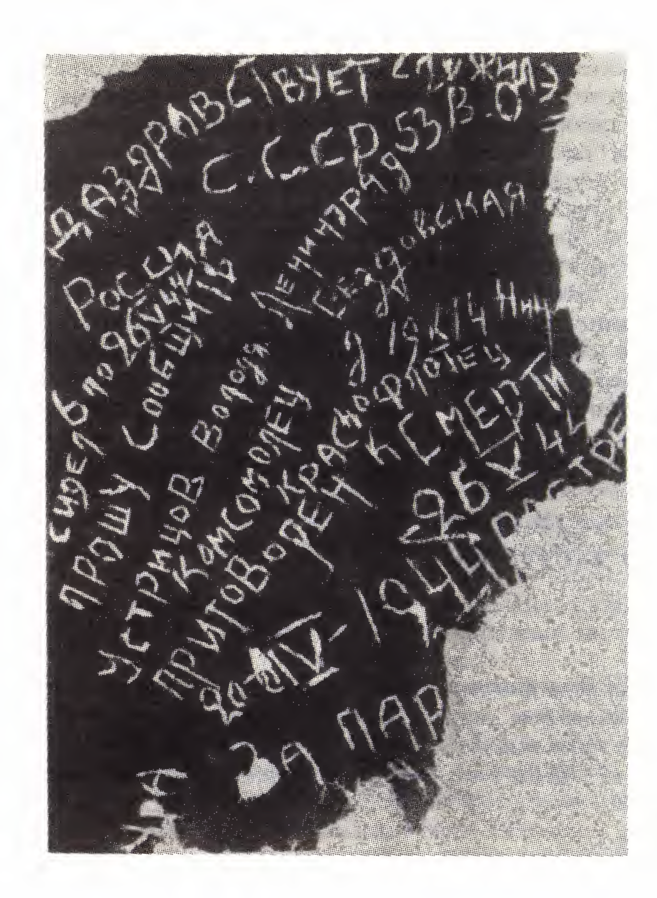
Сидел с 6 по 26—V—44 г.

Прошу сообщить: Ленинград, 53, В[*асильевский*] *о*[*стров*], *Съездовская, д. 19, к. 14. Нин*[*а*] *— Устрицов Володя, комсомолец, краснофлотец, приговорен к смерти 20—IV—1944. 26—V—44 г. расстре*[*лян*].

За пар[*тию!*]

Володя Устрицов, попав раненным в плен, стойко вынес истязания гитлеровцев. 6 мая 1944 года отступающие на запад фашисты перевезли его в тюрьму города Пешин, в Польше, и 26 мая убили. Перед смертью гвоздем на куске черного картона Володя успел написать несколько прощальных слов.

После освобождения города работники Польского беспеченства (органы госбезопасности) нашли этот картон в архивах гестапо и переслали в Советский Союз. Записка хранится в Центральном архиве ЦК ВЛКСМ (письма в редакцию «Комсомольской правды», 1946 г., письмо полевой почты 61630).



Записка краснофлотца В. Устрицова

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ КОМАНДИРА-АРТИЛЛЕРИСТА И. Е. АЛЕКСЕЕВА

30 мая 1944 г.

Я обороняю очень ценный, важный и решающий район. Есть чего оборонять. Важные дороги. Хотя место опасное, но эту огневую позицию бросить никак нельзя. Если помереть — есть за что.

Слава погибшему младшему лейтенанту В. М. Щекину. Его имя в моем сердце как о лучшем моем подчиненном будет жить вечно. Он до последнего дыхания сражался за Родину.

30—05—44 г.

Передайте после моей смерти мой орден седому отцу. Передайте ему мои слова:

«Ваш сын Ваня Ваши советы и наказы отцовские выполнил, не жалея ни сил, ни самой жизни.

Выполнил неплохо. Он своим подразделением сбил 23 самолета противника. 6 июля 1941 г. в районе Трони (Бессарабия) уничтожил больше батальона пехоты. 8 июля 1941 г. отразил атаку 12 танков, один танк поджег, другие повернули восвояси».

Ваня Алексеев.

Иван Ефремович Алексеев — чуваш. Родился в деревне Нижнее Атыково, Батыревского района.

На фронт ушел со студенческой скамьи. Командуя батареей, он храбро сражался с врагом. Молодого чуваша уважали и любили в армии. 13 июня 1944 года смерть вырвала его из рядов советских воинов, и его друзья написали о нем стихи:

Ваня Алексеев — чуваш,
Ваня Алексеев — сын наш.
Ваня Алексеев погиб как герой,
Ваня Алексеев, спи, дорогой.
За смерть твою молодую
Врагу не уйти никогда.
О тебе песнь боевую
Оставим Родине навсегда.

Бойцы сохранили записную книжку Ивана Ефремовича — «сердечную книжку», как он сам ее назвал, и переслали родным.

Публикуются две последние записи из нее. Копия записной книжки хранится в архиве редакции газеты «Правда» (отдел писем, 1944 г., 27721).

Иван Алексеев с детства увлекался литературой. Когда в родном краю проходила коллективизация, комсомолец Ваня Алексеев активно участвовал в политической работе, ударно трудился, создал комсомольскую организацию в колхозе «Красноармеец».

Он мечтал окончить Чебоксарский педагогический институт и вернуться в родные края, чтобы во всеоружии бороться с неграмотностью. Но студент второго курса Иван Алексеев стал зенитчиком...

После первого ранения писал сестрам: «Сейчас я окреп, на здоровье не жалуюсь. А вы не забывайте старшего брата — он из своих пушек много вражеских самолетов сбивал... Скоро, победив врага, вернемся домой». В другом письме дает совет: учитесь, читайте, чем можете, помогайте фронту.

Получив известие о гибели брата Василия, ответил скупо: «Ждать — нет надежды. За него отомщу я!»

ПИСЬМО ПОДПОЛЬЩИЦЫ А. И. СВЕРШНИКОВОЙ ИЗ ГЕСТАПОВСКОЙ ТЮРЬМЫ ГОРОДА РИГИ

Май 1944 г. [1]

Дорогие друзья!

Спасибо за внимание и за вашу отвагу. Вы меня только и воодушевляете немножко. Полна душа, нет больше надежд на жизнь. Напрасно вы так много беспокоились о том, чтобы передать мне кушать. Не надо, не ломайте об этом головы, я сейчас меньше всего думаю и считаюсь со своим желудком, приказано молчать. Сейчас не время ему предъявлять свои требования.

Самое главное — спасибо за коротенькую сводку от Информбюро. Хотя немного даете почувствовать, что я не совсем оторвана от мира, и только этим поддерживаю сейчас свое маленькое существование...

Писать вам много мне нечего, так как я человек, отрезанный от всей мирской суеты, и даже от тюремной. Во все время моего пребывания я ни разу не была на прогулке. Так хочется погреться на солнышке, временами я замерзаю окончательно.

За вашу доблесть и отвагу шлю вам парочку своих трудов — закладочку в книгу. И на память пишу стишок:

Товарищ, верь! Придет она,
Пора пленительного счастья.
И на обломках самовластья
Напишут наши имена.
Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут, и Свобода
Нас примет радостно у входа,
И братья наши смиренно головы
наклонят [2].

Ш [*ура*]

Александра Ивановна Свершникова — жена советского офицера. Оставшись в Риге во время фашистской оккупации, участвовала в подпольной работе, укрывала раненых красноармейцев и других борцов, скрывавшихся от гестапо, распространяла подпольные листовки, вела агитацию среди населения. Весной 1944 года ее

[1] Датируется по времени казни А. И. Свершниковой.

[2] Приведенные четверостишия — перефразированные строки из известного стихотворения А. С. Пушкина «К Чаадаеву».

арестовали гестаповцы и в мае 1944 года казнили. Свое последнее письмо Свершниковой удалось написать накануне казни и передать на волю. Оно написано карандашом. Хранится в Государственном музее революции Латвийской ССР (инв. № 8028/12294—VII).

ПИСЬМА КРАСНОАРМЕЙЦА-СВЯЗИСТА О. НЕЧИТОВСКОГО

Май 1944 г. [1]



О. Нечитовский

ПИСЬМО МАТЕРИ

Прощай, дорогая мамочка!

Это мое предсмертное письмо, и, если ты его получишь, знай, что сына у тебя больше нет. Я погиб как твой сын и как сын Родины. Я не пощадил своей жизни за благо и счастье людей, за вашу спокойную старость, за счастливую жизнь детей.

Плакать не нужно! Гордись и помни меня. Рассказывай тем, которые еще только растут, что был у тебя сын и что он, не жалея себя, отдал свою жизнь за их счастье, за их радости.

Я очень волнуюсь, когда пишу тебе это письмо, но твердо верю, что то, что не успел сделать я, кончат мои товарищи. Фашистов сметут с лица земли, им и на том свете не будет спокойствия. Я украинец, но белорусская земля примет меня тоже как сына.

Целую в последний раз крепко, крепко!

Твой сын Олег.

Кто возьмет это письмо, очень прошу отправить по адресу: г. Киев, ул. Прозоровская, дом № 144, кв. 6, Нечитовской Евгении Митрофановне.

ПИСЬМО ЛЮБИМОЙ ДЕВУШКЕ

Прощай, дорогая Лидушка!

Не удивляйся — это мое предсмертное письмо. И если ты его получишь, то меня уж не будет в живых. Знай, что я отдал жизнь дорого, честно, на поле боя, и белорусская земля приняла меня, украинца, как сына.

---

[1] Датируется по времени боев за Большие и Малые Калинковичи, когда погиб О. Нечитовский.

Плакать не думай, лучше почаще вспоминай, гордись, что тот, которого ты любила, с которым хотела строить жизнь, погиб честно за Родину, за счастье людей. Конечно, умирать не хотелось, но зов Родины — это закон, этого требовал долг, и пришлось не считаться с жизнью.

О многом мы мечтали, но... Пройдут годы, у тебя будет сын, и я тебя очень прошу, расскажи ему хоть немного о том, кто хотел быть его отцом!

Ну ладно. Прощай!

Целую в последний раз крепко, крепко!

Твой друг Олег.

Кто возьмет это письмо, очень прошу отправить по адресу: г. Харьков, ул. Энгельса, д. 25, кв. 6, Лапидус (для Лиды Абалышниковой).

Во время боя за Большие и Малые Калинковичи в мае 1944 года командование наступавшего батальона потеряло связь с ротой, действовавшей на направлении главного удара. Создалось опасное положение. Необходимо было во что бы то ни стало восстановить прерванную связь. Выполнить это опасное задание вызвался комсомолец-связист Олег Нечитовский.

Он понимал, что идет почти на верную гибель, так как участок, где был поврежден кабель, обстреливал противник. С трудом обнаружил разрыв и четыре часа подряд под ураганным огнем восстанавливал линию связи. Раненный, истекая кровью, он не прекращал работы, пока не убедился, что связь налажена. Последними его словами, переданными по восстановленной линии, были: «Приказ выполнен. Связь есть». Чувствуя, что под огнем фашистов доползти в свою часть он уже не сможет, Олег Нечитовский написал последние письма матери и любимой девушке.

Когда противник отошел и бойцы добрались до Нечитовского, он был уже мертв. В кармане у него товарищи нашли два письма. Они были опубликованы в газете «Комсомольская правда» 6 августа 1944 года.

СТИХИ И НАДПИСЬ ВОЕННОПЛЕННОГО А. А. МЕРКУЛОВА НА НАРАХ ГЕСТАПОВСКОГО КАЗЕМАТА ГОРОДА КРУСТПИЛС

Не позднее 20 июня 1944 г.



А. А. Меркулов

Я в плену в краю чужом, далеком!
Дни идут печальной чередой.
Далеко отсюда на востоке
Милый край и отчий дом родной.

Часто снятся мне родные лица,
Ночью слышу близких голоса.
Грезится далекая станица
И любимой милые глаза.

Наяву завидую я птицам,
Облакам, плывущим на восток,
Там моя любимая столица,
Там живет любимый мой народ.

Пусть пожар повсюду полыхает.
Кто умеет пламенно любить,
Тот придет, я это точно знаю,
Чтоб оковы рабские разбить.

Товарищи! Как тяжело, когда твердо знаешь, что скоро ты будешь убит рукой палача-немца. Они вырвали меня из советской семьи, приговорили к смерти. Но всех они не убьют. Настанет день, когда немцам отомстят за нас. Тяжело в каземате. Ничто тебя здесь не веселит и никто не приласкает. Солнце и то не может проникнуть, пригреть своими лучами через эти стены тюрьмы. Проклятые немцы! Как ненавижу я их...

А. А. Меркулов, попав в руки к гитлеровцам, был перевезен в город Крустпилс, Латвийской ССР. Его бросили в одиночку гестаповского застенка на Рижской улице. Ожидая казни, Меркулов на досках тюремной койки нарисовал календарь на июнь 1944 года, где зачеркивал каждый прожитый день. Последним был зачеркнут вторник 20 июня 1944 года. Стихи и надпись сделаны карандашом, опубликованы в газете «Красная звезда» 22 октября 1944 года.

Этими словами завершалась в предыдущих изданиях книги «Говорят погибшие герои» публикация материалов об А. А. Меркулове. На нее откликнулись несколько семей Меркуловых, потерявших во время войны своих сыновей, братьев: из Иванова и Грозного, из Горького и села Верхний Балыклей, Волгоградской области. Пришло письмо и от Анны Семеновны Меркуловой. Она писала о сыне Александре Алексеевиче Меркулове, 1919 года рождения, окончившем текстильный техникум в городе Вязники, под городом Ивановом. Работал по специальности, в 1940 году ушел в армию, стал курсантом, а потом война... «Через месяц прислал письмо. Передаю его вам, только верните. Оно все оплаканное мною...»

Самодельный конверт военной поры, из серой оберточной бумаги. Надпись: Червоноармейское. Значит, с Украины. Адрес: РСФСР, Ивановская область, город Юрьевец, гора Новая Пушкариха, улица Кольцова, д. 9. Меркуловой Анне Семеновне. И обратный: Полевая почта № 28. Штаб фронта. Р. о/5. А. Меркулову. Письмо послано скорее всего из-под Киева. Отправлено 27 июля 1941 года.

Но тот ли это Александр? В письме к матери — стихи, завершавшиеся четверостишием:

Быть может, долго не придется
Вам снова так же написать,
Но сын ваш, мама, остается
Жив! и — нечего скучать.

Прощайте.

А. Меркулов.

Больше от Александра писем не было.

У Анны Семеновны было два сына: Александр и Михаил. Оба ушли на фронт, и оба не вернулись. Дочь Лида уговаривала:

— Мама, не горюй, горе ведь общее, а может, и узнаем еще что-нибудь...

Однажды Лидии Алексеевне Меркуловой (по мужу Зубковой) — учительнице школы рабочей молодежи в городе Юрьевец — попался сборник «Говорят погибшие герои». Книгу читали всем классом. После окончания уроков она побежала домой и протянула матери книгу:

— Смотри, о нашем Саше написано.

После восьми месяцев тщательной проверки пришел долгожданный ответ: «Нет сомнения, что в застенках крустпилсского гестапо погиб ваш сын и брат Александр Алексеевич Меркулов...»

В доме Анны Семеновны на видном месте висит фотография Александра. Он молод и красив. На курсантской гимнастерке — комсомольский значок, значки ГТО, ворошиловского стрелка и парашютиста. Рядом с фотографией — оттиски его довоенных стихов, опубликованные в областной ивановской газете «Рабочий край», «Красной звезде», в районной газете «Волга». Есть тут и вырезка

из красноармейской газеты, где помещена заметка о хорошей работе групкомсорга тов. Меркулова.

Письма и стихи А. А. Меркулова бережно хранятся у его сестры Л. А. Зубковой.

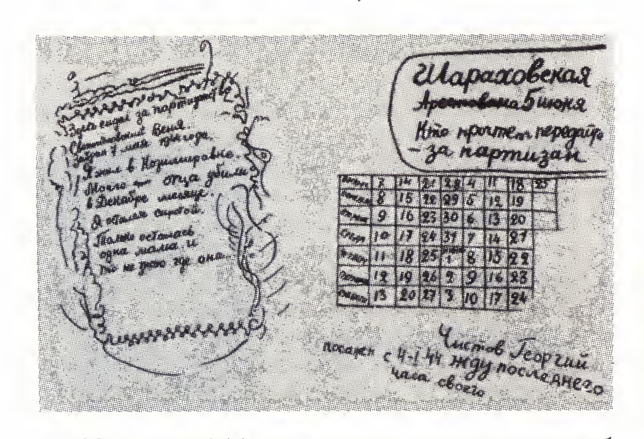
НАДПИСИ НА СТЕНАХ В ГЕСТАПОВСКОЙ ТЮРЬМЕ ГОРОДА МОГИЛЕВА

**19 сентября 1941 г.—
25 июня 1944 г.**

Здесь сидел П. И. Зайкин, 1919 года рождения. Расстреляли 19 сентября 1941 года.

Здесь сидел за партизанство Свеноидковский Веня. Забран 7 мая 1944 года. Я жил в Козимировке. Моего отца убили в декабре месяце. Я остался сиротой. Только осталась одна мама, и то не знаю, где она...

Шестаков Василий Г. приговорен к расстрелу. Расстреляли 25 июня 1944 года за партизанство.



Надписи советских патриотов — узников фашистской тюрьмы в Могилеве

28 июня 1944 года советские войска освободили город Могилев. В камерах местной гестаповской тюрьмы были обнаружены трупы расстрелянных советских людей. Стены тюрьмы испещрены надписями, многие из них от времени стерлись, их нельзя прочесть. Некоторые были опубликованы в газете «Комсомольская правда» 26 июля 1944 года.

ЗАПИСКА МАТРОСА А. МОКШИНА

Июнь 1944 г. [1]

Клянусь, не щадя своей крови и самой жизни, драться до полного освобождения нашей прекрасной Родины!

Летом 1944 года моряки Ладожской флотилии принимали участие в наступательных операциях войск Карельского фронта, поддерживая его левый фланг. В результате Тулоксинской десантной операции морская бригада захватила плацдарм в тылу врага, между реками Олонка и Видлица, и перерезала железную и шоссейную дороги. Во время упорных боев матрос-десантник Александр Мокшин, будучи в разведке в районе деревни Видлицы, натолкнулся на неприятельский заслон. Отступать было некуда, и он принял бой. Один против целого взвода фашистов. Одиннадцать гитлеровцев погибли от его руки. Чтобы не попасть в плен, Александр Мокшин последней гранатой подорвал себя.

После освобождения деревни советскими войсками товарищи нашли в партийном билете десантника небольшую записку с его клятвой.

Опубликовано в книге Н. К. Смирнова «Матросы защищают Родину» (М., 1968).

ПИСЬМО И ОБРАЩЕНИЕ В. В. ПОРИКА К СОРАТНИКАМ ПО БОРЬБЕ

Май — 14 июля 1944 г.



В. В. Порик

Май 1944 г.

Дорогие товарищи коммунисты-партизаны.

Хочу рассказать вам об одном случае, который произошел со мной после выполнения боевой задачи партизанской группой.

Передвигаясь с товарищем через большую шоссейную дорогу, мы набрели на семь фашистских бандитов. Один фашист крикнул: «Стой!» Выстрелами товарища Кондратюка Степы три фашиста были убиты, остальные в панике разбежались. После этого мне

---

[1] Датируется по времени проведения Тулоксинской десантной операции, когда погиб А. Мокшин.

пришлось возвратиться назад, забрать остальных товарищей и передвинуться в другое место и остановиться там на ночлег.

Я решил одного товарища, малого возрастом, послать в разведку, указал ему выгодный путь движения, предупредил его о соблюдении дисциплины и предосторожности. Товарищ хотел обдурить своего начальника, не выполнил указаний, пошел по своему пути и набрел на фашистских бандитов, которые его задержали и принудили показать, где остальные товарищи. Нестойкий наш товарищ привел до 400—500 фашистов на место нашего нахождения. Фашисты на рассвете окружили квартал. Нас было трое, вооружены мы были одним автоматом и одним пистолетом. Фашисты подняли шум, я скомандовал к бою и открыл огонь из автомата. Несколько фашистов свалились на землю, остальные разбежались.

Гитлеровские собаки спешили убрать свои трупы и снова двинулись вперед. Дорогой товарищ Василь Колесник открыл огонь из пистолета, и снова два фашистских бандита были убиты. Два других фашиста заметили дорогого Ваську и намерились открыть огонь по нему, я моментально бандитов скосил из автомата. Фашисты еще больше закричали, подняли стрельбу и спешили убрать свои трупы, не показать их цивильному населению.

Последними патронами я подстрелил еще одну гитлеровскую собаку и в эту минуту был ранен фашистской пулей. После этого я оглянулся за своими товарищами, мой дорогой Васька Колесник был убит — он погиб лично от своей руки, застрелился последней пулей — он погиб за Родину, за коммунизм во всем мире. Честь и слава дорогому товарищу, коммунисту, боевому красному партизану,— не забудь, Родина, своего сына!

Один «товарищ» сдался в плен. Я решил вырваться от фашистов. При перебежке в другое место фашисты открыли огонь по мне, и я снова был ранен. Фашисты стреляли со всех концов, я, не обращая внимания ни на что, вскочил в один дом и очутился на крыше. Гитлеровские бандиты искали меня, но не нашли, только благодаря одной «хорошей» женщине, которая фашистам указала, где я есть, фашисты моментально открыли огонь по мне, и я снова получил три пули и свалился с крыши.

Бандиты боялись ко мне подходить, подъехали автомашиной, наставили на меня автоматы и бросили меня в машину. Не обращая внимания на фашистские автоматы, я кричал: смерть изменникам, которые сидели, как генералы, в другом авто, я кричал: да здравствуют советские патриоты, я смеялся и прощался с народом, махая рукой.

Затащили меня в фашистский военный госпиталь «на лечение», рассмотрели меня через рентген и очень были рады, что у меня остались пули в ноге, руке и плечах. После этого отнесли меня на 4-й этаж, положили за решетку да еще приковали к койке, кроме того,

возле дверей поставили одного своего бандита. Не прошло десяти минут, как начальник гестапо с другими собаками пришли «лечить» меня. Собаки прекрасно меня знали по материалам, которые были им поданы после моего побега из лагеря, и задали мне такие вопросы: коммунист, специально присланный для коммунистической работы?

Я ответил: да, коммунист, присланный для работы.

Второй вопрос был задан: террорист?

Я ответил: нет. Я — советский патриот.

За это я получил больше 50 железных «пилюль», а позже трудно сосчитать, сколько я получил таких «пилюль», потому что я им ничего больше не сказал. Хотя они прекрасно знали про мою коммунистическую и партизанскую работу по прежним материалам и по допросам изменников.

Ночью я разломал фашистский замок, но не удалось разломать решетки в окне, и на другой день снова пришли собаки «лечить» меня, еще больше получил я «пилюль» за то, что разломал замок. Мысли фашистов были меня расстрелять, и решили они отдать меня в тюрьму «на лечение». Ночью меня привезли в тюрьму, назвали меня русским бандитом и бросили в камеру № 1.

Камера представляла собой 2 метра длины, 1—1,5 метра ширины, в маленьком окошке больше железа, чем стекла. В камере было немножко соломы, одеяло, наверно, с прошлого столетия, кроме того, полметра сора и несколько миллионов вшей и один фашистский бандит возле железных дверей.

Я не робел, пел «Интернационал» и стремился еще раз отомстить фашистам за их зверства. Просидел я седьмую ночь, ночи были тихие, и хорошо было слышно, как вскрикивали люди и после того гремели выстрелы. Днем смотрел я в окошко, как выводили на двор старых, потерявших ум людей. Через стены было слышно, как катували людей. Кушать первые дни я получал по-больничному, один раз морковки в день, последние дни — ничего.

Сердце советского патриота не может выдержать таких зверских издевательств фашистских собак. Надежды на побег из тюрьмы никакой не было: кроме проклятой камеры тюрьма была обнесена двумя мурами 7—8 метров высоты, да еще фашистские собаки с собаками минута в минуту кругом ходят.

По словам старшего гестаповца, жить мне осталось всего два дня. Я решил погибнуть в схватке с фашистами. Ночью мне удалось вытащить гвоздь из окна длиной 7—9 см. При помощи гвоздя я расковал себе правую здоровую руку и после того лежал и кричал до фашиста, который стоял возле дверей, чтобы он мне дал воды,— он не обращал внимания.

Раны разгноились и очень болели, я бросался и кричал — дай воды. Фашистская морда раздобрилась и зашла ко мне в камеру.

Собака метра два высотой с карабином да еще кинжал на боку. Он поинтересовался моей раной на ноге и пригнулся посмотреть. Я моментально гвоздем ударил бандита в голову, закрыл ему рот и его же кинжалом прорезал ему глотку и моментально положил его на свое место и накрыл одеялом, после того закрыл двери на ключ и перешел в другую камеру.

Другие фашистские собаки смотрели через щель двери моей камеры и все думали, что русский бандит спит, а я гвоздем и кинжалом уж продолбил в стене себе щель для побега. Вопрос с камерой был решен. Второй вопрос был форсировать два высоких мура. Где та сила и воля бралась, не могу представить себе, но за две-три минуты я оторвал железо, загнул крючок, порвал рубаху, кальсоны, одеяло, посвязывал все это, и вот и был инструмент готов.

Начал я вылезать из камеры, щель была узкая и длинная, вся кожа на мне была содрана, кровь лилась ручьем. Я моментально забросил крючок на первый мур и очутился наверху. Внизу я заметил трех фашистов с собаками. Я притаился на муре и ждал, пока фашисты зайдут за угол.

Ночь была холодная, я в трусах спустился с первого мура и забросил крючок на другой и очутился на другом муре. Когда я спускался с другого мура, у меня случилась авария, одеяло оборвалось, и мне пришлось метров шесть-семь лететь донизу. Если бы я попал на камень, так убился б, а так «большое спасибо» гитлеровским убийцам — подставили под меня яму метров 20 ширины и метров 100 длины с расстрелянными безвинными людьми.

Мне сразу стало понятно, что были за крики и выстрелы каждой ночью, и я видел, что места для меня тоже хватало там. Я взмыслил: слава погибшим товарищам, пролез еще возле одного фашиста, который стоял на посту, сказал про себя: да здравствует свобода — и двинулся вперед.

За полтора дня добрался я до своих. Сколько было радости, какая забота обо мне французских товарищей. Я был всем доволен, только тем нет, что не мог сразу же начать работу, не мог гитлеровцам отомстить за товарища Ваську, который героически погиб в борьбе с бандитами, за те издевательства, которые они проделывали на нашей Родине и которые они проделывают здесь.

Лейтенант Василий Порик.

РЕЧЬ НА НЕЛЕГАЛЬНОМ СОБРАНИИ ФРАНЦУЗСКИХ КОММУНИСТОВ
14 июля 1944 г.

Дорогие товарищи!

Позвольте мне от имени советских патриотов во Франции передать вам в день вашего национального праздника наш партизанский привет.

Мы, советские патриоты, не стоим в стороне от битвы, которую ведет наша Родина, и по примеру Красной Армии вместе с французскими патриотами мы бьем и будем бить фашистов до конца.

Мы сражаемся за Советскую Родину, за свободу всех народов, всего мира.

Мы просим французский народ помочь нам во всем и таким образом ускорить победу над фашизмом.

Да здравствует свободная Франция! Да здравствуют французские и советские патриоты!

...Его везли на запад в темном товарном вагоне с решетками на окнах. Рядом, на грязном полу, сидели печальные попутчики — такие же, как и он, воины Красной Армии, по роковому случаю попавшие в фашистский плен. В вагоне было душно и тоскливо. Всех мучило одно: «Куда везут? Что ожидает впереди?» На коротких остановках слышалась польская речь, затем — немецкая, а на пятые сутки — мягкая французская.

Новую партию советских военнопленных заключили в лагерь Бомон в промышленном районе Артуа, на севере Франции. Здесь находились крупные шахты и рудники, нуждавшиеся в дешевой рабочей силе, и военнопленному лейтенанту Василию Васильевичу Порику пришлось стать шахтером.

Франция, свободолюбивая страна, затоптанная гитлеровскими солдатами. Ее хотели поставить на колени, сделать провинцией, которая давала бы Германии уголь, продовольствие, вино. Но трудовой народ Франции не стал на колени.

Василий почувствовал это сразу, а после того как невидимой рукой был взорван подъемник в соседней шахте, решил установить связь с французскими патриотами. С товарищами Степаном Кондратюком, Александром Ткаченко, Колесником и Доценко он разработал план первых диверсий. Начали с простого: подсыпали песок в шахтные машины, в вагонетки вместо угля подкладывали породу. Затем с помощью двух французских рабочих изготовили самодельную мину замедленного действия и подорвали подъездной путь к шахте.

Гитлеровская администрация усилила контроль за военнопленными. В бригады были подосланы шпионы, продавшиеся фашистам

за лишнюю миску овсяной баланды. В ответ Василий Порик и его люди провели под землей открытый суд над разоблаченным предателем. А вскоре еще двух мерзавцев нашли «заваленными» обвалом.

Пориком заинтересовалось гестапо. По совету французских друзей и с их помощью однажды ночью Василий скрылся. Через несколько дней в условленном месте его находят бежавшие следом товарищи. А еще через несколько дней в департаменте Па-де-Кале появляется небольшой партизанский отряд из советских людей. Это произошло в июле 1943 года. К этому времени на севере Франции уже действовало несколько отрядов французских патриотов. Ими руководила Французская коммунистическая партия. Отряд Порика вошел в контакт с французскими отрядами и все свои действия согласовывал с общими планами операций.

Сохранилась оперативная справка об отряде советских патриотов. В ней указывается: «...отряд Василия Порика начал свои действия в июле 1943 года... Уничтожено около 300 гитлеровцев, пущено под откос с разными войсковыми грузами и солдатами 11 фашистских поездов, взорвано 2 железнодорожных моста, сожжено 14 автомашин. Захвачено большое количество оружия и боеприпасов...»

О Порике узнали местные жители. О нем слагали легенды, похожие на быль. К нему потянулись люди, не желавшие больше мириться с рабством...

Василий Порик родился в небольшом украинском селе Соломирка, недалеко от Винницы. Окончив семь классов местной школы, поступил в сельскохозяйственное училище под Кировоградом. Работать агрономом пришлось недолго: в 1939 году его призвали в ряды Красной Армии. Командование заметило любознательного, умного паренька и направило на учебу в военное училище. Выпуск совпал с началом Отечественной войны, и молодой младший лейтенант, кандидат в члены ВКП(б), сразу же попал на фронт.

Пыльные дороги отступления. Окружение, плен. Бежал, добрался до родных краев, хотел податься к партизанам, но неожиданно попал в облаву, которая и решила его судьбу.

Французское антифашистское движение Сопротивления получило в лице Василия Порика выдающегося борца, смелого командира и хорошего организатора. Его преданность Родине, целеустремленность и настойчивость в борьбе, ненависть к врагам стали примером для многих. Невозможно без волнения читать публикуемое в книге письмо-отчет об одном из боев в департаменте Нор и побеге из тюрьмы Сен-Нисез. Выбравшись из тюрьмы, он некоторое время скрывался в доме семьи расстрелянного гитлеровцами коммуниста Гастона Офра, а затем снова стал во главе партизанского отряда.

14 июля 1944 года, в памятный день взятия Бастилии, Василий Порик участвует в тайном собрании французских коммунистов.

Одетый в форму лейтенанта Красной Армии, со шрамами от ран на лице, он торжественно обращается к соратникам по оружию. Эта речь была впоследствии размножена и распространена среди французских патриотов.

22 июля 1944 года его схватили. И в тот же день зверски убили.

Документы Василия Порика опубликованы в газетах «Известия» 21 апреля 1964 года и «Красная звезда» 22 апреля и 22 июля 1964 года.

21 июля 1964 года в газетах появился Указ Президиума Верховного Совета СССР. «За героизм и мужество, проявленные в борьбе против немецко-фашистских захватчиков во Франции в период второй мировой войны,— говорилось в нем,— присвоить лейтенанту Советской Армии Порику Василию Васильевичу звание Героя Советского Союза».

НАДПИСИ УЗНИКОВ ЛАГЕРЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ГОРОДЕ ЛАМСДОРФ

3 сентября 1943 г.—
15 июля 1944 г.

НА ДВЕРИ КАМЕРЫ № 8

Лучше смерть, чем фашистский плен!

Здесь сидел хронический беглец Лисица Иван Г. Посажен 3.9.43 г.

НА ДВЕРИ КАМЕРЫ № 14

Здесь сидел приговорен[ный] *к расстрелу за политическую работу казах Жакулбеков Коля (Дотцент)* [1]. *Бывший ст. л-т, танкист, я недавно прибыл сюда из Люблина, ожидаю смерти.*

Прощай, белый свет!

Прощай, страна моя родная!

Коля, 15/VII—44 г.

Во время оккупации Польши на ее территории гитлеровцы создали большое количество концентрационных лагерей, в которых содержалось и гражданское население, и военнопленные советские воины.

Когда советские войска приступили к очищению территории Польши от фашистских захватчиков, гитлеровские преступники,

[1] Вероятно, кличка.

опасаясь неминуемой кары, принялись уничтожать улики своих злодеяний. Они сжигали трупы казненных людей, взрывали лагерные постройки. Но масштабы их преступлений были настолько велики, что, несмотря на все их старания, они не могли замести следы.

При освобождении советскими войсками лагеря Ламсдорф в Польше на стенах бараков, на нарах, на дверях камер были обнаружены десятки надписей, сделанных обреченными на смерть советскими патриотами. Эти надписи — документальные свидетельства несгибаемой силы советских людей, сумевших в ужасных условиях гитлеровских застенков сохранить мужество.

Фотокопии надписей хранятся в Центральном государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства СССР (ф. 7021, оп. 102, д. 616).

НАДПИСИ СОВЕТСКИХ ПАТРИОТОВ НА СТЕНАХ ТЮРЬМЫ В ГОРОДЕ ОСТРОВЕ

Июль 1941 г.— июль 1944 г.

Никифорова Раиса, д. Волково, ст. Черская, Ворошиловской области, Полесского района, 1929 г. рождения, расстреляна 8 февраля в 4 часа 30 мин.

Здесь сидела Дроздова Валя, расстреляна 29 декабря в 3 часа 30 мин.

Прощай ты, воля.

Прощай ты, русский наш народ.

Маня.

Сошихинский район, Степановская волость, д. Тетерино, Кузьмина Раиса Павловна, 1922 г. рождения. С первого дня начала постепенно умирать. Вот уже две недели, как я нахожусь за тюремной решеткой. А теперь, когда перевели в эту камеру, совсем потеряла равновесие.

Предвижу только один конец — смерть. Прощай, свободный, радостный мир!

30/III были на допросе Андреева Вера и Ермолаева Анна. 13/IV расстреляли рано утром. 12/IV узнала о приговоре. Вспоминайте.

29/IV — вырыли другую яму. Ждем опять расстрела. Кто будет из знакомых, передавайте горячий привет родным и всей молодежи пос. Воронцово. Прощайте. Вера Андреева и Нюра Ермолаева. Подруги.

Нюру и Веру расстреляли 30-го.

Здесь сидела партизанка Нина.

П. Таисия, Славковский р-н, д. Мочево. Неудачно попавшаяся в плен. Погибаю за Родину.

Здесь сидела партизанка Клава из д. Котельн, Сошихинского района. Неудачно попавшая в плен в г. Острове. Погибаю за Родину.

Здесь сидел раненый партизан. Расстрелян. Погиб за Родину.

Ты не страшись за край родной,
Погибнем мы...
Но наши мысли оставят след глубокий свой.
Дуся Васякина — партизанка.

В период немецко-фашистской оккупации города Острова, Псковской области, с 1941 по 1944 год гестаповская тюрьма № 7 была превращена в место пыток и массовых убийств. В этой тюрьме содержали членов подпольной комсомольской организации города Острова, арестованных в августе 1943 года, советскую разведчицу Зою Круглову, отважную подпольщицу Л. Филиппову и многих других.

Когда город был освобожден советскими войсками, на стенах тюремных камер были обнаружены эти надписи. Они опубликованы в газете «Комсомольская правда» 11 октября 1945 года.

НАДПИСИ НА СТЕНАХ «ФОРТА СМЕРТИ» В ГОРОДЕ КАУНАСЕ

Июнь — июль 1944 г.

5 июня 1944 года расстреляна партия — 100 человек.

Рязанская область, Трубетчинский район. Вялкиной Марии Захаровне сообщите, пожалуйста, что я расстрелян за побеги из лагеря. Вялкин А. В. [1]

Макаев Гаджи Могаметович, 1919 года рождения. Кавказ, Дагестан, сел. Шавкра. 5 июля 1944 года прибыл... Прошу сообщить в Ковно, Яновская улица, № 108, Кардашевой Яне, или Яновская улица, 228, Баркуеву, что я расстрелян.

В 6 километрах северо-западнее Каунаса находится старое железобетонное крепостное сооружение. Это форт № 9, который жители Каунаса называли во время войны фортом смерти. Сюда

---

[1] Надпись сделана на внутренней стенке вещевой полки.

гитлеровцы сгоняли на уничтожение советских военнопленных и местных жителей. В камерах форта было расстреляно и сожжено свыше 70 тысяч человек. Здесь погиб старый коммунист, депутат Верховного Совета Литовской ССР Пранас Зибертас. Вместе с Виктором Куницкасом и другими коммунистами он возглавлял подполье Каунаса. Гитлеровцам удалось схватить П. Зибертаса. Все попытки сломить волю ветерана рабочего движения Литвы ни к чему не привели. Один из заключенных передал слова Зибертаса, сказанные им перед расстрелом: «Будьте непоколебимы! Наше дело правое! Если останешься в живых, расскажи партии и народу, что я умираю как большевик. Расскажи о моей смерти и передай, что я до конца остался верным большевистской партии».

Из уст в уста передавалась легенда о героических поступках подпольщицы комсомолки Янины Чижинаускайте. Когда ее вели на расстрел, она крикнула заключенным: «Они меня убьют! Но Литва будет бороться! Знайте же, Родина снова станет свободной!»

Заключенные не прекращали борьбы. В форте были созданы комитет сопротивления и комсомольская организация. Зимой 1943 года из форта бежали 60 смертников. Благодаря слаженности и долгой подготовительной работе они сумели преодолеть глубокий ров и 6-метровую каменную стену. Этот беспримерный подвиг говорит о мужестве и стойкости подпольщиков, которые не падали духом даже в гестаповских застенках.

Сохранились далеко не все надписи, сделанные узниками на стенах, нарах, тумбочках. Приведенные выше надписи были опубликованы в газете «Комсомольская правда» 20 декабря 1944 года.

ПРОЩАЛЬНОЕ ПИСЬМО ПОДПОЛЬЩИЦЫ О. Э. ГРЕНЕНБЕРГ СВОЕЙ ДОЧЕРИ РОМЕНЕ

2 августа 1944 г.



О. Э. Грененберг с дочерью Роменой

Моя милая Ромена!

Пытки и тюрьма меня не сломили. Когда меня поведут к месту казни, я пойду с поднятой головой и приму смерть с открытыми глазами...

Тебе, милая доченька, надо знать, за что пошла на смерть твоя мама, за что шли на смерть бесчисленные тысячи борцов. Мы защищали Советскую власть и идеалы Коммунистической партии. Это означает, что я отдаю свою жизнь за тебя, за твое будущее. И так — все! Мы идем на смерть за светлое буду-

щее и счастье молодого поколения. Я отдаю свою жизнь, чтобы ты, милая Роменочка, не знала ужасов войны и чтобы радость твоей молодости никогда не омрачала черная свастика...

Я нахожусь в камере, в которой сейчас нас 12 женщин коммунистического подполья. Силу нам дает уверенность, что наша борьба справедлива... Мы все решили, что по дороге к месту казни будем петь «Широка страна моя родная». Эту песню мы все хорошо знаем. Да, красива наша Родина! За нее стоит бороться. В нашей славной Родине и жизнь красива. Большинство из нас еще сравнительно молодые. Поэтому естественно, что мы любим жизнь, но мы жертвуем свои пламенные сердца, чтобы счастливы были все трудящиеся нашей прекрасной Родины, которые останутся жить после нас...

Моя милая Роменочка!

Когда ты подрастешь, ты так же должна любить свою Родину и, если нужно, уметь так же бороться за Родину, как это делали я и твой папочка.

Уже долго я нахожусь на пороге жизни и смерти. В июне многих увезли на расстрел, в июле — не меньше и в августе — наша очередь.

Мою могилу ты, милая доченька, никогда не найдешь. Всех расстрелянных палачи сбрасывают в одну общую яму и сравнивают землю, чтобы никто не мог ее найти.

Идя в последний путь, я в мыслях последний раз тебя нежно обласкаю и поцелую.

Учись, Роменочка, как полагается комсомолке, и работай, как настоящий ленинец, так как только в труде на благо общества человек находит подлинное счастье жизни.

Твоя мамочка Оля.

Это последнее материнское послание было написано в одном из гитлеровских застенков оккупированной Риги, где томились и уничтожались массы непокорных советских патриотов.

Ольге Эрнстовне Грененберг, латышке по национальности, было тогда 29 лет. Рожденная в семье революционера-коммуниста, прошедшего сквозь царские тюрьмы и ссылку, Оля выросла патриоткой. Юность ее прошла в старом русском городе Смоленске. Здесь она получила образование, здесь стала комсомолкой и здесь же встретилась с веселым и душевным русским парнем Сергеем Глушанковым; они поженились, а вскоре у них родилась девочка, которую назвали необычным именем — Ромена. Назвали ее так в честь известного французского писателя-гуманиста Ромена Роллана, с которым Глушанковы находились в дружеской переписке с 1935 года.

Когда началась Великая Отечественная война, Ромене не исполнилось и четырех лет. Отец ушел на фронт, а вскоре вслед за ним и Ольга. Они мечтали воевать вместе. Война же распорядилась по-другому. Сергей Венедиктович сражался под Ленинградом. А Ольга Эрнстовна была медицинской сестрой. Потом поступила в специальную школу, готовясь работать в подполье во вражеском тылу. Осенью 1941 года она выбросилась с парашютом над одним из районов Латвии. Приземлилась благополучно и направилась по условленному адресу. Ей нужно было войти в доверие к гитлеровцам и местным предателям. С помощью верных людей это Ольге удалось, и она устроилась работать в магазин аптечных товаров. Это позволило развернуть активную разведывательную деятельность.

С помощью других подпольщиков Ольга организовала выпуск листовок на русском и латышском языках. С ее участием в леса к партизанам переправлялось вооружение и боеприпасы, а бежавшие военнопленные снабжались надежными документами. Почти каждый день спускалась в подвал аптеки и по установленному там радиопередатчику передавала за линию фронта ценные сведения, в которых так нуждалось советское командование. Ее передачи велись с постоянным риском для жизни. Но она регулярно сообщала номера и численность новых воинских частей врага, прибывавших в район Риги, сведения о пропускной способности местных аэродромов, о настроении оккупантов и населения, о фактах сопротивления гитлеровцам...

Подпольная деятельность Ольги продолжалась почти 900 дней. 900 дней непрерывного риска и героизма! Сколько же пережила и перечувствовала за это время мужественная подпольщица — верная жена Сергея Глушанкова и любящая мать маленькой Ромены...

Ольгу схватили в одну из студеных ночей 1944 года. Сразу же начались пытки. Ее били изощренно, с расчетом. Но она молчала. Лицо, грудь кололи иголками, пропускали по телу электрический ток — враги надеялись узнать, с кем была связана, с кем работала.

И на этот раз они просчитались: Ольга молчала. Узнав о предстоящем расстреле, она написала последние слова своей дочери. 1 августа 1944 года это письмо она отдала своей тете, которая сидела в той же рижской тюрьме, но должна была выйти на волю. А на другой день Ольги не стало...

Письмо дошло до Ромены спустя 20 лет, когда ее нашли боевые друзья матери. Отец — ветеран и герой войны — умер в 1958 году. Ромена же, сама ставшая матерью, мечтает, чтобы ее дети были похожи на Ольгу Эрнстовну. Поиски родных О. Э. Грененберг продолжались много лет. И только 7 января 1969 года в газете «Правда» был опубликован очерк И. Курчавова, откуда мы и перепечатываем этот волнующий документ.

ПИСЬМО РИЖСКОГО ПОДПОЛЬЩИКА Х. ЛАПСЫ С ПРИПИСКОЙ Э. ИНДУЛЕНА ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РИЖСКОЙ ТЮРЬМЫ

26 августа 1944 г.

Ок. 10 часов вечера

Дорогая сестричка!

Ты, наверное, удивишься моей охоте писать, когда получишь от Петра это длинное письмо. Но ничего не поделаешь: перед тем как меня сегодня наградят 8 граммами свинца, хочу выложить все, что во мне за эти два месяца накопилось. В этом письме я больше не буду говорить о себе, а о тех несчастных товарищах, с которыми я был вместе. Так что вы за меня отомстите так, чтобы и их нечеловеческие мучения были отомщены в сто крат, чтобы они получили удовлетворение. Не знаю, сумею ли я это показать, но все же попытаюсь. Я видел выкопанных изуродованных немцами мертвецов, которые лежали в земле уже несколько месяцев. Тогда мне еще и в голову не приходило, что в таком положении увижу людей живыми и здесь же, в Риге, в погребах улицы Реймерса[1]*. Будь проклят этот дом со всеми его обитателями — и немцами-убийцами и послушными им палачами-садистами тобаками и другими собаками.*

Меня арестовали 2 июня сего года. В тот же день я был помещен в погреб этого ужасного дома. Сидел в первой камере, в которой среди 7—8 арестованных был также кузнец Клява, или Клявинь, насколько помню, из Огрской волости. Вначале я никого не замечал, ибо был взволнован своим арестом. Через пару часов успокоился и начал разговаривать со своими товарищами по несчастью. Каждый рассказывал о своих горестях и показывал на теле следы пыток. Вид был ужасный, но что-то невероятное открылось перед моими глазами, когда, немного колеблясь, с почти тупым выражением на лице снял рубашку сидящий все время в стороне 40—45-летний бледный мужчина — Клява. То, что мы увидели — это было уже не человеческое тело. Все тело от пяток до затылка было не как у других — синее или цвета радуги, а выглядело так, как будто несчастного живого жарили — все тело было набухшее, коричневого цвета.

Кузнец Клява рассказал о себе, что он женат, отец двух детей и в 1940—1941 гг. был профсоюзным активистом. За деятельность активиста после прихода немцев арестован, но после хороших отзывов соседей освобожден. Второй раз арестован в конце июля сего

---

[1] На улице Реймерса (теперь улица Коммунаров) в Риге в период немецко-фашистской оккупации находилось гестапо.

года и доставлен в Огрскую полицию СД. Там он был обработан так, как мы видели. Какой-то жалкий провокатор-осведомитель СД его обвинил в симпатиях к большевикам и что у него спрятан револьвер. За это несуществующее оружие латышские полицейские его били шесть дней подряд. Первый день был ужасным, второй еще ужасней, а в дальнейшем боли больше не чувствовал.

Господа убийцы в большинстве своем всегда были пьяны. Они посменно «работали» втроем, до тех пор, пока жертва не падала в обморок. Когда он очнулся, «работа» продолжалась. Как уже сказал, это продолжалось шесть дней, и тогда Клява был отправлен в Ригу. Арестовали и его жену, что с ней и детьми произошло, он, конечно, не знал. Этого несчастного мученика я встречал еще три или четыре раза при поездках на допрос. Что его и здесь били, об этом не надо даже говорить, ибо все «право» фашистов опирается только на нечеловеческое применение власти.

Видя последний раз Кляву после допроса, от ужаса и бессильного гнева не знал что начать. Через несколько часов его впустили в нашу камеру. Он явился не как живой человек, а как снятый со скамьи пыток мученик. Если бы товарищи по камере его не удержали и не посадили на скамью у радиатора центрального отопления, который он использовал для охлаждения своего разбитого лица, он бы упал. Мученик был в полусознательном состоянии: лицо его было ужасно избито, левое ухо немного оторвано, лицо в крови и набухшее, бледное как у мертвеца, за исключением следов, оставленных побоями. Я никогда не плакал, но когда я это увидел, у меня навернулись слезы.

С того времени у меня только одно желание: чтобы он и те другие, например Людвиг и Малвина Кукуревичи, которых убили 8 августа, были отомщены. Еще, милая сестричка, я тебе смог бы много рассказать, но мое время истекает — в любой момент меня повезут в Бикерниекский лес[1].

Сестричка! Ты всегда была настоящей советской женщиной, и твоя обязанность — постараться, чтобы в тот момент, когда этот прогнивший строй падет, имена тех несчастных мучеников, которые можно прочесть на стенах второй камеры Центральной тюрьмы, стали бы обвинителями этих проклятых гитлеровцев и еще более презренных латышских предателей — бангерских, тобаков и других убийц-садистов.

Все эти собаки должны получить по заслугам. Чтобы никогда не были забыты слова П. Озола на суде о том, что его били стеком, табуреткой, топтали ногами и что три дня после допроса у него вместо урины выделялась кровь.

Никогда нельзя простить этим выродкам то, что они морили

---

[1] Место массовых расстрелов под Ригой.

людей заваренной водой (похлебкой) до тех пор, пока они падали от голода и бессилия, как это случилось со мной.

Не забывайте вы, живые, что за каждый пустяк нас били по лицу и угрожали расстрелом. Мы переживали этот ужас каждую ночь, ожидая, когда поведут на виселицу или в Бикерниекский лес. Мы слышали стоны и крики своих товарищей, когда их увозили. Мы видели, что приведенный с допроса избитый умирал через полчаса, не приходя в сознание. (Такой случай был в 26-й камере первого корпуса. Свидетели — мои товарищи Андрей Грауд и М. Кланис.) Смерть кровавым собакам СД и помощникам немецких фашистов!

Я надеюсь, что ты не будешь сомневаться в истинности этого короткого письма. Все здесь написанное слишком бледно по сравнению с действительностью, но, как я уже тебе сказал, времени очень мало.

Не знаю, смогу ли я еще дописать этот листок. Поэтому попрошу тебя исполнить еще одно мое желание. Я верю и умру глубоко убежденным в том, что я и мой последний соратник Индулен и эти многие убитые и замученные борцы будут по достоинству отомщены и их родственники будут удовлетворены. Но я желаю, чтобы тогда, когда Латвия снова будет свободна и ты получишь это письмо, оно было бы опубликовано и оставшиеся в живых знали о том, как мы тысячами умирали.

Еще раз прошу тебя — из-за меня не грусти и не проливай слез, ибо я умираю за свои убеждения, сознавая, что много сделал для разрушения страны рабов — Германии и навеки останусь в памяти своих товарищей как человек, который не боялся ни правды, ни смерти.

Твой брат Хадо.

Привет всем от Инда, который все время в хорошем настроении и умрет, улыбаясь.

Э. Индулен.

Хадо Лапса и Эдуард Индулен — активные участники антифашистского подполья в Латвии. Под их руководством в Риге изготовлялись документы и паспорта для членов нелегальных антифашистских организаций. 2 июня 1944 года Хадо Лапса был арестован. Вскоре попал в гестапо и Эдуард Индулен. Утром 27 августа 1944 года советские патриоты были расстреляны. Последнее письмо Х. Лапсы из Центральной рижской тюрьмы опубликовано в газете «Циня» 10 января 1945 года (перевод с латышского).

ЗАПИСКА
КРАСНОАРМЕЙЦА Н. СУЧКОВА

Не позднее 9 сентября 1944 г.

Я отдал свою жизнь за нашу Коммунистическую партию, за наш славный комсомол, который меня воспитал.

Прошу вас, товарищи, передать нашему батальонному комсоргу этот листок. Пусть знает, что комсомолец не подвел в бою.

Эта записка была обнаружена после боя с фашистскими захватчиками у погибшего красноармейца Николая Сучкова. 18-летний комсомолец в пылу боя вырвался вперед и оказался в окружении врагов. Гранат у него не осталось, последние патроны были на исходе. Поняв, что живым от фашистов не уйти, Сучков на клочке бумаги успел написать записку. Копия ее хранится в ЦГАОР СССР (ф. 7021, оп. 128, д. 280, л. 143).

ПИСЬМО
ГВАРДИИ СЕРЖАНТА Г. АСАДОВА
РОДНЫМ

28 сентября 1944 г.

Уважаемые папа и мама!

Прежде всего посылаю привет и наилучшие пожелания. Если вы хотите спросить о моем здоровье, то я до сегодняшнего дня жив и здоров, чего желаю и вам.

Я сейчас нахожусь на фронте. Мама, знайте, что я давно не получаю писем от вас. Волнуюсь из-за дома, не знаю, как вы живете? Мама, за меня не беспокойтесь. Дай бог, если я не умру, где бы ни находился, обязательно вернусь домой. Если я получил бы весточку от дяди, тогда у меня не было бы никакого горя.

Я нахожусь в Румынии. Здесь такие горы, которые сразу не пройдешь. Сейчас здесь идут бои.

Мама, я всегда писал вам письма, но не знаю, вы получаете их или нет? Как получите это письмо, напишите ответ, может быть, я успею получить ваш ответ.

Мама, знаю, что теперь вам трудно жить. Папа, береги маленьких, не допускай, чтобы они в чем-нибудь нуждались. О чем еще мне написать? Сообщите, какие новости в нашей деревне? Где сейчас Талыш, Самед, Адыширин, Гуммат, Самандар, Закария, Гахроман, Авез, Новруз, Ашраф, Джумшуд и другие односельчане, которые были призваны в армию? Пишут ли они письма? От кого есть весточки?

Еще сообщите, кто председатель колхоза в селении, кто бригадир, кто председатель сельсовета?

Пишите и о том, как обстоит дело насчет обеспечения хлебом.

Пока до свидания.

Привет от меня друзьям, родственникам, тем, кто меня знает. До свидания.

Ваш сын Асадов Герай.

Герай Лятиф оглы Асадов родился в 1923 году в селе Шахсеван, Ждановского района, Азербайджанской ССР. Он был воспитанником Ленинского комсомола. В ноябре 1941 года добровольно вступил в ряды Красной Армии. Окончив полковую школу, сам начал обучать подчиненных искусству боя и владению различными видами оружия.

В предгорьях Кавказа вражеская пуля повредила ему правую руку. После выздоровления он вновь возвратился на фронт. Бывший колхозный пастух, Герай Асадов стал неустрашимым автоматчиком гвардейской стрелковой дивизии. Командование наградило гвардии сержанта Герая Асадова орденом Красного Знамени.

Близился конец войны. Наши воины стали освобождать Румынию. После того как гитлеровцы были выбиты из крупного населенного пункта в Северной Трансильвании — Худенна, в октябре 1944 года начались бои за город и большую железнодорожную станцию Мергит.

Фашисты упорно его обороняли. Огонь вражеских пулеметов, расположенных в станционном здании, преграждал путь советским солдатам. В эти напряженные минуты командир отделения сержант Герай Асадов стремительно пополз вперед. Он приблизился к зданию, где находились огневые точки, и метнул в них противотанковые гранаты. Огонь прекратился. Гвардейцы поднялись в атаку.

Неожиданно гитлеровцы снова открыли пулеметный огонь. У Герая Асадова были израсходованы все гранаты, и он повторил бессмертный подвиг русского солдата Александра Матросова. Советские бойцы ринулись вперед. Город Мергит был освобожден.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года гвардии сержанту Гераю Лятиф оглы Асадову посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Именем верного сына азербайджанского народа названа одна из улиц города Баку, а также колхоз в селении Шахсеван, где он родился.

Последнее письмо Герая Асадова, присланное журналистом Агазаде Ага Гасановичем в редакцию, хранится у родных героя.

ПИСЬМО
УЗНИКА ЗАКСЕНХАУЗЕНА
А. Д. РУСАНОВА
СВОИМ СООТЕЧЕСТВЕННИКАМ

Октябрь — ноябрь 1944 г. [1]



А. Д. Русанов

Победа наша. В эту победу я вложил свою лепту, но не пришлось посмотреть плоды своей работы, ибо страданию должен быть предел: пытки невыносимы.

Прощай, Родина и соотечественники.

Твой сын А. Русанов

Родину не предал, секретов не выдал. Да здравствует Родина!

С этим письмом, написанным на удостоверении личности, Александр Дмитриевич Русанов обратился к соотечественникам в последние минуты жизни. Спрятал его в железную коробочку, которую нашел советский солдат Василий Заболотный во время очистки территории бывшего концлагеря Заксенхаузен.

Александр Русанов родился в 1919 году в городе Тиме, Курской губернии, в семье портного. Сначала учился в средней школе, затем поступил в школу токарей. После этого работал в МТС и на заводе. Был призван в армию. Службу нес отлично. За мужество и отвагу в боях с белофиннами его наградили орденом Красного Знамени. Позже работал в органах НКВД на Украине.

Во время Отечественной войны Александр Русанов стал адъютантом начальника Украинского штаба партизанского движения. В январе 1943 года он был назначен начальником штаба партизанского отряда имени 25 лет РККА, а затем и его командиром. Отряд успешно провел ряд боевых операций в районе Хинельских лесов, на Сумщине. Во время боя с противником в селе Спарта Русанов был ранен в руку, но оставался в рядах партизан до полного разгрома вражеского гарнизона.

Весной 1943 года гитлеровское командование, стремясь взять реванш за поражение под Сталинградом, готовило крупную наступательную операцию «Цитадель» на Курской дуге. До открытия на фронте активных действий фашистское командование направило против украинских, орловских и курских партизан несколько диви-

[1] Датируется по времени казни А. Д. Русанова.

зий. Украинские отряды, расположенные в южной части Брянского леса, от Старой Гуты до Ново-Васильевских хуторов, оказались расколотыми на две части.

Оккупанты подвергли бомбардировке и обстрелу позиции партизан. Сумские отряды были прижаты к Десне. Связь с орловскими соединениями прервалась. В боях с сильным противником партизаны были обескровлены. Выбиваясь из последних сил, партизаны отряда Александра Русанова стойко защищались. Редели ряды бойцов. В одном из боев командир отряда был ранен и попал в плен. Но под покровом ночи ему вместе с товарищем удалось бежать. И тут они напоролись на мину. Русанова, израненного осколками, снова схватили. Сначала партизанского командира держали в гестаповской тюрьме в Орле, а затем в тюрьмах Лютцена и Берлина, а позже в концлагере Заксенхаузен.

Победа наша, в эту
победу я вложил свою
лепту, но не пришлось
посмотреть плоды
своей работы - ибо страда-
нию должен быть предел
пытки не выносимы
Прощай родина и соотечественники
твой сын А Русанов

Строки из прощального письма Русанова

Фашисты, чтобы добыть интересующие их сведения, применяли пытки, пускались на лесть и провокации. Все стерпел Русанов и остался верным сыном своей Родины.

В стихотворном письме, случайно попавшем в Советский Союз после войны, он бросает в лицо палачам гневные строки:

Урод! Кровопийца! Чего же ты хочешь?
Ведь я ничего не скажу,
Будь доволен тем, что забрали
Планшетку и карту мою.

Напрасно вы будете время терять...
Честность мою много знает людей,
Листовке они не поверят.
Не страшно погибнуть... Мне жаль одного:
Служил я для Родины мало,
Хотелось еще бы лет сорок прожить
Для нашего края родного.

Свидетелем несгибаемой воли и бесстрашия Александра Русанова оказался Михаил Иванович Иконников, которому удалось спастись из фашистского концлагеря. В письме к бывшему начальнику Украинского штаба партизанского движения Т. А. Строкачу Михаил Иванович писал:

«В годы Великой Отечественной войны мне пришлось встретиться с капитаном Русановым. Во время карательной экспедиции фашистов против партизан он, раненный, был взят в плен в Брянских лесах. В течение нескольких месяцев Русанов сидел в тюрьме Тегель, где я в этот период находился под следствием гестапо за подпольную работу среди военнопленных. Мне удалось случайно с ним познакомиться близко, даже два раза во время бомбежки я попадал в его одиночную камеру (я сидел на четвертом этаже, и нас обычно сводили вниз во избежание побегов).

Для нас, узников, Русанов был примером бесстрашия и непреклонности. Даже вахтманы его побаивались и уважали за стойкость и мужество. Я ему во многом обязан: он меня поддерживал морально, воодушевлял, учил, как себя вести на допросах, да и не только меня, но и многих других узников.

Капитан Русанов встречался в тегельской тюрьме с Мусой Джалилем и его товарищами, с которыми я тоже был знаком. Позже мне удалось спасти от гибели один из блокнотов со стихами Джалиля (этот блокнот я должен был передать Русанову, но не смог, так как его внезапно увезли из тюрьмы). Капитан Русанов был приговорен к смертной казни, и гестапо увезло его для уничтожения...»

Камера Джалиля находилась на втором этаже тюрьмы над камерой Русанова, и им удавалось часто разговаривать между собой. Способный к языкам, Александр немного знал татарский. С упоением читая страстные, полные патриотизма строки Джалиля, он и сам стал писать стихи. В них — любовь к Родине, Коммунистической партии и ненависть к фашистским убийцам, поправшим все самое дорогое на земле.

О последних днях жизни Александра Русанова сообщил бывший начальник отделения концлагеря Курт Эккариус. По его словам, Русанов в октябре — ноябре 1944 года находился в камере смертников, подвергался невыносимым пыткам. Накануне казни он вскрыл себе вены. Гестаповцы доставили его к тюремному врачу, надеясь еще добыть от него необходимые сведения. В первую же ночь Александр Русанов сорвал с себя бинты и скончался.

— Какая неодолимость духа! Не человек — огонь,— сказал о своем бывшем адъютанте Т. А. Строкач, прочитав предсмертные слова Александра Русанова.

Письмо А. Д. Русанова опубликовано в газете «Правда» 23 октября 1963 года.

ПИСЬМО, ЗАПИСИ И ПОСЛЕДНИЕ СЛОВА РИХАРДА ЗОРГЕ

26 июня 1941 г.—
7 ноября 1944 г.



Рихард Зорге

ПИСЬМО ТОВАРИЩАМ В МОСКВУ

26 июня 1941 г.

Выражаем наши лучшие пожелания на трудные времена. Мы здесь будем упорно выполнять нашу работу.

ИЗ АВТОБИОГРАФИИ

Март 1942 г.

Русская революция указала мне путь в международное рабочее движение. Я решил не только поддерживать его теоретически и идеологически, но и самому сделаться активной частью этого движения. С этого времени, принимая решения даже по личным вопросам, я исходил только из этого курса.

И сейчас, став свидетелем второй мировой войны, которая вступает в свой третий год, и особенно германо-советской войны, я укрепляюсь в своем убеждении в том, что решение, принятое мною 25 лет тому назад, было правильным. Я твердо могу сказать это, принимая во внимание все, что произошло со мной за прошедшие четверть века...

ИЗ ПРОТОКОЛОВ ДОПРОСОВ И РЕЧИ НА СУДЕ

27 марта 1942 г.

Защищая и оберегая социалистическое государство, мы, находясь на позициях коммунизма... поддерживали советскую Коммунистическую партию — руководящую силу Советского Союза...

Нет смысла... повторять, какую важную роль и значение имело строительство социализма в СССР... Если бы Советское социалистическое государство оказалось временно разбитым в результате нападения на него другого государства, дело мировой революции теоретически, вероятно, стало бы вопросом отдаленного будущего...

Главная моя цель заключалась в том, чтобы защищать социалистическое государство, чтобы оборонять СССР, отводя от него различного рода антисоветские политические махинации, а также угрозу военного нападения.

ПОСЛЕДНИЕ СЛОВА ПЕРЕД КАЗНЬЮ
7 ноября 1944 г.

— Да здравствует Коммунистическая партия, Советский Союз, Красная Армия!

Долгое время жизнь и борьба Рихарда Зорге — этого замечательного человека, пламенного коммуниста, талантливого разведчика — были окутаны тайной и домыслами. Теперь читатель знаком с книгами, фильмом и многочисленными документальными очерками, в которых на разных языках довольно подробно излагается славный путь Героя Советского Союза. Это звание присвоено ему Указом Президиума Верховного Совета СССР 5 ноября 1964 года.

Родился он в Баку в 1895 году в семье немецкого инженера Адольфа Зорге — родственника Фридриха Зорге, известного соратника К. Маркса и Ф. Энгельса. Рихарда увезли в Германию, когда ему исполнилось три года. Там он окончил школу и был призван в кайзеровскую армию во время первой мировой войны.

В окопах видел кровь и смерть солдат, возненавидел войну и шайку милитаристов, которая стояла за ней. На его сознание сильно подействовали нелегальные издания, которые ходили по рукам солдат и звали к борьбе за прекращение империалистической бойни.

«В 1918 году,— писал впоследствии Рихард,— я уже состоял в социал-демократической организации Киля...» В 1918—1920 годах он активно участвует в классовых боях немецкого рабочего класса, знакомится с Эрнстом Тельманом.

1925 год Рихард встретил в Москве. Здесь появилась новая партийная карточка. В ней значилось:

«Фамилия: Зорге.

Номер партбилета — 0049927.

Время вступления в партию — март 1925 года.

Наименование организации, выдавшей билет,— Хамовнический райком, Московская организация».

Став советским коммунистом, Рихард всецело отдается партийной работе, выполняет ряд заданий Коминтерна, пишет научные труды, статьи, доклады, рефераты и рецензии. Круг его интересов крайне широк: философия, экономика, право, политика. Особенно много он изучает новейшую историю Германии, Америки, стран Азии и Востока.

С 1929 года по поручению партии и велению сердца Рихард Зорге становится разведчиком. Много лет провел он в Японии, правящие круги которой активно готовились к войне с СССР. И все годы, выдавая себя за нациста, с помощью верных помощников,

таких, как Макс Клаузен, Ходзуми Одзаки, Бранко Вукелич, Анна Клаузен и др., он систематически по радио и иным каналам сообщал в СССР важнейшую внешнеполитическую информацию, особенно по вопросам подготовки войны Германией и Японией.

Японский историк Акира Фудзивара, изучив документ о советском разведчике, искренне изумился разносторонности, обилию и точности информации, проходившей через руки Зорге. «Такой детальной информацией,— восклицает историк,— не располагали подчас сами японские государственные деятели». Особенно ценными были сведения о времени нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, об итогах государственного совещания с участием японского императора 2 июля 1941 года и о решении японского правительства отложить войну с СССР.

Изредка в Москву на имя Екатерины Максимовой, жены Рихарда, приходили весточки, полные любви и заботы. «Моя любимая Катюша! Наконец-то представилась возможность дать о себе знать. У меня все хорошо, дело движется... Пытаюсь послать тебе некоторые вещи. Серьезно, я купил тебе, по-моему, очень красивые вещи. Буду счастлив, если ты их получишь, потому что другой радости я, к сожалению, не могу тебе доставить, в лучшем случае — заботы и раздумья...»

Август 1936 года. «Вот уже год, как мы не виделись, в последний раз я уезжал от тебя ранним утром. И если все будет хорошо, то остался еще год.

Все это наводит на размышления, поэтому пишу тебе об этом, хотя лично я все больше и больше привязываюсь к тебе и более, чем когда-либо, хочу вернуться домой, к тебе.

Но не это руководит нашей жизнью, и личные желания отходят на задний план. Я сейчас на месте и знаю, что так должно продолжаться еще некоторое время. Я не представляю, кто бы мог у меня принять дела здесь по продолжению важной работы.

Ну, милая, будь здорова!

Скоро ты снова получишь от меня письмо, думаю, недель через шесть. Пиши и ты мне чаще и подробней.

Твой Ика».

Через два года: «Когда я писал тебе последнее письмо в начале этого года (1938 год), то был настолько уверен, что мы вместе летом проведем отпуск, что даже начал строить планы, где нам лучше провести его.

Однако я до сих пор здесь...»

Одновременно сообщает своему руководителю: «Дорогой товарищ! О нас не беспокойтесь. И хотя мы страшно все устали и нанервничались, тем не менее мы дисциплинированные, послушные и решительные, преданные партии, готовые выполнить задачи нашего великого дела.

Сердечно приветствуем вас и ваших друзей. Прошу передать прилагаемое письмо и приветы моей жене. Пожалуйста, иногда заботьтесь о ней...»

В ответ на очередную шифровку из Москвы передает: «Дорогой мой товарищ. Получив ваше указание остаться еще на год, как бы мы ни стремились домой, мы выполним его полностью и будем продолжать здесь свою тяжелую работу».

7 ноября 1940 года: «Поздравляю с великой годовщиной Октябрьской революции, желаю всем нашим людям самых больших успехов в великом деле».

1 мая 1941 года: «Всеми своими мыслями мы проходим вместе с вами через Красную площадь».

После вероломного нападения фашистской Германии на Советский Союз Зорге и его группа активизировали работу, всячески препятствуя разжиганию антисоветской истерии в Японии. Главная задача — не допустить нападения Японии на СССР — требовала всех сил советского разведчика.

Когда он готовил для передачи в Москву шифрограмму: «Наша миссия в Японии выполнена. Войны между Японией и СССР удалось избежать. Верните нас в Москву или направьте в Германию», его схватили. Это случилось 18 октября 1941 года.

Тюрьма, наручники, бесконечные допросы, издевательства, томительные будни полного одиночества. Но ничто не могло сломить мужественного борца. Тогда-то, предчувствуя неизбежную расправу, он и написал автобиографию. В ней и в речи на суде он еще раз изложил свои коммунистические взгляды.

— Я коммунист,— с гордостью заявлял Зорге.

А когда в день Октябрьской революции — 7 ноября 1944 года — его возвели на эшафот, он умер со словами последнего приветствия Коммунистической партии и Родине.

Все сделанное Рихардом Зорге и его товарищами стало достоянием истории. Да, он стал легендарным, ибо до конца был верным непобедимому делу Ленина.

Письма и другие документы Героя Советского Союза Рихарда Зорге опубликованы в ряде советских изданий, в том числе в журналах «Международная жизнь» № 4 и 6 за 1965 год.

ПИСЬМА БРАТЬЕВ СТЕПАНОВЫХ

Декабрь 1941 г.—1944 г.

ПИСЬМО КОМАНДИРА ПУЛЕМЕТНОГО ВЗВОДА 310-го СТРЕЛКОВОГО ПОЛКА МЛАДШЕГО ЛЕЙТЕНАНТА ИВАНА СТЕПАНОВА МАТЕРИ ЕПИСТИМИИ ФЕДОРОВНЕ

Декабрь 1941 г.

Знай, маманя, что я до последнего дыхания буду помнить тебя и всю нашу семью. Я о вас никогда не забываю — и в дни, когда смотрим смерти в лицо. Может случиться, что мы больше не увидимся в жизни никогда. Ведь страшная здесь идет война и погибают тысячи людей, а боев впереди еще много и много.

Моя последняя надежда: может, это письмо получишь, и этот кусочек бумаги будет напоминать тебе о сыне Иване и его любви к матери и ко всей нашей семье.

ПИСЬМО ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА АЛЕКСАНДРА СТЕПАНОВА МАТЕРИ

Ноябрь 1942 г.

Мама, почему Вы тоскуете о нас? Наоборот, Вам надо гордиться тем, что у Вас столько сыновей на фронте с оружием в руках защищают любимую Родину.

Скоро, мама, мы возвратимся домой с победой. А если суждено будет нам погибнуть, то знайте, что мы погибли за счастье советских людей, за мир и счастье на земле.

ПИСЬМО КРАСНОАРМЕЙЦА ФИЛИППА СТЕПАНОВА ЖЕНЕ

1944 год.

Жалей детей. Когда они вырастут, то пусть жалеют тебя и бабушку. Это мое пожелание. Если, может, меня не будет, то письмо береги, покажешь им, когда будут большие.

Письма с фронтов Великой Отечественной войны в станицу Днепровскую, что раскинулась на Кубанщине, в семью Степановых приходили часто: семеро сыновей Епистимии Федоровны Степановой ушли в разное время на фронт.

Глава семьи — бригадир колхоза имени Г. М. Димитрова Михаил Николаевич — скончался в 1933 году. Летом 1918 года белобанди-

ты растерзали 17-летнего Александра Степанова в отместку за помощь семьи Степановых молодой Красной Армии. 20 августа 1939 года, проявив исключительный героизм и мужество, пал в боях у реки Халхин-Гол Федор Степанов. Не случись этого, Степановых-фронтовиков в годы Великой Отечественной войны было бы больше...

Но с войны вернулся только один сын — Николай, да и то весь израненный. И он вскоре умер.

В конце 1941 года перестали приходить письма от Ивана. До войны он работал в колхозе, редактировал колхозную стенгазету, был активистом райкома комсомола. Окончил Орджоникидзевское Краснознаменное военное училище, воевал с белофиннами, был комсоргом роты. Когда началась война с фашистами, ушел на фронт. Был в окружении, он партизанил в лесах Минщины. Похоронен в братской могиле в деревне Драчково, Смолевичского района, Минской области.

Подобная судьба сложилась и у Василия. Сначала его считали пропавшим без вести, но потом выяснилось: оказался в партизанах. В начале ноября его взяли каратели, держали в Покровской тюрьме, а 1 декабря расстреляли. Похоронен в братской могиле в селе Сурско-Михайловка на Днепропетровщине.

Одним из первых добровольцем ушел на фронт Илья. Был тяжело ранен, писал домой: «Живу я хорошо. Нитки попались крепкие, и живот держится крепко. Правда, внутренний шов разошелся, но это не имеет большого значения. Да, скоро будем давать фрицам перцу».

Командир роты 70-й отдельной танковой бригады, капитан, коммунист Илья Степанов геройски погиб 14 июля 1943 года в битве на Курской дуге, захоронен в братской могиле в селе Афонасове, Калужской области.

Пали в боях за Родину Павел, Филипп, Александр-младший.

Александр Степанов часто писал домой — и маме, и сестре Валентине, шутливо подписываясь: «Твой брат мизинец». Рота, которой командовал 20-летний коммунист, старший лейтенант Александр Степанов, одной из первых вырвалась к Днепру. Приказ был короток: с ходу форсировать водную преграду, закрепиться на том берегу и обеспечить подход основных сил наступающей армии. Бойцы, увлекаемые Степановым, добрались до правого берега, захватили семь домов на окраине села Селище. А далее все изложено в наградном листе, составленном командованием части после успешного исхода боевой операции: «Патроны кончились. Тов. Степанов продолжает в упор расстреливать наседающего врага из личного оружия, уже свыше 15 солдат и офицеров убиты, враг наседает. Тогда Степанов погибает от взрыва собственной гранаты. Вместе с ним гибнет группа фашистских мерзавцев...»

Посмертно Александр Михайлович Степанов удостоен звания Героя Советского Союза.

Филипп был знатным человеком в станице, лучшим бригадиром колхоза. Его фотографию как передовика сельского хозяйства в апреле 1941 года печатала «Правда».

В 1943 году Филипп раненым попал в фашистский плен и замучен в лагере 326 Форелькруз, под Падерборном.

Все Степановы мечтали вернуться к родному очагу и заняться мирной работой. Но дорога к нему пролегла через войну. И они, подобно тысячам других советских людей, неустрашимо шли этой великой дорогой...

О судьбе семьи Степановых впервые рассказала 14 апреля 1974 года «Комсомольская правда».

ПИСЬМО РАДИОТЕЛЕГРАФИСТКИ А. В. КОЛБАТОВОЙ РОДНЫМ

12 декабря 1944 г.



А. В. Колбатова

С Новым 1945 годом!

Здравствуйте, дорогие мои — мамуля, Лидия и Тамарочка. Крепко целую вас несчетно раз и желаю доброго здоровья. Да, скоро Новый год. Каков он будет? Конечно, без сомнения год окончательной победы над проклятым врагом. Ведь до Берлина осталось совсем недалеко.

Мамулька, родная, не падай духом, скоро вернусь и непременно встретимся! Роднулечка, за меня не беспокойся, ведь у меня все в порядке, живу хорошо по-прежнему. Ну а как окончится война, я тебе заготовлю почву на веселого жениха, только непременно веселого!

Пишите, как только будет свободное времечко. Пишите обо всем, о вашей жизни и жизни родного города. Как занимается и работает Тамарочка. Привет всем знакомым и родным, крепко, крепко целую вас несчетно раз.

Остаюсь ваша прежняя курносая — Сашка.

Александра Колбатова родилась 19 марта 1923 года в Ленинграде. Училась в школе, мечтала стать спортсменкой. Окончив семилетку, подала заявление в техникум физкультуры. Война застала Сашу инструктором физкультуры в одном из ремесленных училищ Выборгской стороны города Ленинграда. Голодная блокадная зима,

вражеские налеты и обстрелы наполнили сердце Саши лютой ненавистью к врагу. Она поступила на курсы медсестер и, окончив их в начале 1943 года, добровольно ушла на фронт.

Часть, в которой она служила, после прорыва вражеской блокады отошла на отдых. И в это время девушке предложили учиться радиоделу. Она с увлечением взялась за учебу и вскоре стала радисткой. Опять начались боевые будни.

Однажды почтальон принес матери Саши — Евдокии Федоровне — фронтовое треугольное письмо. Это была весточка не от дочери, а от командира части.

«С чувством глубокого уважения и гордости за своего бойца пишу Вам это письмо-благодарность. Ваша дочь — Александра Васильевна — молодая девушка-воин, но опытный и преданный Родине боец. Приятно видеть Сашу, всегда и во всем показывающую пример дисциплины, смекалки, храбрости и выносливости, этих замечательных качеств русской девушки-бойца. Правительство высоко оценило заслуги Вашей дочери, наградив ее медалью «За боевые заслуги». Наша часть гордится Вашей дочерью, которая никогда не посрамит чести своей Родины и чести своей любимой матери. Желаю Вам, дорогая Евдокия Федоровна, здоровья и сердечно благодарю Вас».

Шел 1945 год — год победоносного завершения Великой Отечественной войны. 334-й Краснознаменный стрелковый полк, в котором служила Саша, успешно продвигался вперед, освобождая Польшу. Отважная девушка получила уже второй орден — Красной Звезды. Все ближе радостный день окончания войны. Советские воины выбивали врага из местечка Тлединец, северо-западнее города Пултуска. Враг отчаянно сопротивлялся. Огонь вражеской батареи не давал поднять головы бойцам. Саша получила задание скорректировать артиллерийский огонь, с тем чтобы подавить врага. Девушка, захватив рацию, поползла вперед. Устроившись в одной из воронок, Саша начала работу. Но в этот момент снаряд поразил мужественную радистку.

Письмо Александры Васильевны Колбатовой сохранилось в ее семье.

НАДПИСИ НА СТЕНАХ ЗДАНИЯ КОНЦЕНТРАЦИОННОГО ЛАГЕРЯ В ГОРОДЕ КАУНАСЕ

1944 г.

Отомстите за нас! Пускай весь мир знает и поймет, как зверски уничтожали наших детей. Наши дни уже сочтены, прощайте!

Пусть весь мир знает и не забудет отомстить за наших невинных детей. Женщины всего мира! Вспомните и поймите все зверства, которые произошли в XX веке с нашими невинными детьми. Моего ребенка уже нет...

В июле 1941 года наши войска вынуждены были оставить город Каунас. Оккупанты создали на территории города многочисленные лагеря для военнопленных. Тяжелые антисанитарные условия, невероятная скученность, голод и болезни, расстрелы вели к массовой гибели военнопленных и мирных советских людей, заключенных в этих лагерях.

К концу 1943 года в бывший лагерь для военнопленных возле аэродрома в Каунасе были пригнаны мирные жители — мужчины, женщины и дети. Количество заключенных в лагере достигло полутора тысяч человек, из них около трехсот детей. В начале 1944 года гитлеровцы насильно отобрали у заключенных детей в возрасте от шести до двенадцати лет и увезли в неизвестном направлении. Один из свидетелей этого бесчеловечного преступления фашистов рассказал: «На моих глазах происходили душераздирающие сцены: у матерей немцы отбирали детей и отправляли неизвестно куда, а многие дети погибли при расстреле вместе с матерями».

После освобождения Литовской ССР Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников обнаружила внутри лагеря на стенах здания надписи об этом злодеянии. Некоторые из них опубликованы в газете «Правда» 20 декабря 1944 года.

ЗАПИСКА ПОДПОЛЬЩИЦЫ ИЗ ГОРОДА СЛУЦКА [1]

1944 г. [2]

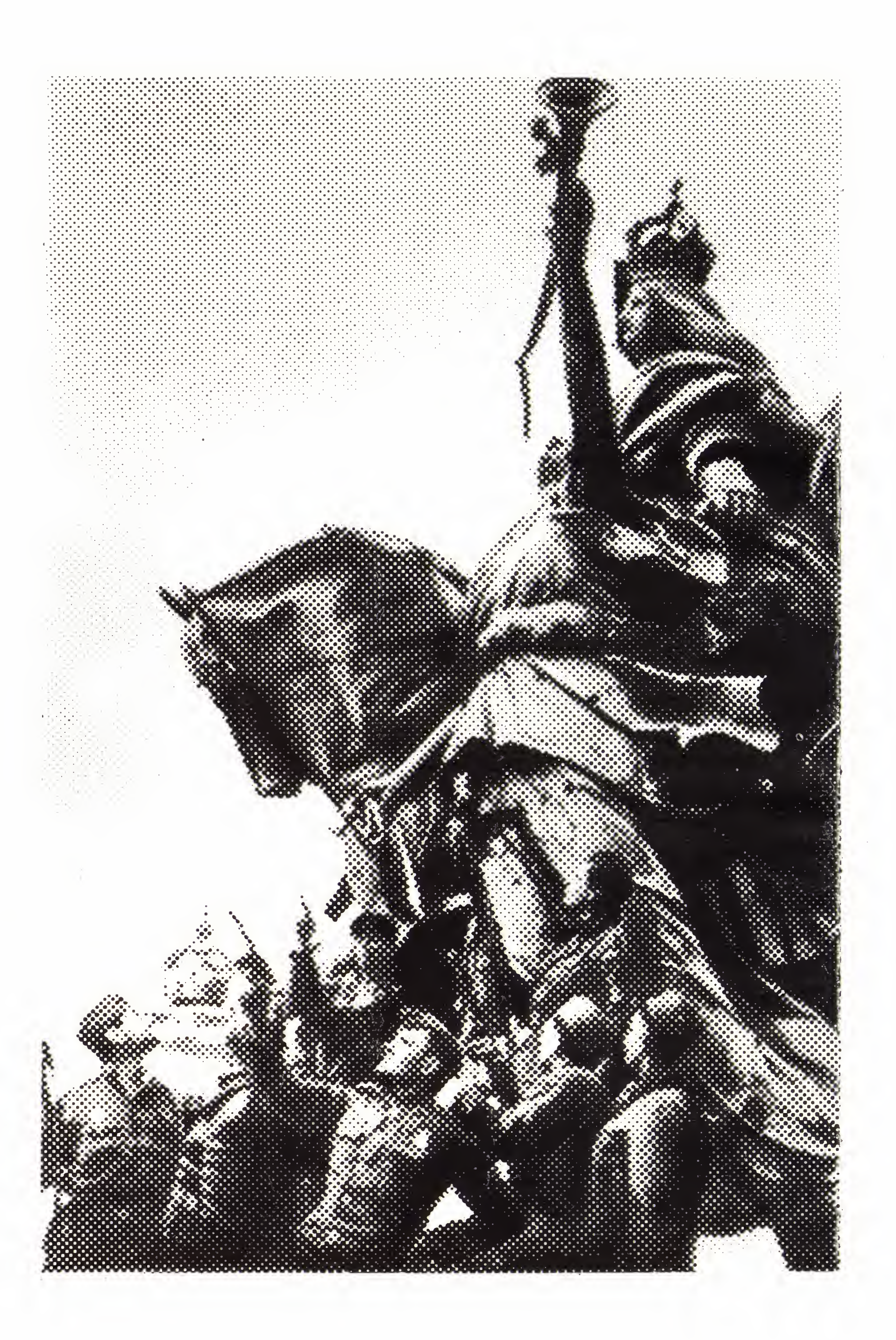
Боря, нас ночью убьют; поганые чувствуют, что им скоро конец. Я им в лицо сказала, что наша возьмет. Боря, ты меня прости, что я

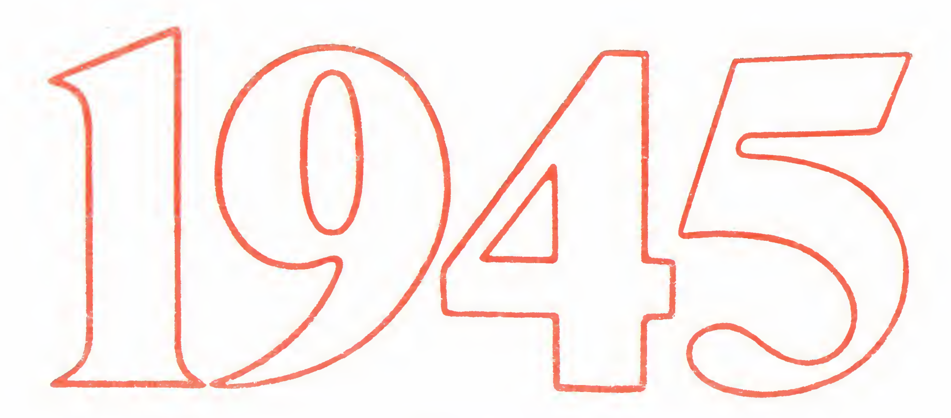
[1] Фамилия юной подпольщицы осталась неизвестной.

[2] Датируется по содержанию.

тебя огорчила. Знаешь, не всегда так говоришь и делаешь, как хочется, а я тебя так люблю, так люблю, что не умею сказать. Боря, я сейчас прижалась к тебе, и ничего мне не страшно, пусть ведут. Вчера, когда очень били, я про себя повторяла: «Боренька», а им ничего не сказала — не хочу, чтобы они слышали твое имя. Боренька, ты прощай, спасибо тебе за все!

Записка написана 19-летней девушкой из Слуцка на листочке, вырванном из тетрадки. Фамилия подпольщицы не установлена. Опубликована в газете «Комсомольская правда» 1 января 1945 года.





Пишу письмо перед началом боя.
Заговорят орудия сейчас.
И может быть, на солнце золотое
Сегодня я гляжу в последний раз.

Но я пойду, уверенный в победе,
Расстреливать без промаха врага.
Коль сам погибну — живы будут дети,
Моя отчизна будет жить века.

ФАТЫХ КАРИМ,
погиб в боях на подступах
к Кенигсбергу
в феврале 1945 года.

ПИСЬМО БОЙЦА П. М. НЕСМЕЛОВА

21 января 1945 г.

Дорогой товарищ!

Если ты найдешь это письмо, когда я буду мертв, ты должен знать правду... Я долго отстреливался, мы держали рубеж до последнего патрона. Много истребили немцев. Отстоять рубеж не удалось. Сейчас я лежу раненный в ногу. Тут же лежит раненый и контуженый солдат Тимофей Стефанишин. Вчера мы лежали с ним от восхода солнца до темноты на огороде, около груды дров, боясь себя обнаружить. Когда потемнело, нашли укрытую траншею. Здесь провели ночь. День 21 января тоже приходит к концу. Ни вчера, ни сегодня мы не кушали. Подняться и пойти в дом опасно: кругом немцы. На муки врагу не хочется попасть. Ждем, придут наши...

Скоро ночь. Что будет впереди, не знаем. Может быть, погибну.

Я прошу тебя, товарищ, напиши письмо моему отцу и семье. Я был в плену в Румынии два с половиной года и, несмотря на то что, выйдя из лагеря, имел тяжелые увечья, после освобождения из плена домой не пошел... Домой я писал, из дому ответа не получил. Там отец, мать, жена и два сына, ждут, небось, чтобы вернулся. Их адрес такой: Горьковская область, Ветлужский район, Галкинский сельсовет. Несмелову Михаилу Антоновичу.

Вот и все. Желаю счастливо закончить войну и не попасть в такое несчастье, как я.

Прощай, друг!

21.I—45 г.

Несмелов Павел М.

До войны Павел Михайлович Несмелов преподавал историю в средней школе. Он всецело посвятил себя благородному делу воспитания молодежи. Школьники души не чаяли в нем, учителя относились с большим уважением.

В начале войны Павел Михайлович ушел на фронт. В январе 1942 года Несмелов был ранен. Лечился в феодосийском госпитале. Когда город захватили фашисты, Павел Михайлович оказался в плену. Но вскоре советские войска освободили Феодосию, и Несмелов вновь участвует в боях с гитлеровцами.

Жизнь Павла Михайловича оборвалась трагически. В один из боев он попал в плен. Фашисты, перед тем как расстрелять, безжалостно истязали его. Изуродованное тело П. М. Несмелова советские воины нашли 24 января 1945 года в районе западнее деревни Надьвеньим (западный берег Дуная, в 8 километрах юго-западнее города Дунапентеле). В кармане гимнастерки было обнаружено его последнее письмо, которое майор Горюнов направил в редакцию фронтовой газеты «Советский воин». В письме Горюнов писал:

«Товарищи воины Красной Армии! Несмелов Павел Михайлович и Стефанишин Тимофей были найдены около полузакрытой траншеи, истерзанные немцами. У Несмелова были отрезаны уши, нос, нижняя губа, пальцы правой руки, после этого его застрелили. У Стефанишина выколот правый глаз и отрезан нос.

Майор *М. Горюнов.*

1/II—45 г. Полевая почта 01805».

Напечатав эти письма, газета «Советский воин» обратилась к защитникам нашей Родины со следующими словами:

«Воины нашего фронта!

Павел Несмелов твердо верил, что мы придем не сегодня, так завтра.

Мы пришли. Мы заглянули в обезображенные лица замученных бойцов. Мы прочитали потрясшее нас письмо пламенного патриота.

Пусть же гремят, не смолкая, тысячи залпов в отмщение за двух наших товарищей! Пусть без пощады уничтожают фашистское отродье наши автоматы, пулеметы, минометы и пушки! Пусть от левого фланга до правого фланга весь наш фронт ответит на черную подлость врага карающим огнем!..

Нет меры звериной жестокости немцев!

Нет меры нашей святой ненависти к фашистскому зверю!»

Страшное известие о гибели друга потрясло М. Дмитриева — бывшего директора школы, в которой преподавал П. М. Несмелов. Дмитриев направил вырезку из газеты и свои воспоминания об учителе-патриоте в редакцию «Учительской газеты» для опубликования. На страницах той же газеты жена Павла Михайловича Несмелова — Жагар Эдит рассказала о жизненном пути мужа.

Письма опубликованы в «Учительской газете» 18 апреля 1945 года.

ПИСЬМА ЛЕЙТЕНАНТА В. ТОНИЯНА РОДНЫМ

Конец декабря 1944 г.— 7 февраля 1945 г.

...Родные мои! Скоро Новый год. Он принесет нам счастье и радость. В 45-м году закончим войну. Это — последний год. Дальше — радостная, светлая жизнь. Что таить наши думы, у всех у нас, фронтовиков, они одни: скорей кончить войну и вернуться к мирной, трудовой жизни...

* * *



В. Тониян

...Папочка!

За время нашей разлуки я сильно возмужал. Много повидал. Расширился мой кругозор. Видел много хорошего и плохого. Видел смерть не раз, смотрел ей в глаза не раз. Горел несколько раз, был ранен. Своих шрамов на лице я не стыжусь. Ими будет гордиться моя Родина. Я знаю, что переживания обо мне прибавили седины на твоей голове. Думы обо мне не дают тебе ночью спать. Успокойся, папочка милый, все будет хорошо. А сейчас я хочу поговорить с тобой, как мужчина с мужчиной.

У меня в Самарканде осталась девушка. Я ее считаю своей невестой. Извини, что об этом раньше не писал. Девушка недурная, умная. Хорошо воспитанная. Учится хорошо. Простая, серьезная, вдумчивая, тактичная. Маме я писал о ней. Узнайте ее ближе. Она в письмах своих много о вас пишет. Иногда, очень редко, она бывает у нас дома. Вы увидите, что я в своем выборе не ошибся. И не считайте мои отношения с ней каким-нибудь стыдным, нехорошим делом... Между нами самые искренние, хорошие отношения. Я бы желал, чтобы у многих юношей и девушек были такие отношения. Этот вопрос надо разрешить и положить конец недоговоркам и молчанию. Вы должны знать все. От вас ничего не собираюсь скрывать.

* * *

...Я каждый свой поступок не забываю, анализирую, делаю выводы, замечаю ошибку и стараюсь не повторять ее. Если я сделал глупость или допустил оплошность, я долго не могу простить себе. Это хорошо. Своими родителями, сестрой и братом и вообще всей нашей семьей я могу гордиться. И хороших традиций нашей семьи я всегда буду придерживаться. В нашей части и командование, и товарищи, и подчиненные уважают меня. Провожу беседы и лекции на очень серьезные темы. Часто мне говорят: «Спасибо Вашим родителям. Хорошего сына воспитали». Это вам, мои дорогие, спасибо!

Целую вас всех крепко и обнимаю.

До скорой встречи.

Ваш младший сын Вова.

Лейтенант Вартан Тониян часто вспоминал о далеком и солнечном Самарканде, в котором он жил и учился. Окончив десятилетку, Вартан стал воином Красной Армии. С каждым днем приближался час победы. Во время боев за местечко Фраймарк, в Восточной Пруссии, 7 февраля 1945 года вражеский снаряд подбил самоходное орудие Вартана Тонияна. Сам командир был ранен. Тем не менее он бросился на помощь товарищам. Пулеметная очередь сразила мужественного командира.

О смерти Вартана Тонияна сообщил родителям его близкий друг — лейтенант Баранов. О нем в одном из писем своим родителям Вартан писал: «Своего друга, Баранова, я несколько раз выручал. Это я его машину, подбитую, вытаскивал с поля боя. Весь наш боевой путь прошли мы вместе, одной миной нас ранило. Хороший он, умный, милый паренек. 24 года. На лицо молодой, совсем мальчик. Но в бою он страшный...» В кармане гимнастерки погибшего товарища Баранов вместе с документами обнаружил трогательный русый локон. Он принадлежал той девушке из Самарканда, о которой говорил ему Вартан. Тут же хранилось маленькое письмо, подписанное всеми учениками его класса.

«Дорогой друг Володя! — говорилось в письме.— В этот знаменательный день, когда ты уходишь от нас... защищать нашу Родину от фашистов, коллектив нашего 10-го «А» класса выражает тебе чувства дружбы и уважения, как хорошему товарищу и комсомольцу. Будь тверд, вынослив, дисциплинирован, таким, каким тебя воспитала наша школа. Будь предан нашей горячо любимой Родине...»

Письма опубликованы в газете «Красная звезда» 14 июля 1945 года.

НАДПИСЬ МЛАДШЕГО ЛЕЙТЕНАНТА И. М. ЛАНДЫШЕВА НА КОМСОМОЛЬСКОМ БИЛЕТЕ

15 марта 1945 г. [1]

Не ощущая страха, не чувствуя усталости в руках, я буду бить врага и до последней капли крови буду предан Родине своей!

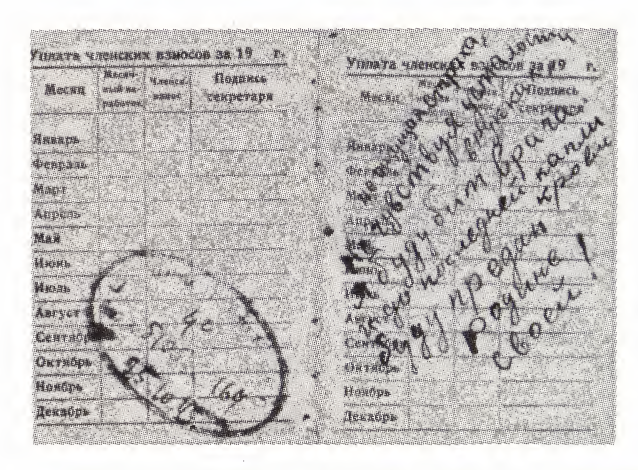


И. М. Ландышев

В марте 1945 года вместе с войсками 3-го Белорусского фронта, разобщив и прижав к морю вражескую группировку в Восточной

[1] Датируется по времени гибели И. М. Ландышева.

Пруссии, части 2-го Белорусского фронта под командованием Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского повели наступление в Померании. Гитлеровские войска терпели поражение, но яростно огрызались.



Уплата членских взносов за 19 г.

Месяц	Месячный заработок	Членские взносы	Подпись секретаря
Январь			
Февраль			
Март			
Апрель			
Май			
Июнь			
Июль			
Август			
Сентябрь			
Октябрь			
Ноябрь			
Декабрь			

Буду бит врага до последней капли крови

Буду предан Родине своей!

Комсомольский билет И. М. Ландышева

Бои разгорелись в середине марта на штеттинском направлении: наши части натолкнулись на глубоко эшелонированную оборону противника. Враг закопался в землю.

Подразделение, в котором воевал младший лейтенант И. М. Ландышев, с ходу прорвало первую линию обороны фашистов и завязало бой перед второй линией траншей. Бойцы, прошедшие суровую школу четырехлетней войны, захватывали одну позицию за другой. В разгар боя был убит командир роты. Тогда командование ротой принял на себя командир одного из взводов 20-летний комсомолец младший лейтенант Иван Михайлович Ландышев. Отдав необходимые распоряжения, он повел бойцов за собой. Наши подразделения ворвались в окопы противника и завязали рукопашную схватку. Во время ее И. М. Ландышев был тяжело ранен, но, несмотря на неоднократные предложения товарищей отправиться в тыл, не оставил позиций и продолжал руководить боем. Чувствуя, что силы его оставляют, он вынул комсомольский билет и на последней странице кровью, сочившейся из ран, написал завещание.

Иван Михайлович Ландышев погиб 15 марта 1945 года. После боя товарищи похоронили героя на польской земле.

Комсомольский билет И. М. Ландышева хранится в Центральном музее Советской Армии (инв. № 4/5105).

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ВОЕННОПЛЕННОГО КРАСНОАРМЕЙЦА Б. Н. НОЗДРИНА

16 марта — апрель 1945 г. [1]

г. Веспрем, на оз. Балатон, Венгрия.
16 марта 1945 г.

...Я чувствую скорое освобождение меня от рабства. И в это время мне хочется описать всю свою жизнь, вспомнить все. Мне хочется описать те ужасы, которые творили немцы с покоренными людьми. Мне хочется описать всю ненависть к чуждому. Мне хочется описать всю любовь к России, которую я ощущаю, особенно сейчас. Я представляю, как хороша будет жизнь после войны, как будут уважать люди друг друга после этих тяжелых испытаний войны. Люди будут ценить друг друга...

У меня есть Россия. Я ей принадлежу всем своим существом, и жизнь моя для нее. А в России есть моя родина — Сибирь и красивое село Ушур, а там живет моя любимая с простым русским именем Маша. Там нет яблок и винограда, но там есть орехи, всякие ягоды, там мы вырастим и сады. Где бы я ни был, но о Сибири я никогда не забывал. Ее богатства, тайга — золотой лес и пушнина, ее поля — вторая Украина. А какая прекрасная ее будущность!..

Апрель 1945 г. Австрия.

Нас осталась половина — всех перебили. Вот уже два дня мы ничего не ели и работаем больше всех. Ночью работаем и днем. Меня покидают силы.

Родина! Увижу ли я тебя такой, которую я видел во сне. О родная моя Россия, непокоренная родина моя. Слова привета шлю тебе из тяжелого плена. Я мысленно гуляю по просторам Сибири, но силы покинули меня...

Минск
Барановичи
Люблин
Ужгород
Будапешт
Веспрем
Шарвар

Это мой каторжный путь. Я постараюсь припомнить все, все места, все издевательства, весь каторжный путь. Я опишу все, все, если буду жив, то напишу книгу «В плену».

Сейчас кое-что восстанавливается в моей памяти, и только одну дату я помню. Это было в январе, 17 или 18, 1942 г. Я был сильно

[1] Датируется по первой и последней датам записей.

ранен в голову около деревни Оскуй, Ленинградской области, Чудовского района. И больше я ничего не помню.

Я очутился и опомнился в Минске, в лагере военнопленных. Я помню, около меня сидел студент в роговых очках, Костя, и пленный солдат — не то казах, не то башкир — Бисинчакеев. Потом ворота открыли и втолкнули старика. Он шел, растопырив руки, шевелил губами, что-то хотел сказать, но, видимо, не мог. По седой длинной бороде стекала кровь, а на лысой голове виднелась окровавленная рана — ему вырезали пятиконечную звезду. Он прошел еще немного и упал, потянулся, как после сна, и замер, с открытыми глазами. Мы подошли. «Профессор!» — воскликнул Костя и заплакал. Он мне рассказал, что это профессор, у которого он учился.

В Ужгороде меня встретила хорошо одетая русская девушка — Нина Морозова из Гомеля. Она просила меня убить ее, т. к. она под страхом оружия живет с немецким офицером. Я не убил ее, а переодел в солдатскую мужскую одежду, и она жила с нами за пленного солдата. Она долго жила с нами, потом солдаты из охраны заметили, что она девушка, и один немецкий солдат надругался над ней и зарезал у нас на глазах[1].

Борис Николаевич Ноздрин, 1921 года рождения, попал в плен в январе 1942 года, будучи раненным в голову в бою у деревни Оскуй Чудовского района Ленинградской области. Находился во многих лагерях военнопленных: под Минском, Барановичами, Люблином, Ужгородом, Будапештом, Веспремом, Шарваром. Когда советские войска вступили в Венгрию и Австрию, фашисты решили уничтожить русских военнопленных. Вместе с тысячами других советских людей в начале апреля 1945 года был расстрелян и Б. Н. Ноздрин. Записная книжка была обнаружена в кармане френча Б. Н. Ноздрина, когда советские бойцы хоронили трупы замученных гитлеровцами людей. Все записи в ней сделаны карандашом. Записная книжка Б. Н. Ноздрина хранится в Центральном архиве ЦК ВЛКСМ (инв. № 4690/4).

ЗАВЕЩАНИЕ БОЙЦА В. И. ЧУРСИНА

16 апреля 1945 г.

Завещание

Иду в бой с полным сознанием задачи, поставленной партией коммунистам.

И если погибну, то знаю, что отдал жизнь за Родину. Прошу боевых товарищей не останавливаться, пока не увидят стен Берлина.

16/IV—45

К сему В. И. Чурсин.

---

[1] На этом дневник обрывается.

Владимир Иванович Чурсин родился в 1925 году. На фронте в марте 1944 года вступил в ряды Ленинского комсомола.

Шли последние дни войны... Гитлеровские войска отчаянно сопротивлялись. На подступах к Берлину и в самом городе была создана мощная система укреплений, сосредоточено около миллиона солдат, большое количество боевой техники.

Завершающий удар советских войск по фашистской Германии был нанесен в период с 16 апреля по 2 мая 1945 года войсками 1-го Белорусского, 1-го Украинского.

Перед боем за Берлин 19-летний комсомолец Владимир Чурсин написал завещание. В бою он пал смертью храбрых. Бойцы похоронили отважного комсомольца, а на комсомольском билете героя написали: «Его завещание товарищи выполнили с честью — Берлин у нас под ногами». Завещание и комсомольский билет В. И. Чурсина хранятся в Центральном музее Советской Армии (инв. № 4/5093).

ПИСЬМО КРАСНОАРМЕЙЦА П. ЯБЛОЧКИНА

Не позднее 25 апреля 1945 г. [1]

Мама.

На отдыхе я. А поэтому есть время с тобой поговорить.

Очень жаль, что разговор наш будет последний. Хорошо бы ты это письмо никогда не получала, а дождалась бы меня.

Я напишу его и буду носить на груди, если убьют, хоть и запоздало, но все же мы с тобой, как раньше, вдвоем потолкуем.

Я ушел на время от вас. Ты не плачь, мама! Я тебя только прошу о сыне — об Алешке. Ведь у него тогда и отца не будет. Погладь ты его по головке, сказку ему расскажи и за меня поцелуй.

Вот уже год, как я из плена бежал. А за полгода в плену чего я не видел! Нас заставляли насильно смотреть. Мама, трудно представить и в голове поместить. Я как вспомню, так думаю, будь они, слова, чтоб выругать, трудно для них подобрать. Тысячу раз всеми народами мира в преисподней прокляты так, чтобы вечно смердили и черви земные и те бы отказались от них.

Стариков, пожилых стариков аккуратно друг против друга рядами в землю по пояс живыми зарывали, паклю расстилали меж ними. Облив керосином и из пламя услышав душу раздирающие вопли, проклятые, они деревянно, как идолы, все хохотали.

Мама.

Таких ребятишек, как Алик, из рук матерей вырывали и тут же, взявши за ноги, с размаху в колодец бросали.

---

[1] Датируется по содержанию: 25 апреля 1945 года советские войска завершили освобождение Восточной Пруссии от гитлеровских войск.

Я в бога не верил, ты, мама, знаешь. Но в эти минуты просил всю вселенную, душою просил, чтоб не лопнули нервы. Многие из нас не могли устоять, падали или на помощь бросались, им в ноги стреляли и тут же плетьми с них одежду снимали. Солью, как мясо, тела методично обливали водой, чтоб память пришла, посыпали [1] *и, разъярившись, как звери, уже мертвых они на куски разрубали.*

Напакостив, гады, они удирают. Как призраков, сейчас боятся нас. Но правда настигнет и везде их найдет. Суд им правдивый, суровый народ всего мира за бездну страданий и муки после войны учинит.

Ты не плачь. Я не умер, а ушел от вас, мама, как многие ушли, такие же, как я. Ушли мы в борьбе за народ, сметая с земли варварство, рабство. Ушли за будущее светлое не только нашего, но и всех народов земли.

Мама. Вот кончится война, подлечит глубокие раны страна, и снова вольготно народ заживет. Глядишь, и мой Алик школу кончит, на машиниста учиться пойдет.

Бесчеловечно, стыдно будет тем, кто поможет опять разнуздать таких, как вот эти. Весь мир не допустит, чтобы гунны вторично на землю сошли.

Стройте, живите, трудитесь, учитесь, и, если вы нас хотите почетней почтить, в короткое время дружнее разбейте врага и раны войны залечите, для всех счастливую жизнь создайте...

Прощайте, Алик и мама! Обоих крепко целую.

Я засиделся. Иду отдыхать. Товарищи мои — чудо-воины — спят.

Ваш Яблочкин Павел.

Павел Яблочкин, колхозник из села Якшино на Волге, с первых дней войны был на фронте. Попал в плен, бежал и снова с оружием в руках бил врага. Был награжден орденами. Погиб в боях в Восточной Пруссии весной 1945 года. Это письмо, пропитанное кровью сына, было доставлено матери. Копия письма хранится в архиве газеты «Правда» (отдел писем, 1945 г., № 65555, л. 11—12).

---

[1] Так в тексте.

ПИСЬМО
КОМАНДИРА ТАНКОВОЙ РОТЫ
ГВАРДИИ СТАРШЕГО ЛЕЙТЕНАНТА
А. П. ДОЛГОВА МАТЕРИ

1 мая 1945 г.



А. П. Долгов

Мама!

Ты, наверное, совсем устала! Сколько тебе выпало дел, дорогая! Как ты там справляешься со всей оравой — трудно представить.

Мамочка, я прошу тебя, хоть не волнуйся за меня. У меня все хорошо. Дело простое, солдатское — воюем. Стараемся поскорее добить фашистов. Когда окончится война и мы соберемся все вместе, я расскажу тебе о себе много-много, как я здесь жил, как мы воевали.

Ты все пишешь мне, чтобы я был осторожнее. Я прошу простить, мама, но это невозможно. Я командир. А с кого же будут брать пример солдаты, если их командир в бою начнет думать не о том, как бы выиграть бой, а как бы спасти свою шкуру. Ты, мама, понимаешь, что я не могу этого делать, хотя, конечно, очень хотел бы пройти всю войну и остаться живым, чтобы снова вернуться в родной город, встретиться со всеми с вами.

Целую.

Саша.

Александр Петрович Долгов родился в 1917 году в селе Большое Томилово, Чапаевского района, Куйбышевской области. Отец Александра — Петр Васильевич Долгов — до революции был батраком, затем рабочим завода. Рано оборвалась жизнь Петра Васильевича. Четверо малолетних детей остались на руках матери — Варвары Дмитриевны.

С 13 лет Александр работал в колхозе, а когда подрос, по призыву комсомола — на заводе Чапаевска. В 1937 году он уехал на Куйбышевский судоремонтный завод, был там электриком. В сентябре 1938 года его призывают в армию.

Прощаясь с матерью, сестрой и братьями на перроне Куйбышевского вокзала, в ответ на их наказ честно выполнить свой воинский долг он сказал: «Не беспокойтесь, не подведу». Когда японские милитаристы вторглись на территорию Монгольской Народной Республики в районе реки Халхин-Гол, в составе частей Красной Армии был там и красноармеец Александр Долгов. В августе 1939 года японские войска были разгромлены. Долгов, как лучший боец, направляется на учебу в Читинскую полковую школу. С отличием

окончив ее, он вернулся в свою часть. Но вскоре опять война и снова фронт, где почти четыре года мужественно сражался комсомолец Александр Долгов. В 1942 году в одном из боев Долгова ранило и тяжело контузило. В госпитале узнал, что его наградили орденом Красного Знамени. Из госпиталя он направляется на учебу в танковую школу, а после ее окончания, получив отпуск, лейтенант Долгов приехал в родную семью.

Как ни хорошо было среди родных, раньше положенного срока поспешил в часть. На прощание сказал: «Сейчас не до отдыха, надо торопиться... Вы уж простите, что уезжаю раньше, душа болит, так и просится в бой».

Через несколько дней с фронта пришла открытка: «Брат, сообщаю: жив-здоров. Получил боевую машину. Вот это вещь. Теперь повоюем и зададим же мы немцу...»

Танковая часть 1-го Белорусского фронта, в состав которой входила танковая рота гвардии старшего лейтенанта Долгова, гнала врага к Берлину. Бесстрашному командиру было дано ответственное задание — на одном из участков прорвать оборону гитлеровцев. Александр Долгов собрал танкистов, рассказал о задачах роты и призвал их драться по-гвардейски. Как всегда, первым в атаку пошел танк командира. Своим умением и бесстрашием Долгов увлекал бойцов. И вот советские танки прорвали оборону и ворвались в Берлин.

С 26 апреля по 2 мая в городе развернулись ожесточенные бои. Утром 30 апреля советские войска овладели зданием рейхстага и водрузили на нем Знамя Победы.

1 мая во время вражеского минометного обстрела А. П. Долгов погиб на одной из улиц Берлина. Берлин пал. Третий раз в истории русские войска прошли под Бранденбургскими воротами.

Указом Президиума Верховного Совета СССР А. П. Долгову было присвоено посмертно звание Героя Советского Союза. В связи с этим Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. М. Шверник писал матери героя — Варваре Дмитриевне Долговой: «Ваш сын — гвардии старший лейтенант Долгов Александр Петрович в боях за Советскую Родину погиб смертью храбрых... Посылаю Вам Грамоту Президиума Врехoвного Совета СССР о присвоении Вашему сыну звания Героя Советского Союза для хранения как память о сыне-герое, подвиг которого никогда не забудется нашим народом».

Герой Советского Союза Александр Долгов похоронен в городе Циленциге, ныне Суленцин (Польская Народная Республика).

Биографические данные А. П. Долгова уточнены в шестом издании по замечаниям, присланным в редакцию Е. А. Ягодинским.

Предсмертное письмо опубликовано в газете «Чапаевский рабочий» (г. Чапаевск, Куйбышевская область) 8 мая 1960 года.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ

Г57 **Говорят** погибшие герои: Предсмертные письма советских борцов против немецко-фашистских захватчиков (1941—1945 гг.) / Сост. В. А. Кондратьев, З. Н. Политов.— 8-е изд., доп.— М.: Политиздат, 1986.— 398 с., ил.

Со страниц этой книги говорят те, кто погиб смертью храбрых в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в 1941—1945 гг. Письма и документы, представленные в сборнике, писались в последние минуты жизни — в застенках гестапо, в тюрьмах и концлагерях, во время тяжелых боев с гитлеровскими войсками. В этих письмах звучит страстный призыв к победе над фашизмом. Патриоты завещают современникам и потомкам продолжать борьбу за светлое будущее человечества, за прочный мир между народами. В 8-е издание вошли новые документы.

Книга переиздается по просьбе многочисленных читателей. 7-е издание выходило в 1982 году. Книга адресована массовому читателю.

Г $\frac{0505030202—043}{079(02)—86}$ 121—86

63.3(2)722
9(С)27

ГОВОРЯТ ПОГИБШИЕ ГЕРОИ

Предсмертные письма советских борцов против немецко-фашистских захватчиков (1941—1945 гг.)

Восьмое, дополненное издание

Заведующий редакцией *А. И. Котеленец*
Редактор *Л. И. Стебакова*
Младший редактор *С. В. Вершинская*
Художник *Е. А. Крылов*
Художественный редактор *О. Н. Зайцева*
Технический редактор *О. В. Лукоянова*

ИБ № 5443

Сдано в набор 06.12.85. Подписано в печать 05.06.86. А00077.
Формат $60 \times 84^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 23,25. Усл. кр.-отт. 28,83 в бумажном переплете, 28,13 в тканевом.
Уч.-изд. л. 23,87. Тираж 300 000 (1—150 000) экз. Заказ 1339. Цена 1 р. 10 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

Победа на
победу я в
Ленину, но н
посмотрев б
своей работ
нию долже
и ошибки не в
Трошой родина
твой сын Я

...щина) в эту
...прошёл свою
...е пришлось
/ плоды
...ты – ибо страда-
...ем быть пред-
...енно сильны
и соотечественник
...Русскову

1 р. 10 к.



Пускай ты умер!..
Но в песне смелых и сильных духом
всегда ты будешь живым примером,
призывом гордым к свободе, к свету!

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

ГОВОРЯТ ПОГИБШИЕ ГЕРОИ